МИР В ВОЙНАХ

ГЕРМАН ГЕРИНГ – МАРШАЛ РЕЙХА

Г. Гротов

МИР В ВОЙНАХ

ГЕРМАН ГЕРИНГ – МАРШАЛ РЕЙХА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой книги — наци № 2 рейха Герман Геринг, личность сложная, загадочная, во многом еще не познанная. Как и к другим нацистским бонзам, к нему нельзя подходить однозначно. Автору удалось найти малоизвестные и совершенно не знакомые отечественному читателю материалы, проливающие свет на жизнь Геринга, прошедшего путь от прославленного воздушного аса первой мировой до Нюрнбергского эпилога…

«Геринга погубили тщеславие и трусость», — утверждают большинство биографов рейхсмаршала. Так ли это на самом деле? Перед вами жизнь Железного Генриха, Толстяка, героя Германии и… узника собственных пороков.

- Генрих Гротов
  -
  - Вместо пролога — нюрнбергский эпилог
  - В тени отца
  - Геринг идет на войну
  - Пилот-истребитель
  - Катастрофа
  - В чуждом мире
  - Путч
  - На игле. Излечение
  - Трехгрошовая опера
  - Смерть Карин
  - Прорыв к власти
  - Министр авиации
  - Обвинитель
  - Кровопускание
  - Геринг снова женится
  - Опять болеутоляющие
  - «Ох уж эти евреи!»
  - Крушение последних надежд
  - Геринг — коллекционер
  - «Барбаросса»
  - Отступление на всех фронтах
  - Под грохот рушащегося рейха
  - Дорога в Нюрнберг
  - Прощальный жест
  - Эпилог
  - От издателей
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Генрих Гротов
Герман Геринг — маршал рейха

МИР В ВОЙНАХ

ГЕРМАН ГЕРИНГ — МАРШАЛ РЕЙХА

Г. Гротов

Москва «ОЛИМП» 1998 Смоленск «РУСИЧ»

Вместо пролога — нюрнбергский эпилог

Начнем с конца — с 20 ноября 1945 года. В этот день в Нюрнберге, где нацисты с 1933 по 1938 год ежегодно устраивали свои партийные съезды — помпезные пропагандистские мероприятия, призванные демонстрировать «общенациональное единство» в рейхе, начался судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников. По обвинению в соучастии в заговоре с целью подготовки и развязывания агрессивной войны, а также военных преступлениях и преступлениях против человечности перед судом предстали высшие государственные и военные руководители «третьего рейха».

Процесс начался с оглашения 20 ноября 1945 года обвинительного акта, после чего на протяжении четырех месяцев американские, английские, французские и советские обвинители зачитывали суду документы, произносили гневные речи, показывали фильмы и заставляли свидетелей подробно излагать свои тягостные истории. Потом наступил черед обвиняемых давать показания.

Герман Геринг должен был выступать 13 марта 1946 года. Он, разумеется, давно ждал этого дня и изрядно нервничал.

— Я по-прежнему не признаю правомочность этого суда, — сказал он тюремному психологу, доктору Гилберту, перед началом заседания. — Я мог бы сказать, как Мария Стюарт, что могу быть судим только судом пэров, — он ухмыльнулся. Потом пожал плечами и добавил: — Отдавать руководителей чужого государства под иностранный суд — случай в истории уникальный по своей бесцеремонности.

Но когда пробил его час, он был к нему готов. На протяжении четырех дней ему пришлось подробно и терпеливо вспоминать и излагать историю национал-социалистической партии и своих отношений с Адольфом Гитлером касательно своей жизни и деятельности на протяжении почти четверти века. Даже его враги признали, что это было действительно яркое выступление. Геринг полностью вспомнил все, что с ним происходило, и это сослужило ему хорошую службу на тот момент, при этом он придавал каждому эпизоду, каждой беседе, которые описывал, особую краску и выразительность, создавая у слушателей живое ощущение, и это, надо признать, производило впечатление. По ходу его рассказа зал то застывал в напряжении, то погружался в

задумчивое молчание, и впервые за время процесса в его тягостной атмосфере все явственнее начал ощущаться дух исторической драмы.

В конце первого дня его выступления даже отнюдь не питавший к нему симпатий Альберт Шпеер, бывший министр вооружений и боеприпасов, а теперь тоже подсудимый, признал, что это было волнующее действо. На его взгляд, оно по-своему символизировало трагедию немецкого народа, и он сказал так:

— Видеть его (Геринга. — *Авт.)* таким серьезным и лишенным всех регалий и драгоценных побрякушек, ведущим свою последнюю защиту перед трибуналом, после всего его могущества, блеска и напыщенности, было действительно *erschüttern*[1].

Сам Геринг выразился так:

— Вы должны понимать, что, пробыв в заключении почти год и просидев на этом суде четыре месяца не говоря ни слова, я испытывал сильное напряжение — особенно первые десять минут. Единственное, что мне сильно досаждало, — это дрожь в руках, которую я никак не мог унять. — Он вытянул вперед руки. — Теперь видите? Они почти не дрожат.

‘Захватывающим *(нем.)*.

На следующий день Геринг продолжил свое выступление, потом был третий день, и всякий раз, когда в заседаниях объявлялся перерыв, он спешил к доктору Гилберту (ему не было разрешено разговаривать с другими обвиняемыми) и вопрошал:

— Ну как? Ведь нельзя сказать, что я держался трусливо, правда?

Действительно, он устроил внушительное представление и знал, что производит хорошее впечатление на аудиторию. Геринг не пытался уклониться от ответственности.

— Мне хотелось бы подчеркнуть, — в какой-то момент сказал он, — что, хотя я получал устные и письменные приказания и команды от фюрера на издание и отправление этих постановлений, я беру на себя всю ответственность за них. Под ними стояла моя подпись. Это я издавал их. И, следовательно, я ответствен и не намерен как-то прикрываться приказами фюрера…

Он оправдывал существование национал-социалистического государства, заявляя:

— Я поддерживал его принцип и я продолжаю его одобрять осознанно и безусловно. Никому не следует игнорировать то обстоятельство, что политические устройства разных стран имеют различное происхождение, различные истории. То, что очень хорошо подходит для одной страны, для другой, возможно,

совершенно не годится. Германия после многих веков монархии привыкла к принципу верховного руководителя.

Он помолчал, затем добавил:

— Это тот же самый принцип, на котором основываются римская католическая церковь и руководство СССР.

Геринг признал свою роль в создании гестапо, но отверг обвинение в том, что смотрел сквозь пальцы на проявления «крайностей», допускавшихся гестаповцами и эсэсовцами.

— В то время, когда я был непосредственно связан с гестапо, такие эксцессы имели место, как я уже открыто заявлял, — сказал он. — Чтобы виновные после этого понесли наказание, следовало, само собой, сначала установить факт нарушения. Меры воздействия применялись. Должностные лица знали, что, если они будут допускать подобные вещи, они рискуют быть наказанными. Наказаны были многие. Как дело обстояло потом, я сказать не могу.

Он признал свою роль в перевооружении Германии:

— Разумеется, мы перевооружались. Я сожалею только, что мы не вооружились лучше. Да, я смотрел на договоры, как на клочки туалетной бумаги. Естественно, я хотел сделать Германию великой.

Для него это был суд не только над нацистскими руководителями, но и над самой Германией. Свои действия он объяснял чувствами патриотизма и верности Гитлеру. Что касается нежелания Гитлера прислушиваться к его советам или к советам генералов, он заметил:

— Каким же образом будет управляться государство, если перед или во время войны, решение о которой принимают его руководители, каждый генерал будет сам решать, сражаться ему или нет, отправится его армейский корпус воевать или останется дома… Тогда это право следует предоставить также и всем рядовым солдатам. Возможно, это будет способ избежать войн в будущем — если спрашивать каждого солдата, хочет он вернуться домой или нет. Возможно — но только не в «фюрерском» государстве.

Наконец его дача показаний завершилась, и уставший от долгого напряжения Геринг вернулся в камеру, попросив, чтобы свет через оконце, которым она освещалась, был приглушен, и «предался размышлениям о своей судьбе… и своей роли в истории», — как написал впоследствии Гилберт.

Союзники были немало обеспокоены эффектом, который произвело выступление Геринга. В их числе был известный английский юрист сэр Норман (позднее лорд) Биркетт, который должен был замещать лорда-судью Лоуренса. Он вел записи во

время процесса и в связи с этим отметил:

«Геринг — это человек, который сейчас реально завладел процессом, и, что весьма примечательно, он добился этого, не сказав на публике ни слова до того момента, как встал на место для дачи показаний. Это сам по себе замечательный успех, который проливает свет на многое из того, что было скрыто в последние несколько лет. При этом он сам был очень сосредоточен, когда предъявляемые суду свидетельства требовали внимания, и засыпал, как ребенок, когда они не представляли для него интереса. Совершенно очевидно, что на скамье подсудимых оказалась личность выдающихся, хотя и направленных, как видно, во зло качеств».

Биркетт с удивлением открыл, что ни один из его коллег не ожидал обнаружить у Геринга такие интеллект и находчивость.

«Никто, похоже, не был вполне готов столкнуться с его обширными способностями и познаниями, — написал он, — с таким пониманием всех деталей захваченных документов и совершенным владением ими. Было очевидно, что он изучал их с большой тщательностью и прекрасно разбирался во всех вопросах, что может иметь для процесса опасные последствия».

Он так охарактеризовал Геринга на этой стадии суда:

«Вежливый, проницательный, находчивый и блистающий острым умом, он быстро уловил ситуацию, и с ростом его уверенности в себе его искусство выступать становилось все более очевидным. Его самообладание также достойно упоминания, и ко всем остальным своим качествам он добавил резонирующие тона низкого голоса, а также сдержанное, но выразительное использование жеста».

Биркетт просто отдал должное тому, чему он был свидетелем, при этом его беспокойство, сквозящее между строк, очевидно. Никому из союзников не хотелось, чтобы Геринг покинул зал суда героем, и теперь все свои чаяния они связывали с главным обвинителем от Соединенных Штатов судьей Робертом Джексоном. Уж он-то поставит его на место!

Однако этого не произошло. Те, кто следил за поединком между главным американским обвинителем и главным из оставшихся в живых лидеров германского рейха, который в основном сам вел свою защиту, вскоре с чувством неловкости пришли к выводу, что американец явно не «тянул». Судья Джексон не соответствовал уровню Германа Геринга. Джексон не только не читал краткого письменного изложения дела и не «подучил» дома историю Германии. Он слабо знал факты, которыми пытался оперировать. Он неоднократно давал Герингу возможность поправлять себя — что тот делал с иронично-

почтительной готовностью и безграничной учтивостью. Его вопросы были составлены так, что Геринг время от времени мог пускаться в долгие рассуждения, и его было трудно остановить.

Вскоре Джексон начал раздражаться, совсем запутался и Геринг устроил настоящее шоу, стараясь помочь ему. Из перекрестного допроса, от которого столь многого ожидали, выяснилось только, что Геринг делал все что мог ради сохранения мира, старался помогать евреям, был против войны с Россией, не поджигал рейхстаг и, несмотря на все «бзики» вождя, всегда оставался ему верным. Что позднее и откомментировал Биркетт:

«Геринг проявил себя очень способным человеком, постигающим цель каждого вопроса почти сразу же, как только его формулировали и произносили. К тому же он был хорошо „подкован“ и имел в этом отношении преимущество над обвинением, так как всегда был полностью в курсе поднимаемого вопроса. Он владел сведениями, которых многие из числа обвинителей и из членов трибунала не имели. Поэтому ему вполне удалось отстоять свои позиции, а обвинение фактически не продвинулось со своей задачей ни на дюйм. Драматическое сокрушение Геринга, которое ожидалось и предсказывалось, безусловно не состоялось».

По существу, противостояние в суде для Геринга закончилось, когда обвинитель Джексон в ярости швырнул свои наушники во время одного из обстоятельных и убедительных ответов Геринга, так что смущенный лорд-судья Лоуренс был вынужден объявить перерыв. Потом были еще перекрестные допросы, которые вели и Джексон, и французский, и британский, и советский обвинители, но никому из них не удалось реально поколебать имидж, который создал себе Геринг.

Когда слушание закончилось, он, выйдя из зала, сказал своим товарищам по несчастью:

— Если вы будете вести себя хотя бы наполовину так, как держался я, все будет нормально. Но вам следует быть очень осторожными. Каждое сказанное вами слово может быть обращено против вас.

…Выступления Геринга со своими показаниями и его перекрестный допрос окончились 22 марта 1946 года, а заключительные речи обвинителей прозвучали только через четыре месяца, 26 июля. За это время эйфория, которую он испытывал после завершения защиты, улетучилась. Его «геройский» ореол постепенно потускнел из-за последующих свидетельств нацистских злодеяний. Заключительная речь в его защиту, произнесенная его адвокатом доктором Штамером, в которой все сотворенное Герингом зло было списано за счет его

преданности фюреру, «этой преданности, которая стала его несчастьем», уже никак не помогла.

Геринг выглядел таким же уставшим от суда, как почти все присутствовавшие на нем. Суд длился уже девять месяцев и большинство людей в мире, поначалу внимательно следивших за его ходом, теперь волновали другие вещи.

Судья Джексон выступил с речью-резюме по итогам результатов судебного следствия со стороны американцев и на этот раз красноречием частично компенсировал свою неуклюжесть при допросе Геринга. О Геринге он сказал:

— Он являлся наполовину милитаристом, наполовину гангстером. Он приложил свою толстую руку почти ко всему… Он в равной степени является специалистом и по резне политических соперников, и по скандалам с целью устранения упрямых генералов. Он создал люфтваффе и обрушил их на своих беззащитных соседей. Он принадлежал к числу главных инициаторов депортации евреев из страны.

Выбросив указующую руку в сторону всех обвиняемых, судья провозгласил:

— Если вы собираетесь сказать об этих людях, что они невиновны, то это будет все равно что заявить, будто не было войны, не было убийств, не было преступлений.

Сэр Хартли Шокросс, главный обвинитель от Великобритании, высказался так:

— Ответственность Геринга за все эти дела трудно отрицать. При своем кажущемся добродушии он являлся таким же деятельным созидателем этой дьявольской системы, как и прочие. Кто, кроме Гитлера, лучше него знал о том, что происходит, или имел больше возможностей влиять на развитие событий… Более века назад Гете сказал о немцах, — что придет день, когда судьба покарает их, «покарает, ибо они обманывают себя и не желают быть тем, кем они являются. Грустно, что они не ведают притягательности правды, отвратительно, что мгла, дым, неистовство и бесстрашие так милы их сердцу, печально, что они простодушно подчиняются любому безумному негодяю, который обращается к их самым низменным инстинктам, который поддерживает их пороки и учит их понимать национализм как исключительность и жестокость».

Сэр Хартли сделал паузу, перевел строгий взгляд на обвиняемых и, остановив его на Геринге, продолжил:

— Это был глас провидца, ибо вот они — эти безумные негодяи, которые творили те самые дела.

Выходя из зала суда после окончания заседания, Геринг бросил Риббентропу:

— Ну вот, видели? Это все равно как если бы мы не проводили никакой защиты.

— Да, это было пустой тратой времени, — согласился тот.

Обвиняемым было предоставлено право произнести последнюю речь, прежде чем судебное разбирательство завершится, и 31 августа 1946 года Герман Геринг спокойно, но выразительно отклонил все выдвинутые против него обвинения.

— Я никогда не отдавал распоряжений об убийстве хотя бы одного человека, не приказывал совершать какие-либо иные злодеяния и не мирился с ними, если имел власть и информацию, чтобы им противодействовать, — сказал он. — Я не хотел войны и не способствовал ее началу. Я делал все, чтобы предотвратить ее при помощи переговоров. После начала войны я делал все, чтобы одержать победу… Единственным мотивом, который мною двигал, была горячая любовь к моему народу и желание ему счастья и свободы. И в этом я призываю в свидетели всемогущего бога и моих немцев.

Прошел целый месяц, прежде чем судьи вынесли свои вердикты. За это время Герман Геринг отдохнул и был в состоянии спокойно общаться со своими товарищами — обвиняемыми военными преступниками. Но теперь над всеми ними нависла тень приговора, и каждого тянуло в свою камеру, чтобы там в одиночестве подумать над собственными печальными перспективами. Встречаясь, они устраивали перебранки, обвиняя друг друга в грехах режима. И, видимо, из-за того, что Геринг, казалось, совершенно не терзался своим будущим, не страшился грядущего приговора, больше стали нападать на него.

— Кто же тогда несет ответственность за все эти разрушения, если не *вы?* — вскричал как-то фон Папен. — Ведь вы были вторым человеком в государстве. Или в этом *никто* не виноват? — он указал рукой на руины Нюрнберга за окном столовой.

— Ну а почему бы вам не взять на себя ответственность? — спросил Геринг. — Вы ведь были вице-канцлером.

— Я взял свою долю ответственности! — взорвался фон Папен. — А вы? Вы не взяли на себя вину ни за что! Все, что вы делаете — только произносите напыщенные речи. Это бесчестно!

Геринг только посмеялся над ним. Видимо, именно эта манера так раздражала некоторых его союзников. С тревогой ожидая решения своей судьбы, они начинали кипеть от злости в присутствии человека, который мог ждать страшного конца так спокойно, который отказывался выпускать из глубины души свой страх, который и теперь так же твердо противостоял своим обвинителям, как и в начале процесса, десять месяцев назад.

30 сентября 1946 года обвиняемых вновь собрали в зале суда, чтобы они услышали обоснование приговора. Члены Международного трибунала стали по очереди зачитывать вердикты, и их выступления превратились в оглашения одного длинного и жуткого перечня нацистских преступлений, спланированных агрессий, нарушенных соглашений, зверств, массовых убийств. Когда судьи закончили, был уже полдень, и обоснование приговоров каждого из обвиняемых было перенесено на следующий день. Их отвели обратно в камеры, где они провели еще одну томительную ночь.

Следующим утром, 1 октября, Герман Геринг был вызван первым и, встав за кафедру перед членами трибунала — его ярко-синие глаза смотрели прямо, в никуда, — стал слушать лорда-судью Лоуренса, читавшего обоснование его приговора:

— С самого момента своего присоединения к партии в 1922 году и принятия руководства организацией штурмовых отрядов, СА, Геринг являлся советником, активным доверенным лицом Гитлера и одним из главных лидеров нацистского движения. Как политический представитель Гитлера, он сыграл важнейшую роль в процессе прихода национал-социалистов к власти в 1933 году и несет ответственность за усиление этой власти и рост военной мощи Германии. Он создал гестапо и организовал первые концентрационные лагеря, передав их в 1934 году Гиммлеру; руководил политической чисткой сторонников Рема в этом же году и подстроил грязные скандалы, которые закончились удалением фон Бломберга и фон Фрича из армии… Он являлся центральной фигурой во время аншлюса Австрии, его «телефонным руководителем»… В ночь перед вторжением в Чехословакию и поглощением Богемии и Моравии, на переговорах между Гитлером и президентом Гахой, он угрожал разбомбить Прагу, если Гаха не подчинится… Он командовал люфтваффе в ходе нападения на Польшу и во всех последующих агрессивных войнах… Материалы дела Геринга полны его признаний в причастности к использованию принудительного труда… Он подготовил планы по ограблению советской территории задолго до войны с Советским Союзом.

Геринг преследовал евреев, особенно после ноябрьских беспорядков 1938 года, и не только в Германии, где он взыскал миллиард марок штрафов, как повсюду утверждалось, но также и на захваченных территориях. Его собственные высказывания обнаруживают, что при этом он преследовал прежде всего экономические интересы — как заполучить собственность евреев и как исключить их из экономической жизни Европы… Хотя уничтожением евреев заведовал Гиммлер, Геринг был далек от

того, чтобы при этом оставаться безучастным или бездеятельным, несмотря на высказанные им здесь торжественные заявления…

Ничего не возможно сказать в смягчение его вины. Ибо Геринг часто, а на самом деле почти всегда сам был движущей силой, был вторым в государстве после своего вождя. Он являлся зачинщиком войны как политический и военный лидер; он был руководителем программы по использованию принудительного труда и создателем программы по угнетению евреев и людей других национальностей у себя на родине и за рубежом. Все эти преступления он откровенно признал. По некоторым отдельным моментам могут иметься расхождения с его показаниями, но в общих чертах его собственных признаний более чем достаточно для утверждения его виновности. Его вина уникальна по своей чудовищности. В материалах дела не нашлось никаких оправданий для этого человека. Мы находим его виновным по всем четырем пунктам обвинительного акта.

Геринг вернулся на свое место и все время, пока зачитывалось обоснование приговоров остальных обвиняемых, сидел неподвижно с отсутствующим выражением лица. Три человека были признаны невиновными: Яльмар Шахт, Франц фон Папен и Ганс Фриче, и, казалось, никто не был более удивлен столь неожиданным избавлением, чем сами оправданные. Все остальные были признаны виновными по одному или более пунктам.

Но они все еще не знали, что их ожидает. После зачитывания вердиктов лорд-судья Лоуренс объявил перерыв на ланч. Приговоры предлагалось огласить после.

В полдень Герман Геринг вновь первым был приведен в зал суда. Он встал за кафедру между двумя солдатами военной полиции и надел наушники. Лорд-судья Лоуренс приступил к оглашению его приговора.

— Герман Вильгельм Геринг, — начал он и вдруг заметил, что Геринг вертит в руках наушники, показывая, что они плохо работают. Пока радиотехники устраняли неисправность, зал ждал в тяжелой тишине, а обвиняемый и судья пристально смотрели друг на друга.

— Герман Вильгельм Геринг, — продолжил лорд-судья Лоуренс, — на основании пунктов обвинительного акта, по которым вы были признаны виновным, Международный военный трибунал приговаривает вас к смерти через повешение.

Чуть помедлив, Геринг стянул наушники, уронил их на крышку кафедры, повернулся и, не сказав ни слова, покинул зал.

Обязанностью тюремного психолога доктора Гилберта было поговорить с каждым заключенным после того, как тот услышит

свой приговор, и он встретил вернувшегося в свою камеру Геринга.

«Его лицо было бледным и неподвижным, глаза широко раскрыты, — записал он позднее в дневник. — „Смерть!“ — выдохнул он, падая на койку и протягивая руку к книге. Его рука дрожала, несмотря на все усилия казаться спокойным. Глаза были влажными, и он часто и тяжело дышал, пытаясь справиться с эмоциональным потрясением. Дрогнувшим голосом он попросил меня оставить его на некоторое время одного».

На следующий день Герман Геринг написал в Международный военный трибунал официальную просьбу, чтобы как офицера германских вооруженных сил его казнили не через повешение, а через расстрел.

— По крайней мере, я был бы избавлен от позора петли, — сказал он Гилберту. — Я солдат. Я был солдатом всю свою жизнь, всегда был готов умереть от пули другого солдата. Почему бы расстрельной команде неприятельских солдат не покончить со мной теперь? Неужели я прошу так много?

Оказалось, что много. Его просьба была отклонена.

Теперь оставалось только одно: ждать палача…

В тени отца

Где начинается путь, что ведет в Нюрнберг? Что за человек был Геринг? Ответить на эти вопросы непросто. Для этого надо познакомиться с историей жизни этого человека, с воспоминаниями родных, друзей и других лично знавших его людей, и это позволит составить впечатление о его достоинствах и недостатках, врожденных и благоприобретенных, а также понять обстоятельства, события и поступки отдельных людей, оказавших влияние на Германа Геринга.

Его история, можно сказать, началась неподалеку от городка Розенхайм, стоящего километрах в шестидесяти к югу от Мюнхена на железнодорожной линии, идущей в Австрию, в Зальцбург, в бальнеологической здравнице Мариенбад. Эта здравница находилась в ведении доктора и сестры-хозяйки, уроженцев Австрии, которые прежде работали на судетских курортах с минеральными водами в Карлсбаде, Франценсбаде и Мариенбаде, и теперь, благодаря их квалифицированному уходу, это оздоровительное учреждение приобрело такую широкую известность, что желающие восстановить силы после излечения от различных недугов и депрессии съезжались сюда со всей Германии и Австро-Венгрии.

Санаторий стоял в окружении деревьев на холме, откуда был виден город, а из его окон и с террас открывалась восхитительная панорама на Южную Баварию, на покрытые снегом горные вершины Оберзальцберга и Австрийских Альп. Санаторий изначально предназначался для пациентов со слабыми легкими и разного рода выздоравливающих, но в связи с тем, что это было последнее десятилетие девятнадцатого века — время в истории страны, когда все добрые немцы были озабочены принесением фатерланду потомства, — а также поскольку это был весьма плодовитый регион, директор пригласил еще двух акушерок и открыл родильную секцию.

Сюда в начале января 1893 года и приехала фрау Франциска Геринг, чтобы родить своего четвертого ребенка.

Двадцатисемилетняя Фанни Геринг была широкоплечей полногрудой блондинкой, чье миловидное крестьянское лицо (она происходила из баварско-австрийской семьи землепашцев) совершенно преображали удивительной красоты ярко-синие глаза. Именно глазами она захватила и сумела удержать подле себя человека, который теперь был ее мужем, когда он первый раз встретил ее восемь лет назад. Генрих Эрнст Геринг был крупным чиновником германской консульской службы, сорока пяти лет,

который недавно овдовел и остался один с пятью детьми на руках. Ему предстояло в ближайшее время отправиться на несколько месяцев в новую германскую колонию в Юго-Западной Африке, и он нуждался в жене, которая могла бы не только справляться с нелегкой жизнью первых поселенцев, ожидавшей их в Виндхуке, но и заботиться о его детях. Молодая, веселая девятнадцатилетняя Фанни Тифенбрунн обещала стать для них любящей матерью и не бояться трудностей жизни в чужой, суровой стране. Будущий муж прочитал в ее восхитительных синих глазах, что и он сам ни в коей мере не будет страдать он недостатка любви.

Вскоре было получено согласие ее родителей, и весной 1885 года пара отбыла в Лондон, где Генрих Геринг прошел ускоренный курс ведения дел колониальной администрации. В Лондоне же они и поженились, и, когда прибыли в Африку, где канцлер Бисмарк назначил Генриха новым министр-резидентом в Виндхуке, Фанни была уже беременна. Несмотря на ее здоровье и крепкое телосложение, первые роды обещали быть трудными. Условия жизни в новой германской колонии в самом деле были тяжелыми: воды мало, ужасающая жара и пыль, а местные немцы не питали особенно дружеских чувств к членам семьи чиновника из Берлина. Вполне вероятно, что Фанни умерла бы или стала на всю жизнь калекой, если бы не вмешательство молодого немецкого врача, который приехал к ним в дом и взял ее под наблюдение. Вскоре он принял первенца Фанни, Карла, огласившего мир своим криком, после чего занялся измученной болью и лишенной сил молодой матерью и не покидал дома до тех пор, пока не увидел, что веки над синими глазами сомкнулись и она погрузилась в спасительный сон.

Доктора, полного, темноволосого берлинца с аккуратно подстриженными короткими усиками над чувственным пухлым ртом, звали риттер Герман фон Эпенштейн, причем дворянский титул «риттер» (что значит «рыцарь») вместе с приставкой «фон» он получил от кайзера Вильгельма лишь несколько лет назад. Вскоре он стал близким другом семьи Герингов, возымев на них сильное влияние. Ко времени, когда Фанни достаточно оправилась, чтобы вставать с кровати, она уже испытывала к нему расположение: он пришел к ней в трудный час, спас ей жизнь, и она чувствовала себя навечно ему благодарной, решив отплатить добром. Так она впоследствии и сделала.

Теперь же, по прошествии семи лет и появлении еще двух детей, она опять готовилась рожать. За эти годы в семье Герингов произошло много событий. Генрих после напряженной, но успешной административной работы в Юго-Западной Африке

вернулся в Германию, где получил назначение генеральным консулом на Гаити. Но все это время и он, и Фанни продолжали поддерживать связь с Эпенштейном, который и дал им совет отправить ее в санаторий у Розенхайма на четвертые роды. Впоследствии Фанни скажет своим детям, что по чистому совпадению, в то время, как Генрих оставался на своем посту на Гаити, фон Эпенштейн оказался в отпуске в Австрии, в нескольких часах езды на поезде от санатория в Мариенбаде, куда она приехала. Утром 12 января 1893 года она родила своего четвертого ребенка и второго сына. Несколько часов спустя в Мариенбад прибыли запряженные лошадьми сани, и в дверях появился риттер фон Эпенштейн.

Фанни указала на колыбель рядом с кроватью и с гордостью объявила:

— Это Герман Геринг.

Она решила назвать ребенка в часть фон Эпенштейна, если это будет мальчик. Полным же его именем стало Герман Вильгельм Геринг, в честь императора Вильгельма II.

— Взгляните, — сказала она, — у него синие глаза, такие же, как у меня.

Фон Эпенштейн бесцеремонно заметил, что почти все дети рождаются с голубыми глазами и что они меняют свой цвет позднее.

— Нет, — убежденно возразила Фанни, — только не глаза Германа. У него они всегда будут такими.

Она видела, что фон Эпенштейн был тронут тем, что ребенка назвали его именем. Он остался в Розенхайме еще на несколько дней, навещая ее каждый день в полдень, после чего вернулся в Австрию, чтобы продолжить отпуск. Оттуда он написал и Фанни и Генриху, что решил, в случае, если они не будут против, стать крестным отцом Германа Вильгельма Геринга.

Весной 1893 года Фанни Геринг оставила трехмесячного Германа и покинула Германию, чтобы присоединиться к семье на Гаити. В Германию они вернулись только через три года, и все это время Герман жил в чужой семье в баварском городке Ферте, где воспитывался вместе с двумя младшими дочками хозяев. Впоследствии они вспоминали, что он был ребенком, подверженным приступам плаксивости и раздражительности, которые обычно пытались унять подарками, любовью и нежностью. Очевидно, ему было одиноко и, видимо, ничто из того, что для него делали заменившие родителей люди, не могло компенсировать ребенку отсутствие настоящих папы и мамы. «Самая жестокая вещь, которая может случиться с ребенком, это оказаться оторванным от матери в годы, когда складывается его

личность», — сказал Герман Геринг многие годы спустя. Его старшая сестра Ольга вспоминала, что, когда герр и фрау Геринг наконец вернулись с Гаити и его взяли на железнодорожную станцию, чтобы их встретить, трехлетний Герман демонстративно повернулся к подходившему к платформе поезду спиной. Когда мать взяла его на руки и прижала к себе, он стал бить ее кулаками по лицу и груди, а потом разрыдался. Присутствовавшего здесь же и совершенно чужого для него человека, который приходился ему отцом, он игнорировал совершенно.

Генрих Геринг хорошо послужил фатерланду, упорно и успешно трудясь для него в крайне тяжелых условиях, и если бы Бисмарк больше интересовался созданием германской колониальной империи, то работа, которую не жалея сил проделал в Юго-Западной Африке этот чиновник, почти наверняка получила бы то признание, которого она на самом деле заслуживала. Он прибыл в эту колонию, когда ей было всего двенадцать месяцев, и окрестные племена проявляли к белым открытое недружелюбие и подозрительность. Генрих Геринг сумел примирить враждебно настроенных гереро и готтентотов и настоял, чтобы находившиеся в ведомстве немцы поступали с ними цивилизованно и с пониманием, и только уже после его отъезда, в ответ на действия его жестоких и недальновидных преемников, племена подняли восстание. Он встречался и на равных разговаривал с Сесилем Родсом и другими проводниками растущего британского влияния в Южной Африке и предвидел грядущее столкновение британцев с бурами, которое можно было предотвратить, если бы они последовали совету, который он им тогда дал. За Годы консульской службы Генриха Геринга на Гаити его страна стала пользоваться уважением именно благодаря его попыткам наладить медицинское лечение и просвещение на этом нищем, охваченном суевериями острове.

Но ко времени его возвращения в Берлин в 1896 году в политическую жизнь Германии ворвался поток антилиберализма, и на того, кто говорил об африканских дикарях как о людях, как этот делал Генрих, смотрели с настороженностью, подозревая в нем начинающего социалиста, а социалисты были пугалом дня. Вскоре стало очевидным, что продвижения по службе у него больше не будет. Годы работы в Африке и Вест-Индии не прошли даром, и теперь он выглядел значительно старше своих пятидесяти шести лет. Мало того, уйдя раньше времени в отставку и страдая от неудач, он стал искать утешения в алкоголе и постепенно стал пьяницей — тихим, уравновешенным, но все же пьяницей, который к вечеру, как правило, уже еле ворочал

языком. Трудно винить Германа Геринга, который не знал отца в его лучшие дни, за то, что он относился к нему с глубоким презрением, из-за чего много переживал впоследствии.

Не вносили порядка и частые появления в их доме, стоявшем в тихом пригороде Берлина, его крестного отца риттера фон Эпенштейна. Он к этому времени также удалился с государственной службы, но во всем остальном сходства между ним и разваливающимся проконсулом было очень мало. С годами фон Эпенштейн расцвел и теперь посвятил себя более приятным вещам. Очень богатый, он по-прежнему оставался холостяком, и в придворных кругах у него стала складываться репутация подходящего жениха для дочерей из семейств мелкой аристократии и одновременно удачливого любовника их более привлекательных мамаш. Эпенштейн не отличался ростом и имел склонность к полноте, с которой регулярно боролся в Карлсбаде, Спа и Виши, но он умел эффектно одеваться и напускать на себя такую высокомерную манеру говорить и жестикулировать, что большинство людей, с которыми он таким образом общался, охватывал благоговейный страх. В однообразную и скучную домашнюю атмосферу семейства Герингов его внезапные приезды из экзотических мест, таких, как Каир, Константинополь, Неаполь или Санкт-Петербург, привносили аромат приключений.

Герман Геринг, который уже почувствовал очарование военной формы и был увлечен играми в рыцарей и средневековые битвы, его крестный казался сияющим героем, которому нужно было подражать в одежде, манерах, речи и храбрости. Как-то, уже через несколько лет после ухода Генриха Геринга на пенсию, фон Эпенштейн приехал к ним и объявил, что забирает все семейство в Австрию, где он вступил во владение замком у деревушки Маутерндорф, расположенной в складке между хребтами Тауэрн не так далеко от границы с Баварией. В замке, как к своему огромному удовольствию обнаружил Герман, фон Эпенштейн в полной мере отдавался собственному давнему увлечению рыцарской экзотикой, соответствующим антуражем. Все слуги в замке были наряжены в средневековые одежды, выносу блюд к столу предшествовали звуки охотничьего рога, а по праздничным случаям на галерее в большом зале пела и играла группа менестрелей. Сам же риттер фон Эпенштейн держал себя как феодал (кем он, по существу, и являлся) и обходил свои владения, раздавая указания и принимая приветствия от мужчин и реверансы от женщин, будто бы знатный вельможа. То было зрелище, которое Герман Геринг запомнил навсегда и мечтал с тех пор устроить нечто подобное сам-.

Время задаться вопросом — когда же фон Эпенштейн и

Фанни Геринг стали любовниками?

Большинство исследователей истории семьи Герингов относят это событие к времени от года до девяти месяцев, предшествовавших рождению младшего брата Германа, Альберта. Это был год, когда Генрих Геринг непрерывно болел бронхитом и пневмонией, и вскоре после рождения Альберта фон Эпенштейн предложил, чтобы семейство уехало из Берлина «ради сохранения здоровья Генриха» и поселилось в другом его замке, который он только что приобрел. Это был Бург-Фельденштейн, отреставрированная древняя франконская крепость, возведенная на скале, возвышающейся над маленьким, известным своими пивными заводами городком Нойхаузом, расположенным на реке Пегниц. Замок стоял среди холмов в густом лесу, километрах в сорока к северо-востоку от Нюрнберга, и от него было рукой подать до Байрейта, куда фон Эпенштейн, горячий почитатель Вагнера, любил ездить в оперу и на музыкальные фестивали.

С рождением Альберта фон Эпенштейн объявил, что он усыновляет и удочеряет крестными всех пятерых детей Фанни. «До того момента Герман был любимым у крестного, — вспоминала его сестра Ольга, — но после рождения Альберта он стал больше заботиться о нем». Она не упомянула, что глаза ребенка совершенно определенно не были голубыми, но постепенно становились такими же карими, как у Эпенштейна, и что, взрослея, он все сильнее становился похожим на семейного благодетеля. «Герман с большой ревностью относился к младшему брату», — отмечает она.

К этому времени ему исполнилось уже семь лет и, как все остальные, он знал, что его мать была любовницей их крестного, хотя, возможно, до конца и не понимал, что это значит. В Маутерндорфе ни для кого не было секретом, что, когда риттер фон Эпенштейн устраивал пиры, а происходило это почти каждый вечер, Фанни выступала в роли хозяйки дома, в то время как остальные члены семьи, включая Генриха, оставались в одном из домиков по соседству с замком, где они жили, и возвращалась к ним только к завтраку. В Бург-Фельденштейне в качестве условия проживания Герингов было принято, что одна спальня и одна гостиная всегда оставались свободными на случай прибытия их покровителя, что в разгар оперного сезона происходило довольно часто, и, когда он приезжал, Генрих покорно мирился с тем обстоятельством, что жена проводила больше времени в постели гостя, чем в его собственной.

Итак, юный Герман Геринг точно знал, что его мать изменяет отцу с крестным.

Профессор Ганс Тирринг, которому вместе с его братом фон

Эпенштейн также приходился крестным отцом и был близким другом их отца, который отыскал для него маутерндорфский замок и договорился о его продаже, вспоминает:

«Все, кто находился в Маутерндорфе, принимали эту ситуацию, и она, по всей видимости, не беспокоила Германа и остальных детей Геринга-старшего. Как и мы, они испытывали благоговейный страх и трепет перед крестным Эпенштейном. Когда он с нами разговаривал, мы должны были стоять смирно, и нам не было позволено обращаться к нему без разрешения. Но при этом все мы восхищались им, ведь он был таким дерзким и отважным, почти безрассудным, и ненавидели всякого, кто говорил о нем что-нибудь недоброе., Но только Герман по-настоящему подрался и разбил в кровь нос приезжему мальчишке из деревни, который в его присутствии заявил, что крестный получил свой титул от кайзера за деньги, а не за доблестные дела. Как узнал об этом происшествии крестный, я так и не понял, но на следующий день этот мальчик и его родители исчезли из Маутерндорфа, а Герман был специальным образом поощрен, проведя целый день со своим кумиром в горах, охотясь на серн».

Восхищение Германа Геринга его крестным было таким сильным, что он не утратил его, даже когда узнал, что тот был евреем.

Риттер фон Эпенштейн принадлежал к римско-католической церкви и каждое воскресенье участвовал в большом действе в Маутерндорфе или Нойхаузе, когда останавливался в Фельденштейне, отправляясь со всеми своими гостями и крестными детьми в местную церковь, где для них был зарезервирован ряд скамей. Но по рождению он был евреем. Придворный врач Фридриха Вильгельма IV Прусского, он преуспел под королевским покровительством, завязал знакомство с дочерью богатого банкира-коммерсанта, нееврея, и, перед тем как жениться на ней, перешел в католичество. Тем не менее его фамилия попала вместе со всеми остальными в «semi-Gotha», списки титулованных немецких фамилий еврейского, происхождения, и, если бы у власти тогда находился Гитлер со своими национал-социалистами, Эпенштейна, в соответствии с определениями Нюрнбергских законов о гражданстве и расе, безусловно причислили бы к евреям и отнеслись соответственно.

Правду о национальности своего крестного Герман Геринг узнал, когда его отправили в школу-интернат в Ансбахе в 1904 году. Ему исполнилось уже одиннадцать лет, и он был заносчивым, самонадеянным и упрямым мальчишкой, верховодил среди своих братьев и сестер и организовывал их игры. В Ансбахе

же он почувствовал себя маленьким лягушонком в огромном пруду, оказавшись среди других учеников, которые были такими же своенравными заводилами, как он, только старше и сильнее. Скоро Герман возненавидел эту школу. Дисциплина была строгой, пища — скудной. Родители записали его на занятия фортепьяно, но на уроках музыки ему приходилось обучаться игре на скрипке — инструменте, к которому он очень скоро почувствовал отвращение, потому что у него никак не получалось извлечь из его струн что-либо, помимо совершенно немузыкальных скрипов и хрипов. Последней каплей оказалось сочинение на тему: «Человек, которым я восхищаюсь больше других». От учеников ожидались патриотические опусы о Вильгельме II, Бисмарке или Фридрихе Великом либо восхваления заслуг и достоинств отцов. Герман же сдал учителю хвалебную песнь риттеру фон Эпенштейну. На следующий день он был вызван для беседы в кабинет директора, где его сухо проинформировали, что ансбахские ученики не должны писать сочинения, прославляющие евреев, а когда он стал горячо возражать, заявляя, что его крестный — католик, ему вручили «semi-Gotha» и велели сто раз написать: «Мне не следует писать сочинения, восхваляющие, евреев» и переписать все фамилии из «semi-Gotha» от А до Е.

Через несколько часов эта история стала известна всей школе, начались смешки, издевки и оскорбления, вылившиеся в драку с тремя обидчиками, окончившуюся торжественным шествием вокруг школы с Германом Герингом в середине, которого тащили за руки и за ноги лицом вниз, с плакатом, надетым на шею, который гласил: «МОЙ КРЕСТНЫЙ — ЕВРЕЙ». Ранним утром следующего дня он вылез из кровати и отправился на станцию, где на последние деньги купил билет обратно в Нойхауз. Напоследок, прежде чем покинуть школу, он разбил свою скрипку и порвал струны на всех остальных инструментах школьного оркестра.

Впрочем, существует и другая версий оставления Герингом школы в Ансбахе, которую опубликовал в 1938 году автор его официальной биографии Эрих Гритцбах, приведя ее со слов его любимой сестры Ольги. Там говорится, что Герман был наказан за то, что возглавил бойкот, направленный против скверного качества еды в школьной столовой, и что он купил обратный билет на деньги, полученные от продажи скрипки товарищу-ученику.

Следует отметить, что при кайзере Вильгельме II в Германии не было преследования евреев, и на самом деле многим из них удавалось достигать довольно высокого положения и важных

государственных постов, но тенденция к антисемитизму уже наметилась, и евреев прилюдно высмеивали и оскорбляли, на них нападали в прессе и существовали определенные клубы, дома и социальные круги, куда их не пускали. Но Герман Геринг, хотя многие из его друзей-немцев относились с презрением к этой расе, сохранил доброе отношение к своему кумиру.

Фон Эпенштейн никак не показывал, что нуждается в верности своего юного крестника, и держался до того самоуверенно и надменно, что представляется совершенно невероятным, чтобы количество крови той или иной нации, текущей в его венах, могло когда-либо стать темой разговора между ними. Находились и немцы и австрийцы, которые отпускали в адрес Германа фон Эпенштейна пренебрежительные замечания за его спиной, но только смелые люди отваживались сказать такое в лицо и встречались они не часто.

Со временем привязанность фон Эпенштейна сосредоточилась на самом младшем из детей Герингов, Альберте, чье физическое сходство с ним было столь заметным, что большинство людей, которые видели их вместе, не сомневались, что это был его собственный сын. Но помимо внешности Альберт не проявлял никаких иных черт, свойственных его крестному. Он рос печальным мальчиком, склонным ныть и плакать, прежде чем для этого появится причина. Постепенно благоволение фон Эпенштейна вновь обратилось на Германа, которого отличали те качества, которые, как он считал, должны быть присущи немецкому мальчику. Он был дерзким, решительным и абсолютно бесстрашным. В десять лет Герман уже проявлял такую страсть к альпинизму, что решился на отчаянный поступок. Желая показать старшим, что на него можно положиться в горах, он взобрался на отвесную скалу, на которой высился Бург-Фельденштейн. Три года спустя, сопровождаемый мужем одной из сестер и еще одним родственником, он совершил восхождение на 3800-метровую гору Гросглокнер, поднявшись на нее по самому опасному маршруту, используемому только профессиональными альпинистами, и то редко. Как-то на Монблане, качаясь на веревке под выступающим утесом, он вывихнул плечо и, спокойно вправив сустав, продолжил подъем, невзирая на сильную боль.

— Высоты не пугают меня, — говорил Герман, — они меня стимулируют. При этом все опасности щедро вознаграждаются, если, преодолев их, вы достигаете вершины. Там вы сознаете, что открывшуюся перед вами восхитительную картину видели и увидят очень немногие.

Подбиваемые Фанни, страстно стремящейся увидеть успехи сына, Генрих Геринг и фон Эпенштейн, оба старые кавалеристы,

добились для Германа места в кадетской школе в Карлсруэ. Генрих Геринг боялся, что непокорный нрав сына и его репутация своевольного и недисциплинированного юноши уменьшат его шансы. Он беспокоился напрасно. Эта школа гордилась своими способностями усмирять самые буйные головы и приветствовала бойких и инициативных ребят. Герман покинул ее в возрасте шестнадцати лет с отличными оценками по дисциплине, верховой езде, истории, английскому и французскому и музыке. «Геринг показал себя примерным учеником, — гласило его свидетельство об окончании, — и проявил качество, которое далеко продвинет его: он не боится рисковать».

С таким заключением в ранце у него не было проблем с поступлением в кадетский корпус будущих офицеров кайзеровской армии в Лихтерфельде под Берлином. Форма кадетов была яркой и нарядной, особенно парадная, их правила поведения основывались на средневековых кодексах, а в кадетских содружествах — Геринг оказался в одном из самых «труднодоступных» — существовали ритуалы, которые «вызывают у меня чувство, что я являюсь наследником традиций всего германского рыцарства», — писал он домой, а Ольге также признавался, что мечтает стать современным Зигфридом, призванным воскресить былую славу Германии. При этом, однако, Герман не упоминал, что быть кадетом в Лихтерфельде означает участвовать и в некоторых других, менее возвышенных, но не менее приятных мероприятиях, как-то пивных кутежах, скачках в Рухлебене, пирушках с купанием в Ваннзее, симпатичном пригороде Берлина, и, конечно, развлечениях с девчонками. Его мать была все-таки права: его глаза так и остались яркими зеленовато-синими, и их воздействие на противоположный пол было просто сногсшибательным.

Этот период мог оказаться самым счастливым в жизни Германа Вильгельма Геринга, если бы не внезапная неприятность, постигшая семью в Фельденштейне. После четырнадцати лет безропотного терпения Генрих Геринг начал резко возражать против отношений жены с риттером фон Эпенштейном и, по иронии судьбы, более неподходящего момента он выбрать не мог. Фанни Геринг никогда не была единственной у своего любовника и, должно быть, знала, что, хотя она делила с ним ложе в Фельденштейне и Маутерндорфе, у него были и другие партнерши. Он всегда очень гордился своим положением богатого, бесшабашного холостяка, и это было одной из причин, почему он предпочитал связи с замужними женщинами.

Но в 1912 году, примерно как раз в то время, когда Герман Геринг заканчивал свое обучение в Лихтерфельде, в его жизни

появилась женщина совершенно иного типа. Результат для семьи Герингов оказался катастрофическим.

Герман Геринг был выпущен из высшего военного учебного заведения с блестящими результатами, и его семья имела все основания им гордиться. Почти каждый предмет был отмечен «magna cum laude» — «с высшим отличием», и прогнозы были самыми радужными. В свои девятнадцать лет он был стройным привлекательным парнем, неудержимым сердцеедом невероятно веселого нрава и обаяния.

Получив свое первое офицерское звание, Герман был назначен в 112-й пехотный Принца Вильгельма полк, квартировавший в Мюльхаузене, но, прежде чем отправиться туда, поехал в отпуск домой в Бург-Фельденштейн, горя желанием показаться родным в своей новенькой военной форме. К его огромному разочарованию, крестного с семьей не оказалось, хотя риттер фон Эпенштейн уже прислал ему свои поздравления вместе с небольшим кошельком, наполненным золотыми монетами.

Вместе с тем молодой офицер был потрясен видом своих родителей. Генрих Геринг превратился в раздражительного старика, постоянно шаркающего по коридорам Фельденштейна, что-то злобно ворча себе под нос. Фанни внезапно располнела и постарела и, за исключением тех моментов, когда она с гордостью смотрела на своего сына, редко улыбалась; ей было еще только сорок шесть, но Герману она показалась старухой. Когда он упомянул крестного, старик разозлился и начал что-то сердито бубнить о «преданной дружбе», а в глазах матери показались слезы. Но его ждала записка от фон Эпенштейна, приглашающего приехать в Маутерндорф.

По прибытии туда ему сразу стало ясно, почему его крестный оставался дома. Впервые в своей жизни этот самонадеянный, высокомерный ловелас влюбился. Фон Эпенштейну было уже шестьдесят два, и это сильно било по его самолюбию. К несчастью для него, окрутившая его девушка была двадцати с небольшим лет, но владела искусством обольщения в совершенстве. Нимало не смущаясь надменности фон Эпенштейна, его заносчивых манер, она прикасалась к нему, гладила, терлась о него своим соблазнительным гибким телом, — отчаянно флиртуя, но не позволяла проделывать с собой то, что он делал с большинством других женщин, которые ему нравились, — то есть взять на руки и отнести в постель. Эта девушка, которой в недалеком будущем предстояло стать Лилли фон Эпенштейн, решила, что ни один мужчина не ляжет с ней на ложе любви, не надев прежде ей на палец обручальное кольцо.

Новость о пылкой, но безрезультатной страсти фон Эпенштейна вскоре стала темой бесед в Берлине, Зальцбурге и Вене. В Маутерндорфе мужчины заключали пари относительно того, кто из них двоих уступит первым, но у женщин, хорошо знавших Лилли, не было никаких сомнений в исходе этого поединка.

Между тем любовная связь фон Эпенштейна и Фанни Геринг тихо увяла. Развязка наступила в начале 1913 года, когда фон Эпенштейн прибыл в Бург-Фельденштейн, чтобы сообщить своей прежней пассии, что он влюбился и собирается жениться. Генрих Геринг воспользовался случаем, чтобы обрушиться на старого друга семьи с оскорбительными упреками, результатом чего стала жесточайшая ссора, полная взаимных обвинений, которая закончилась тем, что Генрих уведомил свою встревоженную семью, что они более не могут оставаться в доме друга, так низко предавшего его.

Герман Геринг, который к этому времени уже находился в своем полку, услышав эту новость, пришел в ужас, и не в последнюю очередь оттого, что уже хвастался своим товарищам-офицерам «нашим замком» в Фельденштейне. Но было уже поздно что-либо предпринимать. Фон Эпенштейн вернулся к своим ухаживаниям за фройляйн Лилли и вскоре был поставлен в известность этой целеустремленной молодой особой, что передача замков друзьям в бесплатное пользование не относится к тем затеям, которые она одобряет. Серьезно ли грозился Генрих Геринг покинуть Фельденштейн или нет, теперь не имело значения, потому что из Маутерндорфа пришло короткое письмо, извещающее об определенном им для отъезда сроке.

Поздней весной 1913 года Геринги распрощались с Бург-Фельденштейном, старым добрым замком, в котором они провели пятнадцать лет жизни. Генрих Геринг был уже серьезно болен, и по прибытии в Мюнхен, где семья арендовала дом, он слег вскоре и умер. Германа Геринга отпустили из полка, и он провел день и ночь перед похоронами, помогая матери перебирать бумаги отца. Рассматривая выцветшие фотографии, читая старые дневники и письма и слушая воспоминания матери о жизни в Африке и на Гаити, он впервые осознал масштаб личности умершего отца в годы его колониального триумфа. Впоследствии Геринг говорил, что пережил тогда мучительнейшее чувство вины из-за своего нежелания наладить с отцом нормальные отношения, и боль раскаяния достигла своего предела на следующий день, когда все родные собрались вокруг могилы на большом мюнхенском кладбище Вальдфридхоф. Он знал, что офицеру в форме не пристало выказывать свои эмоции, но ничего не мог с собой

поделать, и слезы текли по его лицу, когда гроб опускали в землю.

Геринг идет на войну

Когда началась первая мировая война, Германну Герингу шел двадцать второй год, и нашлось бы не много молодых людей по обе стороны фронта, которые сильнее него рвались в бой. Сегодня нам трудно понять тот пыл, с которым германский офицер рвался на защиту фатерланда, когда в Европу пришла война. Что касается Геринга, то, несомненно, на него оказали влияние его семья и окружение.

Но самым главным для него была именно война как вызов храбрости и проверка сил — будоражащее кровь и опасное испытание, приз в котором получит самый сильный, отважный и рыцарственный, и при его боевом крещении в августе 1914-го не произошло ничего, что разубедило бы его в таком отношении к ней.

Как же начал воевать Герман Геринг?

Согласно записям в полковом журнале, а также документам, по которым справлялся его официальный немецкий биограф Эрих Гритцбах, его первый контакт с противником произошел уже через несколько часов после начала боевых действий. Городом, в котором стоял полк Принца Вильгельма, был Мюльхаузен, относившийся к Эльзасу, аннексированному у Франции после войны 1870 года, и находился он на другой стороне Рейна. Поэтому, когда Франция объявила войну, полк Принца Вильгельма отступил через Рейн на германскую территорию и передовые части французской армии под командой генерала Поля По почти сразу же вошли в город. Они водрузили французский флаг на городской ратуше и вновь объявили жителей гражданами Франции. Но в разгар торжества взвод германских солдат под командой лейтенанта Геринга пересек на бронепоезде Рейн, и французы, которых оказалось совсем немного, поторопились назад к своим основным силам. Геринг собственноручно снял французский флаг, велел своим людям сорвать все французские плакаты, которые уже были расклеены на городских стенах, и перед самой темнотой вернулся на германскую территорию, приведя с собой четыре кавалерийские лошади, оставленные французами при поспешном отступлении.

На следующий день уже не вставал вопрос о том, чтобы вести на ту сторону бронепоезд, так как за ночь французы заняли железнодорожные пути и ввели в город войска. Над ратушей вновь взвился французский триколор, а генерал По устроил там свою штаб-квартиру. Не желая сдаваться, Геринг организовал патруль из семи человек и повел их на велосипедах через реку и

окольными дорогами в Мюльхаузен. Немцы имели преимущество, зная топографию города и его окрестностей несравненно лучше противника, и на рассвете, сняв французский аванпост на окраине, они проехали по пустым улицам к центру города и укрылись неподалеку от главной площади. Там собралась большая часть населения, чтобы приветствовать французские войска, и Геринг быстро понял, что в середине ликующей толпы находится не кто иной, как сам французский командующий, генерал По. Он быстро составил дерзкий план, детали которого шепотом описал своим людям: они будут прикрывать его сзади, а он прокрадется вперед, возьмет одну из привязанных рядом с толпой лошадей, вскочит в седло и рванет галопом через толчею к тому месту, где стоял генерал, схватит его, перекинет через седло (По был небольшого роста) и поскачет с ним обратно к германским позициям; его люди также прикроют и его отступление.

Теперь уже не узнать, окончился бы этот отчаянный план успехом или нет, потому что в тот момент, когда Геринг уже готовился схватить поводья ближайшей лошади, один из его солдат, нервничая, дернул за спусковой крючок своей винтовки, и она выстрелила. Лошадь встала на дыбы и отпрянула. Поднялась тревога, и тут уже ничего не оставалось делать, как бежать назад, хватать велосипеды и мчаться обратно вместе с летящими вдогонку французскими пулями. Решив не возвращаться с пустыми руками, Геринг атаковал по дороге другой французский аванпост, не ожидавший нападения с обратной стороны, и взял в плен четырех пуалю.[2] За этот подвиг лейтенант Геринг был упомянут в донесениях и похвален за проявленные смелость и инициативу.

Между тем он скоро узнал, что у войны есть и другая сторона, что это также и страдания, и грязь, и холод — и скука. Когда линия боев на их участке стабилизировалась, полк Принца Вильгельма завели в траншеи, и потянулись тягостные дни безвылазного сидения и неутоляемой жажды действий. Герингу повезло. Едва он попробовал окопной войны, как у него случился приступ ревматической лихорадки, и его отвезли в госпиталь во Фрейбург. Если бы этого не произошло, ему пришлось бы разделить со своими товарищами-офицерами весь ужас бойни на Марне, в которой был утерян шанс на быстрое окончание войны и после которой она стала принимать затяжной характер.

Как же Геринг, пехотный офицер, стал летчиком?

Когда он лежал во Фрейбурге и уже поправлялся, его навестил один человек, и этому визиту было суждено изменить весь ход его дальнейшей жизни.

Среди друзей Геринга, которые появились у него, пока он находился в Мюльхаузене, был молодой офицер, которого звали Бруно Лёрцер. Как оказалось, эта дружба продлилась потом почти целую жизнь, но вскоре после начала войны молодые люди расстались. Теперь во Фрейбурге они снова встретились, поскольку Лёрцер обучался здесь в летной школе как потенциальный пилот нарождающихся кайзеровских военно-воздушных сил. Геринг был рад вновь увидеть своего друга, но его охватила зависть. Он уже разочаровался в пехотной войне и подозревал, что отныне на Западном фронте не останется возможностей для проявления собственной инициативы. В новых же военно-воздушных силах…

Это был период, когда германские газеты были полны историй о безрассудных подвигах пилотов на Западном фронте. Молодой лейтенант Карл фон Хидессен стал национальным героем в сентябре 1914-го, когда германцы стояли у ворот Парижа, совершив несколько полетов над французской столицей с демонстрацией фигур высшего пилотажа на небольшой высоте на глазах у пораженных и охваченных яростью парижан. В своем последнем полете он несколько раз не спеша облетел Эйфелеву башню, игнорируя стоявших на ее площадках и осыпавших его градом пуль пулеметчиков, потом устремился вниз и рассеял стоявшую внизу огромную толпу, которая ударилась в панику после того, как он сбросил вниз принятый парижанами за бомбу мешок с песком с прикрепленным к нему посланием: «Сдавайтесь! Германцы уже у ваших ворот. Завтра мы вас захватим!»

Этот подвиг пришелся по душе Герингу, и тот факт, что германцы так и не вошли в Париж, нисколько его не умалял. А с ним сейчас был его друг Бруно, который в любой момент мог разделить с ним не менее захватывающие приключения. Он с завистью слушал Лёрцера, делившегося своими честолюбивыми планами и замыслами на самое ближайшее будущее, когда он получит «крылышки» боевого пилота, как вдруг разразился неудержимым смехом, после того как его друг неожиданно выдал:

— Скажу тебе по секрету, я подал заявление о вступлении в «Brieftauben Abteilung Ostend».

«Brieftauben Abteilung» означало «Отряд почтовых голубей», и Герингу показалось абсурдным научиться летать, чтобы потом провести всю войну, заведуя голубятней. Но его друг начал объяснять, что ВАО — это кодовое название секретного отряда отборных авиаторов и особых самолетов, который будет базироваться в Остенде, на территории оккупированной Бельгии, и готовиться к переброске в Кале на Ла-Манше, когда Париж и

большая часть Франции будут заняты.

— А из Кале, — заключил Лёрцер, — мы начнем бомбить Англию!

Это была перспектива, обещавшая такие возможности для обретения славы, что Геринг сразу понял: он должен там быть. Он решил немедленно заняться переводом из части и, едва его друг вышел из палаты, составил письмо своему старшему командиру с просьбой разрешить ему просить место в летной школе во Фрейбурге. Когда прошли две недели, а ответа из полка все еще не было, Геринг, который уже оправился от болезни, получил необходимые бумаги у местного военного коменданта, заполнил и подписал бланк перевода. Он был уверен, что разрешение будет дано, но если он хотел присоединиться к Бруно Лёрцеру в Остенде, времени терять не стоило. Он уже приоделся соответствующим образом и начал летать в качестве наблюдателя в машине Лёрцера, когда пришел ответ из полка. В разрешении на перевод было категорически отказано, и ему приказывали явиться в часть немедленно после того, как врачи сочтут его здоровым.

Этого Герман Геринг совершенно не собирался делать. Он уже испытал наслаждение от поднебесного полета и нашел его даже более сильным, чем удовольствие от скалолазания, а теперь ему вновь приказывали вернуться на землю, в грязные окопы Западного фронта! Геринг никому, кроме Бруно Лёрцера, не сказал о депеше из полка и продолжал проводить все подходящие для полетов часы в воздухе вместе со своим другом, обучаясь особенностям работы, которую он для себя выбрал, — фотографа-наблюдателя. Обстоятельства были таковы: если он хочет вступить в бой в составе германских военно-воздушных сил, у него уже нет времени проходить курсы пилота.

Тем временем известие о его «самодеятельности» достигло его полка, и ему вновь было приказано незамедлительно прибыть в часть. Геринг никак не отреагировал на это распоряжение начальства. Его биографы, как правило, или умалчивают, или приуменьшают серьезность ситуации, в которой он тогда оказался. На самом же деле его положение было довольно опасным. Формально его могли судить за подделку переводных бумаг и дезертирство из части, причем последнее было вторым по важности преступлением, в котором мог быть обвинен офицер в военное время (первым было дезертирство под огнем). Под угрозой оказалась не только его карьера, но и сама свобода. Когда до него дошло известие от товарищей по полку, что полковник в ярости и требует военного трибунала для своего упорствующего в неподчинении офицера, Геринг, как никогда полный решимости

вырваться из пехоты, послал телеграмму крестному. И снова фон Эпенштейн продемонстрировал свое доброе отношение к любимому крестному сыну. Он не только сделал лейтенанту Герингу медицинское свидетельство, объявляющее его непригодным для дальнейшей службы в окопах, но и осторожно воспользовался своим влиянием в придворных кругах, которое он там все еще имел. Возникло своего рода соревнование между военной полицией и военно-воздушными силами, кто его быстрее приберет. Военный суд назначил и уже начал предварительные слушания по его делу, когда Геринг узнал от крестного, что его усилия принесли плоды и теперь он будет отправлен на фронт вместе с Бруно Лёрцером в составе одной из авиационных частей.

То ли эта новость достигла суда и повлияла на него, то ли сыграла свою роль блестящая репутация Геринга и его популярность среди офицеров, — не ясно, но обвинения против него внезапно были сведены до минимума, а именно: до опоздания в часть, и он был приговорен к доставке в штаб и заключению в казармах сроком на двадцать один день. Но прежде чем приговор был приведен в исполнение, последовали приказы высшего начальства. Они пришли от самого кронпринца. Принц Фридрих Вильгельм, старший сын кайзера, был горячим сторонником использования нового воздушного боевого средства, и среди подчиненных ему частей находился полевой авиаотряд Пятой германской армии, содействовавшей в тот момент войскам, занимавшим позиции против Второй французской армии, которая обороняла Верден и его окрестности. Он запросил, чтобы лейтенанты Бруно Лёрцер и Герман Геринг были прикреплены к одному из передовых наблюдательных подразделений. Геринг потом говорил, что они увели самолет из Фрейбурга и летели на нем до самого своего нового полевого штаба, располагавшегося под Стене в Северной Франции, чтобы успеть уйти от чинов военной полиции, которые взяли бы его под стражу и отвезли обратно в штаб для отбывания наказания. Правдой это было или нет — неизвестно, но одно не вызывало сомнений: с пехотной службой он покончил навсегда!

Тут следует оговориться, что, оценивая характер молодого лейтенанта, было бы, конечно, совершенно несправедливо утверждать, что он изменил свое военное амплуа просто из страха умереть в траншейной мясорубке, которая уже начиналась на Западном фронте. Страх — во всяком случае страх физической опасности — был чувством, которому Герман Геринг редко поддавался, и определенно этого не случалось в те дни, когда ему был двадцать один год и он жаждал славы. Все дело было в совершенно невыносимом для него тошнотворном однообразии

наземных боевых действий, с одной стороны, и, напротив, широких возможностях для проявления личной предприимчивости в воздухе — с другой. Он сам однажды объяснил: «Я чувствую, как оживаю, когда поднимаюсь в воздух, и становлюсь как в воду опушенным, когда нахожусь на земле; в небе я ощущаю себя маленьким богом».

Конечно, это не означает, что при всем том он не радовался тому, что отныне может спать каждую ночь в кровати, не страдая и не просыпаясь из-за грязи, крыс и орудийных раскатов, или что он мучился угрызениями совести, покупая еду и выпивку, — нет, просто теперь он опять испытывал возбуждение и восторг от войны, которые переживал в первые ее дни.

Следующие четыре года стали самыми захватывающими в его жизни, и уже никогда после этого она не казалась ему такой простой и счастливой.

К тому времени, когда Бруно Лёрцер и его наблюдатель Герман Геринг начали свои полеты с аэродрома под Стене весной 1915-го, в войне в воздухе над полями сражений во Франции назрел крутой перелом. До этого было редкостью, чтобы какой-нибудь британский или французский самолет сбил германский и наоборот. В начале войны неприятельские аэропланы, часто встречаясь в воздухе, пролетали близко друг от друга, и пилоты лишь приветственно помахивали друг другу руками. Да больше, собственно, они ничего поделать и не могли. Правда, некоторые летчики и наблюдатели имели при себе револьверы и винтовки и, оказываясь рядом с вражеским самолетом, палили в него наудачу, но таких было мало, и их поведение считалось не вполне рыцарским; кроме того, шанс поразить цель был очень незначительным.

Большая часть авиаторов была занята в разведывательных полетах с целью сбора сведений для армейской артиллерии и штабистов-оперативников, что они и делали, оставляя неприятельским пилотам возможность заниматься их собственной разведывательной работой. Опасность для них в то время исходила по большей части с земли, когда они устремлялись вниз, чтобы проконтролировать огонь своей артиллерии или заснять неприятельские позиции. По ним немедленно начинали палить пулеметчики и тысячи пехотинцев, и существовал большой риск получить пулю в определенное место — унизительное ранение! (После первых потерь авиаторы обеих сторон стали подкладывать на свои сиденья металлические чайные и кофейные подносы, пока низ самолета не стали защищать сталью.)

Работа Геринга как фотографа-наблюдателя была особенно

сложной и вскоре снискала ему прозвище «воздушный гимнаст». Они с Лёрцером летали на двухместном биплане «Альбатрос» B-I, у которого нижнее крыло проходило под вторым сиденьем, так что было проблематично снимать землю, просто опустив фотокамеру за борт. Геринг ждал, когда аэроплан окажется приблизительно над объектом, сигналил Лёрцеру, чтобы он снижался, и оставлял сиденье. Уцепившись ногами, он свешивался за борт и давал знак Лёрцеру, чтобы тот шел на вираж и накренил машину так, чтобы он мог фотографировать. В таком положении, держась практически одними ступнями, под яростным пулеметно-винтовочным огнем с земли лейтенант Геринг спокойно делал снимки и менял фотопластинки по штуке в минуту.

Пятой германской армией, к которой теперь были причислены Лёрцер и Геринг, командовал кронпринц Вильгельм, а руководство всеми германскими силами на этом фронте осуществлял начальник генерального штаба генерал Эрих фон Фалькенхайн. Последний решил во что бы то ни стало захватить французскую крепость Верден, считая, что до тех пор, пока неприятель будет держать оборону в ее стенах, его армии не смогут вырваться на обширные просторы позади нее. Он практически взял цепь вражеских фортов в кольцо своих тяжелых осадных орудий и обстреливал окруженных французов день и ночь. Ежедневно фон Фалькенхайн требовал фотоснимки укреплений Вердена, но настолько плотным был огонь оборонявшихся, что получить их он никак не мог. То аэропланы сбивали, то фотокамеры разбивались, либо снимки делались издалека или оказывались нечеткими.

Лёрцер и Геринг вызвались на это задание и три дня летали к Вердену, низко кружа над цепью его фортов — Лёрцер бросал свой «Альбатрос» в скольжение на крыле, а Геринг вывешивался за борт и методично фотографировал. В результате полученные снимки оказались такими крупными и четкими, что кронпринц Фридрих Вильгельм воспользовался своей монаршей привилегией и вручил прямо на летном поле Лёрцеру и Герингу Железные кресты первого класса.

Молодые авиаторы устроили по этому поводу пирушку, опустошив весь запас шампанского в местном кафе, и вернулись на работу, по словам Лёрцера, «с самыми тяжелыми головами, но самыми легкими сердцами во всех германских военно-воздушных силах». Но для Германа Геринга прошедшее веселье оказалось не простой попойкой — он кое-что придумал. Когда пришло время отправляться в следующий разведывательный полет, Лёрцер увидел, что его наблюдающий притащил на борт их «Альбатроса»

пулемет и приладил его у своего сиденья. Теперь во время вылетов они представляли собой еще более необычное зрелище: Геринг, как обычно держась «на цыпочках», начинал фотографировать, потом вдруг наклонялся, вытаскивал тяжелый пулемет и в таком положении, полускрючившись и вывесившись из аэроплана, начинал поливать очередями стрелявших по ним снизу вражеских солдат. Хотя Лёрцер не мог его слышать, в зеркало ему было видно, как его наблюдающий трясется от смеха, глядя, как те разбегаются в поисках укрытия.

А потом, в самом начале апреля 1915-го, наступил день, который ознаменовал собой новые рубежи в ведении войны в воздухе. Четыре аэроплана наблюдения «Альбатрос» с аэродрома Пятой армии плыли по небу над французской территорией, возвращаясь домой после завершения разведывательного задания. Они были безоружны, но, держась на высоте около трех тысяч метров, пилоты чувствовали себя в полной безопасности. Им были не страшны даже те французские аэропланы, наблюдатели которых, подобно Герингу, стали брать с собой пулеметы — существующее на тот момент оружие такого рода было слишком тяжелым, чтобы можно было подняться с ним на значительную высоту. Когда один из германских пилотов заметил французский моноплан, который приближался к ним, и просигналил об этом своим товарищам, никто из них не нарушил строя и не проявил особого беспокойства. Что мог им сделать один невооруженный неприятельский аэроплан?

Они, конечно, не могли знать, что этот моноплан был не только вооружен, но что его пилотировал знаменитый авиатор-француз Ролан Гарро, которому как раз и предстояло сделать два из германских бипланов первыми жертвами воздушного боя нового типа. Впервые в боевых действиях в воздухе он собирался испытать новый легкий пулемет, который посылал очереди между лопастями пропеллера. Оружие не было синхронизировано, и Ролан Гарро знал, что при стрельбе некоторые пули будут попадать в лопасти и вырвут из них большие куски, хотя он и укрепил их стальными полосами. Но какое это имело значение, если благодаря этому он сможет сбить «гунна»?

Он подлетел к вражескому строю и с близкого расстояния открыл огонь. Ближайший к нему аэроплан загорелся и рухнул вниз, остальные в панике рассыпались по небу. Он настиг еще один и сбил его, прежде чем два других исчезли в облаках, а его собственный аэроплан начал бешено рыскать — он почти полностью отстрелил одну лопасть. Данное обстоятельство совершенно не испугало готового к этому французского авиатора — он выключил мотор и начал планировать, держа направление

на свое взлетное поле и высматривая открытое и ровное место для посадки.

На другой день, заменив пропеллер, он снова взлетел и отправился на охоту. В итоге за восемнадцать следующих дней Гарро сбил пять германских аэропланов. Фактически же он сделал больше — посеял замешательство и панику среди германских воздушных стратегов. Как такое могло случиться? Как на моноплане может быть установлен пулемет, стреляющий, судя по всему, через его пропеллер? — задавались вопросом немецкие авиаторы.

19 апреля, через восемнадцать дней после первой атаки, они выяснили — как. В этот день Гарро вновь летел в свободном поиске, когда из-за поломки у него заглох мотор, и он спланировал на занятую германцами территорию, где был взят в плен прежде, чем успел сжечь свой летательный аппарат. Его отвели на допрос, а моноплан отбуксировали для изучения.

Одним из конструкторов, разрабатывающих аэропланы для германских военно-воздушных сил, был молодой голландец Антон-Герман-Жерар Фоккер, и в связи с тем, что новый, только что созданный им аппарат тоже был монопланом, схожим с тем, на котором прилетел Гарро, его пригласили обследовать захваченную машину и ее новое вооружение, наделавшее столько шума. Не смог бы он сконструировать что-нибудь в этом роде?

Фоккер, которого в скором времени признают одним из величайших авиаконструкторов мира, не имел до этого момента никакого представления о пулеметах, но после беглого осмотра оружия моноплана Гарро заявил встревоженным немцам, что сможет и гораздо лучше.

Это вооружение самоубийственно по своей сути, сказал он и показал на укрепленные сталью лопасти, пояснив: «Пули, пролетая через них, могут вырвать достаточно большой кусок, который выведет из строя машину, либо срикошетить и убить пилота. Пулемет можно использовать таким образом, только если его как следует синхронизировать».

Но это невозможно, решительно возразили немцы.

Это возможно, спокойно ответил Фоккер. Он вспомнил свое детство в Голландии и игры с приятелями, одна из которых заключалась в бросании камешков между вращающимися крыльями ветряных мельниц под Гарлемом. При этом существовала определенная хитрость: ты ждешь, когда крыло встанет вертикально, и бросаешь камешек прямо в него, и пока он долетит, на его месте оказывается пустота. Схожим же образом, с пулей вместо камня и пропеллером вместо мельничных крыльев, он решил подойти и к решению этой задачи.

Фоккер, человек в высшей степени самоуверенный, пообещал своим германским заказчикам, что решит проблему и создаст совершенный вариант авиационного пулемета Гарро за неделю. Поразительно, но Фоккер принес свой проект даже раньше срока. Просидев вместе с тремя своими испытанными помощниками сорок восемь часов без перерыва, он раскрыл секрет синхронизации и шесть дней спустя перегнал оснащенный пулеметом моноплан в Берлин для демонстрации. Немцы, осмотрев его, выразили сомнение, что он будет работать. Фоккер произвел показ на земле, но они все еще сомневались, что он будет так же действовать и в воздухе. Тогда Фоккер поднялся в воздух на триста метров и, развернувшись, направил нос аэроплана на кучу хлама в углу поля и открыл огонь. Пули не только разметали его цель — разлетаясь рикошетом по всему полю, они вынудили германских экспертов прятаться кто куда. Фоккер сделал это намеренно.

«Когда они пустились наутек, — написал он позднее, — я подумал, что теперь они никогда не забудут, что пулемет стреляет с воздуха так же смертоносно, как и на земле».

Все же немцы потребовали от него контрольного доказательства работы новой системы, которое можно было представить только в реальном воздушном бою, сбив вражеский аэроплан. Если Фоккер хочет получить деньги, которые были ему обещаны за его систему, в его собственных интересах произвести реальную демонстрацию, заключили немцы и лишь пожали плечами в ответ на его возражение, что он голландец, гражданин нейтральной страны и к тому же гражданский человек.

Развязка наступила в середине мая 1915 года. Антон Фоккер в мундире германского лейтенанта с фальшивым удостоверением в кармане однажды оказался за завтраком с рейнвейном в компании кронпринца Фридриха Вильгельма и шумной толпы германских авиаторов в шато недалеко от взлетного поля в Дуэ. Среди его сотрапезников были и Герман Геринг и Бруно Лёрцер, как и все остальные, возбужденные перспективами, открывающимися с появлением новой системы, работу которой Фоккер собирался показать на фронте этим полуднем. Герингу не терпелось увидеть в действии боевое изобретение Фоккера, которое, как он отлично понимал, было принципиальным для боевых действий в воздухе, однако проситься в сопровождающие смысла не имело — «Альбатрос», на котором летали они с Лёрцером, был слишком медлительным по сравнению с моноплано голландца.

Годы спустя, когда они с Фоккером уже стали друзьями, Геринг напомнил ему об этом завтраке и вспомнил, как он

похлопал его по спине, «потому что тот выглядел таким несчастным и почти не притронулся к еде»…

— Я и был несчастным, — ответил Фоккер, — я никак не мог понять, как оказался в такой ситуации. Я не был военнослужащим, не собирался никого убивать. А если бы меня сбили или если бы я приземлился на вражеской территории, то был бы казнен как шпион. И совершенно справедливо.

В первый день он не встретил ни одного аэроплана, и полет слегка остудил его голову. Так же получилось и на второй, и на третий день, и еще через несколько дней. Наконец, на восьмой день Фоккер, пролетая над Дуэ на высоте почти две тысячи метров, увидел французский двухместный «Фарман». Он спикировал на него, но француз, совершенно не подозревая о пулемете, который теперь смотрел прямо на него, вовсе и не думал уходить.

«Расстояние между нами быстро сокращалось, — писал позже Фоккер, — и воображение уже рисовало мне, как мои пули прошивают бензобаки… Даже если мои пули не убьют пилота и наблюдателя, их аппарат рухнет на землю, объятый пламенем. Мой палец лежал на спусковом крючке… Я не питал никакой личной вражды к французам. Я отправился в полет только для того, чтобы показать, что некий механизм, который я изобрел, работает. Я был от них уже достаточно близко, чтобы открыть огонь, и французские авиаторы смотрели на меня с удивлением, вне сомнений, гадая, зачем это я устроился у них на хвосте. Через мгновения для них все могло быть кончено. Внезапно я решил послать к черту всю свою работу: все это мне совершенно не нравилось, мои внутренности были к этому абсолютно не приспособлены, и я не испытывал никакого желания убивать французов ради немцев. Пусть они сами этим занимаются!»

Немцы были удивлены, потом пришли в ярость и угрозами и насмешками стали пытаться заставить его изменить свое решение. Но Фоккер был непоколебим. Наконец они пришли к соглашению, что он проинструктирует германского пилота, как пользоваться пулеметом, и для этой задачи был выбран лейтенант Освальд Бёльке, которому в будущем предстояло стать одним из главных асов Германии. Он сбил свою ничего не подозревающую жертву в третьем полете, и германские воздушные стратеги наконец убедились в огромной важности новой системы; были даны указания установить ее на другие аэропланы. Лейтенант Макс Иммельман, давший свое имя ставшей классической фигуре воздушного пилотажа, стал вторым пилотом, который получил вооруженный пулеметом моноплан Фоккера.

Это была уже улучшенная модель, «фоккер» Е-2, с мотором Оберурселя мощностью сто лошадиных сил вместо восьмидесятисильного «аргуса». Через три-четыре недели полдюжины Е-2 уже находились на фронте. Иммельману, Бёльке и другим пилотам «фоккеров», число которых к середине июня достигло шестнадцати, надо было только заметить неприятельский аэроплан и зайти к нему сверху или сзади — и он был обречен. Скоро они обнаружили, что слабым вращением носа машины могут добиваться того, чтобы пули летели конусом, и оказавшийся в его центре вражеский аэроплан, куда бы он ни пытался отвернуть, неминуемо попадал под огонь.

В результате летом 1915 года германские авиаторы стали хозяевами небес Западного фронта. Но не надолго.

Что же касается Германа Геринга, то он неизбежно должен был стать пилотом. Человек неукротимой энергии и неистощимого энтузиазма, он, обнаружив, что все возможности новой игры и нового рода деятельности исчерпаны, испытывал потребность перейти к другому занятию, новому приключению. Как прославившийся «воздушный гимнаст» на сиденье наблюдателя, Геринг стал на некоторое время темой разговоров за обеденными столами авиаторов всего Западного фронта. Но теперь, с возникновением новой и опасной формы войны в воздухе, героем дня стал пилот-истребитель. В газетах начали мелькать имена Иммельмана, Бельке и Гесса, когда с фронта стали приходить известия об одерживаемых ими победах, и Герингу очень хотелось, чтобы там появилось и его имя.

В июне 1915-го он прибыл во Фрейбург, чтобы пойти на курсы пилотов, и уже не первый раз в своей жизни превзошел всех остальных. Он совершал превосходные взлеты и посадки почти с самого начала (что не слишком удивительно, так как он достаточно часто видел, как это делает Лёрцер) и очень скоро стал проявлять способность к высшему пилотажу, чем произвел впечатление на инструкторов и заставил зеленеть от зависти своих однокурсников. Впоследствии Геринг хвастался, что был единственным на курсах, кто с самого начала обучения и до конца не разбил ни одного аэроплана.

В октябре 1915 года его определили в 5-ю истребительную эскадрилью, которая отправлялась на Западный фронт. Он летал всего третью неделю, когда у него состоялось столкновение с новым гигантским двухмоторным бомбардировщиком «хендли-пейджем», который англичане недавно ввели в действие в этом секторе фронта. Геринг заметил его огромный корпус, выплывший из тяжелого ноябрьского облака, и направился к нему, чтобы рассмотреть поближе, упустив из виду, что

остальные пилоты его эскадрильи поспешно удалились. Они знали то, о чем Геринг, похоже, забыл: что эти новые бомбардировщики никогда не поднимаются в небо без сопровождения истребителей.

Едва он приблизился к «хендли-пейджу», как сообразил, что по нему стреляют из кабины на фюзеляже бомбардировщика, и, сделав крутой разворот, устремился на него, ведя огонь из пулемета. Стрелок упал вниз лицом, а мотор под одним крылом британца загорелся, но сам Геринг в то же мгновение подвергся яростному обстрелу звена «сопвичей», которые набросились на него со всех сторон. Сначала ему пробили крыло, затем бензобак, а потом он почувствовал, что пуля попала в него самого. Он инстинктивно попытался увести машину в облака, но та стала стремительно терять высоту. В его быстро меркнущем сознании мелькнула мысль, что он скоро может оказаться над территорией противника, и, на его счастье, глухой стук пуль, стреляющих по нему из окопов британцев, а также резкая боль в бедре вернули его в реальность.

Он сумел выровнять аэроплан и, дотянув на бреющем до германских позиций, рухнул прямо на кладбище. Ему повезло — кладбище находилось в расположении полевого лазарета, и если бы он упал в другом месте, то умер бы от потери крови. Его вынули из обломков аэроплана и поместили на операционный стол, где из бедра извлекли пулю и осколки кости. (Геринг, разумеется, об этом и не подозревал, но его бедру предстояло стать для него воистину «ахиллесовым».)

Вскоре его перевезли в госпиталь, где он провел несколько месяцев в постели в мучительных болях, прежде чем его рана и раздробленная кость стали заживать. Летом 1916-го его отправили в отпуск на поправку домой, и он провел большую его часть в замке у крестного, в Маутерндорфе.

Пришло время рассказать о первой любви Геринга.

Замок Маутерндорф изменился с тех пор, как Лилли фон Эпенштейн, теперь известная всем как баронесса Лилли, взяла в нем бразды хозяйства в свои руки. Теперь, выйдя замуж, счастливая и совершенно раскрепощенная, она все еще проявляла склонность к шаловливому флирту, когда муж был рядом, но давала понять, что делает это только потому, что знаёт, что ему это нравится. Она была на сорок лет моложе его и, похоже, получала удовольствие, потворствуя мужу.

Повсюду в замке, а также за его пределами ощущалась легкость ее натуры. Она уменьшила количество тяжелой готической мебели, которой были загромождены огромные комнаты, и осветила, расцветила и оживила все темные и

мрачные углы. Много она сделала и для того, чтобы смягчить деспотичную, феодальную манеру фон Эпенштейна управлять жизнью семей на землях замка и являлась к женщинам и их детям безусловно как хозяйка, но хозяйка милостивая и готовая помочь. Кроме того, она сделала кое-что еще, чего ее муж избегал из-за собственной чванливости, — установила дружеские отношения с крестьянами и землевладельцами окрестных земель, приглашая их в замок на обеды, ужины и торжества и на охоты на маутерндорфских угодьях.

На такой пирушке Герман Геринг и встретился с Марианной Маузер, дочерью землевладельца из Маутерндорфа. Он всю свою жизнь любил вечеринки, и на них проявлялись его лучшие качества. «Я совершенно не похож на англичанина, — однажды заметил он. — Они начинают вечеринку в состоянии на две рюмки хуже нормального, а я на две рюмки лучше». Он уже оправился от последствий ранения и в своем мундире офицера имперских военно-воздушных сил с гордо поблескивающим на груди Железным крестом выглядел очень импозантно, а его очарование усиливали удивительные глаза, унаследованные от матери. Марианна Маузер была не единственной девушкой, которую они привели в замешательство, но до сих пор единственной, кто вскружил голову ему. Они так влюбились друг в друга, что в последние дни жизни в замке Герман пошел к герру Маузеру и официально попросил у него руки дочери. Герр Маузер, на которого отсутствие у семьи Геринга денег или земли производило больше впечатления, чем его репутация, не проявил в ответ особого энтузиазма, но из-за того, что не хотел оскорбить фон Эпенштейна, отказав его крестному, стал тянуть с ответом и дал согласие лишь на тайную помолвку. Очевидно, он рассудил, что жизнь на Западном фронте — штука слишком ненадежная, чтобы дело могло дойти до женитьбы.

Перед возвращением в госпиталь для выписки и переназначения в часть молодой лейтенант отправился в путешествие на север вместе с баронессой Лилли, чтобы ненадолго остановиться в Фельденштейне. Он поехал туда неохотно, потому как было очевидно, что ожидающие его там воспоминания вряд ли окажутся приятными. Но когда они туда прибыли, его ожидал трогательный сюрприз: в замке его ждала мать, которая опять там обитала. Лилли фон Эпенштейн вновь установила с ней контакт и теперь всеми возможными путями показывала, что хочет, чтобы они стали друзьями. Похоже, она старалась загладить вину за то, что из-за ее замужества Геринги потеряли дом, в котором столько прожили.

Ольга со слов матери рассказывает, что, когда Герману было

уже пора отправляться, они втроем поднялись на старые стены, чтобы полюбоваться густыми лесами Франконии, и Лилли повернулась к молодому лейтенанту и сжала его руку.

— Придет день, — сказала она, — когда все это снова станет вашим. Как и Маутерндорф.

— Почему она так сказала? — продолжает Ольга. — Да потому что Лилли фон Эпенштейн любила Германа с тех пор, как его увидела. Но он об этом не догадывался. Он просто не мог подумать, что кто-то мог предпочесть его нашему легендарному крестному.

Пилот-истребитель

Зимой 1916-го, когда Герман Геринг вернулся на Западный фронт, асом № 1 германских военно-воздушных сил считался барон Манфред фон Рихтгофен. Вскоре и германские и британские газеты стали называть его по прозвищу — Красный Барон или Красный Рыцарь, но следует заметить, что, хотя его аэроплан действительно был красного цвета, в такой окраске, да и в самом бароне было мало рыцарского. Это были дни, когда во время воздушных боев над Фландрией летчики постоянно подавали примеры уважения к противнику, если он демонстрировал превосходство в бою, и сострадания, если он падал вниз подбитый или загоревшийся. В дневнике эскадрильи Геринга имеется запись одного пилота, докладывающего, как он сбил британский «сопвич», которая заканчивается словами:

«Он дрался храбро и хорошо, но удача была на моей стороне. Я не стал добивать его, но маневрировал так, что он был вынужден совершить посадку на нашей территории». На полях стоит сделанная рукой Геринга пометка: «Хорошо».

У Рихтгофена же не было времени для подобной галантности. Он был великим коллекционером «абсолютных побед», то есть уничтоженных аэропланов, и, как ворчали некоторые из его сослуживцев, любил подлететь и добить противника, которого они уже повредили, чтобы записать потом его на свой счет. Каждый раз, когда он добивался «абсолютной победы», у него появлялся маленький кубок с выгравированным на нем аэропланом и датой, когда это произошло, и ко времени, когда его самого сбили, на его каминной полке их стояло восемь десятков.

«Сердце начинает биться быстрее, — писал он в письме своей матери, — когда враг, лицо которого ты только что видел, объятый пламенем, падает с высоты трех с половиной тысяч метров. Когда они ударяются об землю, ни от пилота, ни от аэроплана практически ничего на остается. Я храню на память сувенир, который остался от моего второго британца, — пулемет, казенник которого заклинило патроном».

Геринг вернулся на службу 3 ноября 1916 года, в день, когда состоялись похороны со всеми воинскими почестями Освальда Бёльке, сбитого двумя днями ранее. В типичной для себя манере Рихтгофен в этот день поднялся перед завтраком, сбил французский истребитель, вернулся, поел, надел парадную форму и встал во главе гроба как самый почетный участник ритуала.

Геринг был теперь причислен к 26-й истребительной

эскадрилье, командиром которой был Бруно Лёрцер, и их часть, базировавшаяся в Мюльхаузене, находилась слишком далеко, чтобы присутствовать на траурной церемонии. В связи с этим Лёрцер решил, что они отметят похороны Бёльке в небе, уничтожив несколько вражеских аэропланов, и спустя считанные часы после своего прибытия Геринг уже сидел в кабине истребителя. В этот день эскадрилье не удалось встретить противника, но в последующие недели они с лихвой компенсировали это невезение.

Как пилот-истребитель, Геринг не обладал беспринципной целеустремленностью, чутьем и, пожалуй, удачливостью Рихтгофена (сбившего в течение одного месяца двадцать один аэроплан) или безрассудством весельчака-гиганта Эрнста Удета (который был следующим по результативности пилотом), но у него были умение и мужество, и о нем никто не мог сказать, что он не принял вызова или бежит от противника. К середине 1917 года он имел на своем счету семнадцать сбитых аэропланов, добавил к своему Железному кресту еще две награды и приобрел такое имя, что его назначили командовать новой истребительной эскадрильей, которая действовала от Изегема на фландрском участке фронта вместе с частью Лёрцера. Воздушная война постепенно накалялась. Британцы и французы, получившие новые машины и синхронизированные пулеметы, вместе с несколькими новыми удалыми пилотами из Соединенных Штатов уравняли шансы в воздухе, хотя еще не вернули Полностью своего господства.

Несмотря на то что они командовали теперь двумя разными эскадрильями, узы дружбы Лёрцера и Геринга стали еще крепче. В боях над Фландрией они приходили в критические моменты друг другу на помощь, спасая от гибели. Лёрцер однажды отогнал три французских истребителя, дав Герингу возможность завести на вынужденную посадку его изрешеченную пулями машину и остаться невредимым. А Геринг как-то атаковал британца, который был готов поразить аэроплан Лёрцера с непросматриваемой стороны.

«Мы связаны чем-то более прочным, чем цепи, Лёрцер и я, — писал Геринг сестре. — Я знаю, что в час нужды он никогда меня не бросит».

Геринг был хорошим командиром эскадрильи. Армейская подготовка оказалась полезной в административно-хозяйственной и оперативно-тактической сторонах его работы, и он руководил своей частью четко и грамотно. Его пилоты отметили, что он был как бы двумя разными людьми в зависимости от того, чем занимался. Вне службы это был очень

компанейский человек, готовый участвовать со своими подчиненными во всех спортивных играх и весельях с девочками. Командуя же эскадрильей, на земле он становился холодным, жестким и неумолимым начальником, настаивающим на строжайшем подчинении военным порядкам, а в воздухе требовал, чтобы его пилоты вели свои машины в соответствии с планом, который он для них разработал, не отрываясь для совершения личных подвигов и демонстрации храбрости, к чему он сам прежде имел немалую склонность. Геринг видел, как развиваются военные действия в воздухе над Фландрией, и сделал вывод, что теперь побед будут добиваться пилоты самых обученных и самых дисциплинированных эскадрилий. Его пилотам это не нравилось, но они видели, что имеют больше «побед» и теряют меньше машин.

Успех, с которым он руководил эскадрильей, может быть оценен по такому факту: до того момента к высшей германской награде, ордену «За заслуги», представлялись только те пилоты — Бёльке, Рихтгофен и Удет, — которые сбили не меньше двадцати пяти аэропланов противника, Геринг же получил его, когда имел на своем счету только пятнадцать. Награждение означало официальное признание его разносторонних способностей, умения руководить и сражаться. Он отправился в Берлин, чтобы получить награду лично из рук кайзера, и, находясь там, впервые испытал, что значит быть героем. Его имя и фотография появились в газетах, а зайдя в фешенебельный ресторан, он был встречен бурей аплодисментов и восторга женской части присутствующих. Пьянящее ощущение славы не оставляло его, и он наслаждался каждым мгновением. Он вернулся в эскадрилью с большим сапфиром на шее — цветом почти как его глаза — на золотой цепочке, но кто его подарил, не сказал.

Для больших сражений в небе Фландрии германцы собрали свои эскадрильи в эскадры, или полки, № 1 из которых возглавил сам главный ас, и этот полк стал известен как «Воздушный цирк Рихтгофена». Утром 20 апреля 1918 года Рихтгофен стремительно вошел под приветствия и поздравления своих механиков в офицерскую столовую. Он сбил свой восьмидесятый аэроплан.

— Восемьдесят! — сказал он с удовлетворением. — Приличное количество, — и с самодовольной улыбкой стал выслушивать тосты своих однополчан за «нашего командира, нашего учителя и нашего товарища, аса из асов».

Это стало его последним подвигом. На следующий день, под музыку марширующего по плацу военного оркестра, триплан Рихтгофена выкатили на взлетную полосу. На фоне его ярко-красной окраски сопровождающие его светлые машины

смотрелись маленькими и невзрачными. Адъютант (начальник отделения личного состава авиаполка) Карл Боденшатц спустился с наблюдательной вышки, чтобы доложить командиру, что прогноз погоды плохой и что дует восточный ветер, обещающий трудное возвращение домой тем германским аэропланам, которые окажутся поврежденными в бою. Красный аэроплан вместе с восемью другими поднялся в воздух и улетел, чтобы встретиться над каналом Соммы с остальной частью полка. Полчаса спустя они ввязались в сражение с большой группой британских «сопвичей», в которой находилось звено капитана Роя Брауна, канадца. В этом звене был еще один канадец, Уилфред Мэй, и для него этот бой должен был стать боевым крещением. Перед первым боевым вылетом Мэя проинструктировали, чтобы он не лез в стычку, если мог ее избежать. Поначалу он кружил на высоте трех с половиной тысяч метров на краю воздушного поля боя, но когда под ним пролетел один вражеский аэроплан, потом второй, Мэй не справился с искушением и рванулся вниз, стреляя из пулеметов. Однако он не только промахнулся, но и давал при этом такие длинные очереди, что оба его пулемета заклинило, а сам он оказался в самой гуще боя. Ему удалось оттуда выбраться, и он уже облегченно вздохнул, решив, что спасся, как тут же понял, что его кто-то преследует и обстреливает.

Это был сам Рихтгофен, который разглядел в нем легкую добычу и теперь подбирался поближе, чтобы сбить. Однако Браун, как раз только что выбравшийся из воздушной свалки, заметил аэроплан Мэя с красным «фоккером» на хвосте и понял, что Красный Рыцарь готовится прикончить его. Он пошел на сближение и, устремившись вниз, открыл огонь из пулеметов, не надеясь подбить Рихтгофена, но рассчитывая отвлечь от его жертвы. Они оказались уже довольно близко от земли, и британские солдаты стали бешено палить по германскому триплану. Чей выстрел оказался для великого аса роковым, Брауна или пулеметчика снизу, до сих пор остается под вопросом.

Медленно плывя в воздухе в восточном направлении, красный трехкрылый «фоккер» еще милю скользил над покрывающейся зеленью сельской местностью, словно он по-прежнему управлялся своим пилотом, затем задел шасси о край воронки и, обломав их, шлепнулся на брюхо рядом с дорогой.

Постоянный приказ-инструкция запрещал солдатам на этом участке появляться на дороге или рядом с дорогой, которая находилась под наблюдением противника, но из-за любопытства они нарушили этот приказ и столпились вокруг упавшего летательного аппарата. Находившийся среди них офицер убедился, что пилот мертв, отстегнул привязные ремни и с

помощью солдат вытащил из кабины обмякшее тело. Красивое нордическое лицо, каким оно казалось под ремешками шлема и разбитыми очками, было залито кровью. Тело положили на дорогу и вытащили документы.

— Бог мой, да это же Рихтгофен! — воскликнул офицер.

— Господи, — прошептал какой-то томми, — они сшибли Красного Барона.

Только 23 апреля 1918 года пилоты «Воздушного цирка Рихтгофена» узнали о том, что случилось с их командиром. В этот день над главным взлетным полем полка у Каппи пролетел британский аэроплан, который сбросил металлический контейнер с прикрепленным к нему вымпелом. Внутрь была вложена фотография торжественных военных похорон, устроенных британцами Рихтгофену, и записка:

«Германскому летному корпусу.

Ротмистр барон Манфред фон Рихтгофен погиб в воздушном бою 21 апреля 1918 года. Он был погребен со всеми подобающими воинскими почестями.

От британских Королевских военно-воздушных сил».

Геринг, услышав о смерти их знаменитого аса, был ошеломлен, как любой другой немец, но он не мог предполагать, что она будет иметь последствия лично для него. Он тоже участвовал в боях со своей эскадрильей в день трагедии, потеряв четырех пилотов. 24 апреля 1918 года он организовал заупокойную службу в память авиаторов, доблестно отдавших свои жизни за фатерланд. В этот же день его эскадрилья была снова в деле, и Геринг испытал мрачное удовлетворение, сбив «сопвич», так как пулеметные очереди аэропланов именно этого типа навсегда вычеркнули из небесной сини Красного Барона и четырех его пилотов.

Рихтгофен оставил завещание и распоряжения на случай своей смерти, и утром 22 апреля адъютант эскадры № 1 Карл Боденшатц вскрыл конверт, потому как стало очевидным, что командир к ним не вернется. К немалому удивлению всех членов «труппы» «Воздушного цирка», в качестве своего преемника на должности командира Рихтгофен назвал капитана Вильгельма Рейнхардта.

Двадцатисемилетний Рейнхардт был самым старшим в полку, но не это было причиной изумления его товарищей по оружию. На самом деле вероятной причиной, по которой Рихтгофен назвал его, была его общеизвестная рассудительность. Но, хотя он обладал при этом и храбростью, и решительностью, и летным мастерством, ему недоставало качества, которое было необходимо руководителю «Воздушного цирка», для того чтобы

он оставался грозой авиации союзников в небе Фландрии. Рейнхардт был не способен к гибкому управлению. Он всегда руководствовался исключительно правилами, а в те дни тот, кто поступал «в соответствии с», имел мало шансов добиться громких успехов, которых Германия теперь ожидала от своих авиаторов.

Осознание своей неспособности к руководству Рейнхардту помогало мало, и почти каждый раз, когда завязывался бой, он передавал инициативу то одному, то другому из своих людей. Как-то, после того как был сбит один из его пилотов, он записал в своем дневнике: «Он проявлял все данные незаурядного лидера, и в воздухе я не раз уступал ему управление».

Только благодаря такой безамбициозной, скромной передаче власти «Воздушный цирк», который стал официально именоваться J. G. № 1 «Richthofen», добился заметных успехов в первой половине мая и к середине месяца убрал с неба не меньше тринадцати британских бомбардировщиков и истребителей. 20 мая полк получил приказ свернуть свою штаб-квартиру под Каппи, к западу от Перрона, где они действовали в районе Амьенского выступа, и лететь в Гюиз. Эта переброска осуществлялась в ходе подготовки крупномасштабного наступления, которое генерал Людендорф намеревался начать против союзников на реке Эне. Пилоты были рады перемене места, потому что в Каппи все постоянно напоминало об их ушедшем в небытие непревзойденном асе и его красном аэроплане.

По прибытии в Гюиз их информировали, что они и несколько других эскадрилий на фронте будут переоснащены в ходе подготовки приближающегося наступления совершенно новым типом аэроплана. Им оказался «фоккер D-7» биплан, который должен был сменить «фоккер D-1» триплан, используемый ими до сих пор. Пилоты восприняли эту новость безо всякого удовольствия, так как ей предшествовал слух, что новая машина имеет неэстетичный внешний вид и ей недостает скорости подъема и маневренности, присущих триплану. На протяжении нескольких последующих недель, впрочем, они летали на новых аэропланах без особых бед, но испытали сильное облегчение, когда услышали, что с технологических линий скоро сойдет еще один новый летательный аппарат, и вот-то он обещает быть великолепной, весьма совершенной боевой машиной. Им оказался «фоккер D-8» — моноплан, который англичане и американцы позднее окрестили «Летающая бритва».

3 июля командиры эскадрилий Западного фронта были собраны в Адлершофе для проверки нового аэроплана, среди них находились и Герман Геринг, и новый руководитель «Воздушного

цирка» Вильгельм Рейнхардт. И тот и другой «прощупали» новый летательный аппарат и оба оказались более чем удовлетворенными его качествами. После испытаний они отправились в офицерскую столовую, чтобы побеседовать и выпить с Антоном Фоккером. Выходя оттуда, Геринг заметил какой-то новый, неизвестного ему типа биплан, стоявший на краю взлетного поля. Ему объяснили, что это экспериментальный летательный аппарат, разработанный доктором Клодом Дорнье (который впоследствии построил целый флот разнообразных «летающих лодок»), и что его изготовила, компания Цеппелина.

Геринг сказал, что хотел бы опробовать его. После некоторых колебаний ему коротко рассказали про рычаги управления, машину заправили, и он, вырулив на траву, взлетел. Найдя «дорнье» чрезвычайно послушным и маневренным, он начал впечатляющую демонстрацию фигур высшего пилотажа. Говоря жаргоном опытных пилотов-истребителей, он «выбил» взлетное поле с обеих сторон, лицевой и обратной, входя в штопор, рыская и делая петли, и наконец, после особенно пугающего пикирования на угрожающе изогнувшихся крыльях, пошел на посадку и выпрыгнул из кабины, смеясь от удовольствия, довольный эффектом от своего полета, запечатлившимся на лицах зрителей.

Не желая отставать, Вильгельм Рейнхардт объявил, что теперь он покажет, на что способен этот новый аэроплан. Он подождал, пока его заправят, потом поднялся в воздух и сразу начал резко набирать высоту. Он взлетел на тысячу метров и все еще не собирался выравниваться, как вдруг раздался резкий, как пистолетный выстрел, хлопок, и наблюдавшие снизу люди с ужасом увидели, как левое крыло аэроплана сложилось, затем отлетело в сторону. «Дорнье» вошел в штопор и врезался в землю. Все бросились к обломкам и там увидели, что, не выдержав нагрузки, отломилась стойка крыла. Командир J. G. № 1 «Richthofen» был мертв.

Кто теперь мог заменить его в качестве лидера прославившейся уже на весь мир группы авиаторов-истребителей?

Среди пилотов J. G. № 1 на эту должность было два главных претендента: Зрнст Удет и Карл Лёвенхардт, которые отчаянно соперничали друг с другом не только в стремлении занять место Рихтгофена, но и в гонке по перекрытию его рекорда — восьмидесяти побед. 4 июля было объявлено, что Удету передается временное командование полком, однако на следующий день приказ отменили. Удет был уверен, что лишился столь желанного назначения из-за интриг Лёвенхардта, и ходили

слухи, что он готов вызвать своего соперника на небесную дуэль.

Все ждали, что теперь вместо Удета назначат Лёвенхардта. И ошиблись. Утром 7 июля 1918 года адъютант, лейтенант Боденшатц вошел в клуб-столовую с бумагой в руке и многозначительно объявил, что приглашает всех пилотов и механиков полка немедленно собраться в главном ангаре. Там он зачитал им уведомление, которое только что получил из Берлина.

— Распоряжением верховного командующего германскими вооруженными силами, — начал он, — лейтенант Герман Геринг, имеющий награды «За заслуги», Железный крест 1-го класса, орден Льва с мечами, орден Карла Фридриха с мечами, орден Гогенцоллернов III степени с мечами, до настоящего момента командующий истребительной эскадрильей № 27, назначается командовать истребительным полком № 1 «Барон фон Рихтгофен».

В наступившей тяжелой тишине пилоты и техники какое-то время ошарашенно смотрели друг на друга, потом Удет с трудом выдавил из себя:

— Бог мой, они выбрали чужака!

Катастрофа

Утром 14 июля 1918 года пилотов авиаполка «Рихтгофен» вновь собрали в ангаре у своего главного поля под Гюизом, и в воздухе чувствовалось напряжение того типа, которое возникало, когда эти многоопытные воины неба собирались на инструктажи перед крупными операциями. На самом же деле ожидавшее их «тяжелое испытание» было всего лишь встречей с новым командиром, но за дни, прошедшие между объявлением о назначении и его прибытием на авиационную станцию, неприязнь к нему усилилась, и ни Удет, ни Лёвенхардт не делали ничего, чтобы уменьшить ее. Впоследствии Эрнст Удет стал одним из близких друзей и сотрудников Геринга, но в тот момент он ощущал себя проигравшим и не испытывал никакого желания жать руку победителю.

Нет, асы «Воздушного цирка» отнюдь не считали нового командира слабым пилотом или, хуже того, человеком, недостойным ими руководить. Им была известна его репутация, они знали его как одного из самых бесстрашных авиаторов Западного фронта и сознавали, что орден «За заслуги» относится к числу германских наград, которые легко не достаются, и что Геринг его заслужил.

Дело было в другом: их самолюбие оказалось задетым тем, что он был чужим, не членом их избранного «клуба». Пилоты «Воздушного цирка Рихтгофена» являлись элитной, обособленной группой храбрых и опытных людей, чьи подвиги были известны противнику так же хорошо, как и их собственному народу. Их тесный мирок был их собственным замкнутым королевством, из которого, как они считали, и должны были выбираться их правители. Их оскорблял тот факт, что преемственность идет не из их рыцарских рядов, и было немало таких, кто сокрушался по поводу того, что это бедный Рейнхардт, а не Геринг сел вторым в обреченный «дорнье». Никто не пытался утверждать, что это Геринг убил их командира, намеренно ослабив стойку крыла, но такая мысль, должно быть, была в голове у многих.

В то утро 14 июля Герман Геринг имел, вероятно, только одного доброжелательно настроенного к нему человека в J. G. № 1 «Рихтгофен», и им был адъютант полка лейтенант Карл Боденшатц. Он с первой же встречи проникся к новому командиру симпатией, которая затем перешла в восхищение и сохранилась на всю жизнь. По прошествии непродолжительного времени он написал о Геринге такие слова: «Обладая личным обаянием, он, как я подозреваю, вместе с тем непокладистый

человек. Такой вывод можно сделать из того, как он двигается и разговаривает».

Боденшатц вкратце обрисовал Герингу картину царивших среди пилотов чувств и был обрадован, когда, увидел, что тот не рассердился и не обеспокоился.

— Это понятно, — сказал он. — Пойдемте, чтобы они не приуныли еще больше от долгого ожидания.

В своей книге о пилотах первой мировой войны «Большая воздушная война», которая в других отношениях заслуживает доверия, Аарон Норман так описывает первую встречу «Воздушного цирка Рихтгофена» и его нового «директора»: «После этого он произнес свою вступительную речь. Он рассказал им — этим ветеранам и имеющим многочисленные победы асам, цвету германского летного корпуса, — что именно они делают неправильно. Затем он объяснил, как собирается осуществить необходимые преобразования. Старый порядок будет изменен, а новый, как подчеркнул Геринг, его слушателям не понравится».

Вышеприведенное нельзя посчитать ни точным, ни хотя бы по сути правильным описанием происшедшего. Герману Герингу шел уже двадцать шестой год, и он вовсе не был дураком. Ему поручили возглавить самую знаменитую в мире команду пилотов, и он знал, что никогда не добьется успеха в своем деле без их охотного и преданного сотрудничества. И не было лучшего способа исключить его с самого начала, как затеяв новые порядки и уязвив их самолюбие. Изменения можно было ввести позднее, а в том момент было необходимо завоевать их доверие.

Он прошел вдоль шеренги своих новых подчиненных в сопровождении Боденшатца и самого молодого пилота полка, который, по традиции, был выбран, чтобы представлять своих товарищей. Лейтенант фон Ведель нервничал и приготовленную заранее речь произнес путано, так что среди пилотов послышался недовольный шепот. Затем вперед вышел Боденшатц и вручил Герингу полковую культовую трость, которую вырезал из терновника искусный мастер-баварец и подарил Рихтгофену. Она была в аэроплане в день его гибели, и ее сбросили над штабом эскадрильи британцы. Потом ее передали Рейнхардту. Геринг принял ее и некоторое время бережно держал, как бы взвешивая, в руках, словно это был символ королевской власти. Помолчав, он обратил на пилотов пронизывающий взгляд своих синих глаз, подождал, пока воцарится тишина, и произнес следующие слова:

— Господа, позвольте мне сказать, что его императорское величество оказал мне особую и великую честь, назначив командовать этой прославленной частью. Отгремели грандиозные бои и погибли замечательные люди, прежде чем она стала

таковой. Я хорошо сознаю тот факт, что во всем мире нет пилотов лучше тех, которых я сейчас вижу перед собой. Я надеюсь, что буду достойным вашего доверия и ваших надежд. Я надеюсь, что вы будете оставаться достойными тех ваших товарищей, которые отдали свои жизни за вас, за наши воздушные силы и за Германию. Наступает момент, когда от нас потребуется все, на что мы способны, от каждого из нас, ибо нас ожидают мрачные времена. Мы встретим их вместе ради славы фатерланда.

Речь была простой, произносилась с крайней серьезностью и на пилотов произвела впечатление. «Новый командир показал хороший старт», — отметил Боденшатц в своем дневнике.

Через три дня Геринг отправился в свой первый полет с полком и принял участие в двух боях: с британскими истребителями и со строем французских бомбардировщиков, направлявшихся бомбить полевые склады в тылу германских позиций. Он вернулся в скверном настроении, и тогда пилоты узнали его с другой стороны. Все его усилия оказались тщетными, он атаковал французские бомбардировщики и истратил на них все патроны, но так и не смог поразить их сквозь пулезащитную обшивку.

«Британские одноместники составили хороший счет, как всегда, — написал он в своем рапорте от 17 июля, — но французские истребители редко проникают за линию фронта и обычно избегают серьезных столкновений. С другой стороны, французские двухместные машины, как правило, идут тесным строем и неудержимо прорываются вперед, чтобы произвести свои налеты, обычно с малой высоты. Это двухмоторные „кудроны“, обшивка которых практически не пробивается нашими пулями. Я сам атаковал „кудрон“ 15.7.18 и попусту потратил почти весь боезапас. Француз спокойно летел дальше, совершенно меня игнорируя».

Геринг спрашивал командование, почему эти бронированные французские аэропланы нельзя поражать зенитным огнем, вместо того чтобы рисковать его пилотами на заданиях, которые просто невозможно выполнить. Он выражал недовольство, что его людей посылают по пять раз на дню, заявляя, что ни люди, ни машины не могут вынести такой нагрузки. Он требовал более разумных задач и лучшего взаимодействия.

Но, выражая свое недовольство в штабе, Геринг также выразил его и своим подчиненным. 15 июля, несколько часов спустя после того как последняя эскадрилья зашла на посадку, он собрал командиров звеньев и обоснованно упрекнул их за слабую дисциплину во время операций этого дня. Вне всякого сомнения, за время непродолжительного командования Вильгельма

Рейнхардта его дружеский обычай передавать руководство то одному, то другому своему подчиненному с началом боя наложил свой отпечаток на «кастовый дух» эскадрилий. Как с беспокойством отмечал Геринг, очень многие пилоты теперь были настроены на свободную охоту или на общую «свалку» в качестве методов борьбы с противником, и каждый так заботился о собственных победах, что комбинирование тактики и стратегии было совершенно забыто. В части, в которой находились такие асы, как Удет, Лёвенхардт и Лотар фон Рихтгофен, брат погибшего барона, соперничающие друг с другом, чтобы попасть на верх счетной доски полка, весь состав разделился на две категории: «звезд» и «статистов». «Звезды» стали все чаще вести себя и на земле и на небе подобно оперным примадоннам. Рейнхардта это не беспокоило, но Геринг был человеком иного склада. Он был полон решимости сделать так, чтобы в его части была только одна примадонна, которой бы являлся он сам. Он будет принимать решения, определять тактику, которой все станут следовать, и метать громы и молнии, если кто-нибудь будет продолжать дуть в свою дудку.

Сказать, что лидеры звеньев восприняли его выволочку плохо, значит дать очень общую и сильно смягченную характеристику их реакции. Геринг прекрасно чувствовал, что, вероятно, еще рано «втыкать колышки у морковок». Он еще ни в коей мере не добился непоколебимого доверия своих людей. Но он решил, как позднее рассказал Карлу Боденшатцу, что если хочет вести свою линию, то должен первым спровоцировать конфликт. «Павлинов необходимо ощипать, — сказал он, — прежде чем они потеряют свои перья». Он отпустил их, раздосадованных и уязвленных его упреками, и предоставил кипятиться в клубе-столовой вместе с товарищами. Вечером 17 июля он вновь вызвал всех командиров звеньев и эскадрилий, описал в общих чертах операции, которые назначены для них на следующее утро, потом начал «метать бомбы». Все командиры эскадрилий, объявил он, вместо того чтобы, как обычно, командовать своим подразделением, передадут команду своим заместителям, и все они, включая Удета, Лёвенхардта и Лотара фон Рихтгофена, поступают под непосредственное руководство Геринга и будут летать вместе с ним.

Они подумали было, что он шутит, но потом поняли, что Геринг говорил всерьез. Лёвенхардт вспыхнул от гнева, фон Рихтгофен закусил губу и мрачно уставился в землю. Удет же ухмыльнулся и, как Геринг потом объяснил Боденшатцу, он сразу понял почему. Этим своим приказом он их унизил, но, когда окажется в воздухе, может в свою очередь сам оказаться

униженным. Он будет летать с восемью величайшими асами воздушной войны, и, если он не хочет обратить свою затею в фарс, ему придется руководить ими в соответствии с их стандартами. Способен ли он на это?

В журнале авиаполка № 1 «Рихтгофен» за 18 июля 1918 года имеется запись, сделанная самим Герингом. Она гласит:

«В 8.15 утра я атаковал несколько [британских] „спадов“. Один из них я прижал к земле и после нескольких кругов сбил. Он упал в леса Бандри».

Но за этими строчками скрывается значительно большее. С самого начала и до конца операции он действовал так, будто был самим бароном Рихтгофеном. Геринг заставил своих именитых спутников держаться в стороне, пока их заместители вели бой и добывали славу. Наконец на финальной стадии сражения он просигналил, что «звезды» могут тоже принять участие, и, устремившись во главе их на противника, блестяще продемонстрировал умение летать и руководить. Снова и снова он вклинивался в порядки британских аэропланов и расстраивал их, так что Удет, Лёвенхардт, фон Рихтгофен и остальные могли, следуя за ним, сбивать их. Это было удивительно, потому что, преследуя очередную цель, его надменные подчиненные каждый раз понимали, что им ее обеспечил их командир. Только в последние минуты, перед самым отрывом от противника, Геринг наконец направил свой аэроплан на британский «спад» и ясно дал понять, что займется им сам. Он начал буквально выгонять его с неба, показывая великолепное исполнение поворотов, разворотов и точно рассчитанных снижений по спирали, которые вывели его в хвост неприятельского аэроплана как раз в тот момент, когда его можно было подбить.

Это был двадцать второй и последний аэроплан, который сбил Герман Геринг. Но, вообще говоря, ему больше особо и не нужно было их сбивать. Он добился своего. С этого момента стремление к взаимодействию стало определяющим в действиях «Воздушного цирка».

К началу августа 1918-го Герман Геринг уже пользовался таким доверием у «Воздушного цирка», что начал становиться более популярным, чем сам Красный Рыцарь, и почувствовал, что может позволить себе короткий отпуск. Он передал командование полком Лотару фон Рихтгофену и отправился в Мюнхен и Маутерндорф. Там он провел больше времени с крестным и с баронессой Лилли, чем со своей неофициальной невестой. Папаше Марианны Маузер было очевидно, что война близится к завершению и не в пользу Германии, а какое будущее ожидало молодого экс-пилота — каким бы героем он ни был — в

потерпевшей поражение стране? Лучше отдать дочку за фермера, который сможет жить со своей земли до тех пор, пока времена не переменятся к лучшему, чем за безденежного воздушного рыцаря без будущего. Окончательный разрыв произошел несколько месяцев спустя, но ощущение его неминуемости окрашивало каждый час, который Марианна и Геринг проводили вместе. («Что вы можете теперь предложить моей дочери?» — написал герр Маузер Герингу в Мюнхен в январе 1919-го. «Ничего», — телеграфировал в ответ Геринг.)

Тем временем на Германию стремительно надвигалась катастрофа. Уже к началу 1918 года экономическое положение страны стало очень тяжелым. К сильно возросшей дороговизне присоединился дефицит товаров на рынке. Регулирование цен на сельскохозяйственные продукты уже не имело смысла и не достигало цели, и правительство было вынуждено перейти к принудительному изъятию продовольствия. Чтобы ограничить потребление, была создана система централизованного распределения продуктов. Такая ситуация порождала недовольство городского пролетариата. Еще в апреле 1917 года на берлинских заводах, работавших на армию, бастовало более сотни тысяч человек. В январе 1918 года массовая забастовка в Берлине повторилась в значительно более крупных масштабах, к берлинским рабочим присоединились трудящиеся других заводов. В Германии начали расти революционные настроения.

Возмутителем спокойствия немецкого пролетариата, работавшего на военных фабриках и заводах и воевавшего на фронтах, несомненно была Октябрьская революция в России. При этом вести из Советской России были очень скудны, ибо им с трудом приходилось пробиваться через рогатки цензуры, а их распространением и революционной агитацией вообще занимались «спартаковцы».

Еще в 1916 году группа левых социал-демократов «Спартак» начала издавать редактировавшиеся Карлом Либкнехтом и его соратниками «Письма Спартака», явившиеся продолжением запрещенного журнала «Интернационал». «Письма Спартака» вели революционную пропаганду против войны и давали информацию о всех политических событиях. Эти «Письма» распространялись в огромных количествах и доходили даже до окопов.

Печатный орган левых социал-демократов, «Форвертс», на своих первых страницах писал: «Германия, такова наша твердая воля, должна навсегда спустить свой военный флаг…»

Постепенно, вплоть до августа 1918 года, положение Германии еще больше усугублялось: в войну вступили Соединенные Штаты, продовольственные запасы страны

истощились, голод усилился, революционное движение в тылу постепенно охватывало и фронт — армию и флот. Известный генерал Гофман, участник заключения Брестского мира и начальник штаба Восточного фронта в конце войны, пишет об этом так:

«Войска, находившиеся в распоряжении верховного командования весной 1918 года, были бесспорно хороши. Ясно, что коммунисты и социалисты всеми средствами старались подорвать моральное состояние войск. Однако, по свидетельству сотен офицеров, которых я по этому вопросу опрашивал, весной 1918-го в войсках еще не чувствовалось серьезного влияния этой агитации. Хуже обстояло дело в тылу. Распространившийся тут яд, правда, медленно, но все же проникал в войска, и только под впечатлением длительных, тяжелых боев летом 1918-го наступило разложение, которое привело к крушению самой доблестной армии в мире».

…Когда Геринг вернулся на Западный фронт командовать своим полком, первая мировая война вступила в кульминационную стадию. «Воздушный цирк» вскоре стал испытывать недостаток в пилотах, материальной части и топливе. Каждый день эскадрильи поднимались в небо, чтобы противостоять постоянно усиливающимся боевым порядкам французских, британских и американских аэропланов. В конце сентября Боденшатц докладывал, что силы полка уменьшились до 53 офицеров, включая штабных, и 473 унтер-офицеров и рядовых. «На лице лейтенанта Геринга стали заметны признаки переутомления, — написал он. — Он похудел и посуровел. Сейчас мы все становимся суровыми».

7 октября 1918 года швейцарский посланник в Соединенных Штатах явился в государственный департамент с персональным посланием президенту Вильсону от германского правительства. В нем содержалась просьба о немедленном перемирии и предлагалось, чтобы президент предпринял шаги к восстановлению мира, поставил в известность об этом предложении воюющие страны и склонил их прислать полномочных представителей в целях начала переговоров. На Западном фронте обескровленные германские армии начали медленное и планомерное отступление под давлением непрекращающихся атак превосходящих союзных армий. К этому времени все державы-союзницы находились в состоянии разложения: Болгария уже подписала с государствами Антанты сепаратный мир, Турция была практически разгромлена, Австро-Венгрия тоже доживала свои последние дни.

Естественно, были приняты все меры, чтобы новость о

германской ноте не просочилась в войска, так как это только усилило бы панику, а германское правительство надеялось на заключение своего рода почетного мира и готовилось, в случае неудачи, продолжать боевые действия. До реального окончания войны было еще больше месяца.

Что же касается Германа Геринга и пилотов «Воздушного цирка», то они вовсе не собирались сдаваться. Геринг был потрясен и взбешен, когда до него дошли известия о волнении в войсках, о мятежах, о солдатах, поворачивающих оружие против своих офицеров. В течение следующих трех недель боевые действия полка «Рихтгофен» прерывались плохой погодой, перебоями в снабжении и нарушением связи со штабом армии. Новости из тыла, из самой Германии становились все более и более тревожными. Появились слухи, что союзники требуют отречения кайзера, а в письмах пилотам от родственников, которые жили в приморских городах, сообщалось о восстаниях на военных кораблях и возникновении революционных комитетов.

Родственники сообщали о вспыхнувшей в Германии революции.

Революция началась в первых числах ноября с мятежа на флоте в Киле. Поводом послужил приказ флоту выйти в море для решительного сражения с англичанами, который матросы отказались выполнить; их поддержали рабочие города, объявив всеобщую забастовку.

4 ноября революция в Киле победила, на всех кораблях были вывешены красные флаги. Гарнизон встал на сторону мятежников, в городе был создан рабочий и солдатский совет. Из Киля революция перекинулась в Любек и Брунсбюттель, 6 ноября газеты сообщили об образовании советов в Гамбурге, Альтоне, Бремене, Вильгельмсхафене, Куксхафене, Фленсбурге и Ростоке.

По призыву «Спартака» рабочие Берлина 9 ноября начали всеобщую забастовку. Вместе с присоединившимися солдатами вооруженные рабочие начали захватывать правительственные здания и ворвались в императорский дворец. Кайзер Вильгельм II был свергнут. С балкона императорского дворца выступил с речью Карл Либкнехт, призвав рабочих к социалистической революции.

…Между тем Геринг решил, что пришло время провести общее собрание всех летчиков, и в ангаре у Гюиза обратился к ним с призывом продолжать сражаться, оставаться верными фатерланду и, помимо прочего, игнорировать «абсурдные слухи, что наш любимый кайзер готовится покинуть нас в час нашей нужды». Он заявил, что кайзер останется с ними и что они должны стоять за кайзера и в случае необходимости умереть ради

него и ради чести нации. Его слова были встречены с восторгом всеми присутствующими.

Но спустя несколько дней через взлетное поле потянулись отступающие германские солдаты, и полка наконец достигли приказы, сообщавшие, что союзники прорвались через Мез и что они должны немедленно передислоцироваться на другие взлетные поля. Геринг устроил новую штаб-квартиру в Телланкуре у поля, мало пригодного к роли аэродрома. Оно было полузатоплено поздними осенними дождями, так что колеса аэропланов мгновенно облепляла грязь. В небе висели тяжелые тучи, постоянно моросил дождь, и полеты были отменены. Все слонялись по клубу-столовой и слушали только что прибывших на пополнение пилотов, рассказывающих о хаосе и кровавых столкновениях в Германии. Их судьба теперь решалась в железнодорожном вагоне в Компьенском лесу, где германская делегация по перемирию ожидала решения союзников; тем временем 9 ноября был дан сигнал о прекращении всех воздушных боевых действий на Западном фронте. Геринг пребывал в подавленном состоянии и, упрямо отказываясь верить, что война окончена и Германия побеждена, демонстрировал вызывающее неповиновение. Он сказал Боденшатцу, что хотел бы забраться в свой аэроплан, взять своих пилотов и долететь до штаба армии, чтобы расстрелять с бреющего полета эту трусливую шайку. Но такое настроение скоро прошло. Погода все равно была слишком плохой для боевых вылетов, да и штаб он вряд ли бы нашел, поскольку тот, вероятно, тоже был разбит и теперь отходил по частям в Германию. Но послания от каких-то анонимных начальников продолжали приходить, одно противоречивее другого: в одном говорилось, чтобы он сдался американским войскам на Мезе, в другом давались инструкции уводить людей и машины в Дармштадт.

10 ноября перепачканных грязью и сбитых с толку авиаторов достигли известия, что кайзер отрекся и что по Берлину маршируют солдаты, поднявшие красное знамя республики рабочих. Теперь Герингу поступил ясный и властный приказ из штаба авиации Пятой армии. Он должен был прекратить полеты всех своих аэропланов и сдаться вместе с экипажами ближайшим союзникам. Это означало — американцам.

— Я никогда не сдамся янки! — заявил он.

Созвав своих людей, Геринг объявил, что в любой момент может быть подписано перемирие и правители Германии признают ее поражение, и рассказал о полученных указаниях.

— Эти приказы я выполнять не собираюсь! — закричал он. — Я не позволю ни моим людям, ни моим машинам попасть в руки

врага. Мы не можем оставаться здесь и продолжать сражаться. Но мы можем позаботиться о том, чтобы, когда наступит конец, мы остались в Германии. Полк немедленно эвакуирует свою документацию и ценное снаряжение в Дармштадт. Палатки и негодные машины будут брошены. Что же касается наших аэропланов, мы уведем их — в Дармштадт!

Боденшатц был назначен руководить автоколонной и начал готовиться к отправке по дождю, грязи и дорогам, запруженным возвращающимися домой солдатами, к германской границе. Пилоты уже завели моторы, чтобы лететь в Дармштадт, когда через поле, хлюпая и разбрызгивая грязь, проехала германская штабная машина и остановилась прямо перед ними. Геринг выбрался из кабины и спрыгнул на землю, красный от ярости, с терновниковой тростью в руке, поднятой так, словно он собирался ударить бегущего к нему штабного офицера.

— Как вы осмелились встать на нашем пути! — закричал он. — Немедленно уберите с поля эту проклятую машину!

— У меня срочный приказ, герр лейтенант, — ответил штабной, — и вы должны с ним ознакомиться.

Он вручил запечатанный пакет, который Геринг нетерпеливо разорвал и прочитал следующее:

«Штаб-квартира Пятой армии Командиру авиаполка № 1 „Барон фон Рихтгофен“

Немедленно разоружите ваши аэропланы и доставьте их в Страсбург во французский военно-воздушный штаб, где уже сделаны все приготовления для вашей беспрепятственной посадки. Подтвердите получение».

Геринг повернулся к Боденшатцу.

— Лягушатники желают заполучить наши «фоккеры D-8», — сказал он. — Они всегда хотели наложить на них свои лапы. Но они их не получат. Возьмите телефон и скажите им об этом, Боденшатц!

Тут штабной офицер принялся описывать ужасные последствия, которые возникнут, если приказ будет нарушен. Это может навести французов на мысль, говорил он, что германцы несерьезны в своем требовании перемирия, и спровоцировать союзников вновь запустить свою военную машину, прежде чем германские войска успеют подготовиться. Верховное командование и германская делегация выигрывают время, утверждал штабной, и намерены возобновить сражение, если условия не будут достойными и почетными (какое-то время немецкий народ верил, что дело обстояло именно так). И такая демонстрация открытого неповиновения Герингом может все испортить.

Командир «Воздушного цирка» велел своим людям заглушить моторы и вместе с Боденшатцем, Удетом, Лёвенхардтом и Лотаром фон Рихтгофеном принялся обсуждать ситуацию, прохаживаясь по грязи туда и обратно. Наконец, примерно через час, он вернулся к приехавшему офицеру и рассказал ему, что они решили. Пятеро пилотов, которых выберут по жребию, поведут пять аэропланов в Страсбург и объявят там, что это прибыло первое звено полка. Остальные же машины между тем улетят в Дармштадт, а не во Францию.

Штабист стал возражать, что это все равно будет невыполнением приказа, и заявил, что его долг проинформировать начальство о планируемом обмане. Геринг с улыбкой ответил ему, что они это предвидели и, чтобы освободить его от ответственности, было решено сделать его пленником полка.

— С этого момента лейтенант Боденшатц будет вас охранять, — сказал он. — Вы будете сопровождать его до Дармштадта. — И, ухмыльнувшись, добавил: — В вашем штабном автомобиле.

Пять аэропланов с добровольцами в кабинах поднялись в воздух и ушли на рандеву с врагом. Геринг не сообщил штабисту, что они получили инструкции, достигнув Страсбурга, разбить машины при посадке, так чтобы они стали бесполезными для французов (что они и сделали). Когда эти пятеро исчезли в дождевой пелене, остальные пилоты полка тоже добавили оборотов своим моторам и отправились в путешествие на родину.

Но на этом злоключения полка не закончились. Из-за ужасной погоды некоторые из пилотов сбились с маршрута и приземлились в Мангейме. Выбравшись из своих машин, они увидели, что на здании управления висит красный флаг и что к ним приближаются солдаты и какие-то вооруженные люди в штатском. Мангейм находился под властью революционного совета солдат и рабочих, испытывавших нехватку оружия для борьбы за власть, которая, как они чувствовали, должна была скоро начаться в Германии. Они немедленно отняли у пилотов их пистолеты и отодрали с аэропланов пулеметы, после чего с неохотой согласились предоставить грузовик, чтобы отвезти спешенных авиаторов в Дармштадт. Здесь, смущенные и подавленные, они поведали свою невеселую историю Герингу, который пришел в ярость.

— Они получат хороший урок! — заорал он.

Он быстро организовал звено из девяти машин, подсадив на пару из них двух пилотов, приземлившихся в Мангейме, предварительно тщательно проинструктировав их насчет

дальнейших действий, и они вылетели в Мангейм. В то время как семь аэропланов стали с малой высоты расстреливать здания и разные постройки, хищно кружа над взлетным полем и совершая виражи, оба пилота высадились и направились в рабочий совет, чтобы передать ультиматум Геринга. Либо все оружие будет немедленно возвращено и принесены письменные извинения, объявили они, либо к делу подключатся оставшиеся машины звена, и в этом районе будет расстреляно все, что двигается.

— Он будет ждать четыре минуты, не дольше, — сказал один из пилотов, указав на аэроплан Геринга, и вытащил ракетницу Вери. — Если вы согласитесь, я должен буду выстрелить.

— Тогда стреляйте, стреляйте! — поторопил его рабочий лидер. — Конечно, мы согласны.

Вооружение было отдано обратно, извинение написано, и оба аэроплана вновь поднялись в небо, чтобы присоединиться к звену и лететь в Дармштадт. Там Герман Геринг зашел на посадку первым. В конце взлетной полосы он намеренно резко развернул свой аэроплан и разбил его вдребезги. Остальная часть звена сделала то же самое.

Тем же вечером он написал в полковом журнале:

«11 ноября. Перемирие. Полк при плохой погоде летит в Дармштадт. Туман. С момента своего основания полк сбил 644 неприятельских аэроплана. В боях погибли 56 офицеров и унтер-офицеров, шесть рядовых. Ранено 52 пилота офицерского и унтер-офицерского звания, семь рядовых. (Подпись) Герман Геринг, лейтенант, командир полка».

Это был конец «Воздушного цирка» как боевой части, но формально он существовал еще несколько дней, прежде чем исчезнуть навсегда.

Карл Боденшатц так описывает эти последние тягостные сутки совместного пребывания пилотов полка «Рихтгофен»:

«После уничтожения наших аэропланов нам было указано прибыть в город Ашаффенбург, недалеко от Франкфурта, где собрались все, кто остался от германского генерального штаба. Герман и Эрнст Удет остановились в доме какого-то промышленника в пригороде, мы же сделали своей штаб-квартирой бумажную фабрику, у которой имелся большой внутренний двор, где могли разместиться все офицеры и нижние чины, и было достаточно места для личных вещей. Пока мы ожидали формального расформирования полка, у меня и моих писарей хватало работы: мы занялись приведением в порядок документации нашей части. Но пилотам делать было совершенно нечего, и они проводили большую часть времени в местном ресторане, где часто сильно напивались. Это было понятно.

Германия, которую мы знали, любили и за которую сражались, разваливалась на части на наших глазах, и мы никак не могли этому помешать. Солдаты оскорбляли на улицах офицеров, срывали с них награды, которые они заслужили, рискуя жизнью».

Церемония официального расформирования состоялась во дворе фабрики, и она была короткой и простой, без оркестра и длинных речей. Все унтер-офицеры и почти половина офицеров — большей частью молодежь из пополнения — забрали свои чемоданы и ушли. Боденшатц же остался, чтобы закончить с бумагами, остался и Геринг, а вместе с ним большинство его старших офицеров, но по менее внятной причине.

«Их всех ждали дома, куда они теперь могли отправиться, но было очевидно, что им не хотелось уезжать, как будто они боялись того, что ожидали там увидеть, когда вернутся, — говорит Боденшатц. — В этой новой, чужой и наводящей ужас разгромленной Германии мы сами чувствовали себя чужими и, как чужестранцы, инстинктивно продолжали держаться друг друга. Ресторан стал нашим гетто, и большинство из нас старалось покидать его как можно реже. Герман, как я помню, пребывал в неустойчивом настроении, переходя от ярости к безразличию, то рассуждая о том, чтобы уехать в Южную Америку и навсегда забыть о Германии, то говоря об организации крестового похода, чтобы вновь поднять фатерланд на те высоты, с которых он так стремительно рухнул. Последний раз, перед тем как расстаться на долгие годы, я видел его ночью после роспуска полка. Мы собрались тогда в ресторане, чтобы помянуть его кончину. В какой-то момент Герман поднялся на небольшую эстраду с бокалом в руке, и, хотя мы все шумели и кричали, в его манерах было что-то такое, что заставило нас всех смолкнуть. Он начал говорить. Он почти не повышал голос, но у него было какое-то странное свойство, какой-то внутренний эмоциональный пульс, который — было такое чувство — проникал сквозь, поры вашей кожи и попадал в самое сердце. Герман говорил о полке „Рихтгофен“, о том, сколько он совершил, и о том, как его победы, опыт, мастерство и храбрость его пилотов сделали его известным всему миру.

— Только в Германии сегодня его имя брошено в грязь, его слава, подвиги забыты, его офицеры высмеиваются.

Он начал яростно поносить те части, которые, подняв красные флаги, революционной волной покатились по Германии, и говорить о позоре, который они навлекают на всех германских солдат и на саму Германию.

— Но силы свободы, закона и нравственности в конце концов одержат верх, — заявил он. — Мы станем бороться против тех

сил, которые будут пытаться нас поработить, и мы победим. Те качества, благодаря которым полк „Рихтгофен“ прославился во время войны, восторжествуют и в мирные дни. Наше время придет опять.

Он поднял свой бокал и заключил:

— Господа, я поднимаю тост за фатерланд и за полк „Рихтгофен“, — и, выпив, разбил его у своих ног, и мы все сделали то же самое. Многие из нас плакали, в том числе сам Герман. Это был в высшей степени волнующий момент».

Из Дармштадта Геринг и Удет решили ехать домой в Мюнхен, но в том начавшемся хаосе смогли добраться только до. Берлина. Они прибыли туда в декабре 1918 года и обнаружили, что у власти находится совет народных уполномоченных, сформированный так называемой партией социалистического большинства, которую возглавлял бывший шорник и неудачливый содержатель таверны Фридрих Эберт. В это время Эберт пытался добиться поддержки офицеров бывшей кайзеровской армии и включил в свое правительство генерала Ганса-Георга Рейнхардта в качестве военного министра. Два бывших пилота приехали как раз вовремя, чтобы попасть на большой митинг, который Рейнхардт организовал в зале Берлинской филармонии, с тем чтобы призвать офицеров поддержать новое правительство и его указ, предписывающий всем офицерам снять знаки различия и заменяющие погоны нашивки на мундирах. Сам генерал уже это сделал и появился на сцене с простыми нашивками на рукавах, без погон и наград.

Геринг отправился было на собрание в своей повседневной форме, но, узнав, о чем собирается говорить министр, поспешил обратно в гостиницу, где остановился, и срочно переоделся. Он вернулся как раз к тому моменту, когда генерал Рейнхардт закончил свое обращение, и едва он сел, на сцену поднялся Геринг. На нем была полная форма офицера кайзеровских военно-воздушных сил с капитанскими звездочками на серебряных погонах, орденом «За заслуги» и другими знаками отличия.

— Прошу прощения, герр генерал, — сказал он и повернулся к аудитории. По густым рядам офицеров побежал шепот — его узнали, — и он поднял руку, прося тишины. Затем, снова обратившись к Рейнхардту, который пришел в некоторое замешательство, сказал: — Я догадывался, что вы, герр генерал, как военный министр, будете здесь, чтобы обратиться к нам. Но я надеялся увидеть на вашем рукаве черную повязку, которая бы символизировала ваше глубокое сожаление по поводу того оскорбления, которое вы собирались нам нанести. Но вместо

черной повязки на ваших рукавах голубые нашивки. Герр генерал, я думаю, что было бы уместнее, если бы вы носили красные нашивки.

Подождав, пока стихнут аплодисменты, Геринг продолжал:

— Четыре долгих года мы, офицеры, исполняли наш долг и рисковали жизнями во имя родины. Теперь мы вернулись домой, и как же нас встретили? В нас плюют и отнимают то, что мы с гордостью носим. Хочу сказать, что народ не следует винить за такое обращение с нами. Народ был нашим другом, другом каждого из нас, вне зависимости от своей классовой принадлежности, все эти четыре года. Нет, виноват тот, кто стал будоражить народ, кто ударил нашу славную армию в спину и кто думает только о том, как бы ухватить власть и начать жиреть за счет народа. Я прошу каждого здесь хранить в себе ненависть, глубокую и постоянную ненависть к этим свиньям, которые оскорбляют германский народ и наши традиции. Приближается день, когда мы выкинем их из Германии. Готовьтесь к этому дню. Вооружайтесь для этого дня. Приближайте этот день.

Под гром аплодисментов он был вынесен из зала восторженными офицерами и доставлен на грандиозную попойку. Но на следующий день пришло похмелье, а вместе с ним понимание, что его эмоциональный всплеск никак не повлияет на ситуацию. Еще несколько дней он вместе с Удетом бесцельно бродил по Берлину, а потом решил продолжить свое путешествие в Мюнхен, где в это время жила его мать. В конце декабря 1918-го Геринг вместе с Удетом втиснулся в переполненный вагон третьего класса отправляющегося на юг поезда. Он ехал в гражданской одежде, и было почти невозможно узнать в этом молчаливом и подавленном молодом человеке одного из лучших асов-истребителей Германии, победителя самых впечатляющих боев в истории воздушной войны. Как и большинство других немцев в этом набитом поезде, он чувствовал на своих плечах тяжкий груз поражения.

— Это путешествие домой было самым несчастным моментом в моей жизни, — позднее скажет Геринг. — Никогда еще я не переживал более угнетенного состояния.

Отъезд Геринга из Берлина был ознаменован учредительным съездом коммунистической партии Германии, открытым там «спартаковцами» 30 декабря.

В чуждом мире

Куда мог отправиться теперь Геринг? У него не было денег, так как пособий бывшим офицерам и солдатам не выплачивали, и он не мог просить о помощи своего крестного, поскольку тот находился далеко, в Австрии. Единственной профессией, которую он хорошо освоил, была военная служба, а единственным инструментом, которым он владел, был аэроплан. Ему не было места в той маленькой армии, которую союзники собирались позволить Германии иметь в будущем, тем более что военно-воздушные силы были запрещены.

Однако, и это по-своему удивительно, союзники не выдвинули никаких запретов на постройку аэропланов, и ряд авиафирм продолжали производство, при этом большая их часть стала выпускать машины для коммерческого рынка за рубежом. К их числу относилось и предприятие Антона Фоккера, который также построил завод и в Голландии, вблизи Амстердама, и, учитывая, что Геринг был одним из пилотов, которые во время войны наилучшим образом демонстрировали достоинства его летательных аппаратов, не покажется удивительным, что Фоккер попросил его опробовать новую коммерческую модель, выпущенную весной 1919 года. Это был «фоккер-И» моноплан, и Геринг управлял им так хорошо, что его попросили полетать на нем на приближающейся авиационной выставке в Дании. Там устроенная им головокружительная воздушная аэробатика была столь эффектна, а зрители выказали такой восторг, что благодарный Фоккер решил отдать Герингу новый аэроплан в безвременное пользование, с тем прицелом, что где бы он ни летал на нем, он всегда будет служить рекламой фирме. Так у Геринга начался относительно благополучный период жизни — он стал гастролирующим пилотом, выступая с показательными полетами в Дании и Швеции, где он представлялся бывшим командиром «Воздушного цирка Рихтгофена» и давал основание думать, что аэроплан, на котором он проделывал воздушные трюки над толпами ошеломленных зрителей, и есть та самая машина, на которой он воевал на Западном фронте против союзников.

И в Дании и в Швеции его встречали как отважного воздушного героя, и все те почитание и поклонение, которых он и его друзья-асы были лишены после возвращения с фронта в проигравшей войну Германии, изливались на него в избытке. В Швеции во время первой мировой войны были очень сильны прогерманские настроения, и описания подвигов Геринга и его

фотографии часто появлялись в газетах. Он чувствовал себя, как в Берлине в наиболее успешный период войны — с мальчишками, выстраивающимися к нему в очередь за автографом, и захлебывающимися от восторга, влюбленными в него молоденькими дамочками. Как впоследствии написал Боденшатц, «почти год он жил как чемпион мира по боксу. Денег у него имелось больше, чем нужно, и любые девочки, каких бы ни пожелал, появлялись тут же». В один особенно памятный день лета 1919 года он возглавлял полет четырех бывших пилотов полка «Рихтгофен» в Копенгагене с сериями фигур высшего пилотажа, и их мастерство и отчаянная отвага завели восторженные толпы зрителей до предела. После завершения выступлений он познакомился с привлекательной датчанкой и отправился к ней домой и там, как он потом написал Боденшатцу, «мы провели ночь в ванне с шампанским». «Трудно понять, так ли все было на самом деле, — рассказывал впоследствии Боденшатц, — а спросить потом его самого я, конечно, не осмелился».

…Одним из способов, которыми Герман Геринг зарабатывал на жизнь, когда сезон гастролей заканчивался, были воздушные перевозки и катание пассажиров. Он поднимал в воздух людей, желающих испытать захватывающее дух ощущение полета; других же клиентов, в основном бизнесменов, он был готов отвезти в любую часть Скандинавии по такой же таксе за километр. Так зимой 1920 года он встретился с графом Эриком фон Розеном, который опоздал на поезд и искал, как бы поскорее добраться из Стокгольма в свой замок Рокельстад, стоявший в центральной Швеции на берегу озера Бавен, недалеко от Спаррехольма. Погода была плохой, начинался снегопад, и мало кто в такой ситуации мог подумать о путешествии на аэроплане, но фон Розен был человеком бесстрашным: слава исследователя Африки и Крайнего Севера уже вышла за пределы Швеции. Он спросил Геринга, может ли тот отвезти его домой, между прочим заметив, что уже трое пилотов отказали ему из-за погоды, и предложил двойную оплату в случае согласия.

Погода в самом деле была просто убийственной, особенно для полета в ту часть Швеции, где подходящих для приземления мест было мало и находились они слишком далеко друг от друга, на случай, если бы пришлось делать аварийную посадку. Но в вопросе фон Розена едва заметно ощущался вызов, и Геринг сразу согласился. Путешествие оказалось даже более опасным, чем каждый из них предполагал, и они несколько раз сбивались с пути, блуждая между горами и озерами, прежде чем отыскали наконец озеро Бавен и, заложив вираж и скользнув на крыло, сели

на его замерзшую поверхность — как раз под высокими зубчатыми стенами замка Рокельстад. Это была великолепная средневековая твердыня, что так любил Геринг, и, приняв приглашение остаться на ночь, он привязал аэроплан и, спотыкаясь и оступаясь, побрел за фон Розеном сквозь снежные сугробы к воротам.

Сестра жены графа Фанни (которой в будущем предстояло стать свояченицей Геринга) оставила художественное описание того, что после этого произошло в стенах замка, и оно заслуживает упоминания уже хотя бы потому, что по слогу напоминает отрывок из какого-нибудь рыцарского романа:

«На ступенях замка стоял, радостно размахивая руками, хотя и обеспокоенный, молодой хозяин замка, чтобы встретить мужчин и проводить их в огромный зал, где пылающий огонь и напитки скоро согрели их окоченевшие конечности. Что за величественное место! Стены зала до самой галереи второго этажа были увешаны всевозможным старинным оружием и доспехами, а также фамильными портретами и роскошными гобеленами с сюжетами из саг. Повсюду виднелись охотничьи трофеи и всевозможные сувениры со всех концов земли, напоминающие о приключениях этого знаменитого путешественника. У лестницы вверху стоял огромный медведь, один из многих, которых хозяин замка убил, по старинному скандинавскому обычаю, копьем».

«Герман Геринг, — продолжает она, — стоял перед пылающим очагом и смотрел на пламя. Две большие свастики из кованого железа висели по обеим сторонам решетки, за которой полыхали поленья. Свастика… ему казалось, что он всегда знал ее и всегда здесь жил. Символы не нужно ни объяснять, ни говорить о них. Они живут в крови и в душе. Вдруг на лестнице появилась женщина и стала спускаться — женщина благородного, королевского облика. Это была Карин, сестра владелицы замка. Ее синие глаза встретили изучающий взгляд Германа Геринга. Прекраснейшая женщина… сердце радостно забилось в его груди! Не в состоянии вымолвить ни слова, он замер в благоговении. Он чувствовал себя так, как будто знал ее всегда. Чувство, которое мгновенно вспыхнуло между ними, тоже нельзя объяснить, и о нем невозможно что-то говорить. Оно также живет в крови и в душе!»

Герман Геринг не мог войти в жизнь Карин фон Кантцов в более сложный для нее момент. Высокая брюнетка тридцати двух лет, с глазами такими же ярко-синими, как и у молодого германского пилота, была одной из пяти дочерей шведского аристократа барона Карла фон Фока и англо-ирландки жены

Халдайн Бимиш. Из ее четырех сестер одна осталась дома, другая вышла замуж за художника, а еще две оставшиеся, которые были ей наиболее близки, вышли замуж за аристократов: Мари — за графа фон Розена, а ее самая старшая сестра, Фанни, за графа фон Виламовитца-Мёллендорфа, германского офицера, который был убит на войне. Сама Карин была уже десять лет замужем за профессиональным шведским военным Нильсом фон Кантцовым, от которого имела восьмилетнего сына Томаса. Но семейная жизнь не заладилась, и вовсе не по вине мужа, который очень сильно ее любил и продолжал любить глубоко и преданно до конца жизни. Главным образом это произошло из-за того, что восхитительная Карин, мечтательная натура, воспитанная на романтических скандинавских легендах, неустанно искала героя, который заставил бы бурлить ее кровь, она заскучала со своим респектабельным мужем от гарнизонной жизни в череде сменяющихся один другим шведских городов.

Однажды присев на софу перед ревущим огнем в огромном зале замка Рокельстад, она с возрастающим волнением стала прислушиваться к разговору между мужем своей сестры и приятным молодым пилотом. Следует заметить, что в эти годы Герман Геринг был весьма хорош собой и выглядел привлекательнее, чем когда-либо. Поощряемый Эриком фон Розеном, он рассказывал о своей службе на Западном фронте в полку «Рихтгофен», а затем перешел к описанию ужасных вещей, которые творились в Германии, и жестоким последствиям версальского диктата союзников. Его слушали люди, глубоко сочувствовавшие германской нации. Несмотря на английское происхождение баронессы фон Фок, все ее дочери (как и фон Розен) во время войны были настроены горячо прогермански и ежедневно в семейной часовне произносили молитвы за победу фатерланда. Воодушевленный вином, теплом и очевидным дружелюбием внимавших ему слушателей, а также сознанием того, что на него обращен взгляд Карин фон Кантцов, не двигавшейся со своего места в полумраке, Геринг блистал остроумием и красноречием и вместе с тем был скромен. Что же касается очаровательной брюнетки, то для нее он был просто неотразим — тот самый герой, которого она так давно и так страстно желала встретить.

«Он тот самый человек, о котором я всегда мечтала», — сказала она потом своей сестре Фанни.

Как пишет дальше Фанни, в какой-то момент Эрик фон Розен взял в руку бокал, «наполненный германским вином», и поднял его за день, когда «Германия найдет себе лидера, который снова сделает ее народ свободным». «Возможно, мы услышим о нем уже

совсем скоро», — добавил он. Граф поднялся на ноги, взял руку немца в свою, и они торжественно выпили за будущее Германии. После этого фон Розен взял свою лютню, и они затянули старинные скандинавские и германские песни о доблестных деяниях их героических предков. Герман Геринг, «глубоко тронутый таким проявлением симпатии, присоединился к пению со слезами на глазах».

Его новые друзья были им очарованы. Сентиментальная Фанни отобразила это событие так:

«Впоследствии Герман Геринг никогда не мог много говорить с Карин об их первом памятном вечере. Его душа была глубоко взволнована тем, что произошло. Это было подобно тому, как если бы одинокий буревестник после долгого полета над пустынным морем наконец увидел землю».

Он не забыл спросить у Карин ее стокгольмский адрес и попросить о следующей встрече.

Капитан Нильс фон Кантцов, его жена Карин и их сын Томас жили в это время в небольшом доме на Грев-Карлавеген в Стокгольме. Туда и был приглашен на семейный обед в начале 1921 года Герман Геринг. Нильс фон Кантцов, должно быть, чувствовал себя не в своей тарелке, поскольку ни его супруга, ни Геринг особенно не старались скрывать свои чувства, а страсть, которую они испытывали друг к другу с первого взгляда, от разлуки стала еще сильнее.

Томас фон Кантцов, которому в это время было только девять лет, сумел сохранить живые впечатления об этой своей первой встрече с Германом Герингом.

«Он мне сразу понравился, — вспоминал он, — и это не казалось удивительным. Он был веселым парнем. Было очевидно, что он не привык к детям и поначалу был сдержан. Но он относился ко мне как к взрослому и очень серьезно слушал все, что я говорил. Он заставлял нас всех много смеяться, как я помню, особенно когда так забавно рассказывал о своих воздушных приключениях. Я видел, что отец находится под большим впечатлением от него. Что же касается мамы, то я заметил, что она почти не сводила с него глаз. Тогда я не мог выразить это словами, но я чувствовал, что она влюблена».

Если их первая встреча в отблесках пламени в замке Рокельстад очаровала их, то вторая ничуть это очарование не уменьшила. Карин фон Кантцов никогда не противилась велению своего сердца, вместе с тем она не была склонна заводить тайные отношения. Она быстро сравнила себя и Геринга с трагическими влюбленными из любимой оперы.

— Мы как Тристан и Изольда, — сказала она Фанни. — Мы

испили любовного напитка и теперь беспомощны, о, так мучительно беспомощны под его воздействием.

Некоторое время она встречалась со своим возлюбленным в доме родителей на Грев-Турегатан в Стокгольме, посещая крошечную фамильную часовенку, стоявшую на улице за домом фон Фоков, где они могли держаться за руки и молиться вместе. Эта часовня была местом встречи членов религиозной сестринской общины, носящей название «общество Эдельвейс», которое было основано англо-ирландской бабушкой Карин и исповедовало некий религиозный «винегрет», замешенный на мистицизме. Карин после их первого совместного собрания в часовне подарила Герингу живой эдельвейс, и с этого момента он стал носить его на своей шляпе.

Семью фон Фоков поначалу забавляла страстная влюбленность Карин, но потом, когда она объявила, что сказала мужу о своих чувствах и предложила жить порознь, все встревожились. Геринг просит ее, сказала она, выйти за него замуж, но она не хочет затевать развод, в котором, как она знает, Нильс фон Кантцов ей откажет. Он справедливо указал, что Геринг не имеет постоянной работы, а Карин не приспособлена к трудностям и не умеет вести домашнее хозяйство. Он сказал, что подождет, пока «ситуация сама себя не исчерпает».

Именно тогда Томас фон Кантцов узнал, что их веселый и симпатичный гость собирается разрушить жизнь его семьи. Неожиданно, без каких-либо объяснений, его собрали и отправили в замок Рокельстад к дяде Эрику и тете Мари фон Розен.

«В Рокельстаде имелось две башни, — вспоминал он, — одна называлась „башня Греха“, а другая — „башня Добродетели“. Башня Греха была экзотическим местом, украшенным восточными статуями, картинами с изображениями дьявола и чертей и таинственными знаками, а в воздухе там витал запах благовоний. В башне Добродетели висели изображение девы Марии, картины на религиозные сюжеты и святой Георгий с драконом, выложенные мозаикой на потолке. Однажды утром тетя Мари взяла меня за руку и отвела в башню Добродетели, где сообщила, что мама ушла с чужим человеком. Она сказала, что я не должен порицать ее, ибо она влюблена, а это извиняет все. Я ответил, что никогда и ни за что не стану порицать мою маму, а только хочу, чтобы она взяла меня с собой — и я захотел этого еще больше, когда она назвала мне имя этого человека. После этого я расплакался».

В это же время Карин и Геринг сняли квартиру в Стокгольме и жили там вместе, не таясь, несколько месяцев. Нильс фон

Кантцов все это время продолжал выплачивать некоторую сумму своей жене, и ее было достаточно им для минимума комфорта, но Карин фон Кантцов, которая с детства не знала ни в чем недостатка, пришлось довольно нелегко, она узнала, как живут небогатые люди, и показателем любви ее к Герману Герингу может служить тот факт, что она все вынесла и никогда потом не жаловалась по этому поводу.

Забавно, что не она, а именно Геринг был обеспокоен скандалом, который вызвали их отношения в шведских светских кругах. Карин абсолютно не волновали сплетни, ибо она не сомневалась, что такая богом данная любовь, как та, которую она испытывала к Герману, не может быть грешной. С другой стороны, Геринг страдал от мысли, что на предмет его обожания смотрят как на неверную жену, и ее отказ просить развода был у них единственным предметом разногласий. Возможно, где-то в глубине его души таился комплекс «спрятанного в шкафу скелета» — измены в его собственной семье. Карин постоянно напоминала ему, что в случае развода ее муж несомненно потребует оставить себе ее любимого Томаса, а этого она не сможет вынести. Она и так уже могла видеть сына лишь урывками. Он уходил из отцовского дома в школу, а на большой перемене убегал повидаться с мамой и Герингом. Часто он приносил из дома вкусные вещи, которые они себе уже не могли позволить. Когда пришли холода — а топили слабо, — двое любовников и сын проводили обеденное время, тесно прижавшись друг другу, чтобы было теплее.

«Мы кормили друг друга с ладони, — вспоминает Томас, — и шутили и смеялись над тем, как было бы забавно, если бы нас могли увидеть здесь притиснувшимися друг к другу. Это были драгоценные моменты. Я был рад видеть, что они так счастливы вместе. Вместе с тем я очень сильно скучал по маме».

Новое испытание чувств для Карин началось в 1921 году, когда Геринг наконец решил покинуть Швецию: для дальнейшей карьеры ему тут ждать нечего. Он ощущал, как и сам говорил Карин, которая знала и любила музыку, разбиралась в живописи и архитектуре, что не может больше мириться с пробелами в своем образовании. Она водила его по художественным галереям и музеям и зародила у Геринга интерес к картинам и скульптурам, которому со временем предстояло превратиться во всепоглощающую страсть его жизни. Но были и другие вещи, которые он хотел узнать. Геринг снова начал интересоваться Германией и с живейшим интересом изучал газеты из Берлина и Мюнхена, чтобы выяснить, что там теперь происходит. Наконец, благодаря посредничеству матери, он узнал, что ему

гарантировано место в Мюнхенском университете, где он будет изучать историю и политические науки. После некоторых колебаний Карин решила, что она останется в Швеции, пока ее возлюбленный не устроится. Реальной же причиной ее задержки с отъездом было нежелание расставаться с сыном.

Но едва Геринг уехал, как ей опять нестерпимо захотелось быть рядом с ним, и не прошло и месяца, как Карин прислала телеграмму, что уже находится на пути к нему. Она остановилась в Мюнхене у матери Геринга, и Франциска, которая сразу приняла ее, решила, что это действительно женщина, которая достойна быть женой ее сына. Она начала спокойно, но твердо подвигать дело к разводу, указывая, что хотя узы брака могут считаться чем-то не обязательным в определенных кругах в Швеции, в Германии дела обстоят совсем иначе, невзирая на всю революционность перемен. Если Карин хочет помочь Герману в его будущей карьере (хотя что это за карьера, ни та ни другая женщина еще понятия не имела), она должна принести жертву, стать добропорядочной женщиной и выйти за него замуж.

Карин вернулась в Швецию, чтобы объяснить ситуацию мужу, и многострадальный Нильс фон Кантцов немедленно предпринял необходимые шаги. Он даже согласился сохранить ей денежное содержание после развода и разрешить свободно видеться с сыном, когда она будет приезжать в Швецию. Дело было улажено быстро, но без суеты, и Карин, попрощавшись с Томасом, отбыла обратно в Мюнхен.

Карин фон Кантцов (урожденная Фок) и Герман Вильгельм Геринг сочетались браком в мюнхенской ратуше 3 февраля 1923 года. Невеста была в белом платье, с гирляндой из белых роз в волосах и букетом ярко-красных гвоздик, обвитым лентами белого и зеленого цветов рода фон Фоков и красного и белого цветов Герингов. Жених нес в петлице эдельвейс. На церемонии присутствовали мать, братья и сестры Геринга, а также старшая сестра Карин Фанни вместе со своей дочерью Дагмар фон Виламовитц-Мёллендорф, к которым на торжественном приеме в Парк-отеле присоединились друзья и доброжелатели. Среди них был майор Карл Боденшатц, ныне офицер германской регулярной армии. От группы старых друзей-пилотов Геринга пришло короткое послание, которое предписывалось зачитать при произнесении поздравительных речей:

«Мы всегда говорили: наш Геринг всегда все делает лучше всех!»

Медовый месяц они провели в маленьком охотничьем домике «Хохкройт» недалеко от Байришцелля, в горах Баварии, рядом с австрийской границей. Вскоре после возвращения Карин Геринг

почувствовала, что ее муж, которому было уже тридцать, наконец нашел дело своей жизни.

Но это было не то, что Нильс фон Кантцов называл постоянной работой, и совсем не то, что обещало блестящую карьеру в обозримом будущем.

Путч

Когда в 1922 году Герман Геринг приехал в Мюнхен, чтобы поступить в университет, он увидел, что в Баварию и ее столицу вернулось спокойствие. Красное восстание было давным-давно подавлено и последовавшее за ним царство правого террора тоже давно кончилось. Вояки из Добровольческого корпуса, чьи кровавые расправы так подпортили добропорядочным бюргерам радость от разгрома красной Коммуны, теперь были распущены по домам и наступило время Веймарской республики. Она была провозглашена в августе 1919 года и управлялась из Берлина президентом Фридрихом Эбертом. Но по разным причинам установившееся в городе затишье было тревожным и молодежь испытывала усиливающееся недовольство действиями правительства.

Большая часть ветеранов войны и, как установил Геринг, большинство немецких студентов теперь верили, что Германия проиграла войну не из-за поражений на полях сражений, а потому что нацию «ударили в спину». Они считали, что германское правительство запросило перемирие слишком рано и позволило союзникам обмануть себя, приняв навязанные ими непомерно тяжелые требования. В результате и без того нелегкое положение республики, обремененной трудноразрешимыми экономическими проблемами, усугублялось требованиями союзников, алчущих репараций. Немцев не оставляли голод, безработица и отчаяние. Находившееся до последнего времени у власти правительство было не в состоянии справиться путем решительных реформ с галопирующей инфляцией, большей частью из-за того, что крупные промышленники скрывали благодаря ей прибыли, а само правительство сочло это удобным способом уменьшить национальный долг.

Ветераны войны и студенты испытывали глубокое унижение от сознания того, как обходятся с их страной, и списывали вину за состояние Германии, во-первых, на «плохих немцев», которые ввергли ее в хаос, во-вторых, на Версальский договор, обостряющий их нищету и позор.

Едва вернувшись в Германию, Геринг начал чувствовать, как в нем тоже поднимается возмущение против «предателей», содействовавших поражению в войне, и союзников, которые были так безжалостны. Но он больше уже не мечтал о реставрации, и его прежняя восторженность кайзером Вильгельмом, который теперь жил в комфортабельном изгнании в Голландии, остыла (но приверженность к монархизму вообще сохранилась).

Он обнаружил, что большинство молодых людей, с которыми ему приходилось сталкиваться — и не обязательно ветераны войны, — теперь испытывают один и тот же порыв: вернуть престиж Германии, тем или Иным способом очистить ее от «плохих немцев», которые «предали» нацию, и сбросить с ее шеи чудовищное бремя условий Версальских соглашений. По всей Германии, особенно в Баварии, начали образовываться так называемые патриотические общества, у которых не было недостатка в новых членах самых разных возрастов. Как указывает историк профессор Гарольд Гордон, эти общества разнились по своим размерам и организации, целям и методам, но все их участники были воинственно настроенными ярыми националистами, антисемитами, готовыми защищать Германию от ее врагов — как внутренних, так и внешних, и все были едины в желании противостоять левым всех оттенков, как изменникам и разрушителям германского общества.

Ко времени, когда Герман Геринг снова обосновался в Мюнхене, в патриотическом движении оформились три направления, и каждое из них начало создавать собственную маленькую армию; общая численность этих соединений составляла уже не менее 300 000 человек. Там было правое, или националистическое, крыло, поддерживаемое главным образом капиталистами, правительственными чиновниками и ветеранами войны старшего возраста, которое проявляло антагонизм к левому крылу, но было не против постепенного сближения; был центр, для виду сотрудничавший с существующим правительством, но за кулисами действовавший для его свержения, и, наконец, на левом фланге патриотических объединений находилась наиболее активная их часть, состоявшая из национал-социалистической германской рабочей партии, или НСДАП, и ее союзников.

Как пишет Г. Гордон, «там собрались сторонники наиболее решительных мер, требовавшие вооруженной революции, новой государственной власти и радикальной перестройки общества. То были так называемые „народные группы“. Эти радикальные группировки различались по своей структуре и задачам, а также степени озлобленности. Единственным же объединением во всем левом крыле патриотического движения, которое пользовалось своими преимуществами как полувоенной, так и пропагандистской организации, была НСДАП. Это была и единственная организация, которая начала (к моменту возвращения Геринга в Мюнхен) превращаться из более или менее аморфного сообщества единомышленников в жестко организованную политическую партию. Ее члены все еще

отвергали парламентаризм и поносили самих парламентариев, отказываясь участвовать в парламентской жизни, вместе с тем начали подготовку к тому, чтобы помериться с ними силами на их собственной почве. Это означало, что НСДАП собиралась воспользоваться, в тактическом плане, политическими преимуществами своего радикального положения на самом „остром“ краю движения… Это была лучшим образом руководимая, тщательнее других организованная и наиболее многоцелевая из всех группировок патриотического движения».

Зимой 1922 года Геринг впервые встретился с лидером НСДАП Адольфом Гитлером и обнаружил, что тот высказывает те самые мысли, которые владели им самим, и пропагандирует политику, которая как будто обещала то, чего он так сильно желал, — восстановления германского величия и независимости.

Студенческая жизнь, когда вам уже около тридцати, может иметь свои специфические трудности, и Геринг никоим образом не был от них избавлен. Волна послевоенных ветеранов-студентов уже прошла через аудитории Мюнхенского университета, и большинство студентов, с которыми ему теперь приходилось учиться; были, по крайней мере, на девять-десять лет младше него и уже принадлежали к поколению, имеющему иное мировоззрение и иной жизненный опыт. Они тоже испытывали горечь от состояния Германии и также ненавидели «плохих немцев», которые, как они утверждали, проиграли для них войну, но в остальном у него было с ними мало общего. Герой войны, которым так восхищались в Скандинавии, для молодых немецких «ботаников» был просто еще одним побежденным солдатом. Что же касается самого Геринга, то он понял, что ему уже поздно обучаться искусству политики по книгам и штурмовать теорию теперь, когда вокруг сплошная практика.

Поэтому, вместо того чтобы учиться, он все больше и больше времени проводил, слоняясь по Мюнхену, — одинокий, неприкаянный, тоскующий по своей Карин, и вслушивался с возрастающим нетерпением в разглагольствования демагогов и разного рода подстрекателей на политических митингах, которые он стал посещать все чаще и чаще.

Был ноябрь 1922-го, время, когда патриотически настроенные политики снова начали вибрировать, узнав об очередном действе победителей-союзников. Не сумев заставить голландское правительство выдать изгнанного Вильгельма II для суда его как военного преступника (Ллойд Джордж выиграл на всеобщих выборах, используя лозунг «Повесим кайзера!»), союзники теперь стали требовать выдачи Германией ведущих военачальников прежней кайзеровской армии, включая фельдмаршала Пауля фон

Гинденбурга и генерала Людендорфа. Для патриотов это была хорошая возможность набрать политический капитал на волне всеобщего возмущения столь оскорбительным требованием — фон Гинденбург был любим германским народом.

Одной воскресной ночью объединенным движением был организован митинг протеста, и Герман Геринг в числе многих тысяч принял в нем участие.

Герингу происходящее показалось маловразумительной болтовней, поскольку речи большинства выступавших были полны пустой риторики о бедах Германии, но совершенно лишены каких-либо практических предложений по их разрешению. Но он не уходил, потому что оказался поблизости от места, где собирались лидеры различных партий в ожидании своего вызова на трибуну, и среди них был один, которого он хотел услышать.

Он видел его один раз во время своих прогулок по Швабингу, кварталу художников в Мюнхене, и знал, что звали его Адольф Гитлер и что он был лидером НСДАП. Но он не был с ним знаком и никогда не слышал его выступлений. Теперь же у него возникла такая возможность.

Но когда имя Адольфа Гитлера было произнесено с трибуны, тот, как заметил Геринг, энергично покачал головой и отказался выходить.

— Это было чистым совпадением, что я стоял рядом и слышал причину его отказа, — рассказал он позднее. — Он посчитал бессмысленным оглашать протесты, которые не имеют никакого веса. Это произвело на меня глубокое впечатление. Ведь я был того же мнения!

Но он так и не услышал, как говорит Гитлер, и поэтому через несколько дней пришел на митинг НСДАП в пригороде Мюнхена. Мысли, которые лидер этой партии выразил в своей речи, в полной мере оправдали все его ожидания. Он говорил о митинге протеста и причине своего отказа обратиться к массам, чтобы выразить свое неприятие Версальского договора и заявить о необходимости его аннулировать. Какой смысл в том, чтобы только стоять и говорить об этом? Протест окажется действенным, только если он будет подкреплен силой, которая придаст ему вес. До тех пор пока Германия не станет сильной, сказал Гитлер, подобные жесты абсолютно бесполезны.

— Он высказывал свои убеждения слово за словом, и мне казалось, что они льются из моей собственной души, — выразил Геринг впоследствии свои ощущения.

Он находился под таким впечатлением, что, когда пришел домой, все еще продолжал думать над тем, что говорил Адольф

Гитлер, об изложенных им идеях и программе, пока не пришел к заключению, что наконец нашел человека и дело, к которым может примкнуть. Он решил разыскать Адольфа Гитлера в штаб-квартире НСДАП (или «нацистов», как начали называть членов этой партии) в Мюнхене.

— Я просто хотел поговорить с ним для начала и понять, смогу ли я чем-то ему посодействовать, — говорил потом Геринг. — Он сразу принял меня и, после того как я представился, сказал, какой это удивительный поворот судьбы, что мы встретились.

Уже в этот ранний период существования нацистской партии Адольф Гитлер отчетливо проявлял такие лидерские качества, что вскоре его имя и имена его сподвижников стали известны далеко за пределами Баварии. Как установил для себя Геринг, слушая его выступление первый раз, Гитлер не только доводил своими выступлениями аудиторию до кипения, он воздействовал на слушателей так, что страсти продолжали бурлить еще долгое время.

Как самому Герингу запомнилось начало его совместной с Адольфом Гитлером политической'деятельности?

— Мы сразу стали говорить о вещах, которые больше всего трогали нас обоих, — вспоминал он, — о поражении фатерланда и несправедливом Версальском договоре.

Гитлер обрисовал ему со всеми убедительными аргументами общую стратегию программы нацистской партии — «моей программы», как он постоянно говорил о ней. Сейчас он видит три главные цели, сказал Гитлер. Во-первых, нужно исключить из жизни немцев «ноябрьских преступников», которые сдали их союзникам, а также «зловещих» евреев и марксистов, которые имели реальное влияние на этих предателей. После этого он призовет народ присоединиться к нему и его партии в построении новой, гордой, национальной Германии. И наконец, эта новая Германия разорвет Версальский договор и станет сражаться, если это будет необходимо, за то, чтобы вновь занять в мире достойное ее место.

Эта программа пришлась настолько по душе Герингу, что больше ему и желать было нечего. Другие патриотические партии клеймили и проклинали правительство, давая клятвы сбросить его, но они ничего не предлагали взамен. Гитлер предлагал не только уничтожение, но и создание новой Германии.

— Я сказал ему, — вспоминал Геринг, — что все, что у меня есть, и я сам полностью в его распоряжении.

Через несколько дней он дал клятву личной преданности Адольфу Гитлеру и был признан полноправным членом

нацистской партии. Для Гитлера в тот важный для его движения день Герман Геринг представлялся самым нужным из всех его соратников. Он был известным героем войны, и это обстоятельство значительно прибавляло престижа всей партии. Он был решительным и деятельным, а также имел просто неоценимый для нацистов военный опыт — и у Гитлера уже имелось в его организации готовое для него место.

Что же касается Геринга, то он нутром почувствовал, что это, возможно, самый важный поворотный момент в его жизни. Он произносил свою клятву верности с таким воодушевлением, что один из наименее серьезных членов партии, Эрнст Ганфштенгль, стал посмеиваться над чересчур эмоциональными обертонами его голоса. Сам же Геринг еще никогда не был более серьезным. Он уже не сомневался, что Адольф Гитлер — именно тот человек, который ему нужен.

— Через некоторое время, когда я получше всмотрелся в фюрера, — вспоминал Геринг, — я протянул ему руку и сказал: «Я вверяю свою судьбу вам, к лучшему или к худшему… на хорошие времена и на плохие… даже если это будет стоить мне жизни».

Он снова нашел героя, который занял в его душе место риттера фон Эпенштейна.

Геринг купил небольшой дом в пригороде Мюнхена Оберменцинге, рядом с замком Нимфенбург, и до приезда Карин успел его частично обставить. Она позволила ему оставить в комнатах первого этажа тяжелую готическую мебель, более подходящую для замков, к которым он имел такое расположение, но верхний этаж захватила в свои руки, уставив его доставленной из Швеции поздневикторианской мебелью, которая в те дни была в моде, и украсив коврами, вышивкой и картинами из дома фон Кантцова, которые принадлежали лично ей.

Еще она привезла небольшую белую фисгармонию, и, когда они оставались одни, Карин аккомпанировала на ней, а Геринг пел народные песни или оперные арии — он полагал, что обладает красивым легким баритоном.

Нацистские лидеры тогда еще не встречались в особняке Геринга в Оберменцинге, ввиду того что Карин Геринг была больна. В конце августа 1923 года Фанни Геринг, которой было только пятьдесят семь лет, внезапно слегла и вскоре умерла. Фон Эпенштейны не приехали на похороны на Вальдфридхоф, где ее погребли рядом с останками Генриха Геринга, но прислали венок и свои соболезнования. Карин настояла на том, чтобы сопровождать мужа на похоронах, и, стоя на пронизывающем мюнхенском ветру, простудилась.

То было трудное время для Германа Геринга. Он всегда очень любил свою мать, и эта любовь стала еще сильнее из-за теплых отношений, установившихся между этой энергичной и практичной крестьянкой и романтичной аристократкой, на которой он был теперь женат. Большую часть сентября 1923 года он провел в метаниях между собраниями и тайными учениями и больной Карин.

В начале сентября новое правительство в Берлине, возглавляемое лидером Немецкой народной партии Густавом Штреземаном, приказало прекратить пассивное сопротивление французской оккупаций в Руре — французы угрожали начать репрессии. Немедленно нацисты и их сторонники собрали в Нюрнберге митинг протеста, назвав его «Германским днем», на котором, после анафем правительству, провозгласили Адольфа Гитлера своим «боевым лидером» в борьбе против «марксизма, интернационализма, пацифизма, веймарской конституции, международного капитала и евреев». Более чем когда-либо нацисты были уверены, что симпатии общества на их стороне.

Но кое-кто еще захотел прихватить часть этих симпатий себе.

Настроенное антиберлински правительство Баварии также объявило себя категорическим противником прекращения пассивного сопротивления и политики повиновения французам. С тем чтобы подчеркнуть свое полное неприятие политики центрального правительства, его члены передали 26 сентября 1923 года, на основании земельной конституции, исполнительную власть бывшему премьер-министру, назначив его генеральным комиссаром по вопросам чрезвычайного положения в Баварии. Этого человека звали риттер Густав фон Кар, и он был горячим сторонником монархии. Фон Кар вскоре объявил о своем намерении отделить Баварию от остальной Германии и посадить принца Рупрехта, сына находящегося в изгнании экс-короля Людвига, на трон того, что станет называться «королевство Южная Германия».

Назначение Кара не могло произойти в более неподходящий для нацистов момент. Едва они и их союзники показали, что готовы к решительным действиям, а Адольф Гитлер выступил вперед, чтобы возглавить борьбу, как вмешался этот выскочка-роялист и попытался теперь развернуть национал-социалистические паруса в другую сторону!

Что-то надо было делать. Рядовые члены СА уже выражали недовольство своим батальонным командирам, заявляя, что потеряли терпение и рвутся в бой. Командовавший мюнхенским полком СА Вильгельм Брюкнер сказал Гитлеру:

— Приближается день, когда я больше не смогу сдерживать

своих людей. Если в ближайшее время ничего не случится, они просто разбегутся.

Он объяснил, что среди его штурмовиков очень много безработных, которые отдали свои последние штаны, последние башмаки, последние пфенниги на боевую подготовку — «чтобы мы могли начать действовать и прекратить этот хаос».

Было необходимо выступать, причем незамедлительно. Кара следовало оттереть в сторону и обойти, в противном случае нацисты утратят свой наступательный порыв и свое *raison d'etre*[3]. Гитлер должен начинать действовать. Но когда?

Дату выступления за него выбрал сам фон Кар. Он объявил, что его движение за отделение получило поддержку не кого-нибудь, а самого генерал-лейтенанта фон Лоссова, командующего рейхсвером VII (баварского) военного округа, и полковника фон Зайссера, начальника баварской полиции. Триумвират собирался выступить на митинге 8 ноября в Мюнхене и объявить там о своих планах.

Местом для митинга был выбран огромный пивной зал на левом берегу реки Изар в пригороде Мюнхена, носивший название «Бюргербройкеллер».

В полдень 8 ноября 1923 года Геринг приехал в домой в Оберменцинг и прошел в спальню, где на кушетке под окном в полудреме лежала Карин. Всю предыдущую ночь у нее был сильный жар, и теперь она испытывала такую слабость, что едва приподняла голову, когда он наклонился, чтобы поцеловать ее.

— Я не могу долго оставаться, любимая, — проговорил Геринг. — Сегодня вечером у нас большая встреча в «Бюргербройкеллере» и она может затянуться. Пусть это не беспокоит тебя.

Она посмотрела ему в глаза и ответила:

— Я не буду беспокоиться. Я буду там с тобой, подле тебя — хотя по-прежнему лежать здесь.

Геринг быстро вышел. До вечера ему предстояло организовать еще массу дел.

Власти хорошо сознавали всю важность собрания в пивном зале, и было решено обеспечить фон Кару и консолидировавшимся с ним командующему рейхсвером и начальнику полиции Баварии самую сильную защиту, включая роту полицейских внутри зала. Но полковник фон Зайссер отклонил эту инициативу на том основании, что слишком многочисленная охрана может создать впечатление, что организаторы митинга нервничают. А с чего бы? Разве они не пригласили туда всех, от центра до самого края правого крыла, включая Гитлера и Людендорфа? В конце концов было решено

спрятать подразделение ландполиции из сорока пяти человек в здании в четырехстах метрах от «Бюргербройкеллера», по соседним улицам пустить патрули и лишь несколько человек поставить в самом зале.

Предстоящий митинг вызвал большой интерес во всей Баварии, и вечером 8 ноября у зала собрались и попытались проникнуть внутрь огромные массы людей, значительно более многочисленные, чем предполагал Кар и его сподвижники. Только половине из них удалось попасть в зал, остальные же, раздосадованные и возбужденные, остались толпиться у входа и на соседних улицах.

Двери закрылись в 19.15, баварский оркестр заиграл бравурную музыку, официантки, сгибаясь от тяжести, принялись разносить по столам гирлянды глиняных кружек, и воздух начал пропитываться запахом пива и сигарного дыма. Должно быть, это заставило поморщиться некоторые благородные носы, так как среди приглашенных находились «сливки» политической, деловой и литературной жизни Баварии, а также большая часть ее нетитулованного мелкопоместного дворянства. Принц Рупрехт прислал своего представителя, барона Зодена, приехали все старые члены баварского правительства, также прибыли банкиры, полицейские чины, редакторы газет. Около восьми часов тромбонист завершил выступление последним глиссандо, и оркестр удалился. К сцене живо прошел Густав фон Кар с генералом фон Лоссовом и полковником фон Зайссером по флангам, сопровождаемый группой помощников. Официантки обрушили на заляпанные пеной столы последние порции пива, и на сцену поднялся один из сторонников фон Кара, чтобы произнести вступительное слово.

Как раз в это время у входа в «Бюргербройкеллер» появился Гитлер. Он выразил удивление, увидев так много народа, толпившегося на площади снаружи, и, подойдя к полицейскому, который узнал его, заметил, что было бы лучше держать площадь и улицы свободными на случай беспорядков. Полицейский согласился и принялся разгонять толпу. Гитлер был доволен — он хотел очистить проход в пивной зал для своих людей, которые должны были скоро прибыть.

Он вошел в двери и был встречен в холле своим личным охранником Ульрихом Графом, который вручил ему нетронутую кружку пива и провел его за стол в задней части зала, откуда тот мог видеть сцену. В тот момент с ним находились четверо его сообщников: Макс Амман, управляющий его коммерческими делами и не раздумывая пускающий в ход кулаки, Йозеф Герум, Рудольф Гесс, неоднократно участвовавшие в уличных схватках и

потасовках, и неожиданный в этой ситуации Эрнст Ганфштенгль по прозвищу Путци, весельчак и одаренный пианист, который, несмотря на свой почти двухметровый рост, обычно чувствовал себя неуютно и робел среди упившейся пивом толпы.

Наконец Ульрих Граф, который выходил на улицу, поспешно зашел обратно и, наклонившись к Гитлеру, прошептал:

— Они прибыли!

На площадь въехал грузовик, заполненный штурмовиками в касках, которые стали быстро спрыгивать на мостовую. Возглавляемые Германом Герингом, они устремились к пивному залу. Никто из полицейских не пытался их остановить. Впоследствии они объяснили, что из-за стальных шлемов штурмовиков подумали, что это прибыли регулярные части рейхсвера. Одновременно со всех сторон на площадь начали заезжать новые грузовики, и другие группы путчистов, высаживаясь, стали стягиваться к «Бюргербройкеллеру».

В это время Гитлер вскочил на ноги и, ударив об пол своей кружкой, выхватил из кармана браунинг. Его сообщники сделали то же самое и устремились за ним через зал. Лидер нацистов намеревался объявиться с драматическим эффектом, подобно джину из старой сказки, появляющемуся на сцене из бутылки в облаке дыма, но люди за столами и на лавках сидели так густо, что быстро пройти к сцене было невозможно. Фон Кар заговорил лишь несколько минут назад, и прошло несколько мгновений, прежде чем он начал понимать, что творится что-то неладное, и замолчал.

В конце концов, благодаря Ульриху Графу, активно использующему свои немалой ширины плечи, и остальным, размахивающим пистолетами, путь был расчищен, и Гитлер добрался до сцены.

Между тем недовольство и беспокойство присутствующих, поднявших ропот, превратились почти в панику, когда у всех входов встали штурмовики и боевики из «Оберланда». Тех, кто пытался выйти, они грубо заталкивали обратно. В какой-то момент один из полицейских помощников фон Зайссера, майор Гунглингер, неспешно направился к Гитлеру, держа одну руку в кармане.

— Мне показалось, что он вынимает пистолет, — объяснил впоследствии Гитлер. Он поднял свой собственный пистолет и, приставив его ко лбу Гунглингера, рявкнул: — Выньте руку!

Майор вынул руку, которая оказалась пустой.

Шум и крики усиливались, и тогда Геринг, в надвинутом на глаза стальном шлеме и с пистолетом в руке, забрался на стол, пнул стоявшие на нем кружки и гаркнул:

— Тихо!

На него никто не обратил внимания, тогда Гитлер поднял браунинг и выстрелил в потолок.

— Если не будет тишины, — заорал он, — я прикажу установить на галерее пулемет!

В зале воцарилось тяжелое молчание.

После этого, по свидетельству одного очевидца, «было продемонстрировано такое ораторское искусство, которому мог бы позавидовать любой актер». Гитлер заговорил, а через пять минут он уже полностью владел аудиторией.

«Он начал говорить спокойно, безо всякого пафоса, — пишет этот очевидец, — и во вступлении ни слова не сказал против Кара. Кар пользовался его полным доверием и, в случае успеха путча, должен был стать регентом Баварии. В то же время следовало сформировать новое правительство в составе Людендорфа, Лоссова, Зайссера и его самого. Я больше не помню ни одного случая во всей своей жизни, когда бы настроение толпы изменилось так быстро, всего за несколько минут, даже за несколько секунд. Конечно, было и много таких, которые еще не „обратились“, но чувства большинства совершенно переменились. Казалось, здесь был какой-то фокус или магия. По залу прокатился гул одобрения, никаких возражений слышно больше не было».

После этого Гитлер провел настороженного фон Кара вместе с фон Лоссовом и фон Зайссером в находящуюся за сценой комнату для переговоров. Едва они расселись, как Гитлер, не давая им расслабиться и помахивая браунингом, заявил:

— Здесь осталось пять патронов — четыре для предателей, и, если все провалится, один для меня.

Несмотря на это, а также на все свое красноречие, он не смог в ходе горячей десятиминутной дискуссии склонить троицу оказать ему поддержку, в которой он нуждался для осуществления путча, уже, можно считать, начавшегося.

Оставив охранять их Ульриха Графа, который ходил с пулеметом, и Рудольфа Гесса, Гитлер вернулся в зал.

«Только теперь, — продолжает очевидец, — он заговорил очень серьезно, с волнением в голосе: „Там сидят Кар, Лоссов и Зайссер, пытаясь найти правильное решение. Могу ли я сказать им, что вы их поддерживаете?“ — „Да! Да!“ — громко раздалось со всех сторон. „В свободной Германии, — неистово выкрикнул он, — найдется достаточно места и для автономной Баварии! И я говорю вам: либо сегодня вечером начнется немецкая революция, либо рассвета не будет, и мы все погибнем!“»

В этот момент всеобщего возбуждения появился генерал

Людендорф, одетый в полную форму кайзеровской армии, при всех наградах, и с надутыми губами от обиды, что он появился на сцене так поздно. Но Гитлер быстро успокоил его и отправил в комнату за сценой, чтобы попробовать на триумвирате его силу убеждения. Осталось невыясненным, впечатляющая ли фигура генерала и его патриотическая риторика подействовали на фон Кара, фон Лоссова и фон Зайссера, или так убедительно смотрелось дуло пулемета Ульриха Графа, но они вдруг дали свое согласие сотрудничать с Гитлером и его нацистами.

Вся команда прошествовала обратно в зал, где Геринг опять пытался успокоить аудиторию, теперь уже разошедшуюся от воодушевления, и Кар объявил, что он согласился разделить судьбу мятежников и готов служить Баварии в качестве регента при монархии. Эта новость вызвала оглушительные аплодисменты. Гитлер вышел вперед и пожал фон Кару руку. После этого он выступил с яростной речью, посвященной тому, как он собирается смести преступников, ныне стоящих у власти в Берлине. Следом за ним выступили командующий военным округом и начальник полиции с заявлениями о своей поддержке путча и с планами во имя будущего Германии, если он удастся.

К этому времени пришедшая в истерическое возбуждение толпа уже обступила все еще стоявших у дверей штурмовиков и боевиков «Оберланда», неистово пожимая им руки и хлопая по плечам. Официантки вновь засновали по залу с пенящимися кружками и подносами горячих сосисок. Опять заиграл оркестр, а Гитлер, фон Лоссов, фон Кар, фон Зайссер и Людендорф стояли перед ликующей толпой и пожимали друг другу руки.

Геринг обнимался со своими командирами СА, и его лицо сияло радостью из-под каски. Ему было отчего радоваться: с ними были и фон Лоссов с армией, и фон Зайссер с полицией, и вся Бавария. Противодействие теперь могло быть оказано только центральным правительством, а с помощью своих военных и полицейских они могли с ним справиться. Пивной путч оказался успешным, почти не успев начаться.

По крайней мере, так это выглядело в полночь 8 ноября 1923 года. Геринг отправил Путци Ганфштенгля домой, чтобы сообщить Карин хорошие вести, и тот вернулся обратно, привезя с собой ее сестру, Фанни. У Карин, сообщила она своему зятю, все еще жар и сильная слабость, но это известие придало ей сил. Новость, что нацисты одержали победу, сама по себе явилась для нее укрепляющим средством.

Между тем радовались путчисты рано, на самом деле они никоим образом еще не победили, а ситуация в самом близком времени обернулась полным поражением.

Гитлер допустил тактическую ошибку.

После окончания триумфальной демонстрации на сцене в «Бюргербройкеллере» он посовещался с Герингом и Гессом и, в качестве меры предосторожности, решил взять заложников на случай, если кто-нибудь за ночь решит передумать. Некоторое количество бывших министров, банкиров, полицейских чинов и членов городского совета были изолированы и взяты под охрану Гесса и подразделения штурмовиков.

Но когда было предложено, чтобы в эту группу также включили и фон Кара, фон Лоссова и фон Зайссера, Людендорф стал категорически возражать.

— Они дали слово солдата, что будут с нами, — сказал он. — Усомниться в них — значит оскорбить их честь как офицеров и благородных людей.

Почему Гитлер тем не менее не постарался задержать всю троицу и оставить ее на ночь под наблюдением, представляется загадочным. Возможно, эйфорическая атмосфера вечера сделала его чересчур самоуверенным.

Всем троим было позволено покинуть пивной зал, и, едва оказавшись вне досягаемости нацистов, они начали действовать против них. Фон Кар со своими помощниками бежал в Регенсбург и немедленно объявил его временной штаб-квартирой правительства Баварии. Фон Лоссов отправился в казармы рейхсвера, где командующий мюнхенским гарнизоном генерал-лейтенант Якоб риттер фон Даннер вручил ему депешу из Берлина. Она была от генерала фон Зекта, главнокомандующего рейхсвером, которого фон Даннер информировал о вечерних событиях. Фон Зект сухо ставил в известность фон Лоссова, что если тот не предпримет немедленные шаги по подавлению путча, он явится из Берлина сам, чтобы сделать это за него.

— Вы дали ваше слово — но ведь это было просто притворство, разве не так, герр генерал? — откровенно спросил фон Даннер.

Фон Лоссов согласился. Да, это была только уловка, чтобы выиграть время. Он начал отдавать команды, и скоро армейский коммутатор буквально захлебнулся телефонными звонками в другие гарнизоны с приказами срочно прислать в баварскую столицу подкрепления.

Всю ночь шел дождь со снегом. Когда над Мюнхеном взошел рассвет, бойцы подразделений СА и других подкреплений, марширующих по серым, покрытым слякотью улицам к месту встречи у «Бюргербройкеллера», с изумлением увидели расклеенные на стенах домов плакаты, объявляющие национал-социалистов запрещенной партией, а все договоры с ними,

которые были подписаны фон Каром, расторгнутыми. Тот приказал напечатать эти объявления, как только выбрался из пивного зала. Экстренный выпуск мюнхенской «Пост» вышел с коротким официальным заявлением принца Рупрехта, отрицающим какую-либо связь с Гитлером и генералом Людендорфом, и еще более коротким посланием кардинала Фаульхабера, главного католического лица в Баварии, осуждающим руководителей путча.

Гитлер, Людендорф, Геринг и Гесс между тем стояли в пивном зале, хранившем следы бурно прошедшей ночи, и вовсе не запах прокисшего пива и застоявшегося сигарного дыма делал их лица такими перекошенными. Дело неожиданно приняло скверный оборот, и они, похоже, находились в замешательстве, не зная, что делать дальше. На рассвете у них была назначена встреча с фон Лоссовом у пивного зала, но тот не появился. Ему отправили уже несколько посланий, но ни один из эмиссаров с ответом не вернулся. (Это и понятно — их всех арестовали.)

Вскоре они узнали худшее. Удалось перехватить радиодонесение из казарм рейхсвера в Берлин, из которого путчисты узнали не только то, что члены триумвирата нарушили свое слово, но и что уже отданы приказы об аресте Гитлера, Людендорфа и других главарей путча. Вслед за этим появились сообщения из разных концов города и с железнодорожной станции о прибытии армейских частей. Однако прибывающие войска ожидал совсем не теплый прием со стороны обывателей, начинающих собираться на улицах. Большинство из них сочувствовали национал-социалистам и, уже зная об антипутчевом характере их миссии, потрясали кулаками и испускали гневные вопли в адрес проходящих солдат. (Фон Лоссов попытался не допустить выхода газет, содержащих репортажи о вечернем митинге в «Бюргербройкеллере» и особенно описания собственного участия в нем и восторженной реакции собравшихся, но некоторые издания все же успели найти своих читателей.)

Один рейхсверовский офицер впоследствии так описал эту сцену:

«Маршируя по Максимилианштрассе, мы слышали в свой адрес такие определения: „Тьфу, еврейские защитники! Предатели фатерланда! Цепные псы! Хайль Гитлер — к черту Кара!“ и т. п. А когда пересекали Одеонсплатц, прохожие орали, свистели, улюлюкали и грозили кулаками…»

Что теперь было делать мятежникам? И Гитлер и Людендорф понимали, что без поддержки рейхсвера их предприятие провалится. Хотя у них имелось кое-какое оружие и они прошли

определенную подготовку, они не сумели бы выстоять против регулярных войск, которые могли подвезти пушки и двинуть против них бронеавтомобили. Наконец Гитлер, в плане рабочей гипотезы, предложил, чтобы все отряды нацистов соединились и начали отступление на юг к Розенхайму, а тем временем нужно послать к принцу Рупрехту эмиссаров с просьбой о посредничестве между ними и фон Каром и фон Лоссовом.

Людендорф покачал головой.

— Мы двинемся маршем по городу! — объявил он.

Кто-то тут же заметил, что в этом случае все пути будут перекрыты войсками, которые откроют огонь.

Едва заметная гримаса презрения промелькнула на лице Людендорфа.

— Скорее небеса рухнут, чем баварский рейхсвер станет по мне стрелять, — сказал он.

В это верил не один Людендорф. Гитлер тоже так считал. То, что какой-нибудь солдат или полицейский рейха осмелится поднять оружие против национального героя, было немыслимым. Мысль о его неуязвимости согрела нацистских лидеров в это вызывающее озноб утро сомнений и разочарований, и они снова почувствовали прилив оптимизма.

Да, идея Людендорфа была правильной. Они пойдут маршем, соберут всех штурмовиков и всех сторонников партии, внушительной колонной пройдут по мосту через Изар в город. Прошествуют к зданию командования военного округа на Одеонсплатц, которое захватил и теперь сидел там, окруженный солдатами, капитан Рем со своими боевиками из «Рейхскригфлагге», и соединятся с ними, игнорируя рейхсвер или полицию, которые попытаются их задержать.

Гитлер был так уверен, что они смогут исправить ситуацию этой демонстрацией, и так верил в силу личности Людендорфа, которая их защитит, что сказал Герингу, чтобы тот собрал в пивном зале всех членов СА и боевиков «Оберланда», и там, в присутствии стоявшего рядом с ним увенчанного наградами генерала, велел им произнести торжественную присягу на верность Людендорфу. Это был расчетливый психологический ход, который помог восстановить чувство единства и общности цели в его уже тронутых пораженчеством когортах.

Они вышли из «Бюргербройкеллера» на площадь и прилегающие улицы и построились в колонны. Прозвучал сигнал, и марш начался. Впереди шел знаменосец СА с огромным развевающимся красным партийным флагом со свастикой и знаменосец с флагом «Оберланда», в переднем ряду шествовали вожди: в центре Людендорф, справа от него Гитлер, слева Геринг,

затем Ульрих Граф, Макс фон Шойбнер-Рихтер (окружной нацистский лидер), Розенберг, адъютант Людендорфа майор Ганс Штрек и несколько других главных нацистов, за ними шагали остальные штурмовики и бойцы из «Оберланда» с винтовками на плечах. Дальше, в глубине колонны, ехал грузовик с пулеметчиками.

Первое препятствие ожидало эту внушительную колонну у Людвигсбрюке, моста через Изар, где путчистов встречали баварские полицейские с винтовками, которые получили приказ их остановить.

Герман Геринг предвидел это. Настроенный более скептически, чем его вождь, относительно людендорфовской неуязвимости, он отнюдь не испытывал уверенности насчет действий рейхсвера в отношении нацистов, когда произойдет столкновение. Потом Геринг говорил, что он с самого начала чувствовал, чем это кончится. Но как вести себя с полицейскими, охранявшими мост, он знал.

Колонна пока что остановилась, а он пошел вперед, чтобы поговорить с лейтенантом Георгом Хефлером, командовавшим этим подразделением. Указав на группу покорных и немного испуганных людей внутри колонны, Геринг объяснил, что это заложники, министры, полицейские начальники, которых путчисты взяли на всякий случай под свою опеку в минувшую ночь. Если полицейские откроют огонь, сказал он, он прикажет их расстрелять.

— Кое-кто из моих людей охотно обещал прибить их, — добавил он. — Но я, конечно, не хотел бы, чтобы это случилось. Ведь все они — уважаемые и семейные бюргеры.

Полицейские расступились, и колонна прошла через мост в город. (Похоже, Гитлер только в этот момент осознал, что с ними находятся заложники. Не желая иметь на своих руках кровь мучеников — в смысле, мучеников не-нацистов, — он приказал, чтобы их немедленно вернули в пивной зал, где они и оставались до своего освобождения рейхсвером.) После этого их шествие стало триумфальным. Мюнхенцы вывалили на улицы, чтобы встречать марширующих, и не было никаких сомнений относительно владевших ими чувств. Под приветственные крики, рукоплескания и возгласы «Хайль Гитлер!» они пересекли Мариенплатц и двинулись дальше по Резиденцштрассе с пением и под знаменем со свастикой. Людендорф, явно удовлетворенный, улыбался, Гитлер поднял руку в приветственном салюте, принимая восторженные возгласы толпы.

Резиденцштрассе была узкой, и колонна значительно уплотнилась, демонстранты шли к просторной Одеонсплатц

буквально плечом к плечу. Но в конце улицы, преграждая им путь, уже стоял кордон полиции. Продолжая шагать, Гитлер дал сигнал Ульриху Графу, и тот побежал вперед и крикнул старшему полицейскому офицеру:

— Не стреляйте! Идут генерал Людендорф и Адольф Гитлер!

Но капитан барон Михаэль фон Годин получил строжайший приказ от своего начальника, полковника фон Зайссера, задержать колонну путчистов любой ценой. Если бы им все же удалось пройти, чуть дальше, у «Фельдхерн-халле», огромного пантеона, построенного в честь германских военных героев, их ждали подразделения рейхсвера. В этом, как оказалось, не было необходимости. Едва плотные шеренги нацистов подошли ближе, фон Годин громко скомандовал: «Огонь!» Его люди заколебались, и тогда он схватил чью-то винтовку, навел ее на колонну и снова крикнул: «Огонь!» На этот раз прогремел залп.

Шойбнер-Рихтер, шагавший рядом с Гитлером, получил пулю в голову и, падая, увлек за собой и его. Геринг пригнулся, но почувствовал удар и острую, жгучую боль в бедре и тоже упал на мостовую. Раздался еще один залп, в ответ на который прозвучало несколько выстрелов из рядов нацистов, после чего они стали разбегаться в поисках укрытия.

Только Людендорф вместе со своим адъютантом майором Штреком продолжали марш с высоко поднятыми головами, так, словно их совершенно не касалось все, что творится вокруг. Генерал отказывался верить, что кто-то осмелится в него выстрелить, и теперь, когда это произошло, он просто не замечал этих людей.

Он прошествовал прямо в объятия полиции, которая взяла его под арест. Быстро подъехал небольшой автомобиль и забрал Гитлера с того места, где он сидел, скорчившись, у тела Шойбнера-Рихтера — падая на мостовую, он вывихнул плечо. Существовал приказ о его аресте, поэтому его спрятали в горах на вилле Путци Ганфштенгля. Там несколько дней спустя его полиция и обнаружила.

Герман Геринг, истекающий кровью от пуль, угодивших в пах и бедро, был подобран своими людьми и отнесен в дом торговца мебелью, жена которого, фрау Эльза Баллин, и ее сестра, на его удачу, во время войны прошли обучение на медсестер. Они сняли с него бриджи и обработали раны так тщательно, как только могли, а затем приостановили кровотечение полотенцами. Баллины были евреями, и они знали, кем являлся Геринг и за что выступает его партия; им также было известно, что он разыскивается властями. Однако в полицию не донесли. Они оставили его у себя до наступления ночи, а сами тем временем

связались, по настоятельной просьбе Геринга, с симпатизировавшим нацистам профессором Альвином фон Ахом, заведовавшим клиникой в городе. В ранние часы 10 ноября его перевезли туда и там прочистили все еще кровоточащие раны. (Геринг не забудет помощи Баллинов и впоследствии он вернет им долг.)

А на Одеонсплатц тем временем убирали тела. Было убито трое полицейских и шестнадцать членов национал-социалистической партии. Большинство погибших нацистов были молодыми и представляли все слои общества — среди них были лавочники и инженеры, бывшие офицеры и банковские служащие, слесарь и студент. Это был хороший материал для мартиролога — мучеников из них в скором времени нацисты и сделали. Рем со своими боевиками из «Рейхскригфлагге» в здании командования военного округа сдался спустя два часа.

Итак, Пивной путч провалился, его лидеры оказались в бегах и уже никто больше не думал о национал-социалистах как о силе, способной влиять на будущее Германии.

Что же касается Германа Геринга, то ему будущее еще никогда не представлялось более мрачным.

На игле. Излечение

Томасу фон Кантцову было тринадцать лет, когда его мать с новым мужем вернулись после долгого изгнания в Швецию. Ему было очень одиноко, и он сильно страдал, находясь вдали от Карин, потому что его любовь к ней походила на одержимость, на манию, и теперь, когда она приехала обратно, его единственной мыслью было никогда больше не расставаться. При этом, по-видимому, Карин не приходило в голову (а Томас об этом, вне всякого сомнения, в то время не думал), что это причиняет большие страдания ее бывшему мужу Нильсу фон Кантцову и что даже если бы все у Герингов было хорошо, его бы не могло не обижать, что Томас стремится все свое время проводить с Карин и с человеком, который ее у него увел.

Но у Герингов дела шли из рук вон плохо, и ситуация постоянно становилась все хуже.

Вскоре после возвращения в Швецию здоровье Карин значительно ухудшилось, но она, в отличие от мужа, скрывала свое состояние. Она даже стала выглядеть еще прекраснее, чем прежде: болезнь и слабость придавали ее облику какое-то неземное очарование, которое трогало каждого, кто ее видел. Первые недели после своего приезда Карин появлялась на многих вечерах и обедах вместе с мужем, но скоро у нее стали проявляться признаки petit mal, легкой формы эпилептических припадков, проявлявшиеся во внезапных приступах слабости или потере сознания, когда она совершенно не контролировала, что с ней происходит. Доктора посоветовали ей проводить еще больше времени в постели.

Геринг сократил количество инъекций до двух в день: одну он делал после подъема и одну перед сном. Его нога сгибалась плохо, и это делало прогулки затруднительными, а боль в паху была весьма ощутимой, но, несмотря на это, в эти первые дни он подолгу ходил по Стокгольму в поисках работы. И просто удивительно, что фон Фоки и фон Розены, такие богатые и влиятельные семейства, не смогли помочь ему найти место. Его свояченица Фанни говорит по этому поводу следующее:

«Для Германа Геринга это было действительно плохое время. В Швеции скопилось в то время очень много безработных из прибалтийских стран и из России. На каждое освобождающееся или создающееся место было очень много желающих».

Геринги сняли небольшие комнаты в старой части города и расставили в них большую часть своей перевезенной из-под Мюнхена мебели. У них имелись в банке деньги от продажи

особняка в Оберменцинге, и вместе с выплачиваемыми Карин бывшим мужем суммами и при значительной экономии на жизнь им хватало. Но для Геринга вынужденное безделье с каждым днем становилось все тягостнее, он сильно тосковал по Германии. Создавалось впечатление, что партия совсем о нем забыла, и всю информацию он вычитывал из газет, большая часть которых была настроена враждебно к нацистам.

Он опять принялся глушить себя морфием, скатился до четырех, пяти, а потом и шести инъекций в день. Боль в самом деле существовала, но скоро потребность в уколах возникала уже независимо от боли.

Пристрастие к морфию влечет за собой не самые приятные ощущения, даже когда наркотик начинает действовать. Он не вызывает ни чувства особой эйфории, ни неудержимого восторга, а потом наступает глубокая депрессия. Что же касается Германа Геринга, то существуют некоторые указания на то, что у него была на морфий аллергия, и он никогда не отдавал ему при лечении предпочтения, потому что от боли его избавляли только очень большие дозы. Меньшие дозы вызывали бессонницу, нервные срывы и неуправляемые приступы ярости, во время которых он кричал, неистовствовал и расшвыривал газеты по комнате. Карин его поведение все больше и больше ужасало, и мерой глубины его любви к ней может служить такой факт: после того как она укоризненно взглянула на него во время одной из его вспышек, он больше ни разу не пытался поднять на нее руку.

В этой атмосфере болезней, боли и страданий в квартире Герингов в районе Оденгатан стал появляться юный Томас фон Кантцов. Он тоже никогда не становился жертвой постоянно усиливающихся ужасных припадков Геринга и впоследствии высказался так:

«Должно быть, он делал неимоверные усилия, чтобы быть нормальным, когда я приходил, потому что передо мной он представал все тем же веселым парнем, которого я знал еще ребенком. Он шутил со мной, не обижался, когда я смеялся над его шведским, и очень серьезно выслушивал все, что я говорил, и так же серьезно мне отвечал».

Но Томас предпочитал оставаться наедине с матерью и часто прогуливал школу, чтобы провести день с ней. Именно в связи с этим Нильса фон Кантцова обеспокоило то, что сын, по его мнению, слишком много видится с Карин, и он послал ей записку, в которой мягко предложил, чтобы она устраивала его посещения так, чтобы они не пересекались с занятиями. Вместе с этим он сам либо его слуга стали сопровождать Томаса в школу и обратно, чтобы удостовериться, что он не убежал к матери.

Карин же отреагировала на это крайне неразумным образом. Нильс фон Кантцов старался быть честным. Во многих отношениях он был, пожалуй, даже слишком добр. Он повел себя как офицер и джентльмен, дав Карин развод, когда она попросила об этом, и обеспечил ей ежемесячную денежную помощь. Он позволил ей без ограничений видеться с сыном, пока она находилась в Швеции, и если и испытывал чувство ревности или обиды к Герингу из-за жены, то всегда тщательно скрывал его.

Но теперь Карин призвала семейных адвокатов и дала им указания выступить от ее имени в суде и просить попечительства над сыном, упирая на то обстоятельство, что она теперь будет постоянно жить в Швеции (она решила больше не уезжать, если бы ей отдали Томаса) и что Томас сильно нуждается в материнской заботе, которую он не может получить в холостяцком доме Нильса фон Кантцова.

Вполне возможно, что фон Кантцов пошел бы и на эту, последнюю жертву и покорно отдал ей сына, если бы он не был серьезно обеспокоен слухами, витавшими вокруг квартиры его бывшей жены. Он знал, что нынешнее жилье Герингов крайне скромно, что Карин нездорова, а у Германа нет работы. Но теперь он нанял частных детективов, чтобы уточнить другую дошедшую до него информацию, и был так потрясен их отчетом, что немедленно сообщил суду, что будет возражать против попечительства жены.

Он указал в своем заявлении, что его бывшая жена, здоровье которой и ранее было очень слабым, теперь обнаруживает склонность к эпилепсии и подвержена учащающимся приступам и обморокам, а ее безработный муж — человек неукротимого нрава, склонный к насилию, когда ему перечат, — возможно, вследствие пристрастия к опасным наркотикам. Никто из них не мог стать родителем или приемным родителем для впечатлительного ребенка в годы, когда складывается его личность, заключил Нильс фон Кантцов.

Этот ответный удар не мог быть нанесен в более неподходящий, с точки зрения Карин Геринг, момент. Семейные источники фон Фоков не хранят подробности того, что после этого произошло, а Фанни пишет об этом только следующее:

«Мама Карин… пыталась помочь так, как только могла, раскрыв объятия и распахнув свое сердце. Но она не могла изгнать из дома Герингов беспокойство, болезнь, бедность и страдания. Карин из последних сил старалась оживить атмосферу в доме, отогнать поглощающее их уныние. Мебели, которую приходилось продавать, становилось все меньше, недуг и нужда стали их ежедневными гостями. В жизни этого сильного мужчины

наступило время, когда со всех сторон на него накатили черные волны, и этот жестокий шторм грозил унести с собой все, что у него было… Непоколебимая и верная, стояла Карин рядом со своим возлюбленным мужем. Никогда ее не оставляли мысли о его будущем и будущем его народа. Даже если с сердцем будет плохо, так что она часами пролежит неподвижно, или приступы слабости совсем одолеют ее, а боль и мучения станут едва переносимыми, она не станет жаловаться. Она сосредоточит свои мысли на чем-нибудь другом и, прежде всего, на нем».

В этом трогательном пассаже никак не отразился факт состоявшегося в это время семейного совета родителей и родственников Карин, фон Фоков, после доклада их семейного доктора. Состояние Карин Геринг ежедневно усугублялось ее подавленностью и тревогой за мужа, который проявлял признаки острой зависимости от морфия. Доктор объявил, что он не сможет отвечать за последствия, если это бремя не будет снято с плеч Карин. Этот человек, сказал он, такой буйный и опасный, такой неуравновешенный, что в любой момент может убить себя или еще кого-нибудь.

В результате было решено, что семья возьмет на себя расходы по медицинскому уходу за ним, и в лечебнице Аспадден для него закажут частную палату, где проведут обследование. Геринг согласился довольно охотно, потому что вполне сознавал всю тяжесть своего состояния и, по крайней мере временами, ощущал решимость вылечиться. К несчастью, никто из врачей в больнице, видимо, не представлял, какие дозы морфия в действительности требовались Герингу, чтобы стать нечувствительным к физической боли и душевным мучениям, которые он испытывал, а чуткий и благожелательный уход не являлся отличительной чертой шведской больничной системы. По плану, лечение заключалось в постепенном уменьшении доз до полного отвыкания, но количество морфия, которое ему дали с самого начала, было таким маленьким по сравнению с потребляемым им, что это было равносильно методу резкого прекращения потребления, и Геринг стал реагировать соответственно. Он попросил наркотик, но в ответ услышал, что должен подождать до утра, когда будет следующий укол. При мысли, что ему придется провести ночь в ужасных мучениях, он начал нервничать и умолять дать ему морфия, но это не подействовало, зато ему указали, чтобы он вел себя как мужчина, а не распускал нюни, и тогда Геринг пришел в ярость и бросился на медсестру. В результате его признали сумасшедшим и перевели в психиатрическую больницу Лангбро. Это случилось 1 сентября 1925 года, и он провел несколько дней, терзаясь жесточайшими

ломками в обитой войлоком комнате.

В то время очень многие медики были уверены, что лучший и самый быстрый способ лечения наркомании — это резкая изоляция пациента от наркотика и выдерживание его до полного отвыкания. Требовалось крепкое тело и еще более крепкий разум, чтобы выдержать шок от такого радикального и жестокого оздоровительного курса, и было немало наркоманов, которые оказывались не в состоянии физически либо психически его пережить.

Герман Геринг пережил. Психиатр, который наблюдал его в лечебнице Лангбро, впоследствии классифицировал своего пациента как «сентиментального человека, лишенного элементарной силы духа». Он написал этот диагноз после того, как Геринг, просуществовав три месяца без наркотиков, был выписан и отправлен домой в Оденгатан. Там, находясь вместе с Карин, состояние которой стало еще хуже, чем было, он опять ощутил себя в атмосфере безработицы и нехватки денег. Геринг снова взялся за шприц и снова был отправлен в Лангбро. После этого, по истечении еще двух месяцев полного воздержания, он вылечился. Больше он не кололся никогда. Должно быть, здорового и бодрого духом шведского психиатра это не очень впечатлило, однако, учитывая силу на тот момент его морфиновой зависимости, а также сохраняющуюся боль от раны (так и оставшуюся с ним на всю жизнь), нельзя не признать его излечение достижением.

За период, пока он принимал наркотик, Геринг изрядно прибавил в весе. Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что морфий либо рана в паху, а может, и то и другое привели к нарушению обмена веществ. Летом 1926 года Герман Геринг, которому теперь было тридцать три года, уже ничем не напоминал стройного, привлекательного молодого героя войны. Сейчас Томас фон Кантцов, несмотря на всю свою любовь к нему, уже не мог назвать его «забавным».

Но теперь он снова был готов бросить миру вызов и сильнее, чем прежде, горел желанием вернуться в Германию.

Политическая ситуация в Германии менялась, происходила поляризация сил, и все больше и больше партий присоединялось к левому и правому крылу. В 1925 году президентом страны был избран фельдмаршал Пауль фон Гинденбург; ему теперь было восемьдесят лет, но он не переставал кипеть от ярости из-за несправедливых требований Версальского договора и обвинений союзников, возлагающих на Германию всю вину за первую мировую войну.

Осенью 1927 года он отправился в Танненберг, где

произошло одно из самых значительных сражений прошедшей войны, чтобы принять участие в самой впечатляющей с тех времен демонстрации патриотизма. Поводом для этого послужило открытие мемориала Танненберга, просторное место хорошо подходило для милитаристских представлений, и Гинденбург вместе с правыми использовал эту возможность для масштабной пропагандистской акции.

Престарелый фельдмаршал проследовал в Восточную Пруссию, где находился Танненберг, на крейсере «Берлин», который перевез его из Свинемюнде в Кенигсберг и таким образом избавил от необходимости ехать по ненавистному Польскому коридору. От начала и до конца ясно ощущался милитаристский, роялистский и реакционный дух этой демонстрации. Принять в ней участие были приглашены некоторые организации ветеранов, включая нацистов, но членам еврейских объединений бывших военнослужащих однозначно запретили там появляться. Впрочем, все германские генералы были там и они шумно выразили свое одобрение, когда Гинденбург прокричал:

— Обвинение Германии в том, что она несет ответственность за эту величайшую из всех войн, мы отвергаем. Все немцы, вне зависимости от своей социальной принадлежности и рода деятельности, единодушно отрицают это. Не дух зависти, ненависти или страсти к завоеваниям заставил нас обнажить меч… Мы отправились с чистыми сердцами защищать наш фатерланд и чистыми руками взялись за меч.

Он закончил выступление призывом к богу благословить германский народ и царственную семью и избавить тех и других от взваленного на них бремени несправедливости.

Эту речь передавали по радио во всех концах Германии, и везде она вызывала небывалый подъем патриотических чувств. Герман Геринг прочитал ее в шведских газетах и был счастлив сообщить Карин, что Германия начинает выздоравливать и час его возвращения теперь близок.

Так оно и было. Вскоре после этого в рейхстаг была подана петиция об освобождении всех политических заключенных и амнистии всем политическим изгнанникам. Так как у коммунистов еще сидело в тюрьмах много их товарищей и кое-кто был в бегах за границей, они присоединились при голосовании к правым за принятие этих мер.

Изгнание закончилось. Герман Геринг мог спокойно вернуться.

Он отправил приветственную телеграмму Гитлеру и принялся готовиться к возвращению. В тот момент не было вопроса, поедет

с ним Карин или нет, потому что она была слишком слаба, чтобы выдержать путешествие. Но она и слышать не желала о том, чтобы ждать, и даже заставила себя подняться с постели и помогала ему упаковываться, дабы убедить его, что, хоть она и больна, ей уже лучше и скоро она поправится.

В октябре 1927-го состоялось их полное слез прощание, во время которого Карин едва смогла скрыть от мужа, что находится на грани полного изнеможения. Едва поезд скрылся из виду, она упала на руки Фанни, и ее срочно отвезли в больницу. Несколько недель она серьезно болела, но об этом, по ее настоянию, мужу ничего не сообщали.

— У него сейчас столько дел, столько нужно наверстать, — постоянно говорила она сестре, — да еще беспокойство обо мне… Он не сможет все это вынести.

Карин была права. Прибывшего обратно в Германию Геринга не встречали как героя. За прошедшее время партия заметно изменилась, так же, впрочем, как и фюрер.

Но на дворе был 1927 год. Национал-социалистическая партия уже настолько самоутвердилась, что ее название было известно всей Германии. Люди голосовали за ее кандидатов на выборах, и теперь нацисты сидели в рейхстаге и в ландтагах — провинциальных законодательных собраниях. Адольф Гитлер благодаря своей отсидке в тюрьме Ландсберг набрал огромные политические дивиденды. Побыв «мучеником» сколько требовалось, он вышел на свободу знаменитым, а его политическая монография «Майн кампф» привлекла широкое внимание.

Зачем ему теперь нужен бледный, толстый, хромоногий бывший капитан без пфеннига в кармане, в котором уже угас прежний огонь? В партии за высшие посты теперь дрались другие люди, и его прежняя должность командира штурмовиков, которые теперь стали носить форменные светло-коричневые рубашки, была уже занята. Недруг Геринга в партии Альфред Розенберг фактически правил политической машиной, и ему совершенно не улыбалось появление соперника, так что он вместе с Путци Ганфштенглем, который был записным сплетником, позаботился о том, чтобы Гитлер узнал о тех случаях, когда Геринг в изгнании критиковал его руководство или отпускал шутки относительно его характерных манер. Они прекрасно знали, что фюрер был очень чувствителен к критике и нелегко прощал тех, кто высмеивал его или делал в его адрес пренебрежительные замечания.

В результате Геринг, готовившийся с триумфом въехать в Германию, испытал сильное разочарование и внутреннюю

опустошенность. В итоге после двух его бесед с Гитлером в Мюнхене он получил указание «не терять связи», а пока что сосредоточиться на поисках работы и начать обустраиваться.

— А там, — сказал Гитлер, — будет видно.

В начале ноября 1927 года Геринг выехал в Берлин в качестве представителя Баварского моторного завода (BMW), который недавно перешел во владение итальянского предпринимателя по имени Камилио Кастильони, и пытался наладить свои дела, выпуская авиационные моторы. Тот факт, что Кастильони был евреем, судя по всему, не беспокоил Геринга, и хотя тот как-то пожаловался, что «Герман тратит слишком много времени на поцелуи женских ручек и значительно меньше на добывание подписанных руками их мужей контрактов», их сотрудничество, если и не стало фантастически плодотворным, было вполне дружеским. Находясь в Берлине, он наладил связи со многими из своих боевых товарищей, и среди них с Бруно Лёрцером, который сотрудничал с компанией Хейнкеля и уже окрепшей воздушно-транспортной фирмой «Люфтганза».

На это время он поселился в небольшом номере гостиницы позади Курфюрстендам, но возвращался в него только по ночам на несколько часов. Хотя поиски места под солнцем отнимали у него практически все время, он не переставал отчаянно страдать от одиночества без Карин, и они изливали друг другу души в ежедневных письмах. Карин имела обыкновение зачитывать длинные отрывки из посланий Геринга сыну, и Томас на всю оставшуюся жизнь сохранил память о той романтической страсти, которой дышало каждое их предложение.

Не может быть сомнений, что любовь Геринга к его хрупкому милому другу была такой же сильной, как прежде, и, когда пришло рождество, он понял, что больше не в силах вынести разлуку, и отправился в Стокгольм. Но в то время Карин все еще лежала в больнице и только к весне 1928 года смогла наконец набраться сил, чтобы приехать к нему в небольшую меблированную квартиру, которую он снял в Берлине на Берхтесгаднерштрассе, 16.

Ее присутствие принесло ему удачу. Вновь замаячили радужные перспективы, потому что непредсказуемый Гитлер неожиданно проявил желание опять видеть прежнего сподвижника среди своих приближенных.

Трехгрошовая опера

Весной 1928 года в берлинской «Тагеблатт» была напечатана карикатура Курта Арнольда, которой он точно отразил жизнь в современной Германии. На ней была изображена тонкая, почти совсем без груди, девушка с коротко подстриженными по последней моде волосами, в короткой юбке и на высоких каблуках, встречающаяся с очень толстым человеком с огромной сигарой в зубах. Внутри толстяка виднелся худой как скелет ребенок, цепляющийся за юбку оборванной женщины с еще одним ребенком на руках. Подпись гласила: «Одни предпочитают быть толстыми, другие предпочитают быть худыми, а все остальные остаются худыми в силу нужды».

Музыкальным хитом того года стала «Трехгрошовая опера» Бертольта Брехта и Курта Вайля, едкая осовремененная версия «Оперы нищих» Гая. В ней Берлин изображался как один сплошной воровской притон, ее героем был плут, героинями — проститутки, а честные люди выглядели дураками, над которыми все смеялись и издевались. Параллели с тем, что происходит в Германии, были достаточно близкими, чтобы считать происходящее на сцене совсем уж притянутым за уши, а философия, выраженная в песенке «Мекки Нож», была вполне понятной тем, кто заполнял театр каждый вечер.

В Берлине было полно иностранцев, неплохо там себя чувствовавших, с карманами, набитыми марками, которые они получали в обмен на свои доллары, фунты, франки и гульдены. А представлений, на которые их можно было потратить, существовало предостаточно и на любой вкус: это и новая версия «Ромео и Джульетты» Макса Рейнхардта с Элизабет Бергнер и Францем Ледерером, и фильмы киностудии УФА с Марлен Дитрих, оперетта Рихарда Таубера, пьесы Герхардта Гауптмана и Лиона Фейхтвангера, новые сочинения Рихарда Штрауса, концерты Фюртвенглера и Берлинской филармонии, а также танцы обнаженной смуглой Жозефины Бейкер на сумасшедших вечеринках и ночные клубы всевозможных экзотических и эротических разновидностей.

Но за этим «культурным» фасадом Веймарская республика, на которую демократы возлагали такие надежды, переживала агонию. На глухих улицах рабочих кварталов Берлина каждый конец недели коммунисты и нацисты избивали друг друга с кровожадной яростью, и то, что газеты по понедельникам описывали как «фракционные политические ссоры», на самом деле были первыми раундами в борьбе не на жизнь, а на смерть

за власть в Германии. Не нужен был особо чувствительный нос, чтобы почуять дым от горящего фитиля бомбы, как не требовались слишком восприимчивые уши, чтобы услышать вступительные аккорды кифары Нерона.

Как и многие другие подобные ему люди, Геринг сумел преуспеть в той беспокойной и лихорадочной атмосфере. То было время, когда ловкий говорун, обладающий связями и умеющий пустить пыль в глаза, вполне мог устроить себе неплохое житье. То был мир продавцов, и в нем повсюду находились покупатели. Подстегиваемый отчаянным желанием иметь деньги, приличное место и вернуть расположение Гитлера, Геринг прошелся по всем своим связям, которые у него остались с войны, и, не особо смущаясь, стал использовать их в своих целях.

Вскоре по прибытии в Берлин он заявился к другому бывшему офицеру, с которым как-то встречался во время войны. Пауль (Пилли) Кёрнер тоже искал себе место в богатом, сверкающем столичном мире, однако все, что у него пока было, — это небольшая денежная помощь от семьи и автомобиль «мерседес-бенц». Но для Геринга и этого было достаточно — он предложил ему стать компаньоном и с этого момента стал ездить по Берлину на различные деловые встречи на эффектном автомобиле с собственным шофером, которым на самом деле был Пилли. Бруно Лёрцер тем временем женился на богатой женщине, и благодаря ей устраивали роскошные обеды и ужины для потенциальных покупателей моторов BMW, шведских парашютов и других авиационных устройств, для которых Геринг составлял посредничество. Вскоре он почувствовал себя уже достаточно уверенным, чтобы пригласить к себе другого своего фронтового друга, принца Филиппа Гессенского, который теперь был женат на дочери итальянского короля, Мафальде, и выставлять его, ничего не подозревающего, как «свадебного генерала» на вечерах для потенциальных клиентов.

Наметился какой-то успех, и Геринг воспрял духом, здоровье пошло на поправку, и скоро мало кто мог поверить, что меньше года назад он, хромоногий калека, лежал в шведской психбольнице. Карин тоже расцвела и наслаждалась той жизнью, которую они теперь вели.

В письме матери от 18 мая 1928 года она так описывает несколько своих обычных дней:

«Приехали три лучших друга Германа и отвезли нас в экипаже перекусить. Затем мы совершили трехчасовую поездку на автомобиле до гоночного трека и там развили скорость до 115 километров в час!!! После этого мы при ярком солнечном свете вернулись в Берлин и поехали на озеро в пригород, где попили

чаю. Потом опять домой, чтобы полчасика передохнуть, после чего отправились обедать вместе с его другом и его женой. Вернулись домой к десяти и заснули без задних ног… Мы завтракаем дома, а потом отправляемся на второй завтрак. На этот раз мы поехали перекусить в китайский ресторан, где нам подали ласточкины гнезда!! И клубнику на палочках!! Все невероятно вкусно, а официантом был китаец!!!»

Во время одной из своих поездок в Берлин Гитлер пригласил Геринга увидеться с ним в гостинице в Сан-Суси, где он всегда останавливался во время визитов в столицу. Геринг отправился туда с большим нетерпением, потому что на носу были новые выборы в рейхстаг, и он знал, что фюрер составляет список кандидатов от нацистов. Он решил, что его имя обязательно должно быть среди них, и не только потому, что член рейхстага получал хорошее регулярное жалованье, мог бесплатно ездить в вагоне первого класса, а также пользовался рядом других полезных привилегий. Теперь он был полон решимости вновь выдвинуться в передние ряды партии. Он по-прежнему был тверд в своем патриотизме и, несмотря на все прелести нынешней жизни, Геринг прекрасно сознавал всю непрочность и неестественность существующей Германии и ощущал тикающую неподалеку бомбу с часовым механизмом. Однажды, закусывая в «Хорьхере», самом известном берлинском ресторане, он сделал широкий жест, указывая на окружавшие его со всех сторон сытые лица, и внятно произнес:

— Придет день, когда мы сметем все это и вновь установим в Германии справедливость. Мы избавимся от этих кровососов и наконец накормим немецкий народ.

Правда, это не помешало ему прийти в «Хорьхер» и на следующий день.

Теперь он страстно стремился вновь оказаться, в команде Гитлера, и встреча в гостинице Сан-Суси была крайне важна для его планов. По некоторым данным, Гитлер не имел намерения выдвинуть его кандидатуру на предстоящих выборах, и не он, а сам Геринг был инициатором встречи. С другой стороны, Карин в своем письме Томасу говорит, что «фюрер попросил своего старого товарища увидеться, встретил его с распростертыми объятиями и обрадовался его внешнему виду. Он попросил его вновь поднять партийное знамя и пойти бороться за избавление Германии на майских выборах».

Геринг вернулся со встречи ликующим, получив официальное приглашение, и, чтобы это отпраздновать, пригласил Карин на торжественный обед — разумеется, в «Хорьхер».

«Весь Берлин охвачен предвыборной горячкой, — написала

Карин домой 18 мая, — выборы назначены на воскресенье. Уже началась стрельба. Каждый день коммунисты с красными флагами, с серпами и молотами на них, отправляются в шествие по городу и каждый раз у них происходят схватки с идущими под красными знаменами со свастиками людьми Гитлера, появились раненые и убитые. Мы должны подождать до воскресенья, чтобы увидеть, как пройдут выборы. Но они должны, должны пройти хорошо для Германа, и тогда у нас наступит долгий период покоя. Дорогая мама, будь мысленно с нами!»

Кампания Геринга, проведенная в Берлине, была короткой, шумной и эффективной. Он был хорошим оратором, а когда требовалось, способен и к спокойному убеждению. Но в 1928 году нацисты рассчитывали не на спокойных и сдержанных избирателей, а предполагали подогреть страсти и вылезти на волне страхов и ненависти широких масс — боязни коммунистов, страхе перед инфляцией, безработицей, ненависти к союзникам, французам и полякам, капиталистам и евреям. Геринг раскрыл способ возбуждения толпы, освоив манеры выступления, близкие к технике Гитлера, и явно получал удовольствие, обмениваясь бранью, оскорблениями и непристойностями с красными оппонентами, которые следовали за ним от митинга к митингу, чтобы забрасывать вопросами и осыпать критическими замечаниями. Стоит отметить, что он хорошо ориентировался в жаргоне и воспринимал просторечный юмор, а аудиторию лучше всего держал, когда был в предельно язвительном или шутливом настрое.

Выборы были жестокими, и, когда голосование ночью 20 мая закончилось, в моргах оказалось полно мертвых, а в больницах — раненых. Но даже те нацисты, головы которых не пострадали от коммунистических дубинок и железных прутьев, призадумались, когда подвели итоги, потому что левые, коммунисты и социалисты получили 40 процентов мест: центр, республиканцы и националисты в значительной степени утратили свои позиции, а национал-социалисты набрали только 800 000 голосов и заняли всего 12 мест в рейхстаге.

Впрочем, Герман Геринг оказался одним из них, и для Карин это было главным. Она немедленно отправила маме телеграмму:

«Германа вчера выбрали. Мама, ты понимаешь? Твоя Карин».

Среди других членов партии, выбранных вместе с ним, был сам Адольф Гитлер, а также доктор Йозеф Геббельс, нацистский районный лидер в Берлине, Грегор Штрассер, в то время один из ближайших сподвижников фюрера, Вильгельм Фрик и генерал фон Эпп, прежде состоявший в регулярной армии, но ушедший в отставку, чтобы бороться заодно с нацистами. Но если Гитлер

переживал разочарование итогом выборов, то Геринг таким результатом был доволен, оказавшись вместе с другими одиннадцатью депутатами на самой партийной верхушке. Он начал называть себя и остальных депутатов-нацистов двенадцатью апостолами и смотрел на избрание в рейхстаг как на окончательное подтверждение своего «восстановления».

Новый рейхстаг собрался в среду 13 июня 1928 года, и Карин, сияющая от гордости, расположилась на галерее, чтобы увидеть, как будет заседать ее любимый Герман.

«Герману отвели прекрасное место, рядом с генералом фон Эппом из Баварии, — написала она на следующий день маме. — Они сидят каждый за своим столом значительно впереди остальных… Но как тягостно видеть на другой стороне от них так много красногвардейцев — они добились неслыханного успеха и заняли огромное количество мест в рейхстаге. Они все одеты в свою униформу, носят еврейские звезды Давида, красные звезды, что одно и то же, и красные нарукавные повязки. Все эти типы по большей части молодые, драчливые и имеющие совершенно криминальную внешность. Исключая партию Гитлера, в других партиях многие новые члены — евреи!»

Вечером того дня, когда открылся рейхстаг нового состава, Геринг выступал главным оратором на «победном» митинге национал-социалистической партии в Берлине, на который пришли пять тысяч человек. По сравнению с его предвыборными речами это было аргументированное представление программы нацистов по искоренению бедности в стране и выдвижению Германии на достойное ее место среди других держав. Когда он сел на место, разразились оглушительные овации, и тогда он снова поднялся и сказал:

— Если вы теперь нас так поддерживаете, то почему вас не было на выборах? В следующий раз сделайте так, чтобы все, кого вы знаете, голосовали за нас: ваши жены, ваши родители, сестры, сыны и дочери, ваши подруги и незаконные дети, если они уже достаточно взрослые!

Последовала еще более восторженная реакция слушателей, и Геринг с Карин отправились домой, весьма довольные собой. Там Герман обнаружил письмо от старшего сына бывшего кайзера, кронпринца Фридриха Вильгельма, поздравлявшего его с избранием. «Ваш выдающийся талант, Ваше мастерство в обращении со словом и Ваша физическая сила — вот что необходимо для Вашей новой профессии народного представителя», — писал он.

— Что он под этим подразумевал? — спросила Карин мужа.

Геринг ухмыльнулся и ответил, что Фридрих Вильгельм

думал обо всех тех молодых мускулистых коммунистах, которые теперь заполонили рейхстаг, и о драках, которые они начнут затевать с нацистами.

«Герман теперь так ужасно занят, — писала Карин маме в июне, — что теперь я вижу его, только когда он вбегает и выбегает. Но все свободное время он уделяет мне, и мы по крайней мере едим вместе. Впрочем, я не помню, чтобы мы оставались с ним наедине хотя бы за одним блюдом — у нас тут всегда люди, причем никогда не бывает меньше трех. Но мне нравится быть здесь, в Берлине. Я люблю этих людей и люблю эту страну гораздо сильнее, чем любую другую, за исключением Швеции».

Далее она сообщала, что Геринг, став членом рейхстага, не прекратил своей прежней работы, что он по-прежнему является доверенным лицом нескольких авиационных фирм, по-прежнему представляет здесь шведского производителя парашютов, и «в воскресенье или понедельник мы улетаем на несколько дней в Швейцарию — в Цюрих и Берн. Германа попросили дать несколько лекций, а кроме того, он должен произвести демонстрацию парашюта Торнблада. Было много несчастных случаев (с другими парашютами), и Герман собирается показать возможности Торнблада».

Через несколько дней она организовывала в Берлине завтрак для группы швейцарских генералов, майоров и лейтенантов, которые приехали для дальнейших переговоров, и сожалела, что его нужно было давать в ресторане, что было гораздо дороже, чем трапезничать дома.

Хотя теперь их финансовое будущее выглядело значительно более обнадеживающим, у них оставались долги с прошлых лет, и они напрягали все свои ресурсы.

«Как это будет чудесно, когда у нас появится собственный дом! — писала Карин. — Трудно мириться с тем, что каждый раз нам приходится продавать вещи по таким смехотворно низким ценам. Здесь, в Берлине, все очень дорого. В ресторанах приходится значительно переплачивать даже за хлеб, а в магазинах все стоит гораздо дороже, чем в Швеции».

Но судьба переменчива, и скоро у Карин Геринг не осталось причин жаловаться на нехватку денег. Прежде всего, Гитлер ещё раз признал ее мужа одним из наиболее ценных членов партии и решил использовать его ораторские таланты на всю катушку. Его включили в платежную ведомость с окладом 800 марок в месяц плюс расходы и отправили выступать с речами по тем областям Германии, где требовались новые члены или слабел дух национал-социализма. В добавление к этому, Геринг

познакомился с бывшим офицером по имени Эрхард Мильх, который теперь был главным исполнительным директором авиатранспортной компании «Люфтганза», и обещал ему, что будет лоббировать в рейхстаге интересы этой компании. Мильх сознавал, каким успехом было привлечение Геринга к делам своей фирмы.

— Его репутация как героя воздушной войны была хорошо известна, — впоследствии говорил он, — а его послевоенный опыт — полетов на самолетах, продажи двигателей и посредническая деятельность — позволял ему хорошо разбираться в проблемах авиации и воздушного транспорта. Мы знали, что он с энтузиазмом станет содействовать нам в достижении наших целей.

Скоро Мильх и его жена стали бывать в гостях в доме Герингов.

— С самого начала, — рассказывал годы спустя Мильх, — мы почувствовали расположение к фрау Карин Геринг, которая имела очевидное влияние на своего мужа, что проявлялось самым лучшим образом. В близком кругу Геринг был спокойным и дружелюбным, даже если иной раз и произносились резкие слова, и мне сразу было видно, когда он начинал хвастать. Я уже сталкивался с его тщеславием и огромным самомнением и знал, что любой, кто заденет его самолюбие, пожалеет об этом.

С этого времени выдающиеся ораторские таланты Геринга стали употребляться в рейхстаге и на пользу «Люфтганзы» — в обмен на тысячу марок ежемесячно. Вместе с его жалованьем в рейхстаге и субсидиями партии на такую же сумму это дало Герингам возможность наконец купить дом, о котором так мечтала Карин. Они приобрели дом на Баденшештрассе, и Карин настолько поглотили выбор обстановки, поездки с Герингом на митинги и устраивание завтраков и обедов для коммерсантов, князей, политиков и банкиров, с которыми они теперь встречались, что у нее совсем не осталось времени для писем маме.

Наконец 21 февраля 1929 года, после нескольких недель молчания, она отвлеклась от дел и написала:.

«В последнее время ужасно много всего, что надо обдумать, устроить и уладить… Даже сегодня Герман выступает со своей первой большой речью в рейхстаге, так что у меня не очень много времени для письма — естественно, я должна быть там, чтобы слушать его. Вечером он держит речь в Берлинском университете перед студентами из самых различных партий. Больше половины из них уже национал-социалисты, и я надеюсь, что он сумеет убедить и всех остальных! Завтра он будет выступать в

Нюрнберге, а потом отправится в десятидневную поездку по Восточной Пруссии, где у него намечены двенадцать выступлений в двенадцати различных местах. Весь дом полон политиков, и это доставляло бы ужасное беспокойство, если бы не действовало так возбуждающе».

К этому времени задачей Германа Геринга стало разъяснять новую политику партии, что призвано было создавать о нацистах впечатление как о респектабельных, «цивилизованных» буржуа и привлечь к ним внимание и симпатии влиятельных людей в Германии — таких, как крупные промышленники, банкиры, а также разные князья, графы и прочие аристократы, преклонение перед титулами которых ничуть не уменьшилось из-за падения монархии. Первым перед завораживающими речами Геринга не устоял принц Август Вильгельм, второй сын изгнанного кайзера. Скоро Геринг уже запросто называл принца Ави, однако Карин все же предпочитала придерживаться более официального обращения. Ее самыми близкими друзьями в Берлине теперь стали князь и княгиня цу Вид, которых пленили красота и обаяние Карин, притягивали энергия и энтузиазм ее мужа, а цели национал-социалистов вызывали сочувствие. Эти контакты расширили окружение Герингов, и скоро за обеденным столом в доме на Баденшештрассе можно было видеть лица, имена которых имелись в «Альманахе де Гота» или справочнике «Кто есть кто в Германии».

Несмотря на это, двери дома Германа Геринга по-прежнему оставались открытыми для любого члена партии, оказавшегося в Берлине и ищущего кров, питье или еду, каким бы грубым и неотесанным он ни был, и скоро то, что рядом с принцессой за его обеденным столом может оказаться сельскохозяйственный рабочий, стало темой разговоров в Берлине. Но это вовсе не вредило авторитету Геринга среди рядовых членов партии и подчеркивало для его гостей и их друзей демократический образ национал-социалистической организации.

«Сегодня у меня есть больше времени, поэтому я расскажу тебе о событиях более подробно, — написала Карин маме 28 февраля 1930 года. — [Князь и княгиня цу] Виды уехали на несколько недель отдохнуть в Тироль. В первых числах марта они уже вернутся, и я, конечно, этому очень рада. Они нам так преданы и так помогают, я их обоих просто обожаю. Цу Виды свели нас со многими очень приятными семействами. В последние недели так много всего происходило, что мы редко заходили домой, чтобы поесть, и то появлялись лишь тогда, когда у нас были гости. Все это, конечно, отнимает силы Германа, так же как и мои, потому что мы их не жалеем. Обыкновенная жизнь

для нас более невозможна, и мы знаем, что, если нас попросят, мы отдадим все, что сможем, ибо сами этого желаем».

Так же, очевидно, были готовы поступать и их новые друзья.

«Виды хотят, чтобы все, кого они знают, заинтересовались движением Гитлера, — пишет далее Карин, — и Германа постоянно осыпают вопросами — одними и теми же, но разные люди. Они пытаются найти уязвимые места в политической концепции Гитлера, критикуют его программу, и Герман должен отвечать, объяснять, растолковывать до полного изнеможения… Но я вижу, что все движется к лучшему, что наше окружение постоянно растет и мы уже склонили многих на сторону Гитлера и его дела. [Принц] Август Вильгельм теперь с нами, так же как и цу Виды вместе с большой группой очень интересных людей. Вчера мы завтракали с князем Хенкелем-Доннерсмарком, ему сорок лет и он парализован и прикован к каталке. Так жалко. Он посещает каждый митинг, на котором выступает Герман. Он такой добрый и умный, мы его очень любим… Несколько дней назад у нас на завтраке был барон Коскулл вместе со шведской дипломатической миссией. В то же время у нас находились фон Бары, Август Вильгельм и двое рабочих национал-социалистов, которые приехали из Мюнхена и остановились у нас, а позднее прибыли граф Коме с супругой и герцогиня фон К. с дочерью. Можешь представить, какие были у шведов глаза при виде такого ассорти!!!»

Герман Геринг был теперь набатом партии, гремевшим по всей Германии, и новые члены вливались в нее и из растущей армии безработных рабочих, и из обанкротившегося и разочарованного среднего класса, и, большей частью благодаря Герингу, из аристократии. Он теперь сильно располнел, уже совсем не походил на вагнеровского героя, но еще никогда со времени войны не был так дееспособен, обретая себя в своей нынешней напряженной деятельности.

Карин изо всех сил держалась, пытаясь не отставать. К примеру, холодным полуднем особенно сурового февраля она отправилась с Герингом в Магдебург на назначенный на восемь часов митинг, в полночь они поехали обратно и вернулись домой только полседьмого утра. Правда, Геринг немедленно занялся работой, а она осталась в постели отдыхать, однако даже любовь и энтузиазм не могли долго поддерживать ее жизнь в таком темпе.

Газеты, особенно орган национал-социалистов «Фелькишер беобахтер», были полны историй о смерти некоего Хорста Весселя, командира отряда СА в Берлине, погибшего в одной из кровавых стычек с коммунистами, которые теперь стали

непременным явлением ночной жизни в крупных городах Германии. Главный представитель Гитлера в Берлине, доктор Йозеф Геббельс, облагообразил своими речами и статьями малосимпатичную, маргинальную личность Весселя и представил его нацистским мучеником, жертвой жестоких хулиганов-коммунистов. Это определенно возымело свой эффект на благородных друзей Карин.

«Вчера на завтраке у нас были цу Виды вместе с доктором Геббельсом, лидером Движения в Берлине, — написала она маме 22 марта 1930 года. — Княгиня сделала чудесный рисунок Гитлера и его соратников, марширующих с высоко поднятыми знаменами со свастиками, а среди них можно увидеть сияющие образы тех, кто был убит коммунистами. Эффект от рисунка удивительный, такой вдохновляющий. Я обязательно захвачу его с собой, когда приеду повидаться с тобой».

Но прием так утомил ее, что следующим утром она оказалась слишком слабой, чтобы поехать с Герингом в новый тур с выступлениями по Восточной Пруссии и Рейнланду, на этот раз в компании с принцем Августом Вильгельмом, который уже стал «истинным и верным гитлеровцем… таким скромным, трудолюбивым и всегда готовым помочь».

Она осталась лежать с высокой температурой и признавалась маме:

«Так пусто, когда Германа нет, и я постоянно тоскую о нем. Мне здесь так одиноко, и в отличие от других женщин я не могу рассказывать о состоянии моего здоровья друзьям и знакомым. Только когда я думаю о том, как бы я могла содействовать ему или Движению Гитлера тем или иным способом, силы как будто приходят ко мне свыше».

Летом она смогла набраться достаточно сил, чтобы поехать на съезд партии в Нюрнберге и послушать обращение Гитлера к самому большому сборищу национал-социалистов, которое до сих пор видела Германия. Но она оказалась слишком слабой, чтобы присоединиться к торжествам, и из-за проблем с сердцем была спешно доставлена в санаторий в Кройте, в Баварии.

В результате правительственного кризиса приближались новые выборы, и Геринг уехал выступать. Карин часто писала домой из санатория, и по ее тону чувствовалось, что она отчаянно пытается не падать духом.

«Здесь все так добры ко мне, и мне очень нравится тут лежать, — утверждает она. — Я прогуливаюсь тут или раскладываю пасьянсы — а больше ничем не занимаюсь. Если солнце яркое, я лежу на балконе. Смотрю на горы, на небо, на облака — они абсолютно неподвижны — о, это несет такую

тишину и успокоение, и я благодарю бога, что оказалась здесь».

Встревоженный ее состоянием, но не в силах нарушить свою программу в этот критический период предвыборной кампании, Геринг писал ей каждый день. Но он смог сделать больше. Подавив самолюбие, он написал Нильсу фон Кантцову в Стокгольм, объяснив, как больна Карин, и попросив его отпустить к ней Томаса. Томас приехал в июле 1930 года и оставался с матерью десять дней. Он катал ее по аллеям в кресле на колесиках или ездил с ней на автомобиле в горы. Ему было уже восемнадцать лет, но его привязанность к ней от разлуки стала еще сильнее, и они, словно воссоединившиеся любовники, почти не отходили друг от друга.

— Я был очень сильно взволнован, когда спустя десять дней расставался с ней, — сказал позднее Томас фон Кантцов. — Я любил мою мать очень сильно. Но как же она запутала мою жизнь!

К началу сентября Карин сообщала, что уже может читать газеты и журналы, но книги для нее еще трудноваты.

«Какая она все-таки странная — жизнь, — писала она маме. — Она оказалась совсем не такой, какой я ее себе представляла. Чем более глубокой жизнью ты живешь, тем сильнее муки, которые выпадают на твою долю. Почти ничего не осталось от меня — той, какая я была раньше, мечтательной, замкнутой, сверхчувствительной… Я стала такой жесткой, моя кожа огрубела, иначе я не думаю, что смогла бы все вынести… Я так довольна сыном, он такой добрый, такой великодушный и рассудительный. Потому что сам столько страдал и многое понимает. Мама, я так тоскую по тебе. Ты не чувствуешь щемящую волну, приходящую к тебе из моей милой, любимой Германии?»

Это письмо было написано 9 сентября 1930 года, в канун выборов в рейхстаг. На следующий день миллионы немцев отправились на избирательные участки и показали, что их настроение изменилось, а вместе с ним наступила перемена в их политических пристрастиях. Когда результаты подсчитали, оказались выбранными 107 национал-социалистов. Из маленькой группки приверженцы Адольфа Гитлера за одну ночь стали второй по величине партией в рейхстаге, поддержанные шестью с половиной миллионами избирателей.

Палата Карин в санатории наполнилась цветами и поздравительными телеграммами, приходившими весь день. Наконец прибыл Герман Геринг. Он весь сиял — и не только из-за оглушительного успеха партии, но и от того, что получил личное продвижение, о котором хотел ей сообщить. Гитлер, сказал он,

назначил его главным политическим руководителем и спикером партии.

Для Гитлера и его ближайших сподвижников 1930 год был трудным: возникали ситуации, когда его лидерство оказывалось под угрозой, а партии угрожал внутренний переворот. Борьбу против него вели два брата, Отто и Грегор Штрассеры, которые проповедовали приход к власти революционными методами и программу воинствующего социализма, гораздо более левацкую, чем даже та, которую провозглашала официальная немецкая социалистическая партия. Штрассеры обрели значительную поддержку среди рядовых нацистов и среди командиров подразделений СА и становились опасными в своей критике «респектабельных нацистов». Вскоре Геринг пожаловался Гитлеру, что уже который раз, едва он подводит очередного банкира или князька к вступлению в лоно партии, Отто Штрассер отпугивает их, выступив с тенденциозной речью или осуществив акцию саботажа на какой-нибудь фабрике или крупном складе. Его поддержал Геббельс, также пожаловавшись, что его система пропаганды постоянно расстраивается действиями Отто Штрассера, имеющими эффект «красной тряпки».

Гитлер решился провести открытое разбирательство со Штрассерами. На бурном собрании в мае 1930-го он категорично потребовал от братьев строго придерживаться линии партии. Отто это делать наотрез отказался и обозвал Гитлера лакеем и подхалимом «денежных мешков». После этого Гитлеру оставалось только одно: Отто Штрассер был исключен из партии. Вместе с последовавшими за ним раскольниками из СА он принялся формировать так называемый «Черный фронт» (объединивший членов нацистской партии, которые стояли за социалистический путь развития, «истинных носителей национал-социалистических идеалов», как они себя называли), его же брат принял решение остаться с Гитлером — о чем ему впоследствии пришлось горько пожалеть.

Едва разрешился вопрос со Штрассерами, как возникла новая проблема, на этот раз со значительным контингентом штурмовиков и их командиром, оберфюрером Вальтером Штеннесом, возглавлявшим коричневорубашечные отряды Берлина-Бранденбурга, Померании, Мекленбурга и Силезии. Штеннес, бывший армейский офицер и бывший полицейский, после ухода Штрассера остался в партии, но тоже являлся сторонником активных действий и был убежден, что пистолет в руке — гораздо более убедительное средство, чем бюллетень в избирательной урне. Несмотря на это, он и его люди старательно трудились во время предвыборной кампании — и не на одной

лишь рутинной работе, охраняя своих ораторов и мешая выступлениям соперников, и не только участвуя в уличных схватках с коммунистами, которые опять-таки вредили кампании, но и занимаясь делом, которое они считали для себя весьма унизительным: обивали пороги избирателей, агитируя за партийных кандидатов.

Штеннес решил, что за все эти труды его подчиненные заслужили некоторое вознаграждение. Большинство из них были бедными рабочими, чьи низкие заработки (даже вместе с партийными дотациями) с трудом позволяли кормить семьи в условиях инфляции. Между тем среди них начали распространяться слухи о роскошной жизни, которую ведут некоторые партийные вожди. По каким-то причинам Геринг не стал объектом их гнева, этим объектом стал Геббельс, и их негодование подстегивалось историями в оппозиционной прессе — причем отнюдь не все были преувеличены — о его значительных тратах на собственное волокитство и дорогие вечеринки. Когда в мюнхенской штаб-квартире нацистов Штеннесу отказали в немедленном поощрении его людей и значительном увеличении их еженедельных субсидий, он собрал свои части и привел в Берлин, где они явились в недавно построенную нацистскую штаб-квартиру (там председательствовал Геббельс) и принялись ее громить. В это же время часть коричневорубашечников ходила по улицам и раздавала листовки, объявляющие Геббельса растратчиком и присвоителем партийных денег.

Это происходило в последние предвыборные дни, и нацистам было трудно придумать для себя более досадную помеху. Гитлер был вынужден прервать свой агитационный тур и мчаться в Берлин. Оппозиционеры не преминули воспользоваться ситуацией, чтобы поиздеваться над Гитлером за отсутствие дисциплины внутри его партии. Прибыв в столицу, он несколько дней буквально не ел и не спал, переезжая из одного штаба СА в другой, где беседовал со штурмовиками, призывая их к единению и предупреждая об опасности раскола. Фюрер был в пике своего неистового красноречия — и он убедил их. Даже сам Штеннес сдался и обещал впредь подчиняться требованиям, и Гитлер оставил его на должности.

Но требовалось найти «виновного», и начальник штаба СА, капитан Франц Пфеффер фон Заломон, у которого с фюрером были очень натянутые отношения, оказался козлом отпущения. Его не изгнали из партии, но перевели в Мюнхен, где Гитлер мог присматривать за ним.

Кто теперь возьмет в свои руки руководство СА? Когда-то это

было делом Геринга, занимавшегося им с полной самоотдачей, и теперь он опять этого страстно жаждал. В национал-социалистической партии, неудержимо шагающей к власти, это была очень сильная должность, ключевая для преобладания в партии. Он ждал, что фюрер вверит ее ему.

Но ждал он напрасно. Для Гитлера это было бы слишком простым и слишком опасным решением. Его хитрый и расчетливый ум уже разработал иное решение. Сначала он объявил, что берет управление СА на себя, полагая — так оно и вышло, — что магическое воздействие его личности окончательно успокоит брожение в низах. А потом написал письмо в Боливию капитану Эрнсту Рему, приглашая его немедленно вернуться в Германию.

Эрнст Рем был офицером регулярной армии и одновременно возглавлял праворадикальный боевой Союз имперского военно-морского флага («Рейхскригфлагге»), присоединившийся к национал-социалистам во время Мюнхенского путча в 1923 году. Он был очень способным и бесстрашным солдатом, ярым патриотом, но вместе с тем и непримиримым врагом «старой гвардии» и вообще офицерской касты, которая, как он считал, проиграла для Германии первую мировую войну. Уволенный из армии после Пивного путча, он провел некоторое время в тюрьме, был отпущен под честное слово, и, окончательно разочаровавшись ситуацией в Германии, в 1928 году уехал в Южную Америку, где стал работать инструктором по контракту в боливийской армии.

Рем, как прекрасно знали и Гитлер, и Геринг, и Геббельс, был гомосексуалистом. Обнаружив свои сексуальные предпочтения, когда ему было двадцать четыре года, он никогда на самом деле не делал из них особого секрета. И тут, к ярости Гитлера, едва Рем ответил ему, что он немедленно возвращается в Германию, в оппозиционной прессе стали появляться статьи, направленные против этого «извращенца» и «содомита». Были опубликованы его письма, которые он отправлял из Боливии своим друзьям, жалуясь на свое одиночество и местное непонимание «его типа любви».

Не возникало сомнений, что кто-то, узнав, что Гитлер собирается назначить Эрнста Рема возглавлять СА, устроил утечку его писем в прессу. Этот кто-то мог находиться только внутри самой партии. И имелся лишь один человек, который был серьезно заинтересован в том, чтобы подорвать его шансы и смутить Гитлера, информировав широкую публику о гомосексуальных наклонностях Рема. Этим человеком был Герман Геринг, который сам хотел возглавить СА.

Однако Гитлер отказался смущаться или менять свое решение. Он разразился бранью в адрес «низких очернителей» «честного борца за справедливость» и пообещал, что придет день, когда он получит удовлетворение за это «грязное и отвратительное оскорбление». А пока Рем должен был оставаться «моим верным начальником штаба, теперь и после выборов».

Геринг перенес разочарование с подобающей выдержкой и принял вместо этого должность политического уполномоченного фюрера. Он приветствовал Рема, когда тот прибыл, чтобы принять руководство СА, но продолжал испытывать к нему жгучую зависть.

Как потом оказалось, напрасно.

Смерть Карин

К 30-м годам Берлин превратился в город диких контрастов. В Немецком театре шел один из шедевров десятилетия, новая постановка Максом Рейнхардтом «Сна в летнюю ночь». Молодые актеры труппы как будто витали в воздухе, уносясь в чарующий мир шекспировских фантазий, и искрометная легкость их игры оттенялась послеобеденной отягощенностью публики, сытое самодовольство которой заставило даже социалиста-аристократа графа Гарри Кесслера, в других отношениях бесстрашного антифашиста, проникнуться душком антисемитизма.

«В первом ряду партера, — написал он в своем дневнике, — сидели бывший кронпринц и его жена. Его волосы уже стали совсем пепельными, почти седыми, его жена — полная, пожилая женщина. Тем не менее он сохранил все манеры неизменными со времен своей офицерской молодости, стоя в антрактах среди публики с сигаретой, свешивающейся изо рта, или с надменным видом шествуя взад и вперед, услужливо придерживая двери перед входившими и выходившими толстыми старыми евреями… Передавшееся ему по наследству гогенцоллерновское отсутствие вкуса достигло в нем масштабов поистине монументальных».

А по улицам тем временем маршировали нацисты, и этот спектакль вызвал у Кесслера такой комментарий: «Просто наизнанку выворачивает от такой упрямой тупости и озлобленности».

В тот день нацисты прошествовали по Лейпцигерштрассе, разбивая витрины универмагов, и вышли на Потсдамерплатц, выкрикивая свои лозунги: «Германия, пробудись!», «Смерть иудам!» и «Хайль Гитлер!»

«По большей части эти нацистские отряды состоят из юных подонков, которые начинают вопить, едва полицейские пускают в ход свои резиновые дубинки, — продолжает комментировать Кесслер. — Я никогда прежде не видел такие толпы в этих районах… Эти бесчинства напоминают мне дни перед самой революцией, с такими же массовыми митингами и такими же праздными личностями, слоняющимися повсюду и участвующими в демонстрациях. Если правительство не предпримет жестких мер, мы сползем в гражданскую войну. Сегодняшние же беспорядки нам уже обойдутся, по моим оценкам, в сумму потерь на бирже от пятисот миллионов до миллиарда марок и изъятием обратно иностранных вложений».

Эти события имели место как раз перед тем, как Эрнст Рем принял на себя руководство СА, когда коричневорубашечники

Вальтера Штеннеса, подстрекаемые своим командиром, еще раз вышли из подчинения. Штеннес вполне резонно подозревал, что долго не продержится при новом начальстве, и решился на последнюю попытку сохранить СА под своим контролем. Перед тем как выступить маршем, он обратился к своим штурмовикам с демагогической речью, очень похоже подражая Гитлеру, превознося превосходство пулемета над избирательной урной и насмехаясь над гомосексуалистом «в кружевных трусиках», который собирался их возглавить. Разве они хотят, чтобы ими командовал неженка, маменькин сынок? И когда они громко ответили, что нет, он крикнул:

— Тогда пойдемте и покажем этому содомиту, на что способны мужчины!

Это был вызов не только Рему, но и Гитлеру, так как это он его назначил, и реагировать им следовало немедленно. Фюрер дал Рему полную власть, и новый начальник штаба СА стал действовать быстро и безжалостно. Через сорок восемь часов после марша по Лейпцигерштрассе все подчиненные Штеннесу командиры или исчезли, спасаясь бегством, или лежали в больницах с проломленными головами или переломанными костями. Рем созвал своих старых товарищей еще с дней Мюнхенского путча, многие из которых разделяли его сексуальные предпочтения, и они показали мятежным коричневорубашечникам, что если гомосексуалистами они и были, то маменькими сынками — никак нет. Сам Вальтер Штеннес покинул нацистскую партию и примкнул к «Черному фронту» Отто Штрассера, и теперь Рем мог без помех заняться организацией буйных и недисциплинированных орд штурмовиков.

1931-й был очень тяжким годом почти для всего мира, но для Германии особенно. В других странах депрессия привела к возникновению длинных хлебных очередей, но в Германии не хватало даже хлеба, за которым могли бы выстраиваться очереди. Теперь союзники наконец осознали, что побежденный противник не может продолжать гигантские выплаты, взваленные на него в Версале, и американцы убедили остальных разрешить временное прекращение репараций, и этот шаг был назван в честь американского президента «мораторием Гувера». Но, чтобы его оздоравливающий эффект сказался на экономике Германии, требовался срок, а нацисты тем временем продолжали стричь политические купоны с не уменьшающейся пока массовой нищеты.

Для Германа Геринга это был какой-то странный период, потому что каждый новый успех партии и повышение его

собственного положения сопровождались ухудшением состояния Карин. За весну 1931 года она очень сильно сдала, ее сердце стало таким слабым, что она часто часами лежала как бы без сознания. И вот однажды, когда Карин находилась в подобном состоянии, наблюдающий ее доктор, отвечая сокрушенному Герингу, сообщил, что надежды больше нет и она должна скоро умереть.

Карин не подала виду, что слышала эти слова. Она ничего не сказала Герингу, но по секрету поделилась с Фанни.

— Теперь я знаю, что значит умереть, — сказала она ей, когда находилась в сознании. — Я слышала об этом от доктора. Он признался Герману, что больше ничего не в силах для меня сделать, положение безнадежно. Когда я это услышала, я ничего не почувствовала и ничего не могла сделать, ничего не могла сказать, даже не могла открыть глаз. А потом неожиданно увидела перед собой дверь, высокую и чудесную дверь, излучающую яркий свет, моя душа освободилась, и я почувствовала свою земную жизнь позади и ощутила новый, восхитительный и совершенно не выразимый словами мир. Я знала, что если пройду через эту дверь, то уже не смогу вернуться. Тут я почувствовала присутствие Германа — и поняла, что не могу позволить себе покинуть его сейчас.

К концу июня Карин окрепла настолько, что Геринг смог отвезти ее в санаторий в Бад-Альтхайде, в Силезии, и она написала маме, что ей «становится лучше, так что, когда лето закончится, я уже надеюсь заняться делами». Мама Карин тоже болела, и обе женщины проводили время за письмами друг другу с выражением утешения и поддержки.

Этим летом Гитлер предложил Герингу поехать в Рим с миссией, которая должна была явиться частью «витрины» партии, выставляемой ее стратегами, с тем чтобы продемонстрировать избирателям-католикам в Южной Германии, что нацисты, хотя они и не пользуются расположением папского престола, все же не преданы анафеме Ватиканом. Вместе с борьбой за новых избирателей нацисты занялись поиском политических союзников для выхода из изоляции и организации коалиционного парламентского большинства. При этом помимо значительного числа голосов своих депутатов в рейхстаге для совместной политической борьбы нацисты могли предъявить своим союзникам и внушительную боевую силу. Эрнст Рем, утвердившись в качестве неоспоримого предводителя штурмовиков, сумел в короткий срок заставить их подчиниться жесткой военно-политической дисциплине и превратил СА в монолитную военную организацию НСДАП, доведя ее

численность до ста тысяч человек.

Президенту теперь шел восемьдесят четвертый год, он был недоволен канцлером Брюнингом и был одержим идеей вернуть кайзера Вильгельма обратно на трон Германии, перед тем как сам умрет. При этом генерал Курт фон Шлейхер из министерства рейхсвера, имевший влияние на Гинденбурга, пытался убедить старого упрямого монархиста, что это возможно лишь при условии взаимодействия с национал-социалистами Адольфа Гитлера и немецкой национальной народной партией Альфреда Гутенберга. Коалиция между этими силами, утверждал он, будет достаточно сильной, чтобы сделать возможной реставрацию. На самом деле совершенно невероятно, чтобы Гитлер допустил в Германии восстановление монархии, однако для достижения своих целей и завоевания благосклонности Гинденбурга он давал основания так о себе думать и поручил Эрнсту Рему вести с генералом Шлейхером переговоры, с тем чтобы найти повод для встречи со старым президентом.

Весь этот политический зондаж, переговоры и подготовки сделок велись без участия Геринга, который находился в Риме, и когда он вернулся и узнал о них, то был сильно обескуражен и обижен. Он решил, что стал жертвой интриг окружения Гитлера в ходе борьбы за влияние в меняющемся мире, и от него просто решили избавиться на это кипучее, исключительно важное для будущего партии время. Чтобы успокоить его, Гитлер сделал рассчитанный и эффектный жест. Он знал, что Геринг имеет слабость к автомобилям и что он все еще переживает из-за машины, которой ему пришлось лишиться после провала Мюнхенского путча. Теперь партия постоянно богатела с увеличивающимися субсидиями от Тиссена, Бехштейна, Круппа фон Болена и других рурских магнатов, и в партийной кассе было достаточно денег, чтобы купить партийному уполномоченному новый автомобиль. Гитлер одарил его последней открытой моделью «мерседеса» за «ту исключительную пользу, которую он принес партии», и Геринг, немедленно забыв об обидах и «упущенных возможностях», сел за баранку и на предельной скорости помчался в санаторий в Силезии показывать машину Карин.

Увидев его, сияющего от удовольствия от своего приобретения, Карин ощутила такой прилив сил, что настояла, чтобы он взял ее в поездку к одному полюбившемуся ей дивному уголку природы, до которого было не очень далеко. Присутствие рядом Геринга всегда очень тонизировало Карин, и, к изумлению врачей, ей стало значительно лучше, когда он сообщил, что ему дали двухнедельный отпуск от политических дел, и она сразу же

воскликнула:

— Мы поедем в отпуск на автомобиле!

Так они и сделали. И вот в изящной автомобильной шапочке, кокетливо сидящей на каштановых волосах, серовато-коричневом плаще на плечах и с блестящими от радости глазами Карин — рядом с мужем, Фанни и Пилли Кёрнером на заднем сиденье — уже мчалась вперед, для начала в Дрезден. Геринг не сказал ей, пока они туда почти не приехали, что Гитлер тоже согласился взять несколько дней отдыха, и они договорились встретиться в Дрездене в Палас-отеле.

«Когда по городу распространилась весть, что здесь находится Гитлер, — написала позднее Фанни, — перед Палас-отелем стали собираться люди, чтобы поприветствовать его. В результате образовалась такая толпа, что приехали полицейские грузовики, которые стали прокладывать сквозь нее путь, чтобы мы могли проехать. Карин была просто счастлива. „Когда вся Германия осознает, кого мы имеем в лице Гитлера, — сказала она сестре, — в Германии наступит новая эра“».

Четырнадцать дней они разъезжали по маленьким городкам Баварии, а потом переехали через границу в Австрию, и Геринг повез Карин в Маутерндорф, чтобы повидаться со своим старым детским наставником и крестным, риттером фон Эпенштейном. Надменному старику исполнилось уже восемьдесят два года, он был слабым и больным, сохранив лишь оболочку того властного хозяина замка, который некогда правил этими горами. Но он велел баронессе Лилли накрыть торжественный обед и собрался с силами, чтобы выйти к столу, поднять тост и послушать менестрелей, как и прежде играющих на галерее. Когда они собрались уезжать, баронесса Лилли погладила Карин по руке и сказала, указав на горы:

— Красиво, правда? Вам Герман говорил? Придет день, когда все это будет вашим.

Они вернулись в Мюнхен, чтобы присутствовать при крещении девочки, родившейся у сестры Геринга, Паулы Хубер. Другая его сестра, Ольга Ригеле, любимица Геринга, тоже была там, так же как и большинство других членов семейства, и они все испытывали легкое волнение, потому что специально по этому поводу прибыла герцогиня Кобургская, принадлежавшая к кругу близких друзей Германа. Но гость, которого они все надеялись увидеть, сам Адольф Гитлер, не появился. Он в это время удалился в уединение в дом на озере Тегернзее, в Баварии, пребывая в шоке от известия о смерти своей двоюродной племянницы Гели Раубаль. «Мы все знали, насколько близка была фюреру его племянница, — написала позднее Ольга Ригеле, — и

новость, что она застрелилась, накладывала мрачный отпечаток на всю церемонию крещения. Герман был сильно встревожен и несколько раз уходил, чтобы позвонить в Бад-Висзее, где находился фюрер. Я думаю, он хотел поехать в Вену на похороны Гели, но ему было сказано вернуться в Берлин». (Гели Раубаль застрелилась в Мюнхене, но ее тело отправили для погребения в Вену. Гитлера, который туда не поехал, на похоронах представляли Гиммлер и Рем.)

Политические переговоры в столице приближались к развязке, и Гитлер хотел иметь Геринга под рукой, готовым для действий, когда наступит подходящий момент. Ходили слухи, что президент Гинденбург наконец возымел желание обсудить состояние Германии с Адольфом Гитлером.

25 сентября 1931 года умерла мать Карин, баронесса Хальдайн фон Фок, которая уже некоторое время серьезно болела. Полная событий жизнь отняла у Карин много сил, но она стала просить, чтобы ей позволили отправиться в Стокгольм на похороны. Доктор предупредил, что поездка может убить ее, но Карин молила с такой мучительной настойчивостью, что Геринг не смог долго противиться. Но время оказалось упущенным, и когда они наконец приехали в Стокгольм, похороны уже прошли.

Их поезд на платформе встречал Томас.

«Мама всегда была тем прекраснее, чем более серьезно она болела, — вспоминал он потом, — и она еще никогда не выглядела восхитительнее, чем в тот момент, когда я увидел их выходящими из вагона. На Германе был длинный плащ, накинутый на плечи, и когда он потянулся, чтобы спустить ее на платформу, свободные рукава плаща упали ей на шею, и казалось, что он взял ее четырьмя руками. Она обняла его, положив голову ему на плечо, и было похоже, что это неуклюжий лесной мишка нежно поглаживает своего детеныша. Образ их, тесно прижавшихся друг к другу, навсегда остался в моей памяти, и он всегда встает перед моими глазами, когда кто-то говорит что-либо плохое о Германе».

Они отправились в дом фон Фоков, на Грев-Турегатан, где их ожидал барон вместе со своими остальными четырьмя дочерьми. То был последний раз, когда в доме собрались все пятеро его детей. Теперь дом был погружен в тишину и печаль, и все разговаривали вполголоса.

Ночью Карин слегла, и когда доктор закончил ее обследование, он отозвал Геринга в сторону и мрачно выразил свои сомнения относительно того, что его жена сможет пережить ночь. Карин на этот раз не слышала, что говорил доктор, но ей этого и не нужно было. Придя на короткое время в сознание, она

открыла свои синие глаза и проговорила:

— Я так надеюсь, что встречусь с мамой.

Четыре следующих дня Геринг оставался подле жены.

«Он только тихонько отходил, чтобы побриться или помыться или перекусить, — вспоминал потом Томас, — когда был убежден, что мама без сознания. Все остальное время он стоял на коленях у ее постели, держа ее руку, приглаживая ее волосы и вытирая пот с ее лба или влагу с губ. Я сидел в углу комнаты и глядел на него, и иногда он вдруг оборачивался и смотрел на меня, и я видел, что он молча плачет. Мы оба плакали. Мы оба очень любили ее, и наши сердца разрывались».

4 октября 1931 года, на Грев-Турегатан, 68, на имя Германа Геринга пришла телеграмма Адольфа Гитлера.

«Возвращайтесь немедленно, — гласила телеграмма. — вы нужны здесь».

После семи месяцев бойкотирования работы рейхстага фюрер решил привести своих нацистов обратно, имея на этот раз определенный план окончательного изматывания администрации Брюнинга. Тем временем генерал фон Шлейхер наконец сумел убедить президента Гинденбурга, что Адольф Гитлер — подающий надежды человек в Германии и что было бы разумным пригласить его на аудиенцию. Шлейхер, поддерживавший добрые отношения с Ремом, предложил Гинденбургу и Гитлеру, чтобы тот сопровождал Гитлера на встрече. Фюрер не возражал, но Гинденбург яростно воспротивился, чтобы его комнаты «осквернял этот извращенец». Следовательно, Рем отпадал. Кого тогда ему следовало взять с собой к Гинденбургу, чтобы его присутствие и поддержка действовали умиротворяюще на вспыльчивый нрав старого солдата?

Между тем, пока Геринг и Томас продолжали нести свое дежурство, жизнь постепенно оставляла Карин. Но, как ни измучена она была, она не умирала. Однажды утром, когда она как будто лежала в глубоком беспамятстве и Геринг выскользнул за дверь, ее глаза вдруг открылись, и она позвала сына. Томас приблизился и встал на колени у кровати.

— Я так устала, — прошептала она, — так ужасно устала. Я хочу к маме. Она все время зовет меня. Но я не могу уйти. Пока здесь Герман, я не могу уйти. Я не в силах покинуть его.

Томас сообщил ей о телеграмме, которую Геринг получил из Берлина, но сказал, что не собирается уезжать обратно, пока она больна. Из глаз Карин покатились слезы, и, когда муж вернулся, она потянулась и приблизила его голову к своему лицу.

«Я не мог слышать всего, что она шептала, — вспоминал потом Томас, — но знал, что она просила, умоляла, даже

приказывала ему последовать вызову Гитлера. Он зарыдал, и она обняла его за голову и притянула ее себе на грудь, словно он тоже был ее сыном и это он нуждался в утешении. С ней как будто произошла странная перемена. В тот момент, наверное, услышав рыдания Германа, в комнату вошла тетя Фанни, и мама перевела взгляд на нее. Она была очень спокойной и сосредоточенной. „Германа вызывают в Берлин, фюрер в нем крайне нуждается, — проговорила она. — Ты должна помочь ему упаковать вещи“. Она легонько отстранила Германа и неожиданно улыбнулась. „Томас присмотрит за мной“ — были ее слова».

Геринг поднялся на ноги.

— Пока я не вернусь, — сдавленно произнес он.

— Да, — ответила Карин, — пока ты не вернешься.

Следующим утром он отбыл в Берлин, а в 4 часа утра 17 октября 1931 года Карин Геринг, наконец освободившись от непреодолимого присутствия мужа, успокоилась и умерла.

Она лежала в гробу в часовне «Эдельвейса» за домом фон Фоков, пока Геринг не вернулся из Германии, чтобы увидеть ее последний раз. Она была погребена в свой день рождения, 21 октября, в фамильном склепе в Лувё, вблизи Дроттнингхольма. Вместе с Герингом из Берлина приехали его брат Карл и Пилли Кёрнер. При погребении также присутствовали представители большинства благородных семейств Швеции. Было пролито много слез и прозвучало немало вздохов сожаления, потому что Карин любили все, кто ее знал. Она была наивным романтиком, склонным к преклонению перед героями, и имела немало предубеждений и навязчивых идей, свойственных ее классу и поколению, но в душе она была доброй и отзывчивой и не смогла бы обидеть ни социал-демократа, ни коммуниста, ни еврея.

Когда ее заносили в фамильный склеп, два человека отделились от остальных и встали рядом в молчаливом горе. Это было символично, потому что для них двоих, Германа Геринга и Томаса фон Кантцова, это было больше, чем смерть женщины, которую они любили. Из их жизни ушла сила, и они уже не могли оставаться такими, как прежде.

…Не существует официальных свидетельств о том, что произошло 10 октября 1931 года на встрече президента Гинденбурга с Адольфом Гитлером и Германом Герингом. Настроение обоих нацистских лидеров никак нельзя было назвать подходящим случаю. Гитлер все еще глубоко переживал самоубийство любимой племянницы, а Геринг душой был в Стокгольме, у постели своей возлюбленной Карин. Единственное, что могло бы отчасти рассеять угрюмость первого и ослабить

мучения второго, был какой-нибудь жест со стороны старого президента, который показал бы, что признает их значимость для будущего Германии.

Но какой бы мотив ни двигал Гинденбургом, когда он согласился встретиться с Гитлером, с появлением фюрера в президентском кабинете он был вроде как забыт. Гитлер ожидал, что его встретят не только как человека, который может спасти Германию, но и как лидера единственной политической силы, способной сохранить в настоящем состоянии самого Гинденбурга и все, что за ним стоит. Когда он увидел, что это не так, что старик держится с ним сухо, покровительственно, даже высокомерно, он начал злиться и (как потом рассказал Геринг) разразился резкой обличительной речью, которая вызвала у Гинденбурга сильный приступ нервозности. Когда фюрер наконец закончил, президент продолжал просто сидеть, барабаня шишковатыми пальцами по столу и теребя концы своих свисающих усов. Гитлеру ничего не оставалось, как небрежно откланяться и удалиться.

— Сделать этого человека моим канцлером? — раздраженно прошелся позднее по поводу встречи Гинденбург. — Я лучше сделаю его почтмейстером, и пусть он облизывает марки с моей головой!

Потом придет время, когда Гитлер сможет отыграться на чванливом фельдмаршале за этот надменный прием, но к тому моменту разум старого президента станет уже совсем невосприимчивым к его издевкам и насмешкам. А пока Гинденбург еще держал в своих руках ключи власти в Германии, и он совершенно не собирался передавать их какому-то типу, который взялся читать ему проповедь и при этом дослужился в армии лишь до ефрейтора…

Итак, для Гитлера встреча оказалась бесполезной, а для Геринга приезд из Стокгольма — ненужным, и они оба, должно быть, испытывали сильное искушение поддаться уговорам Рема вывести штурмовиков на улицы и силой взять руководство страной в свои руки. Рем уверял, что в случае восстания армия будет на стороне нацистов; на этот раз, клялся Гитлеру Рем, не будет ни предательства, ни провала, как это случилось во время Пивного путча. Гитлер не дал приказа СА выйти на улицы, но не из страха поражения. И он и Геринг были в восторге от последних выборов и не сомневались, что на следующих большая часть нации отдаст свои голоса национал-социалистам. К чему было проливать кровь — и пугать крупных промышленников, которые теперь так крепко их поддерживали, — если всего можно добиться вполне законно? Все, что им теперь было нужно, это

новые всеобщие выборы.

31 июля 1932 года они состоялись. Выборам предшествовали самые массовые и кровавые уличные схватки в Германии со времен последних дней первой мировой войны. Рему не дали повести его штурмовиков для переворота, но он мог послать их на побоище с боевыми силами политических противников. И коммунисты, и социалисты имели собственные хорошо обученные уличные отряды, но коричневорубашечников СА теперь было уже 400 тысяч и благодаря связям Рема в армии, в дополнение к железным прутам и дубинкам, которыми они, как и их противники, обычно дрались, у них появилось огнестрельное оружие. Только в одной Пруссии за первые двенадцать дней июня 1932 года произошло 461 решительное сражение на улицах, унесшее 82 жизни при 400 раненых. В июле среди 86 убитых в уличных схватках значилось 38 нацистов и 30 коммунистов. Самым ужасным днем оказалось воскресенье 17 июля, когда нацисты двинулись маршем через Альтону, рабочий район Гамбурга, под охраной полицейских, и были атакованы коммунистами. В разразившейся яростной битве девятнадцать человек были застрелены, 285 ранены.

Канцлер Брюнинг 1 июня наконец был отправлен в отставку, а на его место президент своим декретом временно назначил Франца фон Папена, ловкого и хитрого германского дипломата, который в годы первой мировой войны был военным атташе в Соединенных Штатах, уличенным, после завершения его деятельности там, в шпионаже. Фон Папен немедленно воспользовался событиями в Альтоне как поводом для запрета всех политических шествий до окончания выборов и объявил Берлин на военном положении. Но митинги продолжались и характер речей не оставлял сомнений относительно того, куда все клонится. Послушать Геринга редко приходило меньше 40 тысяч человек. Гитлер собирал еще больше. На его последний митинг в Берлине 27 июля набилось 120 тысяч человек, а еще 100 тысяч стояли снаружи, слушая его речь через громкоговорители.

Как они и ожидали, выборы стали решающей победой нацистов. Отчеты о подсчете голосов показали, что НСДАП стала самой большой в рейхстаге, значительно обогнав все остальные партии и получив 230 мест. Следующими после них были социал-демократы со 133 местами, коммунисты набрали 89 мест, католический «Центр», к которому принадлежал фон Папен, — 73. За национал-социалистов проголосовали 13 574 000 немцев, и, хотя они составляли 38 % от общего числа избирателей, их было больше, чем сторонников социал-демократов и коммунистов, вместе взятых, и они представляли все социальные

слои Германии: и рурских шахтеров, и рурских промышленных магнатов, крестьян, сельскохозяйственных рабочих и мелкую буржуазию, нижние чины и офицеров рейхсвера.

Геринг вылетел в Мюнхен на конференцию партийных лидеров на Тегернзее, где им предстояло спланировать дальнейшие действия в связи с одержанной победой. Он разделял убеждение Гитлера, что момент наступил и президент Гинденбург теперь будет вынужден призвать Гитлера и поручить ему сформировать правительство. С кем им теперь следовало заключить союз, чтобы иметь в рейхстаге необходимое большинство?

Потекли дни, политическая жизнь продолжала бурно кипеть, организовывались митинги, создавались и распадались политические коалиции, а нацисты, стиснув зубы, продолжали ждать вызова от Гинденбурга. Наконец 13 августа 1932 года Гитлеру пришла телеграмма с приглашением прибыть в Берлин для беседы с президентом.

«Это могло означать только одно, решили нацисты, — пишет биограф Гинденбурга, — Шлейхер (с которым они продолжали вести переговоры) добился своего, и теперь фон Папен уйдет в отставку, а он, Адольф Гитлер, бывший ефрейтор и художник-самоучка, станет канцлером германского рейха. Он объединит в своих руках командование стотысячным рейхсвером и полумиллионной армией собственных коричневых легионеров и — установит полный контроль над Германией».

Но не тут-то было. Оказавшись перед перспективой передачи власти Гитлеру, Гинденбург уперся. За дни своего временного пребывания у власти Франц фон Папен сумел снискать расположение старого фельдмаршала. Он был интересным собеседником, обладал светскими манерами и умел подлаживаться под его настроение. Гинденбург решил, что ему лучше оставить фон Папена у власти. Он велел ему отправиться к Гитлеру и предложить ему пост вице-канцлера для него самого и министра внутренних дел Пруссии для Германа Геринга.

После того как фон Папен любезным тоном сообщил им решение президента, тот и другой уставились на него в немом изумлении.

— Что?! — наконец выдавил из себя Геринг. — Адольф Гитлер — вице-канцлер?! Фюрер никогда не будет *вице!*

Сам Гитлер рассердился еще больше и разразился яростной тирадой, заставив их дипломатичного гостя поморщиться от неловкости. Гитлер бушевал, угрожал, напоминал фон Папену о «коричневой армии», ожидающей приказа выйти на улицы, и в итоге заявил, что отказывается принять любое другое назначение,

кроме поста канцлера. Фон Папен, сказал он, должен вернуться и сообщить Гинденбургу, что это его ультиматум. Фон Папен покачал головой. *Он,* разумеется, не станет говорить президенту ничего подобного. Гитлер должен выразить свои чувства старому фельдмаршалу сам.

Геринг жил теперь в небольшой квартире в доме на Рейхсканцлерплатц. (Он не смог вернуться в комнаты, где они были с Карин, но забрал в свое новое жилище многие напоминающие о ней вещи, в том числе ее белую фисгармонию, ее вышивки и рисунки.) Там они и встретились с Геббельсом и Гитлером. Силли Ваховьяк, горничная Карин, накрыла им стол, стоявший под большим портретом Карин. Они нехотя поковыряли заливное из фазана и выпили мозельского, пока Гитлер, не притронувшись к поставленному перед ним вегетарианскому блюду, поносил политических пройдох и ловушки, которые они устанавливали на их пути к власти. В три часа зазвонил телефон, и Эрвин Планк, статс-секретарь рейхсканцелярии, сообщил, что Гинденбург хочет его видеть в ближайший час.

Вновь охваченные оптимизмом, они решили, что Гинденбург, должно быть, услышал о его гневе и решил успокоить, предложив власть. Только Геббельс по-прежнему был настроен скептически и спросил Планка:

— Принято ли уже какое-нибудь решение? Если да, то в приезде фюрера нет необходимости.

Планк замялся.

— Еще ничего не решено, — наконец сказал он. — Сначала президент хотел бы увидеться с герром Гитлером.

Когда Гитлер прибыл в президентский дворец, то совершенно не подозревал, что идет прямо в ловушку. Хитрый интриган фон Папен сумел внушить раздражительному старому фельдмаршалу, что нацистский лидер стремится не просто к посту канцлера в правительстве, но к диктаторскому контролю над нацией. Это повергло Гинденбурга в состояние едва сдерживаемой ярости, и появление Гитлера никоим образом не подействовало на него успокаивающе, ибо будто специально он привел с собой «отвратительного» Эрнста Рема.

Стоя в углу кабинета опершись на трость (чтобы не предлагать Гитлеру и его ненавистному компаньону сесть), старый президент никак не проявлял признаков своего почтенного возраста и того, что не так давно перенес удар. Слушая Гитлера, требовавшего звания канцлера и власти, чтобы привести дела нации в порядок, он ни на мгновение не отвел от него взгляда.

Когда фюрер закончил, фельдмаршал ледяным и

презрительным тоном объявил, что ввиду напряженной ситуации, существующей в стране, он не может, находясь в здравом уме, взять на себя такую ответственность — передать управление государством новой партии, которая не располагает абсолютным большинством и члены которой отличаются «нетерпимостью, шумливостью и недисциплинированностью».

Отто Мейснер, начальник президентской канцелярии, который присутствовал при этой встрече, говорил потом, что немного дрожащий поначалу голос Гинденбурга становился все более твердым и на этих словах стал просто каменным, он даже не пытался скрывать своей неприязни к злобному нацистскому вождю и его непонятного пола компаньону. Мейснер написал позднее:

«Он сослался на некоторые недавние события — столкновения между нацистами и полицией, акты насилия, совершенные сторонниками Гитлера в отношении тех, кто придерживался иных взглядов, инциденты с евреями и другие противоправные действия. Все эти беспорядки укрепили его во мнении, что многочисленный необузданный элемент в партии существует вне ее контроля… Он должен оставить однобокую идею взять всю власть, заявил Гинденбург, а в совместной работе с другими партиями он сможет показать, чего способен достичь и что улучшить…»

Это напоминало отповедь разгневанного благородного родителя простому и бедному поклоннику его дочери, который осмелился просить ее руки. По ее завершении Гитлер с минимальной вежливостью был отпущен.

Но это было не все. Едва он прибыл домой к Геббельсу, где его дожидалась партийная верхушка, как на берлинских улицах появились газеты с коммюнике из президентского кабинета. Под заголовками «Гитлер требует верховную власть», «Ошеломляющее вероломство Гитлера» и «Гитлер получил выговор от рейхспрезидента» давалась версия Гинденбурга состоявшейся встречи и выражалось «сожаление, что герр Гитлер не находит для себя возможным поддерживать национальное правительство, назначенное с одобрения президента, что он обещал перед выборами в рейхстаг». Далее намекал ось, что Гитлер требует для себя диктаторских полномочий, в чем ему было категорически отказано президентом, и в конце говорилось:

«Рейхспрезидент настоятельно призвал герра Гитлера вести себя по-рыцарски с оппозиционными национал-социалистической партиями и помнить о его ответственности перед фатерландом и немецким народом».

Пропагандистский аппарат партии был застигнут врасплох и

оказался не в состоянии отразить атаку Гинденбурга. Потом Гитлер стал распространяться, что он никогда не просил «диктаторских полномочий», но лишь своего конституционного права сформировать правительство, но было уже поздно. Вред нацистам был причинен.

Вечером Гитлер собрал своих советников и стал с ними обсуждать, что им теперь следует предпринять. Самым важным было определиться, какие приказы отдать штурмовикам, отряды которых были собраны со всей Германии, чтобы отметить победу фюрера. Рем был всецело за то, чтобы немедленно послать их в дело. Он указал, что у него есть миллион нетерпеливых нацистов, рвущихся в бой, что также имеются несколько десятков тысяч боевиков СС (охранных отрядов), и еще можно вызвать хорошо обученные автомобильные и кавалерийские подразделения. Более того, нацистские правительства Брауншвейга, Гессена, Ангальта, Тюрингии, Мекленбурга и Ольденбурга имеют там полицию в своем непосредственном подчинении, и нацистское движение очень сильно в Берлине, Восточной и Западной Пруссии, Силезии, Саксонии и Бранденбурге. Берлин может быть окружен за одну ночь и под страхом голода принужден к капитуляции.

— Как мы скажем нашим сторонникам, что победа ускользнула у нас из рук? — спрашивал Рем. — Мы сможем удовлетворить их, только приказав действовать.

Но Геринг с Геббельсом были против военного переворота — это Геринг со своим необыкновенным красноречием в конечном счете сумел убедить Гитлера, что они должны смириться и воздержаться от активных действий. Впавшему в уныние Рему было отдано соответствующее указание, и он отправился давать отбой своим головорезам. Среди возникших слухов, что его могут арестовать в любой момент, Гитлер удалился в Берхтесгаден таить свою обиду и вынашивать планы дальнейших действий. Геббельс отправился в отпуск на Балтику, записав в своем дневнике: «Среди товарищей по партии воцарилось настроение полной безнадежности».

А Геринг забрался в свой «мерседес» и поехал в Веймар, где надеялся свиданием с одной актрисой поднять упавший дух.

Прорыв к власти

В 1932 году Герману Герингу шел сороковой год, и он был в лучшей физической форме, чем когда-либо за последние девять лет. Правда, были у него два недостатка, с которыми он не мог справиться: Геринг страдал от ненасытного аппетита, который пытался сдерживать Строгой диетой, но подчас не выдерживал и как следует «набирался» вкусной еды и вина, и от бессонницы, так что редко спал, не просыпаясь, больше двух часов. Диетические пилюли помогали ему сдерживать вес, а снотворные иногда давали возможность проспать всю ночь, но после своих опытов с морфием в Швеции он боялся к ним привыкнуть и старался ограничивать прием и тех и других. В результате, и так полный, он начинал еще толстеть и, как только чувствовал, что одежда ему становится мала, отправлялся в сауну, совершал продолжительные конные заезды.

Чем он был наделен в избытке и чему завидовало большинство людей, так это огромная, кипучая энергия и неукротимая бодрость духа. Это были дни, когда он ни разу не впал в уныние надолго из-за возникающих политических заминок, всегда был готов успокоить и ободрить более мрачного и озлобленного Гитлера и проявлял такой открытый и неподдельный оптимизм в отношении будущего партии, что его товарищам, равно как и нетоварищам, оказывалось трудно не поддаться его настроению. Из Геринга получался хороший мастер интриги, потому что он казался человеком открытым и к тому же идеалистом. При этом он не знал усталости, успевая и здесь и там, встречаясь с лидером то одной партии, то другой, выискивал союзников, заключал тайные соглашения и шаг за шагом пододвигал нацистов к легальному вхождению во власть, что теперь стало главной целью его существования.

Но в часы отдыха рядом с ним больше не было его надежного милого друга. Некоторое время после смерти Карин он предавался грусти в номере отеля «Кайзерхоф» и лишь по настоянию Пилли Кёрнера неохотно перебрался на квартиру на Кайзердамм. Там одну из комнат он заполнил портретами Карин, ее ракушками и камешками, поставил ее фисгармонию, ее статуэтки викингов и троллей и эскимосские сапожки, вместе с вечнозелеными венками с ее гроба. Как говорили многие из побывавших там, комната напоминала музей.

Если мы мимоходом коснемся его отношений с женщинами вообще, то тут Геринг мог бы сам выступить в роли своего рода музея. Молодым человеком он всегда с большим энтузиазмом

вступал в близкие связи с девушками, и если во время первой мировой войны его отношения с Марианной Маузер так и не получили естественного продолжения, то он с избытком компенсировал свое временное воздержание во время отпусков в Мюнхене и Берлине. Нет также никаких оснований предполагать, что его жизнь с Карин была лишена нормальных сексуальных отношений (исключая, разумеется, период сразу после Пивного путча), либо делать такой вывод на основании того, что у них не было детей. Томас фон Кантцов в беседе с одним из биографов Геринга рассказал, что он сам появился на свет в результате преждевременных родов, и врачи объявили Карин, что она больше не сможет иметь детей. Ее последние слова Томасу перед смертью были:

— Герман обещал, что всегда будет относиться к тебе, как к своему сыну. Но ты должен сказать ему: я надеюсь, придет день, и он найдет себе ту, которая принесет ему ребенка, которого не смогла дать ему я.

Но, не считая этой проблемы, Карин, по всей видимости, была вполне нормальной и раскованной шведкой и в ее письмах (особенно к сестре Лили) имеется несколько указаний на то, что данный аспект замужней жизни доставлял ей удовольствие. Думать, будто болезненные люди не могут получать удовольствие от сексуальных отношений, значит разделять распространенное заблуждение, и Томас фон Кантцов (который никогда не проявлял никаких признаков ревности в отношении Геринга) замечает, что его мать и отчим делили брачное ложе почти до самого конца.

Однако того, что может и желает серьезно больная женщина, объект ее страсти не всегда может дать ей в должной мере, и для Германа Геринга последние стадии болезни жены, должно быть, сопровождались сильными психологическими стрессами. Мысли о том, что каждый раз, когда он отвечал на желание Карин, их интенсивный эмоциональный и физический контакт может легко убить ее при ее слабом сердце, не могли не сдерживать его, если не парализовывали вовсе. Одна из подруг Геринга позднее говорила, что он признался ей: незадолго до смерти Карин и некоторое время после он был почти недееспособен.

Но, как теперь открыл для себя Геринг, время и хорошенькая женщина могут творить чудеса. С этого момента его жизни начинается история «третьего значительного женского влияния».

Ее звали Эмма Зоннеман, и она была актрисой. Натуральная блондинка тридцати девяти лет (как и Геринг), она обладала теми качествами, которые, как говорят, присущи всем блондинкам, только они не всегда их проявляют: она была веселой, раскрепощенной, великодушной и сексуально

привлекательной. Она уже была замужем за актером из Штутгарта, но их совместная жизнь не сложилась, и они полюбовно развелись. В 1932 году Эмма Зоннеман состояла в постоянной труппе Веймарского национального театра уже восьмой год и специализировалась на ролях романтических героинь (которые выходили у нее очень неплохо) и искушенных светских дам (получавшихся менее успешно).

Во многих отношениях она была типичной актрисой, в значительно большей степени, чем типичной немкой, и вы могли бы встретить ее двойника практически в любой труппе профессиональных актеров Запада. Она была до такой степени поглощена своим ремеслом, что, открывая утреннюю газету, читала прежде всего страницы, посвященные театрам и разным представлениям, и редко просматривала новости на других страницах. Ее абсолютно не интересовала политика, и ей было гораздо важнее знать, кто играл Маргариту в новой постановке «Фауста», чем кто там стал новым рейхсканцлером. Труппа актеров Веймарского театра включала немало евреев и наполовину евреев, но мысль, что из-за этого им следует отказать в дружбе, казалась слишком нелепой, чтобы принять ее всерьез. Она говаривала, заставляя морщиться Геринга, когда он слышал эту фразу:

— Все мы здесь цыгане!

Эмма Зоннеман впервые встретила Германа Геринга в 1931 году, когда Карин была еще жива, но это произошло мимолетно и на него никак не повлияло. Веймарскую труппу, которая значительное время проводила, играя по маленьким городам и деревням Гессена, тогда попросили поставить пьесу, написанную баронессой фон Штейн, в баронском поместье вблизи Кохберга.

«Поздно вечером, после окончания спектакля, мне был представлен Герман, — вспоминала впоследствии Эмма. — Не могу сказать, что тогда он произвел на меня глубокое впечатление. Но его жена меня просто пленила.

Сидя на лавочке в парке, куда она выходила в антрактах, она выглядела нездоровой, но от нее исходило такое очарование, которому я не могла сопротивляться. Мне хотелось поболтать с ней, но у меня не было времени, потому что мы должны были повторить спектакль, так как театр вмещал за один раз только сорок человек. Поэтому мне пришлось вернуться на сцену».

На следующий год во время предвыборной кампании в Веймар приехал Гитлер, и представление в тот вечер было отменено, чтобы он мог провести в театре свой митинг. Толпа была такой большой, что Эмме пришлось стоять за кулисами, «откуда, — делилась она позднее, — я могла слышать только

обрывки фраз выступавшего и не могла составить нормального впечатления». Но вскоре ее представили Гитлеру, и он серьезно заверил ее, что, когда национал-социалисты придут к власти, он проследит за тем, чтобы в немецкий театр пришло «настоящее артистическое возрождение»: Эмма не могла понять, что он имел в виду, так как считала, что немецкий театр в то время был «очень хорошо развит».

А спустя несколько дней в ее жизнь вошел Герман Геринг. Эмма и ее подруга актриса Ирма имели обыкновение каждый день после репетиции отправляться в местный ресторанчик, чтобы перекусить, а потом шли в кафе «Кайзер» пить кофе с пирожными. В тот день Геринг зашел в кафе вместе с Пилли Кёрнером, и Эмма, не помня точно, кем он был, спросила подругу:

— Ирма, это Геббельс или Геринг?

Ирма хихикнула.

— Геринг, конечно. Ты встречалась с ним в Кохберге.

Именно тогда Геринг подошел и попросил позволения присоединиться к ним со своим другом. Когда обе женщины поднялись и сказали, что они собираются прогуляться, Геринг спросил:

— Можно нам пойти с вами?

Следующие два часа они бродили по веймарскому лесу.

«Впервые в своей жизни, — написала потом Эмма, — я забыла о театре, своих ролях и всем остальном. Я слушала Германа Геринга с удовольствием, которое не могла скрыть. Он говорил о своей жене, которая недавно умерла, с такой любовью и неподдельной печалью, что мое мнение о нем улучшалось с каждым его словом».

У театра они попрощались, и она больше не видела Геринга и не получала от него никаких вестей довольно долгое время — «или мне так показалось». Наконец она получила телеграмму и узнала, что «он все еще думал обо мне, скоро собирался приехать в Веймар и хотел встретиться со мной».

Через несколько дней они встретились вечером, после выступления Геринга на политическом митинге. Что было характерно для Эммы — она не пришла послушать его, чтобы его образ как человека не был разрушен в ее глазах Герингом-политиком. Она пишет:

«После его митинга я присоединилась к нему в „Гольдене Адлер“, ресторане, где мы обычно обедали. Он пришел вместе с Паулем Кёрнером, а со мной пришла Ирма. Это был очень волнующий вечер. Я чувствовала, что моя жизнь вот-вот переменится. Мне только было неудобно перед подругой, я

чувствовала, что веду себя подобно молоденькой девчушке — которой я, несомненно, уже не была. Собираясь на встречу, я трижды меняла платье — одно было слишком модным, другое очень простым, и наконец я остановилась на юбке с блузкой. Потом я узнала, что это именно тот вариант, который Герман терпеть не может. Но тогда он едва обратил на это внимание, потому что сам был взволнован, как мне признался позднее. Он проводил меня до дома и оставил. Эта прогулка была недолгой — но она определила всю мою дальнейшую жизнь».

Эмма Зоннеман жила в трех меблированных комнатах в театральном пансионе в Веймаре. Хозяйка пансиона была сторонницей строгой дисциплины и запрещала любые мужские посещения, хотя до появления Германа «это не очень меня беспокоило. Гораздо больше неудобства причиняло ее запрещение мыться каждый день — она утверждала, что это изнашивает ванну». Но теперь, когда он вошел в ее жизнь, необходимость оставаться вдвоем становилась все более настоятельной, а в таком маленьком городе, как Веймар, делать это незаметно для чужих глаз было невозможно. Поэтому скоро уже все знали, что золотоволосая актриса из Национального театра завела любовника и что этот любовник — большая шишка в нацистской партии. Ночью, после сокрушительного разговора Гитлера с Гинденбургом, Геринг поехал в Веймар и прибыл в театр, где шел «Эгмонт», в тот момент, когда шла сцена разговора Клерхен, которую играла Эмма, с ее матерью, спрашивавшей о ее любовнике, и, едва он прошел в ложу, которую для себя зарезервировал, она воскликнула:

— Ах! Я постоянно спрашиваю себя, а любит ли он меня, но разве могут быть какие-то сомнения в том, что любит?

Половина лиц в зале повернулась в сторону ложи Геринга, послышалось хихиканье. Геринг сиял. Он выглядел в высшей степени счастливым.

Со времени своего избрания в рейхстаг Геринг был бессменным лидером депутатской группы национал-социалистов и теперь, оказавшись главой самой большой партии в нем, он был выбран председателем этого законодательного органа. Одним из его первых действий после водворения в свой кабинет стало послание Эмме, черкнутое на одном из его персональных председательских бланков: *«Ich liebe Dich. H.»*[4], которое он отправил с нарочным вместе с букетом цветов в Веймар.

Как и в большинстве парламентов мира, роль председателя (или спикера) рейхстага всегда была определяюще важной для его нормальной работы. Геринг взялся за свою работу серьезно, и его вступительная речь к депутатам звучала вполне убедительно:

— Я обещаю, что буду исполнять обязанности, определяемые моей должностью, беспристрастно, справедливо и в соответствии с существующими в законодательной палате правилами. Я буду проявлять должное уважение к принципам и авторитету этой палаты. Но я хочу сразу прояснить, что буду в равной степени бдительно следить за тем, чтобы в этой палате не ущемлялись честь и достоинство германского народа. Славное имя германского народа будет всегда находить во мне активного защитника. Я заявляю всему германскому народу: это заседание ясно доказывает, что рейхстаг имеет рабочее большинство и способен вести государственные дела без обращений к экстренным мерам. Тот факт, что мы имеем национальное правительство, вселяет в меня надежду, что я смогу исполнять свои обязанности председателя рейхстага и что достоинство народа, безопасность нации и свобода родины будут главными путеводными звездами всех моих действий.

Заявление в его речи, что рейхстаг может вести государственные дела без «обращения к экстренным мерам», относилось конкретно к канцлеру Францу фон Папену, которому президент Гинденбург вновь поручил сформировать правительство. Фон Папен же, прекрасно сознавая, что он не имеет за собой необходимого большинства голосов и что и правое, и левое крыло настроены против него (а также и большая часть центра), искал способы и средства, как избавиться от своих оппонентов или ослабить их как политические силы. С этой целью он натравил прусскую полицию на штаб-квартиру коммунистов в Берлине, а после этого, на основании обнаруженных там материалов, свидетельствующих об антигосударственной деятельности, издал указ о роспуске «Союза Красных фронтовиков», «частной» армии коммунистов. Но указ мог получить законную силу лишь после подписания его председателем рейхстага. Когда он поступил к Герингу, тот послал за Эрнстом Торглером, председателем депутатской фракции коммунистов. Указав на лист бумаги, лежавший перед ним на столе, он, как свидетельствуют, сказал:

— У меня есть средство для того, чтобы покончить с вашими бандами, дружище. Это декрет о роспуске «Рот-фронта».

— Фон Папен опасен и коварен, как змея, — со злой горечью ответил Торглер. — Следующими станут ваши коричневорубашечники.

— Знаю, — сказал Геринг. — Потому я и не собираюсь его подписывать.

Как и Гитлер, Геринг испытывал недоверие и презрение к сладкоречивому и одновременно коварному фон Папену,

который, изрекая в рейхстаге цветистые фразы о необходимости сохранения демократии, вел закулисную деятельность, с тем чтобы ввести собственную форму диктатуры. С другой стороны, он не разделял ненависти Гитлера к назначившему фон Папена президенту. Геринг знал Гинденбурга со времен войны и восхищался его качествами военного, его упорством и уважал за огромную любовь к стране и ее традициям. Несмотря ни на что, он продолжал поддерживать контакты со старым фельдмаршалом, приезжая к нему в его загородный дом в Нойдек, надеясь смягчить его антипатию к Гитлеру и национал-социалистам.

Теперь, как председатель рейхстага, он имел дополнительные причины для встреч с Гинденбургом и не собирался пренебрегать этой возможностью. Гитлер уже назначил его главным политическим парламентером с правом вести переговоры со всеми политическими партиями — от коммунистов до националистов, с тем чтобы действовать в рейхстаге совместно. Наряду с этим на нем лежала задача привлекать различных влиятельных людей нации, в том числе промышленников и деятелей церкви, в партию или в ряды ей сочувствующих. После того как он стал председателем рейхстага, эта задача облегчилась, так как теперь у него имелось вполне законное основание принимать участие во всех политических событиях.

— Если, к примеру, — говорил он впоследствии, — правительство распустило бы рейхстаг или само ушло в отставку из-за вотума недоверия, моим долгом было… сообщить рейхспрезиденту (Гинденбургу), после переговоров с остальными партиями, каковы, на мой взгляд, были перспективы для создания нового коалиционного правительства. Поэтому рейхспрезидент был обязан всегда принимать меня в этом качестве в связи с подобными вопросами. Таким образом, у меня были все возможности, чтобы установить более тесные отношения с рейхспрезидентом. Но я хотел бы подчеркнуть, что эти отношения уже существовали и фельдмаршал, стоило мне обратиться к нему, вне всяких сомнений, принимал бы меня и так, потому что он знал меня еще по первой мировой войне.

12 сентября 1932 года фон Папен решил нанести удар своим противникам. К этому времени он уже твердо знал, что в законодательной палате все против него и что его правительство было, по сути, головой без туловища. Он сумел убедить Гинденбурга, что единственный способ избежать хаоса — дать ему постановление о роспуске рейхстага, чтобы воспользоваться им, когда условия там станут невыносимыми. Он намеревался прибегнуть к нему именно 12 сентября, поскольку знал, что в этот

день коммунисты собираются предложить вынести вотум недоверия его правительству. Фон Папен предполагал дать коммунистам выступить, подождать, пока депутаты от других партий выскажутся против принятия вотума (что, как ему сообщили, они собирались сделать), а потом выступить самому. Сначала он хотел произнести пламенную речь, возложив на коммунистов и их союзников вину за хаос в рейхстаге, а после этого огласить свое постановление и прервать работу рейхстага.

Но Геринг узнал о его плане и поспешил проинформировать о нем Гитлера. Вожди партии провели совещание и решили, что есть шанс убрать фон Папена прежде, чем он уберет их. Вместо того чтобы голосовать против недоверия коммунистов правительству, они объявили, что поддержат его. Когда началось голосование, фон Папен поспешил уйти, чтобы принести свой указ о роспуске депутатов и вовремя вручить его председателю рейхстага. Он вернулся с папкой в руках, в которой лежал указ, и поспешил к столу Геринга. Но тот намеренно не обращал на него внимания и громко призывал депутатов регистрировать свои голоса по предложению о недоверии правительству.

«В зале царил полный беспорядок, — писал впоследствии фон Папен — Собрание превратилось в шумное сборище, и среди общей суматохи Геринг отказался предоставить мне возможность выступить… После этого мне не оставалось ничего другого, как пройти к председательской трибуне, хлопнуть указом о роспуске по столу Геринга и покинуть рейхстаг вместе с членами кабинета под насмешки всего зала».

Но Геринг по-прежнему не обращал никакого внимания на принесенную фон Папеном бумагу. Сначала он зарегистрировал итоги голосования: 513 депутатов — за недоверие, 32 — за фон Папена, и только потом поднял указ и зачитал его, после чего объявил, под смех и крики одобрения, что он не имеет силы, так как под ним стоит подпись канцлера, который большинством голосов был только что отставлен от должности.

…На новых выборах, которые состоялись 6 декабря 1932 года, национал-социалисты неожиданно потеряли часть голосов, а вместе с ними и места в рейхстаге, но Геринг вновь был избран его председателем. У него не было сомнений, что для национал-социалистической партии наступил критический период и что если они не смогут прийти к власти на этой новой сессии рейхстага, последняя возможность будет упущена и у них не останется иных путей, кроме революционного. Этого Геринг совершенно не желал, и страх перед возможным развитием событий воздействовал на него подобно стрекалу во всех его действиях на протяжении последующих недель. Он интриговал,

активно обрабатывал нужных людей, заключал сделки, упрашивал президента Гинденбурга, давил на его сына, чтобы тот воздействовал на отца, — и все для того, чтобы сделать Гитлера канцлером Германии.

История ожесточенной закулисной борьбы, хитроумных уловок и политических комбинаций, которые в конце концов привели к появлению на свет национал-социалистического правительства, представляется слишком запутанной, чтобы здесь углубляться в нее. Скажем лишь, что для победы Гитлера никто не сделал больше, чем Геринг. 29 января 1933 года он прибыл на партийное совещание в отель «Кайзерхоф» в Берлине с известием, что все устроено. С помощью взяток, обещаний и шантажа была обеспечена поддержка сына фон Гинденбурга (прежде настроенного антигитлеровски), человека недалекого, корыстолюбивого и, наверное, поэтому вовлеченного в махинации с налогами на их поместье в Нойдеке. С армией тоже все было улажено, несмотря на интриги, отчаянно сплетавшиеся генералом фон Шлейхером, который 2 декабря 1932 года был назначен Гинденбургом канцлером и не горел желанием уступать Гитлеру это место. (Пытаясь расколоть нацистов, Шлейхер даже предложил Грегору Штрассеру, с которым он давно вел переговоры, пост вице-канцлера и министр-президента Пруссии.) В конце концов президент поддался давлению и уговорам и «сломался».

Геринг стремительно вошел в номер Геббельса, где в ожидании собрались Гитлер и все его советники, и гордо объявил, что завтра президент назначит Гитлера канцлером Германии.

Геббельс потом записал в своем дневнике:

«Несомненно, это был час величайшего триумфа в жизни Геринга. На протяжении нескольких лет он прокладывал политическую и дипломатическую дорогу фюреру, ведя бесконечные изматывающие переговоры. Его рассудительность, его энергия, но прежде всего сила характера и преданность Гитлеру были очевидными, непоколебимыми и достойными восхищения».

Теперь, пишет Геббельс, «этот честный солдат с доверчивым сердцем ребенка» принес Гитлеру «величайшее в его жизни известие». Собрание было отложено, ликующие партайгеноссе, практически уже поздравляя себя с победой, отбыли готовиться к предстоящему завтра знаменательнейшему событию.

После их ухода Геринг смог наконец впервые за несколько недель расслабиться. Ему было необходимо выспаться, но прежде чем улечься в кровать, он позвонил в Веймар и застал Эмму в гардеробной, как раз после окончания представления.

— Все готово, — сообщил он. — Завтра Адольф Гитлер станет канцлером. Ты обязательно должна быть в Берлине. Я пришлю за тобой автомобиль.

По мнению тех, кто видел его днем 30 января 1933 года, Герман Геринг еще никогда не выглядел более спокойным и удовлетворенным. Он созвал немецких и иностранных корреспондентов в приемную резиденции председателя рейхстага, чтобы объявить состав правительства Адольфа Гитлера.

«Перед нами был немного застенчивый, рассудительный, любезный Геринг, явно переполняемый чувством удачи, которой он скромно приписал свой успех, — написал один из корреспондентов, Вилли Фришауэр. — В таком настроении Геринг был обаятельным и симпатичным, казавшимся таким далеким от тех беспорядков, что уже начались на улицах, заполненных сторонниками нацистов».

На самом деле Геринг не был таким расслабленным победой, каким казался. Он прекрасно понимал, что, хотя нацисты выиграли битву за кресло канцлера, до окончательной победы было еще далеко. Безусловно, Гитлер получил власть в свои руки, но это была ограниченная власть. Президент Гинденбург в свои восемьдесят четыре года был достаточно осмотрительным, чтобы проследить за этим. Он назначил Гитлера канцлером Германии в 10.30 этим утром и впервые пожал ему руку, но он, как Гинденбург надеялся, окружил его людьми, которые должны будут следить за каждым его шагом и ограничивать и сдерживать его в его действиях.

Сам Геринг получил пост рейхсминистра без портфеля, а также стал министром внутренних дел Пруссии. Другой национал-социалист, Вильгельм Фрик, был назначен рейхсминистром внутренних дел. Но остальные министерские должности отошли ненацистам — все это были консерваторы из прежнего правительства фон Папена. Ведомство иностранных дел оказалось в руках барона Константина фон Нейрата, из независимых; генерал рейхсвера фон Бломберг стал министром обороны; Альфред Гугенберг из немецкой национальной народной партии — министром экономики и сельского хозяйства; Франц Зельдте, также состоявший в немецкой национальной народной партии и возглавлявший «Стальной шлем», — министром труда; еще один националист, Франц Гюртнер, — министром юстиции, а портфели министров финансов и связи получили два независимых консерватора. Помимо прочего президент вынудил Гитлера назначить Франца фон Папена своим вице-канцлером и оговорил в качестве особого условия, что,

отправляясь на аудиенцию к рейхспрезиденту, канцлер всегда будет брать с собой вице-канцлера.

Таким стал новый кабинет, в котором нацистов оказалось трое против восьми, и эти восьмеро ненацистов и президент Гинденбург были уверены, что они достаточно сильны, чтобы затормозить любую попытку со стороны Гитлера осуществить радикальные идеи из своей программы.

Поэтому, улыбаясь корреспондентам и принимая поздравления от друзей, Геринг был внутренне поглощен проблемой их следующего шага — как бы нацистам перехитрить президента и правительство и получить в свои руки полную власть, чтобы начать управлять немецким народом?

Но не показывая на людях своей озабоченности, для которой имелись еще и другие причины, Геринг немного приоткрыл маску, когда остался наедине с Эммой. Тем вечером по главным улицам Берлина намечалось грандиозное факельное шествие штурмовиков, эсэсовцев, членов «Стального шлема» и «Кифхойзера» (Имперского союза ветеранов), и он снял для Эммы номер в отеле «Кайзерхоф», расположенном на Вильгельмплатц напротив рейхсканцелярии, чтобы она могла хорошо все увидеть.

«Однако Герман, как видно, был не очень уверен в настроении толпы, — вспоминала Эмма, — потому что он вручил мне револьвер со словами: „Вот, возьми это на всякий случай“».

(Ситуация в последние дни перед их приходом к власти была довольно тревожной для нацистов. 29 января социал-демократы организовали в Берлине и других городах колонны для маршей протеста под лозунгами «Долой нацизм!», «Долой Гитлера!», «Не хотим диктатуры!», ораторы на митингах призывали Гинденбурга не допускать к власти Гитлера. 30 января коммунисты призвали провести всеобщую забастовку, а генерал Курт фон Шлейхер, который стал последним веймарским канцлером и был вынужден уйти в отставку под давлением президента, по слухам, намеревался с помощью потсдамского гарнизона воспрепятствовать назначению Гитлера, так что фюрер, узнав об этом, впал в истерику, Геббельс — в ярость, и только Геринг советовал хранить спокойствие.)

Эмма, которую оружие приводило в ужас, потихоньку передала его Силли, горничной Геринга, провожавшей ее в «Кайзерхоф».

Геринг, одетый в форму СА («Она не шла ему — коричневый не его цвет», — делилась потом Эмма), с наступлением темноты отправился в рейхсканцелярию. В Тиргартене (районе знаменитого берлинского зоологического сада) факелы были зажжены, и грандиозный парад начался. Когда река огней, минуя

Бранденбургские ворота, потекла по Вильгельмштрассе, глазеющая толпа начала реветь в восхищении и экстазе, и Геринг, вне всякого сомнения, почувствовал облегчение. Когда шествие проходило мимо дворца рейхспрезидента, старый фельдмаршал, стоявший у окна прямой как шомпол, глядя на четко марширующие шеренги, как говорят, заметил:

— Если бы я знал, что он может так вышколить бойцов, я послал бы за этим парнем раньше.

Адольф Гитлер стоял на балконе рейхсканцелярии, подняв руку в нацистском салюте, бесстрастно обозревая разворачивающееся перед ним действо, принимал рукоплескания и приветствия толпы. Позади него находился Герман Геринг, который вел радиопередачу для немецкого народа.

— Мои германские товарищи! — вещал он. — В то время, как я стою здесь, у микрофона, у рейхсканцелярии собрались сотни тысяч людей. Все они испытывают настроение, которое можно сравнить разве только с энтузиазмом 1914 года, когда нация поднималась на защиту фатерланда, чести и свободы. 30 января 1933 года войдет в историю Германии как день, когда нация, после четырнадцати лет горя, страданий и стыда, вновь обратилась к своей прежней славе… Посмотрите только на великого фельдмаршала, который присоединился к молодому поколению! Теперь он встал рядом с новым молодым вождем, который поведет нацию к новому и лучшему будущему. Сотни тысяч немцев, бурно ликующих перед этими окнами, возвещают этот день, вдохновляемые новой верой, что будущее принесет нам то, за что мы боролись несмотря на неудачи и разочарования: хлеб и работу — всем немцам, свободу и достоинство — нации.

Парад закончился, штурмовики, эсэсовцы, члены союза «Стальной шлем» и толпы бюргеров, лавочников, мелких домовладельцев и почтовых служащих, мужчин и женщин стали разбредаться по кафе и пивным на открытом воздухе. В рейхсканцелярии был устроен торжественный прием, но Гитлер, Геринг и большинство остальных видных нацистов скоро ушли оттуда к принцу Августу Вильгельму, так как в полночь начинался день рождения Ави, и он организовывал двойное празднование. Зазвучали тосты за императорскую фамилию, за Гитлера, за национал-социалистов и за фатерланд.

Было уже около трех часов утра, когда Геринг вернулся домой, где его ожидала Эмма. Но когда он предложил отправиться в постель, чтобы чудесным образом завершить этот триумфальный день, Эмма покачала головой. Ей нужно возвращаться в Веймар, сказала она, и немедленно.

— Возвращаться в Веймар в такой день? — спросил

изумленный Геринг.

Да, ответила Эмма. Утром в Национальном театре начнется репетиция «Фауста», и очень важно, чтобы она на ней присутствовала, потому что будет исполнять ведущую роль Маргариты.

…Принимая пост министра внутренних дел Пруссии, Геринг прекрасно представлял, что стоит за столь важно звучащей должностью. Знал, что, когда получит ключи от своего нового кабинета в здании министерства, он будет держать в руках ключи от власти, так как министр внутренних дел Пруссии контролировал полицию, а с полицией, подчиняющейся его распоряжениям, практически не останется того, чего он не сможет осуществить.

Для Эммы Зоннеман, пожалуй, было даже хорошо, что в течение трех последующих недель она была поглощена ролью Маргариты, так как за это время ей нечасто удавалось увидеться со своим возлюбленным из-за его крайней занятости. (Хотя сама Эмма говорит, что он совершал «опасные ночные поездки» на автомобиле из Берлина в Веймар, а она уезжала на последнем поезде в Берлин, чтобы на первом вернуться обратно.) Геринг переехал в министерство внутренних дел и первым делом затребовал досье всех старших должностных лиц, после чего занялся их изучением вместе с чиновником по имени Рудольф Дильс, который работал в так называемом отделе IA берлинской полиции. Этот отдел, несмотря на существующий в Веймарской республике запрет, занимался политической разведкой, и Рудольф Дильс был просто ходячей энциклопедией политических воззрений своих коллег. Геринг решил убрать из министерства и полиции всех, кого можно было явно заподозрить в антипатии к нацистам. Дильс до этого момента был ярым антикоммунистом, но теперь он значительно расширил диапазон свой политической неприязни и добавил в черный список Геринга тех, кто был хоть немного левее центра. Он также устроил новому боссу своего рода развлечение в виде досье из отдела IA, в которых личная жизнь некоторых его соратников по партии описывалась со всеми нелицеприятными подробностями. Там, например, содержался детальный отчет о судебном процессе, каким-то образом ускользнувшем от прессы, на котором некая немецкая баронесса рассказывала, как она формально усыновила Иоахима Риббентропа, ныне видного члена партии, с тем чтобы он мог добавить к своей фамилии аристократическое «фон», и теперь хотела получить деньги, которые он обещал ей вручить, когда заключит «удачный» брак. Оплата должна была осуществиться, утверждала баронесса, после того как фон Риббентроп получил в

невесты дочь Отто Хенкеля, крупнейшего германского производителя шампанского. Имелся длинный доклад об отношениях Рема с «мальчиками», доклад о дружбе Альфреда Розенберга с еврейской девушкой (составленный прежде всего потому, что он был главным идеологом антисемитизма), о предполагаемом лжесвидетельстве Гитлера при подаче заявления на германское гражданство (он был австрийцем по рождению) и о связях гауляйтера Готфрида Федера, одного из главных специалистов по экономике в партии, с евреями-ростовщиками.

Геринг читал эти истории с явным удовольствием и потом пересказывал их Эмме. Но о чем он с ней и словом не обмолвился — так это его собственное досье, повествующее со всеми подробностями о его морфинизме и временном пребывании в шведской психиатрической лечебнице. Он с должной выдержкой прочитал эти тягостные разоблачения, но, дойдя до последних строк, взревел от возмущения. Его досье заканчивалось словами: «Он проявляет многие признаки латентной подавляемой гомосексуальности и склонен к ярким и пышным нарядам и использованию косметики. Однако нет никаких доказательств того, что его близкая дружба с Паулем [Пилли] Кёрнером является чем-то ненормальным». Намек на то, что он разделял сексуальные наклонности Эрнста Рема, которые он терпел, но никак не одобрял, вызвали в нем такую ярость, что он разорвал досье на части и расшвырял их по комнате.

К 17 февраля 1933 года он собрал уже достаточно информации, чтобы начать широкомасштабную чистку министерства и прусской полиции, и скоро десятки окружных и районных полицейских начальников, сотни инспекторов и тысячи нижних полицейских чинов неожиданно для себя получили краткие извещения, что их служба окончена. Тем, кто заслужил пенсию, предлагалось заполнить во всех деталях прилагаемый бланк и ждать решения суда, который будет слушать их дело. Более важные чиновники увольнялись Герингом лично, и в их числе оказался молодой доктор Роберт Кемпнер, бывший юридическим советником отдела по делам полиции в прусском министерстве внутренних дел и членом республиканского союза судей в Берлине, с которым было связано несколько успешных дел против штурмовиков и эсэсовцев, участвовавших в политических демонстрациях. Являясь противником нацистов, Кемпнер поддерживал усилия правительства социал-демократов не допустить Гитлера к власти, и в его досье Геринг обнаружил предложение арестовать Адольфа Гитлера по обвинению в государственной измене на том основании, что какое-то время он потворствовал Эрнсту Рему, готовившему своих штурмовиков к

вооруженному восстанию.

Новый министр внутренних дел яростно обрушился на Кемпнера за то, что тот осмелился затевать преследование фюрера, и объявил, что тот уволен из ведомства.

— Ваше счастье, что я не посадил вас за решетку! — кричал Геринг. — Убирайтесь! И не попадайтесь мне больше на глаза!

Однако это все же произошло, как мы еще увидим.

С завершением чистки «авгиевых конюшен» (как охарактеризовал эту акцию Геринга Геббельс в своем дневнике), Геринг мог расставить на ключевые посты своих людей. Его друг Пилли Кёрнер стал статс-секретарем министерства внутренних дел Пруссии, Рудольф Дильс — руководителем IA, политического отдела полиции, граф Вольф фон Гелльдорф, участник первой мировой войны, который вступил затем в Добровольческий корпус в составе «батальона Россбаха» и участвовал в уличных сражениях с коммунистами в Рейнланде, потом был участником Капповского путча 1920 года и, наконец, руководителем СА в Берлине, был назначен полицай-президентом Потсдама. В свой собственный штат в качестве главного помощника Геринг взял доктора Эриха Гритцбаха, который позднее описал его биографию, заведовать прессой поставил Мартина Зоммерфельда, тоже написавшего его биографию, а энергичную и исполнительную женщину, фрау Грету фон Корнатцки, назначил своим секретарем.

Для тех полицейских чинов и гражданских служащих, которые избежали чистки (следует отметить, что большинство чиновников прусского министерства внутренних дел были готовы служить новому шефу), он выпустил манифест, в котором прямо объявлял, что теперь полиция должна избегать любых проявлений враждебности в отношении «национальных объединений и партий», и рекомендовал относиться к этим организациям с «пониманием». Но потом давал понять, что это относится только к нацистам и националистам и ни к кому более.

«С другой стороны, — продолжал Геринг, — деятельность организаций, враждебных государству, должна пресекаться самыми строгими мерами. В деле противодействия терроризму и налетам коммунистов не должно быть послаблений, и в случае необходимости должны применяться револьверы без страха перед последствиями. Полицейские, открывающие огонь из револьверов при выполнении своих обязанностей, будут пользоваться моей защитой, вне зависимости от последствий их действий. Должностным же лицам, допустившим промахи из ложного опасения перед последствиями, следует ожидать дисциплинарных взысканий. Защита граждан требует строжайшего применения

предписываемых законом мер к запрещенным демонстрациям, запрещенным митингам, подстрекательству к государственной измене, массовым забастовкам, мятежам, оскорблениям в печати и всем другим заслуживающим наказания противоправным действиям нарушителей закона и порядка. Каждый полицейский должен постоянно помнить о том, что промах, явившийся следствием непринятия мер, — более тяжкий проступок, чем ошибка, совершенная при их принятии. Я надеюсь и ожидаю, что все чины полиции будут единодушны со мной в нашем общем деле защиты отечества от угрожающих ему бедствий сплочением и укреплением наших национальных сил».

22 февраля Геринг предпринял следующий шаг к приведению полиции под свой полный контроль, влив туда штурмовиков и эсэсовцев, а также членов «Стального шлема» в качестве вспомогательных частей. Отправляясь в патрулирование с полицейскими, первые продолжали носить нацистскую форму и только надевали на рукава белые повязки, свидетельствовавшие об их вспомогательном статусе, но уже совсем скоро им предстояло стать главной силой.

Командуя авиаполком «Рихтгофен», Геринг доказал, что он может быть незаурядным руководителем, вместе с тем тогда же обнаружилось, что ему нравится постоянно показывать своим подчиненным, кто у них босс. Теперь на своем новом месте он быстро продемонстрировал, что не утратил ни своих организаторских способностей, ни диктаторских замашек.

— Приближается время, — заявил он в своей речи в Дортмунде, — когда в Пруссии будет только один человек, который возьмет на себя всю власть и всю ответственность, и этот человек — я. Каждому, кто будет исполнять свой долг на службе государству, выполнять мои приказы и без колебаний пускать в ход револьвер, подвергаясь нападению, будет гарантирована моя защита. И напротив, те, кто станет малодушничать, будут мной быстро вышвырнуты с работы. Каждая пуля, вылетевшая из ствола полицейского оружия, — это пуля, выпущенная мной. Если вы скажете — это убийство, значит, я — убийца.

Он выдержал паузу, затем медленно произнес:

— Я знаю только два типа людей — это те, кто с нами, и те, кто против нас.

Единственное условие, которое Гитлер принял от президента Гинденбурга без единого возражения, когда тот назначал его канцлером, был созыв новых выборов в случае возникновения серьезных разногласий в правительственном кабинете. В тот момент советникам нацистского лидера это казалось опасным ограничением его свободы политического маневра, и они

настоятельно рекомендовали ему отклонить это условие. Теперь же им становилось понятно, почему участвовавший в обсуждении Геринг нисколько не возражал против этого и даже, напротив, приветствовал эту идею. Имея в своем распоряжении все полицейские силы и их помощников, штурмовиков и эсэсовцев, которые были готовы по его сигналу броситься сокрушать «врагов государства», он стал полным хозяином улиц, и коммунисты теперь едва могли отважиться на попытку восстания (чего опасались некоторые нацисты). Будущему предстояло решаться только в кабинах для голосования. А кто будет следить за порядком на избирательных участках? Да полиция, конечно.

Поэтому Гитлер не стал дожидаться нового правительственного кризиса, чтобы назначить новые выборы, он сам его спровоцировал, а затем объявил, что немцы вновь должны явиться на избирательные участки 5 марта 1933 года. Даже Геббельс, который был скептически настроен относительно возможности быстрого захвата власти, теперь был полон оптимизма и сиял от радости, потому что Гитлер собирался назначить его рейхсминистром пропаганды и народного просвещения, и, подобно тому как Геринг поступил с полицией, он собирался прибрать под свой контроль прессу, радио и средства «народного просвещения».

«Теперь нам значительно легче бороться, — написал он в своем дневнике, — так как мы можем использовать все ресурсы государства. Радио и пресса тоже в нашем распоряжении. Мы создадим просто шедевр от пропаганды. И теперь, конечно, у нас не будет проблем с деньгами».

Последняя фраза явилась отзвуком бедственного финансового положения, в котором находилась нацистская партия с конца прошлого года и до того момента, пока промышленно-финансовые магнаты Германии, которые отвернулись от нацистов после их неудач 1932 года, вновь не открыли свои сейфы для Гитлера, упорно пробирающегося к креслу рейхсканцлера. Геббельс, который в конце декабря 1932 года отчаянно причитал насчет денежных проблем, предвидя «темное и мрачное» будущее, в середине января написал в своем дневнике: «Финансовое положение партии в одно мгновение коренным образом изменилось». За одну неделю огромные долги НСДАП словно растаяли. По данным газеты «Байрише штатсцайтунг», опубликованным в то же время, за несколько дней НСДАП получила не менее 10 миллионов марок, из них 4 миллиона — только от концерна «Ферайнигте штальверке».

Теперь, готовясь окончательно ликвидировать демократическую систему и установить свою диктатуру, Гитлер

решил заручиться поддержкой германских монополистов. 20 февраля Геринг пригласил в свой дворец председателя рейхстага группу промышленников, среди которых были «пушечный король» Крупп фон Болен, глава крупнейшего в Европе электротехнического концерна Роберт Бош, директор «И. Г. Фарбениндустри» Шнитцлер, один из металлургических королей Германии, генеральный директор концерна «Ферайнигте штальверке» Альберт Феглер. Доктор Яльмар Шахт выступал в качестве хозяина вечера. Гитлер произнес короткую речь, пообещав; взяв власть в свои руки, убрать с улиц и фабрик марксистов и восстановить армию (что означало новые большие заказы на вооружения рурским производителям). Геринг предложил гостям сделать «финансовые пожертвования», обратив общее внимание, что эти выборы — из разряда «теперь или никогда» и они требуют соответствующих «теперь-или-никогда-вкладов». Если нацисты победят, заметил он, следующие выборы состоятся не раньше чем через десять, может, через сто лет.

Как впоследствии показал Шахт, он «пустил по кругу шляпу» и собрал три миллиона марок.

В разгар предвыборной кампании Геринг дал первое серьезное политическое задание своей реорганизованной и «перевоспитанной» полиции, приказав 24 февраля произвести налет на Дом имени Карла Либкнехта, штаб-квартиру коммунистической партии в Берлине. Вечером этого же дня он объявил, что обнаружены уличающие документы, «доказывающие», будто коммунисты готовят революцию, однако не сообщил в тот момент никаких подробностей. Но для членов правительства, часть которых в отношении его заявления была настроена весьма скептически, Геринг подготовил меморандум, в котором в деталях описывались будто бы найденные планы красных, на основании которых прусское правительство позднее выпустило официальное заявление.

«Правительственные здания, музеи, большие дома и особняки, а также важные предприятия подлежали сожжению, — говорилось в этом заявлении. — Женщин и детей предполагалось пускать впереди террористических групп… Поджог рейхстага должен был стать сигналом к кровавому восстанию… Планировались многочисленные террористические акты против отдельных лиц, частной собственности и против жизни и здоровья мирного населения, а также начало всеобщей гражданской войны».

Вполне можно предположить, что разоблачительные материалы на самом деле были обнаружены полицейскими и штурмовиками Геринга в Доме Карла Либкнехта, потому что

большинство политических партий и объединений в Германии того времени не только держали собственные частные армии, но и имели планы их использования в случае чрезвычайных обстоятельств. В этом смысле коммунисты ничем не отличались от социалистов или нацистов. Сомнительным представляется то, что документы «доказывали», что коммунисты были на пороге восстания. Они понимали, что ситуация в Германии быстро переходит к состоянию «мы или они» и скоро им придется бороться за свое существование, но на тот момент, в преддверии выборов 5 марта, им было необходимо в целях пропаганды производить хорошее, благообразное впечатление.

Почти наверняка Геринг не считал ситуацию такой угрожающей, как это представил. Иначе он немедленно начал бы кампанию превентивных арестов, дал бы указание Рему привести его штурмовиков в состояние боевой готовности и быстро расставил у всех важных зданий Берлина охрану. Ничего этого он не сделал. Потом он говорил, что скрыл подробности красного заговора от широкой публики, чтобы после победы нацистов на выборах — а теперь они были в ней уверены — использовать их в качестве оправдывающих обстоятельств для действий, направленных против коммунистов, планируемых нацистскими лидерами.

Поэтому он явно не верил, что в Берлине в любой момент может разразиться красный бунт и рекой политься кровь. Согласно заявлению прусского правительства, сигналом к «кровавому восстанию» и «гражданской войне» должен был стать «поджог рейхстага».

Почему тогда его здание немедленно не оцепили и не охраняли день и ночь? Вечером 27 февраля, за шесть дней до выборов, внутри рейхстага находились только один ночной вахтер, почтальон и истопник и один полицейский на посту снаружи. В этот вечер рейхстаг действительно кто-то поджег и он сгорел.

Министр авиации

Одной из привилегий председателя рейхстага было право занимать отведенный в его распоряжение дворец, примыкавший к зданию собраний, где, как предполагалось, он будет жить. Но Герингу не нравилась его мрачная атмосфера и тяжеловесная мебель, и он пользовался им только для официальных приемов и пресс-конференций. Он предпочитал свою квартиру на Кайзердамм, которая, как отметила Эмма, когда увидела ее первый раз, «была обставлена со вкусом, в стиле, который отражал его личность, хотя, пожалуй, превосходил его финансовые возможности».

Как у руководителя прусской полиции, у Геринга имелся кабинет в министерстве внутренних дел Пруссии на Унтер-ден-Линден, но обычно он предпочитал работать в своем кабинете в здании рейхстага. Он украсил его фамильными картинами, хорошей мебелью и парой дорогих гобеленов, которые остались от отца и ему очень нравились.

Домашнее хозяйство на Кайзердамм у него по-прежнему вела Силли, которая теперь научилась готовить, и была еще кухарка, и вечеринки у Геринга пользовались популярностью в Берлине из-за вкусной еды и вина, а также из-за царившего на них веселья.

Некая баронесса Гольдорф, входившая в круг его друзей, заметила ему (что никогда не пришло бы в голову Эмме Зоннеман), что человек его ранга не должен обходиться без слуги, и вызвалась подыскать для него кого-нибудь. Разговор происходил на официальном приеме, и случилось так, что его услышал бригаденфюрер СА Карл Эрнст, который командовал берлинскими штурмовиками, присоединенными для помощи к полиции, и потому тоже был именован полицай-президентом.

Карл Эрнст принадлежал к числу тех немногих людей, к которым Геринг испытывал отвращение и которых ненавидел и боялся, что, в данном случае, демонстрирует его разборчивость в людях. Эрнст был не просто гомосексуалистом, которых Геринг был готов по крайней мере терпеть, он был извращенцем особенно порочным, настоящим садистом и любителем оргий, его привлекали маленькие мальчики и тем больше, чем сильнее они сопротивлялись. Он поощрял своих людей к избиению и пыткам арестованных, особенно политических противников. Эрнст крикливо критиковал политику верхушки партии, ратовавшей за приход к власти через избирательные урны, громко заявляя, что хорошие красные и хорошие евреи — только мертвые.

Эрнст настоял на том, чтобы министра сопровождали

телохранители, которые, как скоро стало казаться Герингу, старались больше шпионить за его действиями, чем защищать его жизнь. Это были бандитского типа штурмовики, и Геринг несколько раз жаловался Эрнсту на их поведение, особенно на то, что они избивают всякого, кто оказывается на пути у него или Эммы, когда они выходят вместе на люди. В ответ на его протест Эрнст указал, что раз «гнедиге фрау» не замужем за министром, люди могут не понимать, насколько она важна для него, и им следует показывать, что ее движению нельзя препятствовать.

Ему приходилось терпеть такое граничащее с наглостью поведение, потому как если он хотел использовать штурмовиков, — а он безусловно в них нуждался, — ему следовало держать при себе Карла Эрнста, который был близким другом — в разном смысле — Эрнста Рема, предводителя штурмовиков. Но когда тот предложил ему взять в качестве слуги одного из своих телохранителей, Геринг, представив одного из этих бандюг-извращенцев в своем доме, в своей гардеробной, в своей спальне, не выдержал и резко оборвал «коричневого» полицай-президента. Сразу после этого он сообщил баронессе Гольдорф, что принимает ее предложение.

Баронесса поместила небольшое объявление в «Кройццайтунг», наиболее популярную среди бывших военнослужащих газету, и из явившихся претендентов выбрала бывшего военного моряка по имени Роберт Кропп как наиболее подходящего и отправила его на Кайзердамм показаться Герингу. Ему пришлось прождать несколько часов, но когда он наконец предстал перед Герингом, то увидел, что его рекомендательные письма и послужной список лежат у того на столе.

— Похоже, ты добросовестный человек, — сказал Геринг. — Какое жалованье ты просишь?

Кропп, который служил у нескольких преуспевающих рурских промышленников, запросил, в соответствии с существующими расценками, сто сорок марок в месяц.

— Я дам тебе восемьдесят для начала, и если буду тобой доволен, прибавлю, — сказал Геринг. — Если нет — выброшу!

Через три месяца он удвоил Кроппу жалованье и объявил, что в случае своего недовольства может его уменьшить. Так заложились отношения между этим слугой и его хозяином, которым суждено было продлиться почти до самой смерти Геринга.

Вечером 27 февраля 1933 года Роберт Кропп заваривал себе мятный чай на кухне квартиры на Кайзердамм, когда зазвонил телефон. На проводе был Пауль Адерман, ночной вахтер рейхстага, который в сильном возбуждении прокричал:

— Вы должны срочно сообщить министру! Рейхстаг в огне!

Тем вечером Геринг работал в своем кабинете в министерстве внутренних дел на Унтер-ден-Линден, туда и позвонил Кропп. Геринг только что узнал эту новость от полиции и уже собирался уходить из кабинета. Он выглядел крайне удивленным и ни словом не обмолвился о диверсии. Кропп тоже предположил, что пожар возник случайно.

Но потом он начал размышлять. Кропп хорошо ориентировался в председательском дворце, потому что бывал там почти всегда, когда требовалось присутствие Геринга. Он знал, что там существовал тоннель, соединяющий дворец с рейхстагом, потому что сам часто пользовался им, чтобы передать записки от своего хозяина сотрудникам в его кабинете в рейхстаге. При этом он, разделяя неприязнь своего хозяина к Карлу Эрнсту, обратил внимание, что тот в последние дни стал часто появляться в председательском дворце без видимых причин, обычно в сопровождении пары своих наиболее отталкивающего вида приближенных.

Но все это Кропп связал позднее. А пока он предупредил Силли, чтобы та не отходила от телефона, и, надев плащ, вышел из дома и поспешил к рейхстагу, из-под купола которого, как он видел, приближаясь, уже выбивались языки пламени. Служебный автомобиль Геринга был уже здесь, а сам он прошел в здание. Кропп последовал за ним. Он сразу сообразил, куда устремился его хозяин, и направился к коридору, в котором был расположен кабинет председателя. Он подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как Геринг отшатнулся от полыхнувшего пламени и поваливших клубов дыма. Увидев Кроппа, он закричал:

— Мы должны спасти мои гобелены!

Но было уже слишком поздно. Его кабинет превратился в головешки вместе с мебелью, картинами и гобеленами. Тем временем зал заседаний тоже сгорел, и пожарные бригады отчаянно пытались взять огонь под контроль. Но все, что им в результате удалось спасти от рейхстага, были только его наружные стены.

Когда Геринг наконец вышел в передний двор, то увидел, что приехал Гитлер. Он двинулся ему навстречу, перешагивая через переплетающиеся пожарные рукава, и изумился, увидев на лице фюрера выражение торжества, почти удовольствия.

— Это знак свыше! — воскликнул Гитлер среди треска пожарища.

Лицо Геринга было черным, и по нему текли слезы не то из-за дыма, не то из-за утраты его любимых гобеленов. Кропп не мог сказать точно.

За прошедшие десятилетия о поджоге рейхстага написаны сотни книг и различных исследований. Наверное, наиболее полное изучение всех доступных материалов по этому делу было проведено в мюнхенском Институте современной истории, однако годы сосредоточенного исследования всех документов и анализа свидетельств не дали возможности однозначно установить виновность кого-то еще, кроме того человека, который в итоге был за это казнен, — Маринуса ван дер Люббе, пироманьяка, застигнутого на месте преступления.

Когда еще бушевал огонь, в зале южного крыла здания полиция обнаружила и арестовала человека. Его взяли практически со спичками в руках, он был голым по пояс из-за жара, а его верхняя одежда (обгоревшие останки которой были найдены) осталась в зале заседаний. Этот человек, двадцатичетырехлетний голландец по имени ван дер Люббе, с готовностью подтвердил, что это он зажег огонь. Проверка его личности показала, что он принадлежал к одной из коммунистических организаций, причем скорее троцкистского, чем сталинистского толка; что он был чрезмерно склонен к самовыпячиванию и однажды пытался переплыть Ла-Манш безо всякой предварительной подготовки; что он состоял на психиатрическом учете и имел пиромания кальные наклонности и что был склонен приписывать себе совершение преступлений, налетов, диверсий, даже когда не имел к ним никакого отношения.

Однако то, что ван дер Люббе сказал правду, сознавшись в поджоге рейхстага, сомнений не вызывает. Единственный вопрос: устроил ли он весь пожар сам?

В наши дни, пожалуй, не так трудно поверить, что одиночка может совершить преступление огромного политического масштаба. Мы почти свыклись с тем фактом, что Джона Кеннеди скорее всего застрелил одиночка, не вызывает сомнений, что Роберта Кеннеди также убил одиночка, как и Мартина Лютера Кинга. Должно быть, у них были единомышленники, но свои кровавые акции они осуществляли сами.

Но в политической атмосфере Берлина 1933 года практически каждый сразу посчитал, что за пожаром стоит целый заговор, и весь вопрос был лишь в том, какая сторона его устроила — коммунисты или нацисты?

Коль скоро политически было очень выгодно свалить вину на коммунистов, национал-социалисты не стали дожидаться для этого официального расследования. Спустя несколько мгновений после своего комментария насчет «знака свыше» Гитлер назвал виновными коммунистов и отдал Герингу распоряжение начать

их аресты. У Геринга уже имелись списки.

— Списки были уже составлены, и для это не требовалось никакого пожара, — говорил он впоследствии. — Они были бы арестованы в любом случае. У меня и так имелись достаточно веские причины, чтобы взяться за коммунистов, например убийства, которые они совершили, и тому подобное.

При этом ни он, ни Гитлер не могли допустить того факта, что ван дер Люббе действовал один, а раз Геринг клялся, что ему ничего не известно о причастности к поджогу нацистов и сам он видел, что Гитлер тоже находится в явном неведении, почему было не обвинить в этом красных?

С другой стороны, большинство противников нацистов немедленно решили, что рейхстаг подожгли гитлеровцы, с тем чтобы обвинить потом коммунистов и начать против них репрессии. Еще 20 февраля 1933 года, за четыре дня до рейда на штаб коммунистов, другими словами, за четыре дня до появления «документальных доказательств» революционного заговора красных, граф Гарри Кесслер написал в своем дневнике:

«Виланд Герцфельде попросил меня встретиться по вопросу крайней важности. Он получил абсолютно достоверные сведения, сказал он, что нацисты планируют сымитировать покушение на жизнь Гитлера, которое явится сигналом для начала всеобщей резни. Информация открылась благодаря утечке из дортмундских СА и подслушанному телефонному разговору между Гитлером и Ремом».

А 27 февраля, в день пожара, он записал: «Исторический день первостепенной важности. Планируемое покушение состоялось, хотя не на Гитлера, а на здание рейхстага… Вслед за этим Геринг немедленно объявил, что в этом преступлении виновна коммунистическая партия».

Кесслер был не единственным, кто в Германии, так же как и за рубежом, высказал подозрение, что Геринг был вдохновителем поджога. Иностранные корреспонденты скоро стали указывать, что Геринг обитал во дворце председателя рейхстага, соединенного с последним тоннелем, и приводили воображаемые описания того, как он руководил переходом по нему заговорщиков с зажигательными средствами в здание рейхстага, после чего поджигатели тем же путем ушли, оставив ван дер Люббе буквально с факелом в руке.

Геринг реагировал на эти обвинения по-разному: то возмущался, то смеялся.

— Я знал, что люди начнут говорить такое, — сказал он, когда до него дошли публикуемые в зарубежных газетах версии. — Наверное, они представляют, что я стоял, одетый в

красную тогу, с кифарой в руках и играл, глядя, как горит рейхстаг.

Но в другой раз, находясь в ином настроении, он взорвался:

— Если меня обвиняют в том, что я развел в рейхстаге костер, с тем чтобы заполучить коммунистов в свои руки, то могу сказать — эта идея нелепая и смешная. Для возбуждения дел против коммунистов мне не требовалось никакого особого происшествия.

Могу вам честно сказать, — добавил он, — сожжение рейхстага создало для нас большие неудобства, для фюрера и для меня как председателя. Если бы мы хотели устроить поджог и обвинить коммунистов, то имеется много других зданий, не таких нужных, например Берлинский замок. Посмотрите, что происходит теперь. Для проведения заседаний рейхстага я вынужден использовать Дом оперы Кролля. Зная мое отношение к Государственному драматическому театру, который находится в моем ведомстве, вы можете понять, как это для меня трудно, потому что «Кролль» — одно из двух мест в Берлине, где могут проходить небольшие оперные представления.

Всю оставшуюся жизнь Геринг продолжал отрицать, что имел какое-либо отношение к поджогу. Как и Роберт Кропп, он подозревал, что к этому как-то причастен ненавистный ему Карл Эрнст, «потому что он любил создавать нам трудности», но маловероятно, что он знал это точно. Что же касается собственной непричастности, Геринг был непоколебим. Однако он не смог удержаться, чтобы не заметить:

— Если бы я поджег рейхстаг, я не стал бы об этом хвастать (что ему приписывали), и если бы я его поджег, то сделал бы это совсем по другой причине.

— По какой же? — спросили его.

— Да по такой, что зал заседаний рейхстага был слишком уродлив, — объяснил он. — Можете себе представить, дружище, в нем стены были отделаны *штукатуркой*!

Что же касается Эммы, то у нее никогда не было никаких сомнений относительно его невиновности. В ночь пожара он позвонил ей в Веймар. Геринг был очень возбужден, тем не менее ей было трудно понять всю значительность этого события.

— Это очень серьезно? — спросила она. — Как ты думаешь?

— Я думаю о моих личных вещах и моих фамильных картинах, — ответил он. — Почему из всех мест я принес именно туда все самые дорогие для меня предметы?

Это прозвучало для нее убедительнее всего. «Против всех появившихся слухов у меня имелся только один аргумент, — написала она позднее. — Я знала Германа, и мне было известно, как высоко он ценил мебель, которая погибла в огне, это было

последнее, чем он решился бы пожертвовать. Я понимаю, что это женский аргумент, который имеет мало веса для подтверждения или опровержения предвзятого взгляда. Но я получила уверенность, которую, впрочем, не старалась кому-то внушить».

Стремясь поскорей возложить вину на коммунистов и подчиняясь настоятельному требованию Гитлера, Геринг отдал приказ тайной полиции поймать каких-нибудь виновных, и Рудольф Дильс арестовал четверых. Это были три болгарских коммуниста, работавшие со своими, немецкими товарищами в Берлине: Георги Димитров, Благой Попов и Васил Танев, а также Эрнст Торглер, один из лидеров коммунистической партии Германии, явившийся сам, когда узнал, что его разыскивают.

Суд над ними, которому предстояло начаться в сентябре, Геринг планировал использовать в качестве трибуны для того, чтобы окончательно уронить и разбить вдребезги репутацию компартии в Германии.

Этой затее суждено было стать одним из самых серьезных просчетов в его политической карьере. Но то, что поджог рейхстага национал-социалисты использовали в пропагандистских целях быстро и ловко, это несомненно. На другой день после этого события, когда вчерашнее пожарище еще дымилось, Гитлер убедил президента Гинденбурга подписать декрет, приостанавливающий действие семи статей конституции, гарантирующих личные и гражданские свободы. Он был направлен против «коммунистических актов насилия, угрожающих безопасности государства» и предписывал:

> ограничения на личную свободу и на право свободного изъявления мнения, включая свободу прессы;
>
> урезывание прав собраний и объединений; цензуру почты, телеграфных сообщений и телефонных переговоров;
>
> отмену законных ограничений на аресты, обыски и конфискации.

Вот теперь вспомогательные подразделения полиции СА и СС стали действовать полностью самостоятельно. Несмотря на то что Геринг подписывал ордера на аресты только коммунистов, либералов и просто левых тоже стали притаскивать в полицейские участки, где их изнуряли допросами и избивали. Митинги были запрещены и любые попытки собраний жестоко пресекались. Вожди коммунистов и социалистов во множестве устремились к австрийской и чехословацкой границам в поисках спасения.

Грубое нарушение его приказов скоро привело Геринга к

прямой конфронтации с его *bete noire*[5], Карлом Эрнстом, но в тот момент он был слишком поглощен борьбой с коммунистами и подготовкой победы на выборах.

Оглушаемые нацистской пропагандой и обвинениями в адрес красных, несущимися из всех громкоговорителей по всей Германии, немцы отправились 5 марта 1933 года на избирательные участки. В таких обстоятельствах национал-социалисты оказались не столь победоносными, как ожидали они сами и опасались их противники. Да, они набрали 17 277 180 голосов, что было на пять с половиной миллионов больше, чем на предыдущих выборах. Но это составляло только 44 % от общего числа голосов и свидетельствовало о том, что немцев, которые против них, больше, чем тех, которые за.

Католическая партия «Центр» увеличила число своих избирателей с 4 230 600 до 4 424 900, а социал-демократы потеряли только 70 000 голосов, набрав 7 181 629. Но наиболее удивительный результат, учитывая все, что против них было сказано и сделано за последние две недели — включая арест одного из их вождей, Эрнста Торглера, — показали коммунисты: они собрали 4 848 058 голосов, потеряв при этом только один миллион по сравнению с предыдущими выборами.

Нацисты могли утешить себя тем, что националисты, возглавляемые Альфредом Гутенбергом, получили 3 136 760 голосов, которые в сумме с голосами, поданными за нацистов, означали, что большинство немцев отдало предпочтение правым. 52 мандата националистов вместе с 288 мандатами нацистов давали Гитлеру большинство в новом рейхстаге в 16 мест. Но ни он, ни Геринг не нашли это удовлетворительным.

То, к чему они сейчас стремились, было не маленькое парламентское большинство, а власть над нацией, и этого можно было добиться путем временного прекращения совместной власти в рейхстаге. Нацисты хотели добиться этого легально, и легальный способ для этого имелся. Им нужно было представить в палате законопроект о предоставлении чрезвычайных полномочий, который, если он пройдет голосование, позволит им отложить следующее заседание на неопределенный срок. Но для принятия указа о чрезвычайных полномочиях требовалось две трети голосов, а у них в сумме было только на шестнадцать голосов больше, чем у всех остальных фракций вместе.

Что же предпринять? Геринг не колебался с ответом. Он указал, что декрет, который президент Гинденбург подписал Гитлеру утром после поджога рейхстага, дает его полицейским силам полную власть хватать не только рядовых граждан, но и депутатов рейхстага, которые теперь автоматически лишаются

своего парламентского иммунитета.

— Ответ прост, — сказал Геринг. — Мы арестуем всех депутатов-коммунистов и необходимое число социал-демократов, напугав при этом остальных, а затем выдвинем законопроект на голосование.

Так они и сделали. 23 марта 1933 года в Доме оперы Кролля, где за несколько недель до этого восторженный зрительный зал рукоплескал Рихарду Тауберу, австрийскому тенору, исполнявшему веселые партии из длинного мюзикла «Страна улыбок», запуганные депутаты партии «Центр» и социал-демократы присоединились при голосовании об указе о чрезвычайных полномочиях к нацистам, и большинством в 441 против 84 он был принят. С демократией в Германии было покончено. Адольф Гитлер и его национал-социалисты получили власть ка основании закона, и теперь страна была полностью в их руках.

Геринг поспешил домой, чтобы позвонить Эмме и сообщить ей эту новость. Потом он увидел на своем столе сообщение от Пилли Кёрнера, ныне статс-секретаря министерства внутренних дел, и, прочитав его, понял, что столкновение с этим отпетым типом, полицай-президентом Карлом Эрнстом, которого он долгое время пытался избежать, теперь неизбежно.

…Что и говорить, многие сочли бы для себя заманчивым обладать неограниченной полицейской властью и отправлять своих сатрапов громить штаб-квартиры политических партий, нарушать парламентскую неприкосновенность и проводить повальные аресты. Но когда политических арестантов пригоняют толпами — что вы тогда станете с ними делать?

Возводить концентрационные лагеря — будет ответом, и, как впоследствии всегда заявлял Геринг, создавались они по примеру тех, которые использовали англичане, чтобы содержать пленных и арестованных африканеров во время Бурской войны. При этом Геринг дополнил их одним нововведением.

— Я объяснял надзирателям лагерей, — говорил он, — что они предназначены не просто для охраны лишенных свободы мужчин и женщин, но и для их перевоспитания и исправления.

Весь март 1933 года, пока продолжались чистки, коммунисты, социалисты и социал-демократы сотнями сгонялись в эти лагеря, контролировать которые было поручено чиновнику, ставшему теперь начальником политического отдела полиции, Рудольфу Дильсу (в апреле 1933 года отдел IA был преобразован Герингом в государственную тайную полицию — гестапо, подведомственную министерству внутренних дел Пруссии, и Дильс был назначен заместителем ее начальника, то есть

Геринга). Информация о лагерях поступала к Герингу через его друга Пилли Кёрнера.

И именно Кёрнер начал направлять Герингу докладные записки, информируя его, что среди тысяч коммунистов и социалистов также арестовано много членов партии «Центр», других католических партий, а также государственных служащих и просто людей, на которых главари штурмовиков, как видно, имели зуб. Более того, начали ходить тревожные слухи, что штурмовики устраивают собственные лагеря в дополнение к тем, о которых распорядился Геринг, и что в этих тайных местах в отношении заключенных творятся неслыханные жестокости. Кёрнер указал, что один из этих «диких лагерей» находится под личным надзором самого Карла Эрнста и что он устроил там что-то вроде цирка, расхаживая среди терроризируемых заключенных и щелкая кнутом. Находившиеся там заключенные были всех возрастов — «а вы понимаете, что это значит», — констатировал Кёрнер. «Маленькие мальчики!» — хмуро объяснил Геринг ахнувшей Эмме.

Сама Эмма тоже сталкивалась с жестокими фактами жизни в новой Германии и знала, что по другую сторону огней рампы в Веймаре творятся ужасные вещи. Скоро ей стало известно и о концлагерях, и она принялась звонить Герингу по просьбам родственников узников, которые знали, что она пользуется благосклонным вниманием министра. Один чиновник в ранге министериаль-директора по фамилии Герман, который работал в управлении внутренних дел в Касселе, был арестован ночью и увезен в лагерь за то, что кто-то слышал, как он критиковал нацистов в винном погребке. Эмма упросила Геринга найти его и освободить. Он сделал это, но пришел в замешательство, обнаружив, что этому человеку уже успели сломать руку и челюсть.

Вскоре ее начали осыпать письмами и телефонными звонками и просить о заступничестве. У Эммы Зоннеман было доброе сердце, и ничья просьба не оставалась без внимания.

Однажды Пилли Кёрнер прислал Герингу записку с информацией, что Эрнста Тельмана, коммунистического вождя, который уже некоторое время сидел в концлагере, жестоко истязают штурмовики с явного одобрения Карла Эрнста. Геринг приказал доставить Тельмана в свой кабинет, и того, поспешно приведя в порядок, привезли в министерство.

Геринг всегда старался поддерживать корректные личные отношения со своими политическими оппонентами в рейхстаге, и, пожав Тельману руку, он первым делом принес ему извинения за обращение, которому тот подвергался. Но добавил:

— Мой дорогой Тельман, я прекрасно понимаю, что если бы вы пришли к власти, меня не стали бы избивать — вы просто сразу сняли бы с меня голову.

Он пообещал наказать любого, кто осмелится в будущем с ним дурно обращаться, но если Тельман надеялся получить свободу, то был разочарован, потому что Геринг вернул его обратно в тот же лагерь, где он содержался. Из-за случаев жестокости, ненужной жестокости, как он это называл, Геринг переживал, но, как сказал впоследствии, «лес рубят — щепки летят».

Что его сильно беспокоило — оттого что создавало угрозу его авторитету, — были незаконные лагеря, которые устраивали штурмовики. Он винил в этом Карла Эрнста, потому что самой дурной славой, наряду с концлагерем самого Эрнста, пользовались те, что принадлежали двум его ближайшим дружкам-гомосексуалистам: гауляйтеру Померании Карпфенштейну, основавшему концлагерь у Штеттина, и обергруппенфюреру Хайнесу, установившему особенно садистский режим в концлагере возле Бреслау.

Наконец, Геринг вызвал Эрнста в свой кабинет, чтобы окончательно с ним разобраться. Но что тогда произошло между ними, никто не знает, известно лишь, что Эрнст вышел от Геринга ухмыляющийся, а тот — вскоре вслед за ним, странно подавленный и бормочущий под нос:

— Когда-нибудь я прибью это чудовище!

По-видимому, Эрнст проигнорировал его. В конце концов Геринг обратился через его голову к самому Рему, и «дикие лагеря» закрыли. Однако когда он отдал распоряжение закрыть четвертый концлагерь, разбитый у Оснабрюка без его разрешения, то натолкнулся на сопротивление не Эрнста и штурмовиков, а Генриха Гиммлера и его эсэсовцев. Эсэсовские охранники не только преградили вход в лагерь полицейским Геринга, они открыли по ним огонь, когда те стали настаивать, вынудив поспешно отступить с одним раненным в живот. Ситуация для Геринга достаточно накалилась, и на этот раз Геринг пошел со своими жалобами прямо к Гитлеру. В результате концлагерь Оснабрюк был закрыт (позднее его опять открыли), а Гиммлеру и Рему было указано избегать в будущем «излишних жестокостей» в отношении заключенных в официальных лагерях. Гиммлер не стал напоминать Гитлеру и Герингу, что он уже создал еще один концлагерь в Дахау, куда доступ всем посторонним (исключая несчастных узников) был закрыт. И он, и Рем согласились с доводами Геринга о необходимости «перевоспитания» и «исправления» заключенных, с тем чтобы «честными немцами»

вернуть их в поток жизни в новой Германии.

И начальник штаба СА, и рейхсфюрер СС презирали Геринга, называя его «брезгливым». Но если Рем открыто смеялся над его «заботами» о заключенных, то Гиммлер свое презрительное отношение к нему за его «слабость» осторожно скрывал.

Не вызывает сомнений, что Герингу претили развязанные в таких масштабах террор и пытки. Как-то он признался Эмме, что никогда не испытывал угрызений совести, стреляя в человека или животное.

— Я охотник по натуре, — сказал он, — и ко мне не приходят дурные сны, связанные с убийствами. Но я никогда не причинял человеку боль, с тем чтобы заставить его страдать. Когда я подстреливал человека на войне, я почитал его как поверженного противника, если он погибал, или заботился о нем, если он был ранен. Я не давал ему вновь сражаться против меня, но при этом я хорошо с ним обращался. Точно так же я всегда предпочитал относиться к любому своему политическому противнику. Зачем мне его мучить? Какое удовольствие от этого получают эти монстры? Застрели его, если ты должен. Но терзать его — так же дурно, как ранить животное и не добивать его.

Коридоры министерства внутренних дел наполнились жутким духом террора и эхом от криков боли, и Геринг, как руководитель этого ведомства, счел необходимым принять соответствующие меры.

Когда Гитлер формировал свое первое коалиционное правительство, одним из назначений, которые получил Геринг, был пост комиссара по делам воздухоплавания, и он сохранил его и после того, как нацисты взяли всю власть. Никто за пределами Германии поначалу не воспринимал эту должность слишком серьезно, потому что было хорошо известно, что, по условиям Версальского договора, иметь военно-воздушные силы рейху было строго запрещено. Это была просто почетная должность, дань уважения старому боевому пилоту, решили союзники и предсказали, что Геринг будет тратить некоторое время, занимаясь вопросами пассажирских и почтовых перевозок «Люфтганзы», а также маленькими аэро- и планерными клубами, составлявшими все «военно-воздушные силы», которые было разрешено иметь Германии.

Согласно Парижскому авиационному соглашению 1926 года, державы-победительницы разрешили германским сухопутным войскам и военно-морскому флоту обучать ежегодно 36 спортивных летчиков. Благодаря особой системе увольнения в запас, после краткой подготовки могло быть обучено небольшое число пилотов, которые потом дополнительно проходили боевую

подготовку за границей. В начале тридцатых годов положения Версальского договора уже настолько изжили себя, что можно было приступить к обучению летных кадров и в немецких школах пилотов гражданской авиации. Однако боевая подготовка здесь все еще не велась; немецкие летчики могли проходить ее только за границей, да и то не в полном объеме. И все-таки к 1933 году удалось подготовить примерно две с половиной тысячи летчиков из состава сухопутной армии и военно-морского флота.

Значительно труднее было решить проблему строительства пригодных для войны самолетов. Согласно Парижскому соглашению 1926 года, на германскую авиационную промышленность налагались ограничения, которые делали невозможным строительство боевых самолетов в Германии. Но некоторые немецкие самолетостроительные фирмы создали «дочерние» предприятия за рубежом, так что построенные там машины могли использоваться для обучения немецких летчиков и испытываться ими. В самой Германии строились только учебные и тренировочные самолеты, вполне пригодные в качестве самолетов-разведчиков.

Чтобы обучить наземные войска взаимодействию с авиацией и практически познакомить летчиков-наблюдателей с разведкой, было создано несколько соединений таких самолетов. Теперь, в 1933 году, германской авиационной промышленности, уже успевшей накопить опыт за границей, предстояло настроиться на производство современных военных самолетов, которых в Германии было еще очень мало.

Герман Геринг никогда не забывал того черного дня в 1918 - м, когда приказал своему полку разбить аэропланы на взлетном поле у Ашаффенбурга, и одним из его главных стремлений в жизни было увидеть возрожденные люфтваффе. С 1929 года он просил в рейхстаге об организации фондов для помощи «Люфтганзе» в ее расширении и укрупнении, потому что знал, что коммерческая фирма будет нанимать и обучать пилотов, которые в один прекрасный день поведут истребители и бомбардировщики. Геринг также боролся за поддержку авиационных фирм, которые в должное время смогут переключиться на выпуск военных машин.

Став комиссаром по делам воздухоплавания, он решил, что, подобно армии, возрождающей свою силу, пестуя «черный рейхсвер», созданный помимо разрешенных союзниками 100 000 солдат регулярных частей, он начнет создавать «черные люфтваффе», которые поднимутся в небо Германии после того, как прекратится действие Версальского договора. Он взял под свой контроль все предприятия, которые можно было

использовать для развития самолетостроения, и объединил их в имперский комиссариат, на основе которого осенью 1933 года было создано министерство авиации. На действительную службу в авиацию возвратилось много бывших офицеров. Свои кадры летчиков — участников первой мировой войны и подготовленных в течение ряда лет пилотов и наблюдателей — выделили армия и флот; внесла свой вклад людьми и подчиненная Герингу полиция. В добровольцах, горевших желанием служить в авиации, недостатка не было. Осенью 1934 года удалось сформировать первые подразделения, большей частью разведывательные эскадрильи.

Когда у власти еще находилось коалиционное правительство, Геринг призвал обратно на службу прежнего адъютанта авиаполка «Рихтгофен» Карла Боденшатца. После окончания первой мировой войны Боденшатц перешел в сухопутные силы и теперь был полковником рейхсвера. Геринг пригласил его к себе на Кайзердамм и с гордостью показал ему картину, изображающую его старую эскадрилью, которую недавно написал и подарил ему художник Клаус Берген. После этого Боденшатц был поведен на экскурсию по апартаментам смотреть его коллекцию произведений искусства, и лишь после того, как Геринг услышал его возгласы восхищения при виде трех картин Лукасов Кранахов (дар города Дрездена), статуи Мадонны (подарок Муссолини) и огромного портрета Карин, он перешел к цели встречи.

— Боденшатц, то, о чем мы так часто говорили в прошлом, становится реальностью, — сказал он. — Я стал комиссаром по делам воздухоплавания, но фактически первым германским министром авиации после окончания войны. То, о чем обещал, когда мы расставались в Ашаффенбурге в 1918-м, я начинаю выполнять — у нас снова будут военно-воздушные силы. Пока речь не идет о военной технике… вы понимаете! Версальский договор пока еще остается в силе. Но к тому времени, когда фюрер закончит политические приготовления, чтобы его отбросить, я хотел бы быть готов. Мне нужен надежный друг, который станет со мной работать, — будете снова у меня адъютантом?

Карл Боденшатц почти не раздумывал. На самом деле он все так же обожал своего прежнего командира и восхищался им до конца своей жизни. Несмотря на то, как менялись внешность, речь или личность Германа Геринга, он всегда видел в этом тучном человеке в пышном мундире того отчаянного, молодого, синеглазого героя первой мировой войны.

— Мне хватило секунды на размышления, и я с радостью в

сердце возобновил с ним сотрудничество, — сказал он впоследствии.

Заполучить к себе Эрхарда Мильха Герингу оказалось куда труднее. В первую мировую войну Мильх служил офицером, причем особенно воинственным и заносчивым, на Западном и Восточном фронтах, дослужился до капитана, а потом, проработав некоторое время в компании «Юнкере», во второй половине 20-х годов, благодаря своим интригам и жесткости в устранении конкурентов, стал у руководства «Люфтганзы» и путем неимоверных усилий вывел эту компанию в число самых передовых и перспективных в мире. Он считал ее своим детищем и гордился ею. Кроме того, до сих пор между ним и Герингом не существовало достаточно близких отношений, во время войны их пути ни разу не пересеклись, и Мильх не находился под каким-то особенным впечатлением от подвигов Геринга. Для него Геринг был просто одним из политиков, которого Мильх субсидировал, чтобы защитить интересы «Люфтганзы» в рейхстаге. Согласитесь, трудно пойти работать к человеку, которому вы сами прежде платили.

28 января 1933 года Геринг отправился к Мильху домой, чтобы сделать ему заманчивое предложение. Он собирался назначить его статс-секретарем министерства авиации, с тем чтобы тот занялся организацией возрождаемых «черных люфтваффе». Но, чтобы добиться своего, Герингу пришлось действовать жестко. Мильх сломался и принял наконец его предложение, лишь когда он привез его к самому Гитлеру. Гитлер сказал ему:

— Слушайте, я знаю вас не слишком хорошо, но вы человек, который смыслит в своем деле, а у нас в партии имеется совсем мало людей, которые разбираются в авиации так же, как вы. Вы *должны* пойти на эту работу. Речь идет не о деле партии, как вы, может быть, думаете… Речь идет о деле Германии — и для Германии необходимо, чтобы вы взялись за выполнение этой задачи.

Как впоследствии признался Мильх, только после этих слов фюрера он решил дать свое согласие.

Когда впервые встал вопрос о назначении Мильха, в кабинет министра тихо вошел хитрый и беспринципный чиновник, ставший начальником тайной полиции, Рудольф Дильс, с досье Мильха в руках, и презрительно ткнул пальцем в соответствующий абзац. Мать Мильха была чистокровной арийкой, но его отец, фармацевт из Бреслау, оказался евреем. Его сын в глазах нацистов тоже был евреем и, следовательно, подлежал преследованию. Согласно принципам партии, Мильх не

только не мог быть статс-секретарем у Геринга, он более не должен был руководить национальной авиакомпанией. О нем вообще не стоило заводить разговора.

Но все было не так однозначно, раз в этом был не заинтересован Герман Геринг.

В Берлин была вызвана мать Мильха, которую убедили ради сына оговорить себя и опозорить мужа. Во что бы то ни стало, сказали ей, необходимо скрыть, что Эрхард является полуевреем, и единственным способом для этого было «доказать», что он — чистый ариец. В конце концов фрау Мильх согласилась дать у нотариуса клятвенное заявление, что во время своего замужества имела тайную связь с неким бароном Германом фон Биром и в результате родила сына.

— Раз уж мы собираемся забрать у него настоящего отца, — усмехнулся Геринг, — пусть хотя бы получит взамен аристократа.

Настоящее свидетельство о рождении было изъято и вместо него подложено новое с указанием фон Бира в качестве отца. Мильх был спасен. После этого в Германии, наверное, не нашлось бы более рьяного приверженца антисемитской политики.

Так Геринг заполучил превоклассного статс-секретаря, который занялся взращиванием его секретных военно-воздушных сил; со временем, чтобы усилить создающиеся формирования, были привлечены многие из его прежних боевых товарищей. Его первый «летный» друг, Бруно Лёрцер, был назначен руководить «Воздушно-спортивным клубом», что было эвфемизмом для тайного тренировочного центра немецких летчиков. Эрнст Удет, служивший вместе с ним в полку «Рихтгофен» и так же, как и он, после войны зарабатывавший на жизнь показательными полетами, был взят в министерство авиации в качестве советника.

30 января 1933 года Геринг принял участие в большой встрече летчиков и авиапроизводителей, которые приехали в Берлин, чтобы отметить двадцать пятую годовщину Германского аэроклуба. Он представил им своих новых сотрудников, а затем сказал, что Гитлер уполномочил его сообщить им хорошие новости. На лицах сидевших перед ним широко известных авиапромышленников он мог видеть скептические выражения как следствие постоянного разочарования, в котором они пребывали до сих пор. Впрочем, с приходом к власти нацистов у них появлялась надежда на возрождение отрасли.

— Согласен с вами, — сказал им Геринг при первом разговоре, когда только прибыл, — ситуация ужасная. Но не беспокойтесь. Скоро все переменится.

Теперь в своем выступлении он проинформировал их, что правительство договорилось о выделении больших кредитов для

авиационной промышленности и будет дан зеленый свет на производство «Юнкерса Ю-52», «Хейнкеля Хе-70», «Фокке-Вульфа ФВ-56» и «летающих лодок» «дорнье».

— Вам понадобятся рабочие руки, — продолжал Геринг, — вы сможете набрать их из числа шести миллионов безработных. Мы направим их на строительство новых аэродромов, заводов, на производство двигателей и сборку самолетов. Мы станем платить людям, которые начнут обучаться летному делу, и привлечем из рейхсвера опытных унтер-офицеров, которые научат их дисциплине. Хотя им и не будет разрешено носить военную форму, они будут обучаться, как настоящие солдаты.

Внимавшая ему затаив дыхание аудитория разразилась бурными криками одобрения, кто-то начал скандировать и остальные присоединились:

— *Heil der Dicke! Heil der Dicke!*[6]Геринг покраснел и расплылся от удовольствия, когда подбежавшие к нему гурьбой дородные пилоты подняли его нелегкий «фюзеляж» себе на плечи и заплясали с ним по залу.

— Смотрите, Герман опять взлетел! — смеясь, крикнул Бруно Лёрцер.

Обвинитель

Эмма Зоннеман имела беззаботный и веселый нрав и не привыкла жаловаться на жизнь, но в ее отношениях с Герингом бывали моменты, когда ее терпение, должно быть, подвергалось жестокому испытанию. К примеру, весной 1933 года ей позвонил из Берлина Ханс Йост, директор Государственного драматического театра, и спросил ее, не желает ли она оставить Веймар и приехать в столицу, чтобы играть ведущую роль в новой пьесе под названием «Шлагетер». Йост прислал ей текст пьесы, и, хотя Эмма не сочла ее шедевром, женская роль показалась ей достаточно драматичной. (Пьеса была посвящена Альберту Шлагетеру, члену одного из подразделений Добровольческого корпуса, который выступал против французов, оккупировавших Рурскую область, был ими арестован в 1923 году, обвинен в саботаже и шпионаже и казнен, после чего превратился в одного из главных нацистских «мучеников».)

Ей еще никогда не приходилось играть в Берлине, и мысль о такой перспективе — мечта любой немецкой актрисы — заставляла ее трепетать. Эмма была убеждена, что предложение поступило исключительно благодаря ее собственным заслугам, ибо она знала, что театры в Германии теперь находятся под контролем Йозефа Геббельса, а его отношения с Герингом в последнее время осложнились, так что у того не было причин устраивать протекцию его женщине.

Эмма выучила первый акт пьесы и попросила Йоста приехать в Веймар, чтобы он послушал ее на репетиции. Тот сразу приехал и, посмотрев ее, сказал, что был совершенно прав, предоставив именно ей эту роль. Только после этого Эмма прервала свой контракт с Веймарским театром и позвонила Герингу, чтобы сообщить ему эти новости. Он порадовался вместе с ней и довольно засмеялся, когда она сказала:

— Я даже не знаю, что мне доставляет больше удовольствия: играть в Берлине или иметь возможность теперь видеть тебя каждый день.

И только оказавшись в Государственном театре, она узнала, что это заведение, да еще оперу, контролировал не Геббельс, а Геринг и вся труппа, уже искренне негодовала по поводу ее появления, думая, что она расчетливо воспользовалась покровительством и теперь ее пристроили в театр в качестве одной из шпионок ее любовника.

У Эммы имелась собственная комнатка в апартаментах Геринга на Кайзердамм, и она ожидала, что теперь будет в ней

жить, но он мягко попросил ее «пока» подыскать себе небольшую отдельную квартиру. В результате она пришла к горестному заключению, что поступила глупо, оставив свою работу в Веймаре. Все, что Геринг мог теперь сделать в такой ситуации — довести дело до конца, и он устроил ее увольнение из театра.

Скоро Эмма обнаружила, что ситуация для нее отнюдь не самая тяжелая. Казалось, Геринг был предан ей больше, чем когда-либо прежде. Он постоянно приходил в ее маленькую квартиру, оставаясь на ночь, был с ней все свое свободное время, и Эмма пришла к мысли, что, видимо, сдерживающим фактором является присутствие в квартире на Кайзердамм его нового слуги, Роберта Кроппа, — Герман, должно быть, не хотел полностью раскрываться при ней. Но позднее она узнала, что в Берлин приезжал Томас фон Кантцов, сын Карин, и Герингу не хотелось, чтобы молодому человеку стало известно, что в его жизни появилась другая женщина.

В это же время Эмма впервые с начала их отношений стала тревожиться за состояние здоровья Геринга. Бодрый и деятельный, каким он выглядел на встрече в Аэроклубе, Геринг на самом деле страдал от переутомления и беспокойства. Он трудился, не зная покоя и отдыха, чтобы привести Гитлера и нацистов к власти, и теперь, когда цель была достигнута, наступила реакция. Внезапно он почувствовал себя ужасно уставшим, и все чаще его стали посещать сомнения — сомнения в правильности действий партии да и в своей личной жизни.

Когда Геринг нервничал, у него просыпался сильный аппетит. А когда он ел, он начинал толстеть. То и дело, даже после того как он побывал днем на банкете, где Геринг обычно ни в чем себе не отказывал, Роберт Кропп заставал его в полночь на кухне уминающим цыплячью ножку или кусок колбасы, запивая их стаканом пивка. Поначалу он краснел и выглядел виноватым, но со временем, когда его отношения со слугой стали проще, он уже не стесняясь будил его среди ночи и говорил:

— Кропп, принесите-ка сыра, сосисок, пирожных и побольше пива! И еще немного взбитых сливок! Весь вечер ничего не ел.

После этого он начинал набивать свой мощный, едва помещающийся в его ночной рубашке с рюшками, живот с наслаждением школьника, устроившего тайное ночное пиршество под одеялом.

В результате его вес быстро достиг 125 килограммов, у него стали отлетать пуговицы, воротники стали тесными, и он начал обильно потеть. Все это только усиливало его неспокойное состояние. Созывались портные, которые пополняли и переделывали растущие кипы его мундиров, костюмов и сорочек

ярких цветов, которые он так любил. Аккуратный, всегда тщательно одевающийся Геринг из-за усиливающейся потливости испытывал к себе растущее отвращение, и именно поэтому он так часто на дню исчезал, появляясь потом в новом кителе или новом костюме. В наше время яркий цвет не привлекает особого внимания, но в Берлине 30-х годов он выглядел как павлин на выгуле, и все сразу обращали внимание, когда он опять менял свою сорочку.

Достигнув веса 125 килограммов, который он определил себе как предел, Геринг начинал жить в строгом режиме саун, прогулок и верховой езды, а также принимать пилюли для похудения, и отчаянными усилиями иногда сбрасывал до пяти килограммов за неделю. Но это значительно ослабляло его, и когда он приходил к Эмме в такое время, то просто падал в кресло и немедленно засыпал — выглядел, по ее словам, «как измученный медведь», а скорее, наверное, как выброшенный на берег кит.

В апреле 1933 года, когда близился к завершению один из таких его отчаянных «похудательных» периодов, Гитлер предложил ему возглавить его первую официальную дипломатическую миссию за рубежом. Он и вице-канцлер фон Папен должны были отправиться в Ватикан и убедить папских советников, что национал-социалистический режим вовсе не антикатолический, как свидетельствовали некоторые кардиналы в самой Германии. Геринг встретил перспективу данной миссии без особого энтузиазма — и в связи со своим физическим состоянием, и из-за того, что он, не испытывая особой антипатии к римской католической церкви, вместе с тем не считал, что ее нужно улещивать. Он предоставил фон Папену самому вести большую часть переговоров со святейшим престолом и отклонил предложение позаботиться об аудиенции для него у папы. Вместо этого он и Мильх, который его сопровождал, провели большую часть своего времени в Риме в компании с командующим итальянскими военно-воздушными силами маршалом Бальбо, тоже бывшим пилотом, и Муссолини. Ночи проходили без сна, в веселье и гульбе, и, когда пришло время отъезда, Геринг находился в сильном утомлении.

Он решил вернуться в Германию в день рождения Гитлера, 20 апреля, и в то время как фон Папен и остальные члены делегации отправились домой поездом, Геринг с Мильхом погрузились на трехмоторный «Юнкерс-52», чтобы полететь в Мюнхен через Милан. Когда они взлетели после дозаправки в Милане, погода начала портиться, и экипаж счел необходимым набрать высоту шесть тысяч метров, чтобы подняться над густыми грядами

таящих опасность грозовых облаков. Скоро самолет резко пошел вверх и когда Мильх зашел в пилотскую кабину, то увидел, что Геринг лежит на спине с широко раскрытыми глазами и пеной на губах.

Перестало хватать кислорода («неудивительно, что он стал задыхаться, — вспоминал потом Мильх, — Геринг начал ощущать нехватку кислорода, едва мы достигли пятисот метров»), а команда забыла взять с собой дополнительный запас на случай чрезвычайной ситуации. Они расстегнули Герингу ворот и плеснули на него водой, но его лицо все равно оставалось синим, а сам он — в полубессознательном состоянии. Между тем большая высота стала сказываться и на экипаже, и самолет сбился с курса. Мильх велел радисту связаться для помощи с Миланом, но ему сказали, что Милан исчез из эфира после отправки с самолета радиопослания благодарности Бальбо и Муссолини за гостеприимство — с того самого момента, как «мы вылетели за итальянскую территорию».

Только через четыре часа они сориентировались с курсом и в конце концов приземлились в Мюнхене. К этому времени Геринг уже пришел в себя и, когда Мильх упомянул на праздничной вечеринке у фюрера о его обмороке, только махнул рукой.

После этого случая внезапно возобновились боли в его старой ране, и Геринг снова начал сильно хромать. Эмма дала ему пилюль, которые она принимала от радикулита, и он почувствовал некоторое облегчение. Постепенно боль ушла, но для него это явилось мрачным напоминанием, что она где-то рядом и может появиться снова, так что ему придется глотать болеутоляющее.

На суде над пятью людьми, обвиняемыми в поджоге рейхстага, который начался в сентябре 1933 года в Лейпциге, Геринг «сел в калошу» и прекрасно понял это. Он принял приглашение стать главным свидетелем обвинения и впоследствии подтвердил Эмме, что это было громадной ошибкой с его стороны. Дело было в том, что, несмотря на свое внешнее безразличие, он оказался сильно уязвленным обвинениями в свой адрес, которые делались в зарубежной прессе, и надеялся воспользоваться судом, чтобы доказать свою полную невиновность. Ему это было бы нетрудно сделать, если бы несчастный Мартинус ван дер Люббе был единственным подсудимым. Его вину было доказать несложно, потому что даже ненацисты соглашались с тем фактом, что он был взят *flagrante delicto*[7] и с готовностью подтвердил свой поджог.

Но дело четырех других обвиняемых — Эрнста Торглера и трех болгарских товарищей, Димитрова, Танева и Попова, было

очень неубедительным, и Геринг знал это. Для признания их виновными требовались предубежденные судьи-нацисты, а этот суд был совсем не таким. Слушание проводилось на основе перекрестного допроса, а это означало, что все, что бы ни сказал Геринг, подвергалось сомнению и дополнительным опросам защитниками обвиняемых или самими обвиняемыми. Один из обвиняемых, Георги Димитров, был грозной личностью со способностями политического оратора и опытом выступления в судах, и он ухватился за представившуюся ему возможность скрестить меч с наци № 2 германского рейха.

Сейчас почти не вызывает сомнений, что для Димитрова не существовало реальной угрозы оказаться казненным национал-социалистами или угодить в концлагерь, даже если бы его признали виновным в организации поджога рейхстага. Вероятно, ему это тоже было известно, так как посещавшие его в тюрьме во время подготовки к суду адвокаты должны были сообщить, что Советское правительство предпринимает энергичные шаги по его освобождению. (Из Москвы уже поступило предложение обменять его на двух схваченных германских шпионов.) Димитров являлся членом Коминтерна и был не просто одним из иностранных красных, но находился в Берлине, когда его арестовали, по заданию Москвы — с 1929 года он возглавлял центральную европейскую секцию Коминтерна. Национал-социалистическое правительство, при всех широкомасштабных антикоммунистических акциях его лидеров в Германии, не имело намерений прерывать отношения с Москвой, и многие в партии были расположены к установлению более тесных отношений с Советским Союзом. В тот период Гитлер никоим образом не хотел провоцировать конфликт с Москвой из-за одного пользующегося наибольшим покровительством эмиссара, особенно с учетом того, что и он, и Геринг знали, что он не виноват в преступлении, в котором его обвиняли.

Поэтому Димитров должен был чувствовать себя вполне уверенно, когда слушал, как Геринг принес клятву и начал давать свои показания. Показания последнего звучали вполне правдоподобно и произносились со всей уверенностью убежденного человека. Он объяснил, как налет на Дом имени Карла Либкнехта помог найти «неопровержимые» доказательства того, что коммунистическая партия планировала устроить в Германии революцию и что все соответствующие приготовления были уже сделаны. Почему тогда, спросили его, он сразу же не взялся за красных? Почему он дождался, чтобы подожгли рейхстаг, а после этого стал действовать так круто?

— Я действовал, подобно военачальнику на поле боя, —

ответил Геринг, — который, имея продуманный план сражения, из-за неожиданных действий противника вынужден менять всю свою тактику.

Он описал с некоторыми подробностями свои собственные действия в вечер поджога, с презрением отвергнув любые предположения, что он сам мог быть причастен к пожару, а затем объяснил, как он и Гитлер пришли к выводу, что в этом виноваты коммунисты и что против них было необходимо предпринять срочные меры.

— Я намеревался немедленно повесить ван дер Люббе, — сказал Геринг, презрительно глянув через зал на голландца, который сидел на своей лавке развалившись, в полной апатии, чем совершенно отличался от остальных обвиняемых. — Я сдержался только потому, что подумал: мы взяли только одного из них, но их должно быть много. Он еще мог понадобиться в качестве свидетеля.

После этого, словно осознав слабость обвинений против этих «остальных», он сказал с вызовом:

— Интуиция подсказывает мне, что это коммунисты подожгли рейхстаг. Пусть судьи решают, как сочтут нужным, но я докажу их виновность, и они получат свое наказание.

Димитров сам вел свою защиту, хотя по-немецки говорил с бесконечными заминками, паузами и ошибками. Теперь он поднялся, чтобы начать перекрестный допрос, и восемьдесят иностранных журналистов на своих местах, отведенных для представителей прессы, подались вперед в предвкушении кульминационной фазы суда.

Она началась довольно спокойно с вопросов болгарина к рейхсминистру, позволяющих шаг за шагом составить картину событий, которые привели к аресту его и его товарищей. Он заставил Геринга признать факт, что тот был не прав, когда заявил, что ван дер Люббе имел в кармане коммунистический партбилет, тогда как полицейские подтвердили, что его не было. Затем Димитров неожиданно сказал:

— Разве не факт, что вы, находясь на вашей должности и обвиняя коммунистическую партию Германии и зарубежных коммунистов, станете препятствовать доведению до конца честного расследования и розыску настоящих поджигателей?

— Нет! — крикнул Геринг и начал возражать, но Димитров перебил его:

— Что предпринято министром для того, чтобы полиция проверила все последние передвижения ван дер Люббе, его пребывание в Кенигсдорфе и его знакомство там с двумя людьми, — что ваша полиция для этого сделала?

(Имеются в виду ходившие в Берлине слухи, что ван дер Люббе познакомился в Кенигсдорфе с двумя нацистами, которые, услышав, что он похвалялся поджечь рейхстаг, увели его с собой.)

Геринг ответил, что он, естественно, сам не ходит по следу, предоставляя заниматься рутиной расследования полиции, и добавил:

— Для меня это — политическое преступление, и я убежден, что преступники будут найдены в вашей партии.

Тут его охватил приступ негодования, и, тряхнув кулаком, он рявкнул:

— Ваша партия — это партия преступников и она должна быть ликвидирована!

Проявленная Герингом несдержанность оказалась на руку Димитрову, и он немедля отреагировал так, чтобы окончательно вывести его из себя.

— Разве министру не известно, — сказал он, — что эта партия правит на шестой части Земли, в Советском Союзе, с которым Германия поддерживает дипломатические, политические и экономические отношения и благодаря которому сотни тысяч немецких рабочих…

Председатель суда подался вперед и резко сказал:

— Я запрещаю вам вести здесь коммунистическую пропаганду.

— Но ведь герр Геринг ведет национал-социалистическую пропаганду, — ответил Димитров, повернувшись к нему. — Разве не факт, что коммунизм в Германии имеет миллионы сторонников?

— Факт, что вы ведете себя нахально! — закричал Геринг. — Факт, что вы появились здесь, чтобы поджечь рейхстаг… Я считаю вас преступником, которого следует отправить на виселицу!

Даже судьи казались смущенными из-за этой вспышки гнева, и председатель, наклонившись в сторону Димитрова, заметил:

— Димитров, я говорил, чтобы вы не вели коммунистическую пропаганду. Вы не должны удивляться, что свидетель пришел в такое возбуждение.

Болгарин улыбнулся.

— Я удовлетворен, — сказал он, очень удовлетворен ответом министра.

Мягкость его тона привела Геринга в дикую ярость, его лицо побагровело.

— Убирайся отсюда, подлец! — заорал он, потрясая кулаком.

Председатель дал знак, чтобы Димитрова увели, но, прежде чем покинуть свое место, он не удержался и нанес последний укол, бросив Герингу:

— Вы боитесь моих вопросов, герр министр-президент?

Вскинув над головой сжатые кулаки, тот проревел так громко, что казалось, его круглое, налитое кровью лицо лопнет от натуги:

— Подожди, пока тебя приведут к нам после этого зала, мерзавец!!!

Да, то было позорным представлением, и тем же вечером подавленный, совершенно павший духом Геринг уехал в Берлин. Он позволил себе попасться, потеряв самообладание, и совершенно испортил планируемый пропагандистский эффект от суда. Ему было стыдно за себя. Он потерял весь интерес к суду и едва отреагировал, узнав, что ван дер Люббе осудили и казнили, а всех остальных оправдали.

Эрнста Торглера освободили, а трех болгар выдворили из Германии. (Торглер был в 1935 году исключен из компартии, в 1949-м вступил в социал-демократическую партию Германии; Димитров в 1935 году стал генсеком исполкома Коминтерна, в 46-м главой болгарского правительства, в 48-м генсеком КПБ, в 49-м умер в Москве.) Что же касается Геринга, он больше не желал о них слышать.

Внешне казалось, что он относится к происшедшему со своим обычным равнодушием, но Роберт Кропп наблюдал обратное. После окончания суда начались постоянные полуночные трапезы, и скоро его кители и рубашки нужно было опять перешивать.

Только в присутствии Гитлера Геринг давал почувствовать, как он обозлен таким исходом суда. Он убеждал фюрера позволить ему немедленно начать «реформу» германской юридической системы, которая будет гарантировать, чтобы высокому правительственному чиновнику оказывалось должное уважение со стороны судей, а подсудимому впредь не предоставлялась в зале суда такая свобода.

Гитлер предлагал ему потерпеть до того времени, когда президент Гинденбург уйдет с политической сцены, и тогда они смогут создать истинную национал-социалистическую систему законов.

Между тем одной из главных задач, которыми в это время был поглощен Геринг, стало укрепление своего положения как правой руки фюрера. Неразумное поведение на Лейпцигском процессе не только уронило его авторитет в глазах германского народа и за рубежом, оно также позволило самому сильному сопернику в партии, Эрнсту Рему, обойти его в плане влияния на Гитлера. 15 сентября 1933 года, за шесть дней до начала суда, Геринг дал почувствовать свое положение и престиж в новом нацистском рейхе, проведя в Берлине марш ста тысяч

штурмовиков и эсэсовцев.

Правда, Рем и Гиммлер тоже стояли рядом с ним на трибуне, однако это именно для него — теперь уже министр-президента (премьер-министра) Пруссии, маршировало четким шагом их воинство, и это он произнес затем зажигательную речь, приветствуя приход в Германию свежей силы национал-социализма. Никогда еще прежде такие торжественные парады не устраивались для кого-либо из нацистских вождей, кроме как для самого фюрера.

Но затем последовало его плачевное выступление в суде. Удар по его авторитету был нанесен такой, что, хотя Гитлер продолжал относиться к нему с прежним уважением, Геринг почувствовал возникшую уязвимость своего положения, когда узнал 1 декабря 1933 года, после того как было провозглашено единство партии и государства, что Рем принят в члены нацистского внутреннего кабинета в качестве министра без портфеля. Но это было не все. В первый день нового, 1934 года в прессу было передано письмо Гитлера его начальнику штаба штурмовиков. Оно заканчивалось словами:

«Поэтому, провожая этот год национал-социалистической революции, я испытываю необходимость поблагодарить тебя, мой дорогой Эрнст Рем, за те незабываемые услуги, которые ты оказал национал-социалистическому движению и германскому народу, и заверить тебя, что я благодарен судьбе за то, что могу назвать такого человека, как ты, своим другом и боевым соратником. С истинно дружеским уважением и признательностью,

Ваш Адольф Гитлер».

Это фамильярное «ты», форма, которую он никогда не использовал, обращаясь к Герингу, подчеркивало близость к нему лидера штурмовиков.

Встревоженный стремительными успехами своего соперника, Геринг, помимо выполнения всех остальных лежащих на нем задач, начал предпринимать усилия, чтобы восстановить свой падающий престиж. Он почти каждый день проводил совещания с Мильхом и Карлом Боденшатцем, разрабатывая новые планы развития и расширения постепенно формирующихся «черных люфтваффе». Он чувствовал, что Гитлер, находясь теперь у власти, озабочен тем, чтобы выставлять респектабельную сторону своего режима, и хотел бы положить конец то и дело появляющимся за рубежом историям о творившихся в Германии антисемитских и антидемократических преследованиях, а особенно слухам об ужасах, творимых в концентрационных лагерях.

За лагеря отвечал Геринг, но он знал, что утрачивает над

ними контроль, который переходил от него к извергам типа Эрнста или безжалостным бюрократам типа Гиммлера. Он решил отдать им их совсем, ибо они только пятнали его репутацию за рубежом и портили его «респектабельность» в глазах Гитлера.

В это же время Геринг оказался втянутым в конфликт с Гиммлером, который на тот момент занимал второстепенный пост полицай-президента Баварии и стремился подчинить себе весь полицейский аппарат рейха. Их объединила общая цель — борьба с Ремом, и ценою заключенного компромисса стала передача Герингом Гиммлеру отделений гестапо в Пруссии.

Но прежде чем передать лагеря и гестапо под контроль Гиммлера, он постарался затмить публичный эффект от письма фюрера Рему, опубликовав объявление об освобождении из лагерей «в качестве новогоднего подарка» в 1934 году пяти тысяч задержанных. В это же время Геринг дал газетам возможность напечатать подробную информацию о финансовой помощи, которую он и его ведомство тем временем оказывало родственникам заключенных, оставшихся в лагерях.

20 апреля 1934 года Геринг назначил Гиммлера заместителем руководителя прусского гестапо, и весь аппарат политической полиции на территории рейха перешел под контроль рейхсфюрера СС. После этого Геринг начал негласно создавать собственную полицейско-шпионскую службу, которую он назвал «ландесполицайгруппе». В ее задачи входили сбор секретных сведений и его личная защита в преддверии приближающейся, как он чувствовал, схватки с набирающим силу главарем штурмовиков.

Кровопускание

Геринг открыл один надежный способ снять напряжение от тревоги за свое положение и прибавку в весе. Каждый раз, когда Гитлер отпускал его, он отправлялся в леса, тянущиеся от Берлина через Пруссию на восток, в направлении польской границы. Там он стал проводить свои выходные, занимаясь охотой и обдумывая некий проект, который был весьма дорог его сердцу.

Геринг стал охотником еще в детстве, когда фон Эпенштейн дал ему в руки его первое ружье в Фельденштейне и научил, как подстреливать дичь на лету, а зайцев на бегу. С тех пор он начал охотиться на более крупных животных и предпочитал опускать ружье, когда ему попадалось что-либо мельче, чем косуля. При этом Геринг никогда не занимался истреблением, всегда стрелял аккуратно и старался, чтобы его добыча погибала быстро и без мучений.

Одним из назначений, которое он получил, когда нацисты пришли к власти, и которое доставляло ему огромное удовольствие, была должность главного охотничего Германии, к которой в 1934 году добавилась должность главного лесничего Германии. Эти должности не были просто синекурами, и Геринг отнесся к своим обязанностям со всей серьезностью.

Если судить сегодня о нем отдельно по тому, что он сделал для животного и растительного мира Германии, его можно только приветствовать как «зеленого», активного борца за охрану природы, обладавшего богатым воображением и добившегося значительных успехов. Находясь на своем посту главного охотничего, Геринг пополнил леса Шорфхайде и Роминтенскую Пустошь зверями и птицами, которые были истреблены или находились на грани исчезновения. Он завез лосей и зубров из Швеции и Канады, диких уток, лебедей и разную дичь из Польши и Испании. В 1934 году он ужесточил германские законы об охоте, сделав обязательной для всех будущих охотников проверку на владение оружием. Он также ввел тяжелые штрафы за отстрел добычи сверх положенной квоты, прекратил охоту верхом и из автомобиля, запретил использование проволочных силков и стальных капканов, а также света при ночной охоте и усилил наказание за браконьерство. (Еще он включил один пункт в закон, запрещающий вивисекцию.)

Следующие несколько лет леса и озера германского рейха могли служить образцом разумного и контролируемого обращения. Как главный лесничий, Геринг утвердил схемы

посадок, которые должны были создать зеленые пояса вокруг всех крупных городов в качестве их «легких» и мест отдыха трудящегося населения.

В своем кабинете он повесил такое изречение: «Тот, кто мучает животных, ранит чувства немцев», и в этом заключена горькая ирония: в то время как его коллеги — министры в нацистском правительстве творили жестокие гонения и террор в отношении немецких людей, Геринг усиленно трудился над тем, чтобы сделать спокойнее и безопаснее жизнь обитавших рядом с ними животных.

Явно пользуясь своим положением на посту премьер-министра Пруссии, он добился того, чтобы ему выделили, как главному лесничему, землю, где он мог бы построить себе среди своих угодий «усадьбу». Геринг выбрал Шорфхайде, огромной протяженности лесной массив с озерами и вересковой пустошью в двух часах езды на северо-восток от Берлина, и убедил правительство объявить специальным декретом площадь в сорок тысяч гектаров зоной, где запрещалось бы строить любые другие здания, с территорией в глубине ее, где он построит свою официальную резиденцию среди заповедника и где будет разрешено охотиться только ему, местным крестьянам и приезжающим к нему гостям.

Будущее поместье Геринг задумал сделать своего рода мемориалом Карин и вкладывал в его создание больше, чем в любой другой проект в своей жизни.

Он выбрал место на берегу небольшого озера Вукерзее в окружении старых дубов и можжевельника. С помощью двух архитекторов, Туха и Хетцельта, дом был возведен за десять месяцев, и его официальный биограф, Эрих Гритцбах, утверждает, что все, от начала и до самого конца, осуществлялось по замыслу самого Геринга.

«То было исполнением мечты, ради которой он трудился всю свою жизнь, — пишет он. — Только благодаря тому, что он держал в голове все детали все эти долгие и трудные годы, стало возможным возвести его в десять коротких месяцев. Он спланировал все: сам особняк, окружающий сад, внутреннее устройство, обстановку, ковры, люстры и светильники и даже дверные ручки и места для своих картин и других произведений искусства. Короче говоря, это его дом во всех смыслах этого слова».

После этого Гритцбах переходит к описанию Каринхалле со всеми деталями этого грандиозного сооружения, лесного массива, достойного какого-нибудь средневекового феодала, с огромным внутренним двором, окруженным крытыми соломой домами, с

тщательно устроенными клумбами и прудом с лилиями и конной статуей обнаженного охотника, стреляющего из лука. Но свое описание он сделал в 1937 году, в 1934-м это был более простой и скромный большущий дом, и многое Геринг устроил уже позднее, когда стал богаче.

На тот момент большая часть расходов пошла на сооружение, возводимое по другую сторону озера. Там строился мавзолей Карин. Летом 1933 года Геринг поехал в Стокгольм, чтобы присутствовать на бракосочетании одной из дочерей графа фон Розена, и, находясь там, возложил на могилу Карин венок. К венку была прикреплена свастика, и шведские антифашисты сняли ее, оставив записку с обвинениями в его адрес, что он использует могилу жены для пропаганды. Испытав боль от «этого осквернения», Геринг отправился в одну фирму в Стокгольме и заказал там огромный оловянный гроб, который бы вместил и его тело, и останки его жены. Затем он получил от фон Фоков разрешение и сделал необходимые приготовления для перевоза останков Карин в Германию. Ей предстояло лежать в мавзолее на другой стороне озера, на виду из его окна, до той поры, пока ему не придет время присоединиться к ней.

10 июня 1934 года Геринг устроил свой первый прием в Каринхалле, пригласив к себе членов дипломатического корпуса. Среди прибывших были британский посол сэр Эрик Фиппс, американский посол Томас Додд, итальянский посол синьор Энрико Черутти с супругой. Сэр Эрик Фиппс, который в это время значительно меньше страшился нацистов, чем впоследствии, решил, что Герман Геринг — своего рода шут германской революции, и свой первый длинный отчет в Форин офис (министерство иностранных дел). он посвятил ироничному описанию его прибытия для встречи гостей. Они собрались на полянке в лесу, а Геринг приехал к ним позднее на большом гоночном автомобиле и, лихо затормозив, вышел, облаченный в «авиаторский костюм из кожи, высокие сапоги и с огромным охотничьим ножом, заткнутым за пояс». Можно представить, как, должно быть, искривились аристократические губы сэра Эрика, когда он начал описывать в отчете, как Геринг с микрофоном в руке стал читать своим гостям лекцию о флоре и фауне Германии и о том, какие конкретно шаги он предпринимает для их процветания. Он показал образцы различных животных, которых завез из-за рубежа для пополнения лесов, а напоследок повел всех к загону, где был виден один из зубров, привезенных из канадского заповедника, увлеченный собранными для него коровами. Что ж, идея не была совсем уж нелепой.

«Несчастное животное вышло из своего загона с крайней

неохотой, — ехидно отмечает сэр Эрик, — и, грустно оглянувшись на коров, попыталось вернуться обратно».

Их хозяин вновь умчался на своем гоночном автомобиле, оставив гостей следовать по дороге через лес к Каринхалле. Там он ожидал их у входа, одетый теперь в белые спортивные штаны, белые теннисные туфли, белую фланелевую рубашку и зеленую кожаную куртку, с охотничьим ножом, по-прежнему торчащим из-за пояса.

Это был первый случай, когда Геринг смог показать иностранным гостям свое творение и, представ перед ними гордым хозяином такого дома, должен был вызвать, хотя бы у американца, вполне определенные ассоциации.

Дело в том, что этой теме в то время были посвящены многие голливудские фильмы, и «Mr. Blandings Builds His Dream House»[8] был одним из самых кассовых фильмов в Соединенных Штатах. Как и мистер Бландингс, Герман Геринг возвел свой дом сам, и ему можно было простить некоторое самодовольство, с которым он показывал гостям комнату за комнатой. Однако посла Додда было трудно чем-то удивить, и он полагал, что их хозяин слишком вульгарен, «демонстрируя свое тщеславие на каждом шагу». Ему было непонятно, зачем Геринг во время своей экскурсии держал в руках «чудной, похожий на гарпун, инструмент» (на самом деле это было скандинавское охотничье копье, и Геринг искал место, куда бы его повесить, готовясь к приезду фон Розена на следующий день).

Наконец гостей собрали в огромной гостиной, где они впервые были представлены Эмме Зоннеман. Геринг постоянно говорил о ней как о своем секретаре, но не пытался скрывать, что это секретарь особый, так как часто брал ее за талию и обнимал. После застолья, на котором Эмма выступала в качестве хозяйки, гостей провели мимо озера к мавзолею Карин, который Геринг показал им с такой же гордостью, обратив их внимание на толщину стен и свода, за которыми скоро будет лежать его умершая супруга, а «когда придет время, и я лягу рядом с ней».

На синьору Черутти все это произвело сильное впечатление, и когда Геринг не мог слышать, она призналась своим компаньонам, что он представляется ей великолепным и очаровательным анахронизмом.

— Своим пониманием роскоши он напоминает мне наших сиятельных Борджиа, — сказала она, выбрав, возможно, не лучшее сравнение. Додд резко ответил, что ему кажется странным, что их хозяину позволили осуществить такой сложный и дорогой проект в Германии, экономическая ситуация в которой столь ужасна.

Сэр Эрик Фиппс заканчивает свой доклад словами, что, «утомившись этим странным показом», он тихо ушел, и так же поступил и посол Додд.

19 июня 1934 года, через несколько дней после показа Герингом мавзолея его надменным гостям, тело Карин Геринг было изъято из могилы на церковном дворике в Лувё, недалеко от Дроттнингхольма. Томас фон Кантцов, фон Фоки, фон Розены, князь и княгиня цу Виды, генерал Веке из рейхсвера, полковник Карл Боденшатц, почетный караул из германской торпедной флотилии и два шведских нациста с флагами со свастикой присутствовали при погрузке гроба в железнодорожный вагон, в котором ему предстояло доехать до парома в Сасснитце для отправки в Германию. На дроттнингхольмской церкви ударили в колокола, а в Германии все деревни Восточной Пруссии, через которые проходил поезд, были убраны черным. Был объявлен специальный выходной, чтобы женщины и дети могли собраться и посмотреть на проезжающий мимо вагон, украшенный венками и зелеными ветвями.

Сестра Карин, Фанни, естественно, оказалась на месте, чтобы описать тот момент, когда поезд прибыл на станцию Эберсвальде, и гроб был опущен на открытый катафалк, чтобы проследовать в Каринхалле.

«Повсюду стояли черные обелиски с пылающими факелами, играл оркестр, — пишет она. — На лошадях прямо и неподвижно сидели всадники, старые матери бросали цветы, а школьники смотрели широко открытыми, серьезными глазами на стоявшего впереди Германа Геринга, который наконец смог привезти свою усопшую супругу домой.

Катафалк медленно тронулся и покатил вдоль шеренги людей по дороге в Шорфхайде. На всем пути его сопровождали звон колоколов окрестных деревушек и глубокое сочувствие всех, кто его видел и кто никогда не забудет эту процессию к месту упокоения».

На торжественную траурную церемонию прибыли все шведские родственники Карин, включая Томаса, а также Адольф Гитлер вместе с большинством лидеров нацистской партии. (Генрих Гиммлер приехал позднее, возбужденно восклицая, что кто-то пытался застрелить его, когда он ехал через лес. На его автомобиле виднелись пулевые отверстия, но кто их сделал, так и осталось тайной.) Фюрер прибыл точно в двенадцать, и церемония началась. Пожалуй, только Фанни и могла должным образом описать, как все происходило.

«Очаровательным, просто каким-то сказочным, было это тихое место немецкого леса, и возникало чувство, что сверху на

нас взирают духи древности, — повествует она. — Каменные ступени спускались к входу в склеп. Внутри него имелось меленькое цветное темно-голубое окно, свет из которого падал на покрытые кафелем стены. Сверху, на земле, был установлен тот самый надгробный камень, который лежал на могиле в Лувё, в окружении шведской земли; рядом росли прелестные цветы. Когда саркофаг Карин стали устанавливать на открытом месте, раздалась приглушенная барабанная дробь, затем послышались звуки похоронного марша из „Сумерек богов“ Вагнера. Был возложен огромный венок от фюрера, как его последняя дань женщине, которая была так крепко и искренне предана „третьему рейху“ и во имя него умерла. Затем началась служба… Едва она закончилась, как с дальней стороны озера послышались звуки охотничьих рогов егерей, отдающих Карин последние почести».

Свое описание Фанни заканчивает такими словами:

«Когда гости удалились, а саркофаг Карин был поставлен в склеп, Герман Геринг сам поправил каждый венок, каждый букет цветов на нем. Небо было темно-синим и спокойным, без единого облачка, но со множеством звезд. Осиротелый человек наконец привез свою святыню домой».

Несомненно, прошедший день был для Геринга полон душевных переживаний, но было бы неправдой сказать, что в его завершение он остался в одиночестве без человеческого тепла. С ним была не только Эмма — Томас фон Кантцов тоже остался, чтобы разделить с отчимом воспоминания об этом волнующем, хотя и печальном дне.

Эмма Зоннеман, при всей своей практичности, никогда не проявляла ревности по поводу любви, которую ее Геринг продолжал испытывать к умершей жене, и в немалой степени благодаря ее неподдельному сочувствию Томас примирился с тем фактом, что в жизнь его отчима вошла другая женщина. Эти выходные, которые они провели втроем, и теплые отношения, которые быстро установились между Эммой и одиноким Томасом фон Кантцовом, по-видимому, помогли Герингу оформить планы на свою дальнейшую личную жизнь.

До этого момента в партии среди тех, кто любил чесать языки, было немало таких, кто бы мог поклясться, что Эмма никогда не станет для Геринга больше, чем любовницей. Но Геринг, видя, что Томас явно одобрил его выбор, и заметив материнское отношение Эммы к несчастному молодому человеку, отбросил все сомнения относительно своей мягкосердечной актрисы. Теперь он стал не только постоянно бывать вместе с Эммой на людях, он и показался с нею в присутствии Гитлера и пережил момент безграничной радости, когда фюрер показал, что

и он искренне одобряет его выбор.

К лету 1934 года Эмма дала знать всем своим театральным друзьям, что она без ума от Германа Геринга. Она обожала его чрезмерно пышную и яркую манеру одеваться, его мощный, в три обхвата, торс (сама она тоже отнюдь не была худенькой), наслаждалась его остроумием, разделяла его вкусы в музыке и искусстве и любила его откровенную манеру высказываться.

Но она пришла в некоторое замешательство, когда обнаружила, что, каким бы прямолинейным он ни был с остальными, в присутствии Адольфа Гитлера Геринг терял ощущение своей индивидуальности и начинал покорно поддакивать и соглашаться со всем, что изрекал фюрер.

«Это было так заметно, что даже моя восемнадцатилетняя племянница заметила, — написала позднее Эмма, — поскольку она находилась со мной большую часть времени, то виделась на неофициальных встречах не только с Германом, но и с Адольфом Гитлером. Ей очень нравился ее „дядя“ Герман и ей было невмоготу постоянно слышать его эхом звучащее „да“ Адольфу Гитлеру, который ей совершенно не нравился. „Он соглашается, — говорила она мне, — даже когда его мнение совершенно противоположно. Дядя Герман такая сильная личность. Почему он так слепо принимает все, что бы ни сказал Гитлер?“»

Однако такое свойство натуры не было чем-то необычным среди членов гитлеровского окружения. В своих мемуарах, написанных много лет спустя, Альберт Шпеер, «придворный» архитектор Гитлера, гораздо более резко, чем Эмма, отзывается о подобострастном отношении Геринга к фюреру. Однако и сам Шпеер никогда не говорил «нет» вождю партии в те дни, зная, что этим может лишить себя его благоволения (и возможности для архитектурной деятельности), которым он теперь пользовался.

Примерно как раз в это время Геринг привлек Шпеера для реконструкции своей новой официальной резиденции. Объектом, который он для этого выбрал, было здание, почти дворец, построенный для прусского министра торговли перед самым 1914 годом и располагавшийся в одном из парков за Лейпцигерплатц. Согласно инструкциям Геринга, резиденция была переделана лишь несколько месяцев назад, но Гитлер, который как-то пришел, чтобы на нее взглянуть, отпустил по ее поводу такой комментарий:

— Мрак! Как можно жить в такой темноте? Вот посмотрите на работы моего профессора: вокруг все светло, просторно и просто!

Вскоре после этого Геринг, спросив позволения у Гитлера,

привез Шпеера смотреть дворец, и тот нашел по-своему романтической запутанность множества маленьких комнат с мрачными окнами и темными бархатными портьерами, загроможденных массивной мебелью под эпоху Ренессанса. В комнатке, судя по всему, служившей часовней, на самом видном месте красовалась свастика, но и в других помещениях этот знак можно было увидеть на стенах, потолках и полах.

«Возникало впечатление, что здесь часто проводились какие-то мрачные, торжественные ритуалы, — пишет Шпеер и продолжает: — Критика Гитлера или просто желание ему подражать вызывали немедленные изменения в Геринге. Он сразу отказался от своего проекта внутренней отделки, которую только что закончил, хотя должен был себя чувствовать при ней вполне комфортно, ибо она, вероятно, больше соответствовала его натуре. „Не смотрите на это, — сказал он мне. — Я и сам это видеть не могу. В общем, делайте, как вам нравится, даю вам полную свободу. Ставлю только одно условие: пусть все будет, как у фюрера“».

Шпееру это условие вполне подходило, а «деньги, как обычно, никакой роли для Геринга не играли», поэтому он вынес кучу обломков стен и сделал на первом этаже четыре просторных помещения. Самое большое, площадью 140 квадратных метров, должно было стать кабинетом Геринга, а к нему добавили пристройку из застекленных бронзовых каркасов. Бронза в это время в Германии считалась дефицитным материалом, и за ее произвольный расход полагались огромные штрафы, но Геринга, замечает Шпеер, это ничуть не смущало (так же как, похоже, и самого Шпеера в то время). «Он приходил в восторг каждый раз, когда являлся с проверкой, — пишет далее Шпеер, — сиял, как ребенок в день своего рождения, посмеивался и потирал руки».

Совещания по реконструкции новой резиденции Геринга обычно проходили в его председательском дворце у рейхстага. Помимо Шпеера в них принимал участие руководивший работами директор архитектурно-строительных мастерских, почтенный старичок, который хотел понравиться Герингу, но терялся из-за его резких, начальственных манер. Комната, где они собирались, была отделана в стиле вильгельмовского неорококо, и ее снизу доверху украшал барельеф из роз, который Шпеер назвал воплощением мерзости. И вот однажды Геринг, перемигнувшись со Шпеером, решил разыграть директора, который, по всей видимости, был того же мнения об этом декоре, что и они, и заставить его переменить свое отношение на прямо противоположное. После этого, указывая на розы на стене, он стал говорить, как его восхищает этот узор, и спрашивать, что

думает о нем директор. Совесть художника начала в нем бороться с желанием не портить отношения с высокопоставленным заказчиком, так что на лбу бедняги выступил пот, но Геринг продолжал нахваливать розы и спрашивать его мнение; в конце концов тот сломался и выразил согласие, что декор восхитительный.

— Все они такие! — презрительно бросил потом Геринг.

Шпеер с ним согласился. «Они действительно были такими, — написал он, — в том числе и сам Геринг, который теперь без устали расписывал за трапезами у Гитлера, каким просторным и светлым будет его дом: „Ну совершенно как ваш, мой фюрер“. Если бы Гитлер вдруг захотел украсить свои стены розами, Геринг распорядился бы сделать то же самое».

Когда перестройка дворца была закончена, Геринг засел в своем огромном новом кабинете (он был почти таким же просторным, как гитлеровский) за гигантский стол эпохи Ренессанса, на кресло с высокой спинкой, которое выглядело как трон какого-нибудь герцога. На столе стояли два серебряных светильника с очень большими пергаментными абажурами и сильно увеличенная фотография Гитлера. В холле Геринг приказал повесить на стену картину «Диана на оленьей охоте» Рубенса, которую он «одолжил» у музея кайзера Фридриха; нажатием кнопки она поднималась под самый потолок, и тогда открывалось окошко кинобудки.

Утро каждого рабочего дня Геринг начинал с прочтения полученных «перехватов». Одной из последних служб, которые ему сослужил Дильс, прежде чем гестапо было передано Гиммлеру, было знакомство его с новым электронным устройством, которое попало к Дильсу из-за границы. Это устройство позволяло прослушивать телефонные разговоры, и Дильс хотел, чтобы его шеф узнал о его существовании ради собственной безопасности, прежде чем он отнесет его в органы разведки. Но Геринг и не подумал его отдавать, решив оставить техническую новинку под своим контролем, и убедил Гитлера дать на это согласие. Он передал ее в свое полицейское управление и отдал распоряжение собственной разведывательной службе сделать из нее свой главный инструмент. Эта служба была организована под безобидно звучащим названием «Научно-исследовательский институт Германа Геринга» и со временем стала насчитывать три тысячи сотрудников, которые занимались прослушиванием всех типов линий дальней связи, расшифровкой кодов и осуществлением общего контроля источников информации, включая иностранные посольства, газетчиков и партийных функционеров.

Но для начала Геринг дал команду сотрудникам «исследовательской» службы начать прослушивать телефоны лиц из списка, который он составил с помощью своего статс-секретаря Пилли Кёрнера. Он включал всех членов правительственного кабинета фюрера, за исключением самого Гитлера (Геринг никогда бы не осмелился ставить «жучки» своему герою-вождю), главарей штурмовиков, в первую очередь Рема, некоторых армейских генералов и некоторых послов и посольств. Он дал указания представлять ему каждое утро краткое содержание всех переговоров, а те беседы, где упоминался он лично, передавать полностью.

Результатом стал ежедневный ворох информации, в том числе занятной и любопытной. Например, он с явным удовольствием и ухмылкой знакомился с регулярными звонками Йозефу Геббельсу его последней актрисочки — дорога в звезды в Германии теперь пролегала через спальню министра народного просвещения и пропаганды. Он читал все последние шутки и анекдоты, которыми перебрасывались армейские офицеры и партийные — о себе самом. (Его любимым был: «Почему вчера вечером все автоводители на Унтер-ден-Линден были ослеплены невыносимо ярким светом? Потому что навстречу им попался Герман, который шел в свою контору при всех медалях».) «Жучок» установили даже на телефон в квартире у Эммы, и Геринг был немало раздражен, узнав, что она продолжает поддерживать контакты с несколькими еврейскими актерами и актрисами, своими прежними друзьями, давно уволенными из Веймарского и Государственного театров.

Но самое серьезное его внимание привлекли телефонные разговоры военного министра, генерала Вернера фон Бломберга, а также переговоры начальника штаба СА Эрнста Рема и группенфюрера Карла Эрнста, его главного представителя в Берлине. Беседы фон Бломберга с различными офицерами рейхсвера выдавали его растущее беспокойство в связи с усиливающейся активностью штурмовиков и его опасения относительно амбиций «этого извращенца» Рема, который, как он подозревал, хотел объединить армию и штурмовиков в одну силу и самому стать ее главнокомандующим. Частые телефонные совещания Рема и Эрнста подтверждали, что они действительно обдумывали такой план. Однако насторожиться Геринга заставило другое. Упоминая о нем, и тот и другой проявляли явную враждебность и, называя его по имени, обычно говорили «этот боров Геринг» (Эмма упоминалась как «свинья Геринга»), но еще чаще они оба называли его «герр Реакция» и с энтузиазмом говорили о «дне», когда этот друг больших боссов будет сметен с

их пути, а истинные цели национал-социалистической революции будут достигнуты. Он невесело усмехнулся, читая запись одного разговора, в котором Эрнст выражал сожаление, что Геринг избавился от телохранителей-штурмовиков, которых он ему предоставил (Геринг заменил их собственной охраной), так как «с их помощью было бы легче вышибить борову мозги, когда придет время».

Посчитав, что рейхсфюрер СС был для Рема не меньшим врагом, чем он сам, — и это на самом деле было так — Геринг переговорил о том, что узнал, с Генрихом Гиммлером (не сообщив, впрочем, как он об этом узнал). За тихими манерами, бесцветной внешностью и лицом школьного учителя Гиммлера скрывалось его крайнее властолюбие. До тех пор, пока Рем держал их штурмовиков вооруженными, обученными и готовыми к действиям, они будут являться силой, превосходящей СС, и представлять угрозу для всякого, кто окажется не согласен с теми видами на будущее Германии, которые имел Рем. На этом этапе Гиммлер был нужен Герингу.

Проблема заключалась в том, как им вдвоем доказать Гитлеру, что он находится в такой же опасности, как и они, из-за растущей силы и агрессивности Рема. Для этого было необходимо собрать убедительные изобличающие факты, и Гиммлер с помощью гестапо обещал сделать это. Однако убедить Гитлера было нелегким делом. Рем всегда был одним из наиболее близких фюреру «старых борцов» и редким человеком в партии, кому было позволено использовать при обращении к нему фамильярное «ты». Было известно, что Гитлер сильно напрягался и тем не менее терпел, улыбаясь, когда Рем обхватывал его руками и обнимал — его, кто всегда был так сдержан на публике, что никогда не прикасался даже к Еве Браун и не позволял себе с ней никаких нежностей. И наконец, хотя он знал, что Рем и многие из его ближайших помощников были наглыми гомосексуалистами, Гитлер, который был склонен относиться к сексу скорее по-пуритански, тем не менее мирился с подобными наклонностями своего начальника штаба.

Как скоро выяснилось, совсем не трудным делом оказалось раздобыть доказательства того, что Рем представляет угрозу для стабильности «третьего рейха», так как фюрер штурмовиков был достаточно уверен в своих силах, чтобы пытаться скрывать свои мысли или планы. В это время происходил непрерывный рост численности штурмовиков, к концу 1933 года они насчитывали в своих рядах уже два миллиона, и к февралю 1934 года Рем стал настолько самоуверен, что предложил на заседании кабинета создать «народную армию», слив СА, СС и рейхсвер, а себя

назначить военным министром. При этом он сослался на программу НСДАП, где в одном из пунктов содержалось требование упразднить наемную армию и заменить ее народной армией, и привел цитату из «Майн кампф», в которой говорилось, что отряды штурмовиков должны составить ядро новой армии. Предложение было отвергнуто, но, когда о нем узнали военные, они засыпали генерала фон Бломберга протестами. Перспектива того, что армия окажется поглощенной хулиганами и извращенцами Рема, крайне возмутила и встревожила их, и фон Бломберг, не желавший к тому же расставаться со своим креслом в военном министерстве, устремился из него прямо к Гитлеру.

В первый раз Гитлер забеспокоился. В этот момент он никоим образом не хотел ссориться с военными. Старый президент Гинденбург наконец стал проявлять признаки бренности, и Гитлер был крайне озабочен тем, чтобы, когда это случится, стать его преемником. Для поддержки национального единства, которое олицетворялось бы его персоной, ему было необходимо утвердиться в качестве рейхспрезидента, а для этого Гитлеру была нужна поддержка армии. Военные могли легко обратиться к идее регентства после смерти Гинденбурга, которое, как считали, старый президент собирался предложить в своем грядущем завещании. Это могло означать, что рейхсвер поддержит своего рода реставрацию монархии с принцем Августом Вильгельмом, замещающим своего отсутствующего отца Вильгельма II. Гитлер, разумеется, был озабочен тем, чтобы отвратить их от этой затеи. В результате он пообещал фон Бломбергу, что не позволит Рему и его штурмовикам объединиться с армией.

Между тем продолжался стремительный рост штурмовых отрядов, куда вливались также бывшие коммунисты и члены других упраздненных левых организаций (их называли «бифштексами» — «коричневыми» снаружи и «красными» внутри), усиливая в СА радикальный элемент, и вскоре их численность достигла трех миллионов. Рем, совершая инспекционные поездки по подчиненным ему частям, открыто заявлял о приближающейся «второй национал-социалистической революции». Вместе с тем у военного министра установились с ним уже непрекращающиеся трения, и в течение апреля и мая фон Бломберг не переставая жаловался Гитлеру на действия и наглость штурмовиков. Недовольство генералов возрастающими притязаниями СА грозило достигнуть критической отметки..

Наконец в мае Гитлер, сопровождаемый фон Бломбергом, отправился на «карманном линкоре» «Дойчланд» на морские маневры в воды Восточной Пруссии вместе с командующими сухопутными силами и военно-морским флотом и провел с ними

переговоры. Заявив о своем намерении стать главой государства после смерти Гинденбурга, он пообещал в обмен на поддержку военных обуздать буйную вольницу штурмовиков и сильно сократить их как военную силу.

В мае, после совещания руководства рейхсвера, такая поддержка ему была обещана. Геринг и Гиммлер сочли этот момент вполне подходящим, чтобы представить Гитлеру досье, которые они собрали на Рема и его приспешников. Гестапо хорошо поработало, и его отчеты о том, что творится в недавно открытой штаб-квартире штурмовиков в Берлине, заставили фюрера сморщиться от отвращения. Они содержали подробности и фотоснимки имевших там место оргий и подшивку писем — жалоб рассерженных родителей, негодующих по поводу того, что их сыновья растлеваются развращенными начальниками, у которых они оказались, придя в СА.

Ему также показали стенограмму беседы генерала фон Шлейхера, бывшего канцлера, не забывшего Гитлеру своего унижения в январе 1933-го и поддерживавшего с Ремом дружеские отношения, с французским послом в Берлине Андре Франсуа-Понсе (Геринг не стал объяснять, как оно было получено, — разумеется, это был один из его «перехватов»). Француз несколько раз упомянул о встрече, которая недавно состоялась между ним, Шлейхером, Грегором Штрассером и Ремом, после которой он передал в Париж, что стоит приостановить все переговоры с Берлином, «дождавшись смены режима».

Именно этот момент подействовал на Гитлера сильнее всего, и он начал бушевать, выплескивая на присутствующих отвратительную смесь ярости и страха. Он немедленно вызвал Рема, и между ними состоялось бурное объяснение, которое длилось много часов. Фюрер нападал на лидера штурмовиков за его моральную распущенность и велел ему распустить его гарем, обуздать сексуальные бесчинства его штаба и изменить саму сущность его руководства. Он также сказал ему, что оружейные склады, которые теперь строили штурмовики, надо передать рейхсверу, а сам Рем должен показать военным, что он не собирается вытеснять их или брать над ними власть. И наконец, Гитлер обратился к Рему, как к своему старому товарищу, с просьбой о сотрудничестве и указал, что ввиду неизбежности скорой смерти Гинденбурга любой безрассудный поступок со стороны штурмовиков может стоить ему карьеры.

Ответы Рема были дерзкими и непреклонными. Говорят, что он резко упрекал Гитлера в «предательстве революции», заявляя, что тот поддался реакционерам типа Геринга, который озабочен

только обустройством своего гнезда и хорошими отношениями с воротилами большого бизнеса. Он побуждал Гитлера плюнуть на рейхсвер и взять власть, устранив влияние военных с помощью штурмовиков.

С этого дня, 4 июня, Гитлер стал всецело на сторону Геринга, укрепившись во мнении, что, если он хочет стать верховным главой рейха, у него только один путь к этому — по «растоптанным в пыль» штурмовикам.

7 июня Рем, который был болен, уехал из Берлина в отпуск в санаторий «Ханзльбауэр» в Бад-Висзее, на озеро Тегернзее в Верхней Баварии. Его сомнительный дружок Эдмунд Хайнес, обергруппенфюрер СА, поехал вместе с ним. Прибыв туда, Рем направил в отдел печати своего штаба коммюнике для своих штурмовиков, в котором объявлял, что все они с 1 июля уходят на месяц в отпуск, и с угрозой добавлял, что «тем врагам СА», которые распространяют слухи о расформировании штурмовых отрядов, «будет дан соответствующий ответ в должное время и в той форме, в какой это будет необходимо». Свое обращение он закончил словами: «СА являются и останутся судьбой Германии» и не добавил обычного «Хайль Гитлер!»

Геринг не имел сомнений относительно того, кого он имел в виду, говоря о «врагах СА», поскольку его сотрудники вскоре принесли новые перехваты разговоров между Ремом и Карлом Эрнстом, во время которых оба с удовольствием рассуждали о том, как они разделаются с «этим боровом Герингом», когда наступит «должное время».

— Я собственноручно буду срезать ломти с его жирной туши, — говорил Эрнст, — пока он не станет вдвое тоньше, и только после этого воткну кинжал ему в горло.

— Давай-давай, — смеясь отвечал ему Рем, — но смотри, не сожри эти куски — мясо есть не приветствуется!

В отличие от Гитлера, откровенно опасавшегося оборота, который грозили принять события, Геринг ожидал вызов Рема и надвигающуюся пробу сил с энтузиазмом и даже некоторым азартом. Более того, фактор смертельной опасности обострял его разум. Просматривая стенограммы телефонных разговоров Эрнста и Рема, Геринг обратил внимание на то, как часто Эрнст, усмехаясь, говорил, что его «отпуск» обещает оказаться не таким приятным, как у Рема. Он снова внимательно проглядел все записи и пришел к выводу, что Эрнст не собирался уезжать в отпуск совсем. Он предложил Гиммлеру провести расследование, и скоро ему доложили: действительно, Эрнст говорил, что он откладывает свой медовый месяц (несколько дней назад Эрнст женился, причем на свадьбе присутствовал и Гитлер, а Геринг

был шафером), и объявил командирам своих 280 000 штурмовиков Берлинского округа, что распоряжение Рема их не касается и что они должны держать своих людей наготове.

Геринг сообщил об этом Гитлеру, фон Бломбергу и Гиммлеру. 25 июня командующий рейхсвером генерал Вернер фон Фрич без лишнего шума привел войска в состояние боевой готовности, Гиммлер отдал такой же приказ частям СС. На следующий день Гитлер предпринял последний шаг навстречу Рему в последней надежде на сближение. Он отправил своего самого доверенного человека и заместителя по партии Рудольфа Гесса в Кельн, где он произнес речь, в которой призвал «определенные элементы в партии» отказаться от их требований «второй революции». Такие революции, говорил Гесс, не подходят Германии, и незачем брать пример с «крошечных экзотических республик с их ежегодными маленькими революциями», намекая на службу Рема в Южной Америке, и обещал, что все простится и забудется.

Для Геринга было очевидно, что ничего хорошего из подобных попыток примирения не получится и они только укрепят Рема в мнении, что он неустраним, и, должно быть, порадовался, когда фюрер штурмовиков ответил полным молчанием. Вместо этого он отправил телеграмму с указанием всем лидерам штурмовиков прибыть 30 июня, в субботу, к нему в Бад-Висзее — на «совещание».

Тем временем Гитлер, чувствуя себя не в состоянии принять решение, пришел в смятение. Последнюю неделю июня он провел, мотаясь из одного конца рейха в другой: то он поехал в Южную Германию открывать новую альпийскую дорогу, потом на северо-запад, в Эссен, на свадьбу гауляйтера Тербовена и, наконец, в Бад-Годесберг, недалеко от Бонна, где остановился в гостинице старого партийного соратника. Он сидел на террасе, выходившей на Рейн, и пока энтузиасты организации «Сила в радости», культурно-развлекательного отделения Трудового фронта, представляли для него факельные показательные выступления, он нервничал и путался в мыслях.

Между тем Геринг решил, что больше не следует предпринимать никаких примирительных жестов в отношении главаря штурмовиков и что развязка уже близко — независимо от того, как долго будет колебаться фюрер. Он был убежден, что это самый серьезный вызов лидерству Гитлера со времен Мюнхенского путча и что может разразиться война, в которой будет немало убитых. Он не имел намерения оказаться одним из них и начал составлять список наиболее опасных штурмовиков.

28 июня по совету Геринга был сделаны все приготовления к гражданской войне. Были вызваны полицейские подкрепления,

созданы специальные отряды, части СС приведены в состояние боевой готовности. На следующее утро, знакомясь с перехватами, Геринг обнаружил беседу Карла Эрнста с одним из полицейских инспекторов, который информировал его о производимых приготовлениях. Имя инспектора пополнило его список.

Вскоре после этого министру-президенту позвонил сам Карл Эрнст. Что означает вся эта «мобилизация»? Геринг чего-то опасается? Может, ему нужна помощь? Пусть он только скажет — штурмовики всегда готовы.

— Дорогой Карл, — ответил Геринг, — я знаю, что могу положиться на вас. Разве я не был шафером на вашей свадьбе? Фюреру также известно, — что вы являетесь нашим самым стойким сторонником. Нет, никакой особой мобилизации, просто начались полицейские учения. Сейчас время отпусков, дружище, так что езжайте и наслаждайтесь вашим медовым месяцем.

В конце дня у него на столе лежал перехват последнего телефонного звонка Эрнста Рему. Герр Реакция чего-то замышляет, говорил тот, и он держит своих штурмовиков в состоянии боевой тревоги. Но он был спокоен и сказал, что отправляется в свое отложенное свадебное путешествие. Ни он, ни Рем, похоже, даже не подозревали, что Гитлер тоже «что-то замышляет». Они не встревожились, даже когда фюрер прислал тем же вечером Рему в Бад-Висзее телеграмму, сообщая, что он едет к нему и собирается принять участие в «совещании лидеров». Рем был по-прежнему уверен в дружеском отношении Гитлера, и готовясь к его прибытию, заказал местному художнику экслибрис, посвященный фюреру, для воспроизведения его в новом издании «Майн кампф».

Но Гитлер уже принял решение. 29 июня к нему прибыл Геббельс, который привез с собой тревожные известия о предстоящем мятеже в Берлине. По его словам, Карл Эрнст получил приказ организовать восстание, что представляется маловероятным, ибо было известно, что он поехал в Бремен, откуда собирается отправиться в свадебное путешествие со своей женой. Но фюрер больше не колебался. В два часа ночи 30 июня 1934 года он прилетел в Мюнхен и в сопровождении группы эсэсовцев под командой начальника своей личной охраны «Зеппа» Дитриха и приближенных отправился в Бад-Висзее. К «Ханзльбауэру» они подъехали около семи утра, и санаторий был еще погружен в сон. В коридоре им попался молодой граф Шпрети, адъютант Рема, и Гитлер, которому показалось, что тот потянулся за пистолетом, бросился к нему и ударил по голове хлыстом, который он держал в руках, так что все его лицо залило кровью. Передав его подручным, он вошел в комнату к Рему,

который еще спал, и, обругав изменником, бросил ему одежду и велел собираться. Хайнес, застигнутый в соседнем номере в постели с юным дружком, был застрелен на месте.

Арестованных штурмовиков отвезли в Мюнхен и посадили в Штадельхаймскую тюрьму. Через день Рему, по приказу Гитлера, вручили пистолет, предложив совершить самоубийство, но он не стал этого делать и был застрелен начальником концлагеря Дахау эсэсовцем Теодором Эйке и его адъютантом.

Самолет, который доставил Гитлера в Мюнхен, теперь был использован в качестве курьерского, чтобы информировать Геринга, как развиваются события. Узнав, что Гитлер начал действовать, Геринг приступил к осуществлению собственного плана. Специальный полицейский отряд под командой майора Веке, с приданными ему подразделениями эсэсовцев, на мотоциклах и грузовиках выехал из своего лагеря в пригороде Лихтерфельде и покатил окольным маршрутом в Берлин. Достигнув центра города, они установили кордон вокруг штаб-квартиры СА и, не встречая сопротивления, прошли внутрь. Когда прибыл Геринг, он застал командовавшего там группенфюрера СА стоявшим у стены, с поднятыми руками под дулами винтовок своих полицейских.

Геринг действовал быстро и эффективно. С длинным проскрипционным списком в руках, так как он уже давно вычислил, кто в СА был наиболее опасным для режима и кто — наиболее разнузданным и опустившимся, он быстро переходил из комнаты в комнату, где были собраны коричневорубашечники, и, указывая толстым пальцем, говорил:

— Арестуйте этого… арестуйте этого… нет, не этого, этот субчик отлынивал от обязанностей… этого… и этого…

Арестованных сажали в грузовики и отвозили в Лихтерфельде, где запихивали в угольный подвал здания кадетского корпуса.

Тем временем начался розыск группенфюрера Карла Эрнста. Вдоль дороги в Бремен, на перехват его «мерседеса», были посланы небольшие самолеты. В конце концов его отыскали, затолкнули в самолет и привезли в Берлин, а оттуда в Лихтерфельде. Он просто не мог поверить, что все это происходит с ним, и был убежден, что произошел антигитлеровский мятеж, поднятый герром Реакцией и его друзьями. Он был уверен, что фюрер скоро соберет штурмовиков и освободит его. Ближе к развязке он даже решил, что Геринг сумел арестовать и Гитлера, и, когда его поставили у стены, вызвал кривые усмешки у расстреливавших его эсэсовцев, крикнув перед смертью: «Хайль Гитлер!»

Затем — все это происходило 30 июня — состоялись массовые расстрелы. Коричневорубашечников выводили группами из подвала, эсэсовцы разрывали им на груди рубашки, рисовали углем вокруг левого соска круги, чтобы было легче целиться, и ставили вдоль стены, в пяти метрах от расстрельной команды из восьми эсэсовцев. Эти последние были лучшими стрелками, но их поставили совсем близко для полной гарантии, что они не промахнутся, и их жертвам не потребуется *coup de gräce*[9]. Скоро стена позади покрылась ошметками окровавленной плоти, но никому даже в голову не пришло смывать их в перерывах водой из шланга.

Тем временем Геринг вернулся домой в свой дворец на Лейпцигерплатц, где продолжал поддерживать связь с Гитлером и совещаться с Гиммлером и Геббельсом. Иногда схваченных на улице или арестованных дома штурмовиков приводили показать ему, и, сверившись со своим списком, он решал их судьбу. Привели к нему и фон Папена, вице-канцлера, на счастье, последнего. Геринг знал, что и Гиммлер, и Геббельс хотели его смерти. Сам он совершенно не испытывал симпатии к этому прожженному интригану, скорее презирал его, но знал, что фон Папен — близкий друг старого президента и хорошо известен за рубежом. Его смерть могла вызвать там сильный резонанс. Поэтому Геринг оставил фон Папена у себя до тех пор, пока Гиммлер с Геббельсом не покинули его дом, после чего приказал своим людям отвести его домой и держать под домашним арестом.

— Геринг спас мне жизнь, — впоследствии скажет фон Папен.

Однако он не сделал ничего ради спасения генерала фон Шлейхера, так как полагал его присутствие в Германии опасным для режима и не был расстроен, когда услышал, что двое эсэсовцев застрелили фон Шлейхера и его жену, «когда те пытались спастись бегством». Скоро до него дошли известия, что расстрелы в Лихтерфельде не прекращаются, и он понял, что Гиммлер и его главный помощник Рейнхард Гейдрих воспользовались случаем, чтобы свести старые счеты.

Под их пулями падали не только коричневорубашечники, но и политики, правые и центристы, на которых они таили злобу. В их числе оказался Густав фон Кар, изменивший своему слову Гитлеру во время Мюнхенского путча в 1923 году; уже старый человек семидесяти двух лет, он был найден зарубленным в лесу, поблизости от Дахау. Был арестован, а потом застрелен в тюремной камере и Грегор Штрассер. Но угнетающе подействовало на Геринга убийство бывшего лидера «Католического действия» (распущенной Гитлером организации,

объединявшей круги католических политиков) Эриха Клаузенера, бывшего руководителя отделом полиции в прусском министерстве внутренних дел. Он входил в число тех людей, за которых вступалась Эмма во время первой нацистской чистки в 1933 году. Клаузенер был честным человеком с опасной привычкой говорить то, что думал, и открыто высказывал свои взгляды членам СС, которые работали в его ведомстве.

Тогда Геринг, выполняя просьбу Эммы, сумел вытащить его из штаб-квартиры партии, куда его доставили, предварительно сильно избив, и перевел Клаузенера в министерство транспорта. Но затаенная злоба быстро не проходит, и теперь он услышал, что Клаузенер арестован эсэсовцами и умерщвлен.

Это окончательно убедило Геринга, что расстрелы пора прекращать. Штурмовики были уже разгромлены. Лишившись верхушки, они утратили потенциальную способность к мятежу и теперь были неопасны. Воскресным утром 1 июля он лично явился к Гитлеру и попросил его дать эсэсовским головорезам отбой.

Все это произошло в течение одного дня. Геринг представил список тридцати двух казненных штурмовиков, а Гитлер получил из Мюнхена и некоторых других городов еще сорок фамилий. Общее число семьдесят два Геринг позднее представил в рейхстаге как количество убитых и казненных. На самом же деле их было намного больше, но на тот момент о них никто ничего не сообщил, и лишь позднее стали поступать сведения о найденных трупах.

Гитлер, который весь день 30 июня находился в состоянии полуистерики, 1 июля начал успокаиваться, а встретившись с президентом Гинденбургом, совсем воспрял духом. Вместо того чтобы устроить ему разнос за учиненное кровопролитие, старик начал бормотать слова поздравления. «Когда того требуют обстоятельства, — примерно так заявил он, — никто не должен уклоняться от решительных действий. Если необходимо пролить кровь, пусть это случится».

Герингу он отправил следующую телеграмму:

«Министр-президенту генералу[10] *Герингу, Берлин* 088/телег. 4012

Примите мое одобрение и благодарность в связи с вашими успешными действиями по подавлению государственной измены.

С дружественной благодарностью и приветом

(Подпись) *Гинденбург*».

Схожая телеграмма была направлена и Гитлеру, и, опубликованные в газетах, они произвели на немецкий народ соответствующее впечатление. Как впоследствии написал Альберт

Шпеер, «фельдмаршал первой мировой войны был для добропорядочных бюргеров личностью в высшей степени уважаемой… Еще с тех пор, как я был школьником, он служил для меня олицетворением самой власти. И то, что акция Гитлера была одобрена этим верховным арбитром, очень успокаивало».

Однако в качестве героя дня чествовали именно Геринга — как человека, который вдохновлял фюрера и своими умелыми действиями по ликвидации мятежа уберег нацию от кровавой гражданской войны. Теперь, когда он проходил по улице или проезжал в открытом автомобиле, публика приветствовала его одобрительными возгласами и аплодисментами.

«Это не случайно, — пишет дальше Шпеер, — что после путча Рема правые, представляемые рейхспрезидентом, министром внутренних дел и генералами, выстроились за Гитлером. Нет, этим людям не был присущ крайний антисемитизм, который исповедовал Гитлер, они вообще презирали этот выплеск плебейской злобы — их открытое проявление симпатии к Гитлеру после истории с путчем имело иное основание: в кровавой чистке 30 июня 1934 года было ликвидировано сильное левое крыло партии, представленное главным образом членами СА».

2 августа 1934 года, через двадцать лет после объявления мировой войны, которая сделала его знаменитым, генерал-фельдмаршал Пауль Людвиг Ханс фон Бенкендорф унд фон Гинденбург скончался в замке Нойдек. Ему было почти восемьдесят семь лет.

Не прошло и часа после смерти старого рейхспрезидента, как было объявлено, что теперь этот пост будет объединен с должностью рейхсканцлера и что Адольф Гитлер становится главой государства и верховным главнокомандующим вооруженными силами рейха. Против нововведения никто не возразил. Правые и средний класс были удовлетворены недавней чисткой и теперь были уверены, что избавлены от революции. Левые, если этот термин применять к коричневорубашечникам, были раздавлены, СА перестали представлять серьезное политическое течение, и их военно-политическая деятельность начала уступать место военно-спортивной. Рейхсвер был замирен и немедленно принес присягу новому главе государства.

Геринг не смог устоять, чтобы не воспользоваться драматическим моментом. Хотя он в самом деле глубоко переживал смерть старого солдата и, когда он собрал офицеров люфтваффе в министерстве авиации, чтобы сообщить им эту новость, его голос едва не срывался от волнения, целью сбора явилось не оплакивание смерти старого президента, а принесение клятвы верности новому.

Облаченный в полную парадную форму, он вынул из ножен саблю, Эрхард Мильх сделал шаг вперед и положил на нее руку, а Карл Боденшатц начал читать текст присяги. Следом на ним офицеры люфтваффе (как и солдаты и офицеры рейхсвера перед ними) повторили клятву преданности, но не государству, а лично Адольфу Гитлеру.

После этого Геринг высоко поднял свою саблю и воскликнул:

— Хайль Гитлер!

Среди присутствующих были офицеры, которые позднее признавались, что они никогда не использовали гитлеровское приветствие, но в тот день пришлось.

В 1934 году произошла еще одна кончина, которая глубоко тронула Геринга, — умер риттер фон Эпенштейн, которому было уже восемьдесят четыре года. Можно сказать, он сделал это своевременно, до того как нацисты осуществили аншлюс Австрии.

Геринг прислал большой венок на его похороны и длинное письмо баронессе Лилли, приглашая ее приехать повидаться с ним, когда она будет в состоянии путешествовать. Она приехала к нему в Каринхалле, и Геринг, показывая ей дом и окрестности, в какой-то момент вздохнул и сказал:

— Как жаль, что старик не дожил, чтобы увидеть все это. Как бы мне хотелось показать ему Каринхалле!

Теперь в его жизни в живых остался только один герой.

Геринг снова женится

Как-то утром, в феврале 1935 года, Геринг, находившийся в ванной, позвал Эмму, крикнув в открытую дверь, ведущую в спальню:

— Я хочу сказать тебе что-то очень важное!

Эмма, которая только что закончила одеваться и готовилась ехать на репетицию в театр, насторожилась. Когда Герман произносил слова «серьезное» и «важное», как правило, это означало, что он собирается сделать ей очередной выговор за ее дружбу с актрисами-еврейками или за ее настойчивое покровительство еврейским магазинам, которым с 1 апреля 1933 года был объявлен официальный общегерманский бойкот. Это случалось почти всегда после того, как он возвращался с визита к Гитлеру, а вчера ночью он как раз приехал из Берхтесгадена.

— Что-то неприятное? — спросила она, готовясь выскользнуть за дверь.

Но Геринг передумал с ней говорить, и вместо этого Эмма услышала громкий плеск воды и шлепанье босых ног — он вылез из ванны и появился в дверях, с полотенцем вокруг мощного торса. В руках у него был сложенный лист бумаги, который он ей вручил, наказал прочитать его по дороге в театр.

Убежденная, что записка — просто эхо одной из гитлеровских жалоб на ее необщепринятое поведение (незадолго до этого фюрер выражал недовольство в связи с ее привычкой ездить на метро и заговаривать с евреями), она не испытывала желания немедленно ее прочитать и развернула лист только в автомобиле. Роберт Кропп, который должен был отвезти ее в театр, уже собрался трогаться, когда услышал, как она произнесла:

— Боже мой, наконец-то!

Эмма немедленно выбралась из автомобиля и вбежала в дом. На листе было написано: «Выйдешь за меня замуж на Пасху? Фюрер будет нашим свидетелем».

Ответив Герингу на вопрос в записке, она опять поспешила в театр, но теперь уже для того, чтобы поставить в известность герра Лундгренса, ее режиссера-постановщика, что она не будет играть ведущую роль в пьесе «Агнес Бернауэр» в этом сезоне.

Официальное объявление об их помолвке было сделано в середине марта 1935 года, а на 22 число этого же месяца Геринг пригласил членов дипломатического корпуса, чтобы представить им свою будущую невесту. Среди присутствующих на обеде были все послы со своими супругами, причем последним крайне не терпелось увидеть женщину, о которой они слышали так много

сплетен. Среди гостей также присутствовал британский посланник сэр Эрик Фиппс, и на следующий день он телеграфировал в Форин офис свои комментарии этого события.

«Таким образом, генерал Геринг, — передавал он, — возобновил череду роскошных пиршеств, начатых покойным капитаном Ремом в феврале 1934 года, прерванных „кровавой баней“ 30 июня и презрительно охарактеризованных фюрером в рейхстаге в июле как „так называемые дипломатические банкеты“. Однако на этот раз повод для приема был вполне благовидным и он имел своей целью представление свету фрау Эмму Зоннеман, более не как „личного секретаря“, а как *fiancee*[11] нашего хозяина».

Обед был великолепным даже по меркам сэра Эрика Фиппса.

«Столы были накрыты в белом мраморном зале, украшенном дорогими гобеленами и прекрасно освещенном, — живописует он. — На протяжении всего времени обеда играл невидимый струнный оркестр. Наш хозяин сообщил, что собирается построить плавательный бассейн около пятидесяти метров в длину (такое же намерение имелось и у капитана Рема, но 30 июня оно сорвалось вместе с другими его менее безобидными затеями). Он объяснил, почти оправдываясь, моей жене, что женится на фрау Зоннеман только по настоянию фюрера, который считает, что на высших постах в партии слишком много холостяков. Между тем фрау Зоннеман, рядом с которой я имел честь быть посаженным и которая делала честь ее *fiance*[12] своим прямодушием и обаянием, воспользовалась случаем, чтобы с едва уловимыми нотками сожаления сообщить о своем близящемся уходе со сцены. Публика должна вынести эту новость стойко, ибо меня заверили, что фрау Зоннеман лишена малейших следов сценического таланта».

Свой отчет он заканчивает в том же тоне:

«По завершении обеда генерал Геринг провел французского посла и меня по своему просторному дворцу и показал целый ряд замечательных картин старых мастеров, которые, как он с гордостью нам сообщил, он реквизировал у музея кайзера Фридриха… Вслед за концертом нескольких лучших певцов Государственной оперы были показаны два фильма о жизни оленей в Шорфхайде. На экране наш хозяин, одетый в свой уже знакомый нам кожаный костюм, напоминающий о рекламе резиновых автомобильных шин Мишлена, предстал в гостиной „Вотан“ Каринхалле сидящим в кресле с гарпуном под рукой. После этого мы пережили странное двойное удовольствие, слушая одновременно его самого и его оживленный голос с экрана, опять повествующий о красотах жизни в девственном

лесу…»

Бракосочетание было намечено на 7 апреля, но этот день оказался годовщиной смерти бывшей императрицы Германии, и это означало, что ее сын, принц Август Вильгельм, который тоже был приглашен, не смог бы прибыть. Поэтому событие было решено отложить на 10 апреля. Вечером накануне состоялся грандиозный прием в фойе Дома оперы, после которого Геринг и его гости вошли шеренгой на представление оперы Рихарда Штрауса «Египетская Елена». Окружающие улицы были ярко освещены и полны зевак.

Для Эммы это был самый крупный «публичный успех» в ее жизни.

«Вечером накануне дня церемонии, — написала Эмма позднее, — мы могли оценить значимость резонанса, который она вызвала. Подарки, которые нам были присланы, заполнили две огромные комнаты, они приходили со всех сторон и со всех стран. Царь Болгарии, например, прислал Герингу высшую награду своей страны, а мне — восхитительный сапфировый браслет. Гамбург подарил мне парусный корабль с серебряными парусами, которым я так восхищалась, когда еще школьницей ходила на экскурсии в городскую ратушу. Это доставило мне особенное удовольствие. Компания „И. Г. Фарбен“ прислала два восхитительных образца своих искусственных драгоценных камней. А простые люди без числа присылали связанные вручную шарфы и всевозможные другие подарки ручной работы».

У нее также имелся портрет Бисмарка от фюрера, работы его любимого художника Ленбаха. А сам Геринг подарил ей диадему с аметистами и бриллиантами.

Всю ночь перед днем торжества шел дождь, и Эмма начала беспокоиться о завтрашнем дне, поскольку Герман собирался повезти ее на гражданскую церемонию в городскую ратушу в открытом автомобиле. Но утром взошло солнце, а когда они поехали в собор на религиозный ритуал, оно начало даже припекать, и в небе торжественным строем прошла эскадрилья самых новых германских самолетов.

И опять недобрый к Герингу сэр Эрик Фиппс оказался на месте, чтобы потом описать это памятное событие. В его донесении в Форин офис от 17 апреля 1934 года читаем:

«На следующий день состоялось само бракосочетание, и приехавшие в Берлин люди могли подумать, что вновь восстановлена монархия и что они присутствуют при подготовке свадьбы кого-то из семьи кайзера. Улицы были пышно украшены, движение транспорта внутри города остановлено; вдоль улиц выстроилось не менее тридцати тысяч членов полувоенных

формирований, а в небе кружило около двух сотен военных самолетов, которые в обусловленное время снизились и сопровождали счастливую пару от Бранденбургского холма до собора».

В отличие от свидетельств большинства очевидцев, указывавших, что толпы были густыми, восторженными и ликующими, сэр Эрик считает, что ничего такого не наблюдалось, но добавляет, что «погода была прекрасной и публика наслаждалась зрелищем свадебной церемонии».

Процессию в собор возглавлял автомобиль Гитлера, а «брачная пара замыкала колонну в автомобиле, убранном цветами». В протестантском соборе, где поддерживающий нацистов епископ Людвиг Мюллер готовился проводить ритуал, дипломатам были отведены места на обращенной к алтарю галерее.

«Внизу, — сообщает сэр Эрик, — собрались все представительные нацисты, а также многие деятели старого режима, такие, как герцог Саксен-Кобургский, принц Август Вильгельм Гогенцоллерн, и многие другие. Немецкие дамы были в вечерних туалетах и бриллиантах, мужчины в военных мундирах или гражданском платье при наградах… Канцлер восседал в кресле у подножия алтаря. Когда брачная пара приблизилась, он поднялся, поцеловал руку невесте и пожал руку генералу Герингу — то же самое он сделал после завершения службы. Впереди невесты выступали четыре маленькие девочки в розовых шелковых платьицах, два мальчика из гитлерюгенда несли ее шлейф; за ними шли многочисленные подружки невесты в платьях всевозможных голубых оттенков».

Он не добавил, что среди друзей жениха был Томас фон Кантцов, единственный иностранец и единственный человек не в военной форме. Пожалуй, даже к некоторому удивлению Геринга, Томас воспринял новость о его намерении жениться с явным удовольствием, и ко времени свадьбы успел крепко подружиться с Эммой.

«Опера, которая находилась в распоряжении Геринга, — продолжает британский посланник, — предоставила некоторых своих лучших певцов и значительную часть оркестра, чтобы заполнить звуками весь собор и отдать дань своему распорядителю. Рейхсепископ Мюллер, который исполнял обряд, произнес вступительную речь, в которой курьезным образом перемешались Бог, герр Гитлер и национал-социалистическое движение. Я уловил слова „вера, надежда и любовь, и величайшей из них является любовь“. Торжественные мероприятия этого дня, продолжавшиеся с полудня, завершились приемом и банкетом в

отеле „Кайзерхоф“, на котором произнес речь герр Гитлер и многие другие».

Свою депешу он заканчивает такими словами:

«Таким образом, генерал Геринг, по-видимому, достиг вершины своей карьеры, к которой он с таким тщеславием стремился. Я не вижу для него с его манией величия более высокой цели, кроме, разве, трона, который, правда, может обернуться… эшафотом».

Не подозревая о недоброжелательных мыслях, которые роились в голове по крайней мере одного из гостей, Эмма Геринг, милая и грациозная, какой она умела быть, обходила гостей с полным сознанием того, что теперь она, как ей только что сказал Гитлер, первая леди «третьего рейха». Наконец брачная пара вместе с небольшой группой друзей удалилась и отправилась в Каринхалле, где Геринг первым делом переправился через озеро и около часа оставался у саркофага Карин в мавзолее.

На следующий день Геринг и Эмма отправились в свадебное путешествие в Висбаден, а оттуда в Югославию, в Рагузу, где они поселились на вилле на берегу Адриатического моря. «Молодым» — мужу и жене — было уже по сорок два, но они вели себя друг с другом так, будто им было по крайней мере в два раза меньше.

Теперь уже тот факт, что Германия, в нарушение Версальских соглашений, имеет военно-воздушные силы, перестал быть секретом. 9 марта 1935 года было официально объявлено о существовании люфтваффе, а 16 марта — что Германия отказывается соблюдать военные условия Версальского договора, его 5-ю статью, и вместо 100-тысячного добровольного рейхсвера создает 36-дивизионный вермахт, который будет формироваться на основе всеобщей обязательной воинской повинности. Этот же год ознаменовался и становлением панцерваффе (танковых войск). Летом около Мюнстера состоялись четырехнедельные маневры экспериментальной танковой дивизии генерала Максимилиана фон Вейхса, а в октябре 1935 года были сформированы три первые танковые дивизии (состоявшие пока из совсем легких 5-тонных пулеметных танков).

Геринг еще в феврале, за месяц до мартовского демарша, посетил летчиков на авиационной станции в Шлейсхайме, чтобы сообщить им, что скоро они «станут открытыми». Большинство из них прошли тайное обучение в Советском Союзе или Италии и были классными пилотами, не имеющими только современных машин, чтобы соответствовать боевым стандартам.

Адольф Галланд, которому в будущем предстояло стать одним из самых прославленных летчиков Германии, был в числе тех, кто слушал Геринга тем вечером в офицерском клубе-

столовой в замке Миттенхайм.

«Он обрисовал нам впечатляющие итоги развития германской авиации за последние два года, — позднее написал он. — За этот период были сделаны колоссальные достижения. Практически из ничего возник тщательно спланированный фундамент германских люфтваффе, хотя они пока и оставались спрятанными, и на этом фундаменте скоро должно было вырасти величественное сооружение».

К этому же времени относится и начало создания парашютных частей. Следует сказать, что после «ночи длинных ножей» у Геринга появилось желание обезопасить себя собственными вооруженными силами, что также вполне отвечало его амбициям. (Это же относится и к Гиммлеру, который создал полевые формирования войск СС, а потом и парашютно-десантный батальон СС.) Он начал усиливать свои военно-воздушные силы авиаполевыми частями и зенитной артиллерией, расширяя их сферу действий. В 1935 и 1936 годах Геринг в числе других германских военных наблюдателей неоднократно присутствовал на маневрах Красной Армии, с непременными массовыми воздушными десантами, которые не могли не произвести на него впечатления. Рейхсминистр авиации немедленно ухватился за эту идею: парашютисты могли стать еще одним родом войск в составе подчиненных ему люфтваффе.

Официально приказ о создании германских парашютных войск Геринг издал 29 января 1936 года, но уже в марте — апреле 1935 года 1-й егерский батальон полевого полка люфтваффе «Герман Геринг» был обучен и экипирован как парашютный батальон. В рейхсвере с конца 20-х годов тоже существовал парашютный пехотный батальон, и осенью 1938 года оба батальона были объединены в особую часть люфтваффе — 7-ю авиационную дивизию, которой стал командовать генерал Курт Штудент.

На встрече с пилотами в замке Миттенхайм Геринг, который считал себя специалистом в области обмундирования, представил образец униформы для летчиков, а также других подчиненных ему частей, которую они должны были начать носить после того, как выйдут из неизвестности, и которая была разработана оберфельдфебелем старого авиаполка «Рихтгофен». Министр авиации сам выбрал ее в качестве образца как наиболее эффектную и подходящую для элитных частей, которыми, как он надеялся, станут люфтваффе. На пилотов новый фасон произвел впечатление. Принципиальным нововведением было то, что впервые в истории германской военной формы у нее появлялись широкий отложной лежачий воротник и галстук.

Но хотя, как сказал Геринг, люфтваффе сильно продвинулись в своем развитии, они были еще далеко не такими мощными, и когда британское правительство в своей Белой книге оценило германские военно-воздушные силы в две тысячи пятьсот машин, это оказалось значительным преувеличением. Две тысячи самолетов на тот момент — все, что немцы могли поднять в воздух, а среди них было и много бипланов.

Герингу нужны были деньги, чтобы субсидировать авиастроительные фирмы, деньги для закупки сырья, деньги для набора личного состава люфтваффе. Гитлер поставил его в известность, что 1936-й будет годом, когда Германия наконец покажет, что она думает о Версальском договоре, главным образом введением своих войск в демилитаризованную Рейнскую область. Такая перспектива его встревожила, потому что Геринг считал, что еще слишком рано делать столь вызывающий шаг.

— Придут британцы и французы и раздавят нас как мух, — сказал он.

— Нет, не раздавят, — ответил фюрер, — если мы будем достаточно громко жужжать.

После чего он велел ему отправляться и создавать такие люфтваффе, жужжание которых стало бы слышно, да так громко, чтобы нагнать страху и на Кэ д'Орсэ (набережная Сены, где расположено министерство иностранных дел Франции), и на Уайтхолл.

Генерал Бломберг, военный министр, тоже советовал вести пока более осторожную политику, и ему, как и Герингу, также было дано соответствующее указание.

Но где взять денег для финансирования разрастающихся люфтваффе? Геринг отправился к доктору Яльмару Шахту, который уже почти два года снова являлся президентом Рейхсбанка, а недавно стал также рейхсминистром экономики, и обратился к этому амбициозному и самоуверенному финансовому заправиле с просьбой об увеличении субсидий, но в ответ услышал, что германский «лимон» уже почти совсем выжат. Шахт сказал, что он взял у немцев почти все, что они были согласны отдать.

— Я запретил им вывозить деньги за рубеж. Я аннулировал все иностранные займы. Я ограничил импорт почти до полного его исчезновения. Я посадил их на ограниченный паек. И все это ради того, чтобы обеспечить огромные суммы для нашего перевооружения. Но дальше этого заходить нельзя, потому что люди взбунтуются. У них не будет керосина, чтобы готовить еду, масла на хлеб и мяса даже на воскресный обед. Быстро возникнет черный рынок, и тогда нам придется начать расстрелы. Я больше

не могу выделить вам денег.

— Не дадите, — переспросил Геринг, — даже если я покажу вам, что немцы готовы на еще большие жертвы, чем они принесли сейчас?

— Нет, даже если вы начнете показывать чудеса! — раздраженно ответил Шахт.

На протяжении трех следующих недель Геринг работал с Пилли Кернером над большой речью, которую намеревался произнести на каком-нибудь массовом митинге, и когда она была готова, решил выступить с ней перед большим собранием «правоверных» партийцев в Гамбурге, где громче всего был слышен ропот в связи с введенными ограничениями на питание.

Он как раз только что окончил свой последний курс похудения и был гораздо бледнее, чем обычно, с ввалившимися глазами и уменьшившейся складкой кожи под подбородком. Геринг облачился в полную форму генерала военно-воздушных сил и в первой части своего выступления рассказал об экономических достижениях Германии и увеличении ее престижа после прихода Гитлера, но потом стал напоминать своим слушателям об ограничениях, которые продолжали сдерживать ее свободу вследствие Версальских соглашений. Германия еще не отвоевала обратно своего законного места под солнцем, говорил Геринг, и она должна это сделать. Но для этого ей нужно стать сильной, решительной, способной противостоять своим врагам, а это значит — перевооружиться.

— Но перевооружение — это только первый шаг к тому, чтобы привести немецкий народ к изобилию, — продолжал он. — Перевооружение для меня не есть самоцель. Я не хочу перевооружаться в милитаристских целях или с тем, чтобы притеснять другие народы, но исключительно ради свободы Германии. Мои партийные товарищи, друзья, я верю в международное понимание, и именно поэтому мы перевооружаемся. Слабые — мы всецело во власти окружающего мира. Что проку в мировом согласии, в международном ансамбле, если немцам будет позволено играть только на казу[13]?

Он замолчал, дожидаясь, пока стихнут аплодисменты, а затем произнес слова, которые попали в заголовки газет по всему миру:

— Я должен сказать открыто. Некоторые лидеры в мировом сообществе очень плохо слышат, и их можно заставить слушать только грохотом пушек. Мы делаем эти пушки. У нас не хватает масла, но я вас спрашиваю, товарищи: что вам лучше иметь, масло или пушки? Что нам ввозить, лярд или железную руду? Говорю вам: готовность сделает нас сильными.

Геринг поднял пухлую руку и хлопнул себя по животу:

— Масло же только делает нас жирными!

Аудитория поднялась и разразилась бурными аплодисментами. Гитлер прислал ему телеграмму с поздравлениями, а Шахт неохотно, но все же согласился выделить денег на авиацию.

Среди самолетов, на которые он их потратил, был один, который революционизировал методы ведения боевых действий почти так же радикально, как это сделали танки в первую мировую войну, и принятие его люфтваффе на вооружение означало триумф одного из самых заметных помощников Геринга. Эрнст Удет никогда не входил в число самых близких друзей Геринга даже в то время, когда они вместе служили авиаторами в последней войне. Удет был самым результативным пилотом, имевшим на своем счету наибольшее число сбитых самолетов противника, и, когда настал момент кому-то заменить погибшего Рихтгофена на должности командира авиаполка, он ожидал, что этот выбор падет на него. С тех пор он так и не смог до конца пережить того, что вместо него назначен «чужак» — Геринг.

После войны он работал автомехаником, выступал с показательными воздушными боями, некоторое время водил пассажирские самолеты одной небольшой авиакомпании, а также занимался конструированием спортивных самолетов. Но у него возникла идея создания и он изготовил чертежи нового типа военного самолета, который должен был быть подобен летающей бомбе. Под его фюзеляжем должны были крепиться бомбы, и, оказавшись у цели, он бы пикировал на нее, отцепляя бомбы и взмывая в последний момент. Удет был уверен, что этот бомбардировщик станет точным и грозным оружием.

Но поначалу его никто не хотел слушать — ни Геринг, ни Мильх, ни авиапроизводители. Только после долгого и утомительного хождения по всем компаниям, после убеждений и упрашиваний он сумел уломать фирму «Юнкере» изготовить экспериментальную модель на ее предприятии в Швеции, и в 1935 году наконец получил два опытных образца.

Здоровяк Удет был веселым и бесшабашным авантюристом того типа, которые тремя веками раньше становились капитанами пиратских и каперских судов, бороздивших воды у берегов той самой Южной Америки, где он устроился чартерным пилотом на международных авиалиниях, перебравшись туда из Германии в 1925 году в поисках работы. Большую часть своей жизни он провел распутничая и пьянствуя, и то был редкий момент, когда в его постели не было женщины, а в руке стакана. Утром того дня, когда Удет должен был испытывать свой первый пикирующий

бомбардировщик, его волосы все еще источали запах женских духов, а дыхание — винные пары после тяжелой ночной пирушки. Он поднял одну из двух машин на 900 метров и бросил ее вертикально вниз. На высоте 150 метров он попытался выйти из пике и не смог этого сделать. Оказалось, что он не рассчитал высоту и скорость пикирования. Просто потрясающе, но Удет выбрался из обломков не только невредимым, но и сильно встревоженным и определенно более трезвым, чем когда взлетал.

Он убедил своих зрителей, среди которых находился и генерал Мильх, позволить ему поднять вторую машину и на этот раз блестяще продемонстрировал мастерский полет, с ревом пикируя на поле, точно сбрасывая имитационные бомбы и вовремя выходя из пике.

Мильх согласился, что это эффективное и психологически устрашающее оружие, о чем и доложил Герингу, который попросил провести демонстрацию, чтобы все увидеть своими глазами. Он тоже был впечатлен возможностями нового самолета, заметив лишь, что жалко, что он не может производить более ужасный шум, когда падает на цель.

— Это легко, — сказал Удет. — Мы приделаем к нему ветряной свисток, и он будет завывать как вылетевший из преисподней демон.

Такое приспособление позднее было использовано с сильнейшим деморализующим воздействием на пехоту. А Геринг тем временем одобрил новый самолет как крайне необходимый люфтваффе и отдал указание запустить его в производство. Он был безмерно доволен Удетом и назначил его 1 января 1936 года инспектором новой бомбардировочной и истребительной авиации. Это назначение было разумным, потому что Ю-87, или «Штука»[14], как был назван новый тип самолета, требовал нового сложного и рискованного способа вождения, обучить которому молодое поколение пилотов мог только такой старый воздушный трюкач, как Удет.

Но, к несчастью для своего дела, Геринг пошел дальше. В своем восхищении Удетом он также назначил его руководить техническим управлением министерства авиации (отдел LC III), отвечающим за конструкционное планирование и выпуск авиационной продукции. Впрочем, для его назначения у Геринга была и другая причина. До этого всеми техническими вопросами люфтваффе ведал Мильх, который, имея наряду с Герингом неоспоримые заслуги в деле создания люфтваффе, а также и непомерные амбиции, сумел втереться в доверие к Гитлеру и стал использовать свое влияние на него, с тем чтобы постараться спихнуть своего благодетеля с поста руководителя авиационного

министерства и люфтваффе и самому усесться на его место. Назначив Удета, Геринг фактически лишил своего коварного и неблагодарного статс-секретаря ответственности за развитие и выпуск авиационной продукции.

Но хотя, как и Геринг, Удет был высококлассным и отважным пилотом, организатором и плановиком он был никаким, и его назначение удивило многих, кто его знал. Авиаконструктор Эрнст Хейнкель пишет, что «было чрезвычайно трудно представить его в качестве кабинетного полковника и руководителя отдела планирования… Он был человеком богемного, артистического типа, беспечным и легкомысленным… слабовольным, очень уязвимым и легко поддавался влиянию». Вступая в должность, Удет будто бы сказал своему другу: «Я ничего не понимаю в выпуске продукции. Еще меньше я разбираюсь в больших самолетах». Геринг заявил ему, что отсутствие соответствующего опыта не играет роли — его собственная карьера развивалась точно так же до 1933 года. Удет поверил ему на слово. Принимая техническое управление, он сказал своим сотрудникам: «Скажу вам сразу, чтобы вы не ожидали от меня слишком активной кабинетной работы».

Эта ошибка Геринга стоила люфтваффе фатальной нехватки самолетов в будущем, а Эрнсту Удету — жизни.

Весной 1936 года во французское посольство в Берлине прибыл молодой капитан французских военно-воздушных сил по имени Поль Штелен, чтобы вступить там в должность помощника военно-воздушного атташе. Французскому послу, Андре Франсуа-Понсе, было известно, что он также является сотрудником Второго бюро — французской разведки, и прошел превосходную подготовку по разведывательным действиям на территории «третьего рейха».

Штелен был первоклассным летчиком, и в его распоряжении имелся небольшой, новейшего типа самолет, чтобы он был в состоянии быстро перемещаться по Германии. Он родился в Эльзас-Лотарингии, еще под германской оккупацией, и обучался в немецкой школе, так что его немецкий был безупречным. Штелен обладал приятной наружностью, обаянием, умел слушать и принадлежал тому типу людей, который был симпатичен Герману Герингу.

Его первый прием у рейхсминистра состоялся спустя несколько дней после прибытия в новом здании министерства авиации, которое было закончено только недавно.

«Войдя в дверь, я увидел его вдалеке, в противоположном конце помещения, — позднее написал Штелен, — и возникало ощущение, что я оказался на заднем ряду театра с одним актером

на сцене. Он приветствовал меня любезно, даже сердечно, совсем не так, как можно было ожидать от генерала такого ранга в отношении простого капитана, да еще от второго человека в национал-социалистическом государстве».

Штелен подробно ознакомился со всей собранной информацией о Геринге периода войны и, увидев его в первый раз своими глазами, был поражен тем, как изменилась его комплекция в сравнении с ранними фотографиями, но его лицо, подумалось ему, осталось таким же скульптурно красивым. Что на него произвело особое впечатление, так это глаза, ясные и излучающие добродушие, но вместе с тем его взгляд был жестким, беспокоящим, безжалостным. Он сразу почувствовал, что имеет дело с человеком незаурядного интеллекта.

Во время той первой встречи этих двух людей ничего особенного не произошло. Геринг предложил Штелену сесть в большое кресло, а сам вернулся за свой рабочий стол. Француз заметил, что на этом столе не было ни одного письма, ни одной бумаги, и вспомнил, что Геринг, как и Гитлер, отдавал приказы устно; шагая по кабинету взад и вперед, он диктовал памятные записки или слушал доклады своих подчиненных и составлял и прочитывал как можно меньше документов.

Они поговорили о Сен-Сире, где учился Штелен, об Эльзасе и Лотарингии, о воздушной войне 1914–1918 годов, и Геринг не пожалел слов на похвалы французским авиаторам тех дней. Наконец они пожали друг другу руки и расстались и после этого целый год виделись только на официальных мероприятиях, приемах или воздушных шоу, когда Геринг подходил, чтобы его поприветствовать и перебросится несколькими словами. Но Штелен, возвращаясь после той встречи обратно в посольство, испытывал чувство, что между ними завязались дружеские отношения и они обещают быть плодотворными. Так оно и оказалось.

1936-й был критическим годом и для Германии и для самого Геринга. 7 марта, невзирая на сильную нервозность своих советников и соратников, Гитлер отдал приказ немецким войскам войти в демилитаризованную Рейнскую область, и все со страхом ждали ответных мер союзников. Однако они напрасно боялись — Франция отреагировала пассивно, нуждаясь в случае ответных военных действий в поддержке Англии, а Англия отказывалась ее поддерживать. Некоторые утверждали, что Гитлер немедленно отвел бы свои дивизии назад, если бы Франция продемонстрировала свои воинственные намерения, потому что он, конечно, не мог рассчитывать, что его маленькая армия и неокрепшие военно-воздушные силы смогут выстоять против

считавшихся самыми мощными в Европе французских вооруженных сил.

Ему не стоило беспокоиться. Союзники, можно сказать, смиренно восприняли эту акцию Германии (как заметил лорд Лотиан, «в конце концов, Германия просто заняла собственный палисадник»), а немцы приветствовали триумф Гитлера, выразив ему подавляющим большинством поддержку на национальном референдуме. Это была первая большая Проверка союзной солидарности на прочность, и она ее не выдержала: французы, которые, колеблясь, все же подумывали над ответными действиями, были без колебаний отговорены от этого англичанами, которые совершенно не желали воевать. Выход немцев на «тропу» новой войны состоялся благополучно.

После этого шага у немцев уже не было колебаний при ответе генералу Франко и поддерживавшим его офицерам, обратившимся к Гитлеру 26 июля того же года с просьбой помочь им в мятеже против испанского правительства. На совещании с участием фюрера, Геринга и генерала фон Бломберга было решено, что Германия предоставит испанской хунте помощь оружием, людьми, танками и самолетами, особенно самолетами. Геринг был рад, что представляется возможность испытать в настоящих боях его молодых летчиков.

С конца августа 1936 года немецкие пилоты стали прибывать в Испанию, 26-го числа истребитель «Хейнкель Хе-51» сбил первый республиканский самолет, а к ноябрю уже две сотни Ю-87 и Хе-51 бомбили республиканские войска, города и деревни, сражались с испанскими и советскими летчиками в небе Мадрида, и из них был сформирован легион «Кондор», первым командиром которого стал генерал-майор Хуго Шперрле.

Но в самом Берлине тем летом не было и намека на военные приготовления или какие-либо гонения, потому что Йозеф Геббельс запретил любую антисемитскую пропаганду, распорядился убрать со стен домов все анти-еврейские плакаты и предупреждал горожан, чтобы они были улыбающимися и дружелюбными — столица нацистской Германии готовилась к встрече с внешним миром на Олимпийских играх. Подготовка велась воистину с тоталитарным размахом. Правительство Гитлера выделило 25 миллионов рейхсмарок на постройку девяти спортивных объектов, в число которых входил и огромный Олимпийский стадион в Берлине.

Томас фон Кантцов приехал из Швеции, чтобы провести свои каникулы этим летом с Герингом и Эммой, и отчим достал ему билет на игры на почетную трибуну Олимпийского стадиона, где были зарезервированы места для Гитлера и других нацистских

шишек.

«Гитлер был в своей коричневой униформе и выглядел довольно серо, — позднее делился впечатлениями Томас, — так же как и Йозеф Геббельс в своем светло-сером костюме. Только два человека выделялись среди нацистских лидеров — генерал Макензен в парадной форме и высоком головном уборе „гусаров смерти“ и Герман в его небесно-голубом мундире военно-воздушных сил. Я нашел церемонию открытия очень волнующей, так же как и отчим. Рихард Штраус дирижировал большим оркестром и хором из тысячи голосов, певших „Германия превыше всего“, „Хорст Вессель“, а также новый олимпийский гимн, который Штраус сочинил специально по этому случаю. И когда все закончилось, Эмма в эмоциональном порыве закричала вместе со всеми, а Герман незаметно крепко сжал ее руку».

К этому времени олимпиада уже ознаменовалась неприятностями, связанными с американской сборной, причем еще до того, как ее члены выехали из Америки. Осведомленные о взглядах Гитлера на расы и о антисемитских притеснениях в Германии, негритянские и еврейские организации в Соединенных Штатах стали агитировать спортсменов бойкотировать игры. К счастью, эта кампания провалилась, и в приехавшей в Берлин команде были и чернокожие, и евреи. Только один член американской сборной покинул команду по дороге, и это была прекрасная и своенравная Элеонора Холм, пловчиха. Легкой и быстрой мисс Холм, которая утверждала, что веселый образ жизни никоим образом не влияет на ее мастерство как пловца, и доказывала это, одерживая победы в каждом состязании, прискучил строгий режим, предписанный американской команде надменным, суровым и неумолимым главой делегации Эйвери Брандиджем. Во время плавания через Атлантику на борту парохода «Манхэттен» она взяла за привычку исчезать из своей тесной каюты третьего класса и проскальзывать на палубу первого класса, чтобы пить там шампанское и «прожигать жизнь» с репортерами. На нее донесли, ее предупредили, донесли второй раз, и на этот раз безжалостный мистер Брандидж исключил ее из команды. Сочувствующие репортеры предложили ей работу: освещать ход игр для какого-то агентства новостей, и Элеонора Холм оказалась на трибунах стадиона. Благодаря этому она познакомилась с Герингами.

Мисс Холм была представлена Эмме Геринг и Томасу на одном из приемов, устраиваемых для прессы.

— Бедная овечка! — воскликнула Эмма, обнимая ее. — Всего лишь за фужер шампанского! Моя дорогая, вы такая милая, что они сами должны были бы пить с вами шампанское, и пить его из

вашей туфельки. Вы должны поехать в Каринхалле, и мы поможем вам забыть этих ужасных ханжей!

Американская команда вновь оказалась вовлеченной в политическую конфронтацию, на этот раз во время торжественного марша в день открытия олимпиады. Оказалось, что древнегреческий салют, которым участники состязаний всегда приветствовали почетную трибуну, представлял собой поднятую вверх руку, ладонью вниз, и, таким образом, он не очень отличался от национал-социалистического приветствия. Чтобы продемонстрировать, что они верны греческой традиции, но не признают политики своих хозяев, лидеров страны, которая их теперь принимала, члены большинства делегаций шли, опустив руки по бокам.

Таким образом осуществили свое приветствие англичане, шведы и остальные скандинавы. С другой стороны, итальянцы, болгары, кое-кто из бельгийской сборной и все японцы салютовали откровенным нацистским приветствием. Так же, к совершенному изумлению их друзей, поступили и французы, вызвав у немцев бурю оваций, оказавшихся в числе самых громких за эти игры.

Американцы же были полны решимости однозначно показать, что они не собираются демонстрировать верность никому и ничему. Они вышли на стадион и, проходя мимо главной трибуны, сняли свои шляпы и нарочито согнули руки в локте, прижав шляпы к груди, во избежание какого-либо сходства с нацистским салютом. Но это было еще не все. Тогда как все другие делегации опускали свои национальные флаги, проходя мимо почетной трибуны, американцы продержали свои знамя высоко поднятым.

Трибуны начали свистеть и смеяться.

«Адольф Гитлер полуобернулся к Герману, — вспоминает Томас, — и, усилием воли удержав на лице улыбку, прошипел: „Они не только допустили негров и евреев в свою команду, но еще решили нас оскорбить“. Герман ему в ответ проговорил: „Это американская традиция, мой фюрер. Они никогда не склоняют флаг ни перед кем“. Но Гитлер, багровый, хотя и не перестающий улыбаться, медленно покачал головой. Думаю, в этот момент ему очень хотелось перестрелять всю американскую сборную».

В ознаменование начавшихся Олимпийских игр кое-кто из видных наци надумал устроить празднество, и Геринг решил, что празднование у него будет необыкновенным и самым лучшим.

«Мы провели в Каринхалле не один час, обсуждая, какой именно прием это будет, — говорит Томас фон Кантцов. — Через своих шпионов он уже знал, что двумя его главными соперниками

в этом мероприятии будут Иоахим фон Риббентроп и Йозеф Геббельс. В отношении Риббентропа, которого он презирал, Герман не испытывал никакого беспокойства. „Он собирается сделать барбекю и подать шампанское, — сказал он. — Быка будут жарить до полного изнурения присутствующих, а шампанское, как обычно, окажется мочой (намек на брак Риббентропа с дочерью Хенкеля, крупнейшего германского производителя шампанского, у которого он прежде был коммерческим агентом). Но с Геббельсом дело обстояло иначе“».

Маленький министр пропаганды уже оприходовал небольшой островок Пфауенинзель на озере в Ваннзее, куда проложил понтонный мост, и разослал приглашения двум тысячам гостей, включая весь дипломатический корпус и все прибывшие на игры делегации. Его затея обещала оказаться вполне удачной вечеринкой с хорошей закуской и обильной выпивкой, а также достаточным количеством геббельсовских фавориток-актрисок для приятного возбуждения гостей.

Но Геринг придумал еще лучше. Он решил, что Каринхалле для гостей находится слишком далеко, чтобы посещать его между спортивными состязаниями, но его дворец на Лейпцигерплатц будет более чем равноценной заменой. Альберт Шпеер сделал его апартаменты весьма впечатляющими, достойными самих Борджиа, которых Геринг кое-кому напоминал, и их же украшали некоторые из имеющихся у него наиболее ценных произведений искусства. Вокруг было просторно, земли хватало, а внизу, под дворцом, находились сауна, гимнастический зал и подогреваемый плавательный бассейн.

Геринг отправил в одну часть огромного сада слуг, и они превратили ее в своего рода мюнхенский сад, каким он бывает в пивной праздник Октябрьского урожая со светлым и темным пивом из бочек, а также шампанским и крепкими напитками, сосисками, жареной дичью, вареной кукурузой в початках и горами жареного картофеля и кислой капусты.

Для развлечения гостей Геринг задействовал ведущих танцоров и кордебалет Берлинской оперы, а вскоре после того как гости собрались в саду, на биплане прилетел Удет и устроил фантастический показ аэробатики.

«Получилось так, — вспоминает Томас, — что этот вечер оказался не идеальным для пирушки на открытом воздухе. Было прохладно. Как и многие гости, Герман был одет в короткие баварские кожаные штаны, расписную рубашку и тирольскую шляпу с букетиком эдельвейсов, и временами его колени выглядели совсем синими. Но все были полны решимости развлекаться и были очень довольны и веселы, выигрывали

большие призы в тире, катались на карусели, чертовом колесе и сумасшедшем аэроплане».

Вечеринка продолжалась до четырех-пяти утра, пока наконец не осталось лишь несколько пар, которые продолжали танцевать под музыку баварского оркестра в саду, другие обнимались или спали внутри просторного дворца.

«Перед самым рассветом, — говорит Томас, — я спустился к плавательному бассейну. Подводные огни были включены, и я увидел там девушку, не спеша плавающую туда и обратно, но время от времени она делала паузы, чтобы наполнить фужер шампанским из бутыли, стоявшей у края. Она была совсем нагой. Она была очаровательна, и я узнал ее — Элеонору Холм, пловчиху из Америки. Тут я заметил, что был там не один — в полумраке, у края бассейна, сидели, обнявшись, Герман и Эмма и любовались прекрасной американкой, скользящей в голубовато-золотистой воде».

Национал-социалисты были вполне удовлетворены результатами Олимпийских игр 1936 года. При этом единственный имевший на них место «инцидент» был связан с самим Гитлером, который заранее покинул свою ложу, чтобы избавить себя от рукопожатия с чернокожим американским легкоатлетом Джесси Оуэнсом, завоевавшим несколько золотых медалей и ставшим героем игр. Америка поступает нечестно, заявил он, используя в качестве спортсменов негров, так как их предки сравнительно недавно вышли из джунглей, и они, являясь по сути первобытными существами, имеют более высокие физические данные, чем цивилизованные белые спортсмены.

Но, несмотря на превосходство черных американских спортсменов, победительницей игр стала Германия, завоевав 33 золотые, 26 серебряных и 30 бронзовых медалей и набрав суммарно 181 очко против 124 очков у США (24 золотые, 20 серебряных и 12 бронзовых медалей). За ними шли Италия, Финляндия, Франция, Венгрия и Швеция, а Британия была на десятом месте. Олимпийский триумф Германии безусловно имел серьезный пропагандистский эффект. Из десятков тысяч людей, посетивших Германию тем летом, лишь немногие сознавали, что над страной все сильнее сгущаются грозные тучи. Еще не выехавшие «граждане второго сорта», которых до поры оставили в покое, стали надеяться, что шквал ненависти и преследований миновал. Не тут-то было.

Опять болеутоляющие

В 1937–1938 годах собственный вес представлял для Геринга большую проблему, чем когда-либо прежде, и случалось, он значительно превышал 125 килограммов, которые Геринг положил себе как предел. Это было связано с тем, что он стал, говоря без особого преувеличения, самым занятым человеком в рейхе. Начиная с сентября 1936 года Геринг был не только рейхсминистром авиации — Гитлер назначил его главным уполномоченным так называемого четырехлетнего плана по переводу экономики страны на военные рельсы. Не являясь большим специалистом в экономических вопросах, импульсивный и самолюбивый Геринг вошел в конфликт с консервативно настроенным министром экономики и президентом Рейхсбанка Яльмаром Шахтом. В результате Шахт отказался работать под его началом и ушел в отставку сначала с одного поста, потом с другого. Герингу предстояла нелегкая задача добывать иностранную валюту, а также увеличивать производство высококачественной стали для удовлетворения растущих потребностей перевооружения. В этих целях он основал летом 1937 года гигантский финансово-промышленный концерн «Рейхсверке А. Г. „Герман Геринг“ по добыче железной руды и угля. При этом он по-прежнему серьезно относился к своим обязанностям главного лесничего и главного охотничего, постоянно посещал музеи и антикварные магазины в поисках предметов искусства и старался хоть один час в день проводить с Эммой.

Такая неистовая активность, частые поездки за границу, постоянные консультации с Гитлером, где бы он ни был — в Берлине, Мюнхене или Оберзальцберге, — возбуждала в нем жуткий аппетит, который Геринг был не в состоянии обуздать. Он постоянно перекусывал. Он выходил из своего дома, который построил в Берхтесгадене выше дома Гитлера, спускался к нему и угрюмо садился за трапезу из „ужасной еды“, как он ее называл, которую фюрер устраивал каждый день для своих приближенных. Гитлер питался салатами и морковным соком, а Геринг все это просто не переваривал. После трапезы он присоединялся к Гитлеру, отправляющемуся во главе процессии бродить по горам, чтобы обсуждать с ним вопросы высшей политики: как отговорить Муссолини от нападения на Австрию, как запугать французов и вызвать расположение британцев, как склонить поляков отдать коридор между Пруссией и Восточной Пруссией без объявления войны и т. п.

После прогулки он возвращался домой под урчание и рокот своего огромного желудка, вечно подающего признаки голода, и проглатывал немалых размеров „холостяцкую яичницу“ или тосты с паштетом из гусиной печенки, а иногда Эмма сама жарила для него его любимые блины, которые он ел с икрой, и готовила взбитые сливки. Все это запивалось шампанским либо хорошим кларетом или мозельским.

Когда он чувствовал, что стал уже настолько толстым, что готов треснуть, то мчался в Каринхалле и там скрывался в сауне, которую устроил в подвальном этаже, и вытапливал лишние килограммы, растирался и „отбивался“ своим массажистом и, подначиваемый Эммой или Робертом Кроппом, устраивал скоростные заплывы.

Лишние килограммы сходили до следующего стресса и следующего цикла застольных „перегрузок“.

Во время одной из таких разгрузок в 1937 году, когда он, как следует пропотевший, находился в сауне, ему позвонил Гитлер, который хотел услышать его совет относительно стратегии, которую следовало принять в отношении Австрии. Их разговор продолжался почти два часа, на протяжении которых Геринг сидел в углу гимнастического зала на сквозняке, только обмотанный полотенцем. Он всегда запрещал подходить к себе, когда разговаривал с Гитлером, поэтому никто не заметил, что ему холодно. К концу разговора его бил озноб, а ночью начался жар».

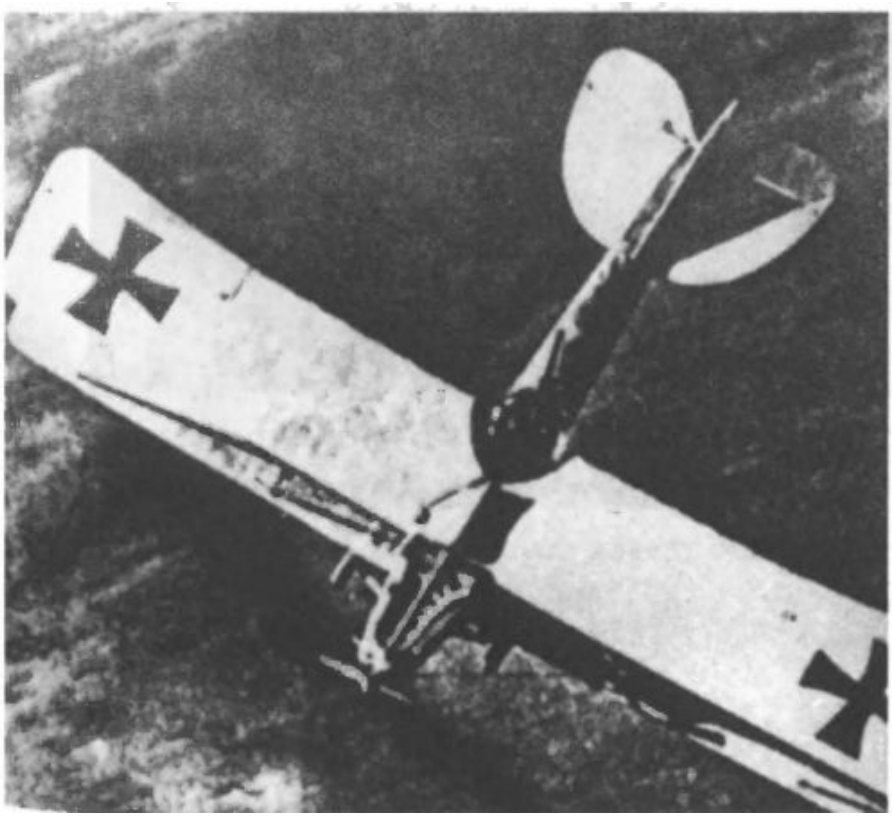
На следующий день, когда Геринг приехал в Берлин, жар спал, но вместо этого у него сильно разболелись зубы и вся челюсть. В связи с этим обстоятельством был немедленно вызван профессор Бляшке.

Гуго Бляшке был довольно занятным персонажем. Он обучался на дантиста в Соединенных Штатах, а в Берлине начал практиковать в 20-х годах. С Герингом его познакомил князь Виктор цу Вид в 1930 году, когда у него возникла потребность в наведении мостов — во рту, и через него он постепенно стал зубным врачом Гитлера, Евы Браун, Гиммлера, Риббентропа, Роберта Лея, руководителя «Германского трудового фронта», и Мартина Бормана.

Бляшке смотрел на людей «сквозь зубы», и когда он, например, видел Гиммлера, он думал про себя: «Хорошие зубы», а в случае с Герингом: «Плохие зубы, трудные челюсти». В целом он не испытывал особого восторга в профессиональном плане ни перед одним из своих национал-социалистических пациентов, за исключением Евы Браун («Очень крепкие зубы, она умрет с ними, к тому же очаровательная особа») и Эммы Геринг («Слабоваты

моляры, но честная, прямолинейная и привлекательная особа»).

Г.Геринг в кабине самолета.Западный фронт, 1917 год.



Белый «фоккер» Г. Геринга.

Г. Геринг — командующий эскадрой Рихтгофена

Карин фон Кантцов незадолго до встречи с Г. Герингом

Вторая жена Г. Геринга Эмма с дочерью Эддой

Г. Геринг и А. Гитлер в 1937 г.

Геринг позирует для скульптуры в Карин-халле. 1933 г.

Английский премьер-министр Н. Чемберлен обменивается рукопожатием с Б. Муссолини. Крайний слева — Г. Геринг. 1938 г.

Г. Геринг и А. Шпеер.

М. Борман, Г. Геринг, А. Гитлер и Г. Гиммлер 20 июля 1944 г., в день покушения на фюрера.

А. Гитлер, Г. Геринг и И. фон Риббентроп на партийном съезде в Нюрнберге.

Г. Геринг беседует с защитником на Нюрнбергском процессе.

Нюрнбергский процесс.

К тем, кто, садясь в зубоврачебное кресло, проявлял признаки страха, Бляшке утрачивал всякое расположение, глаза же Германа Геринга округлялись в предчувствии ужасного, «и казалось, что он готовится разрушить криком стены еще прежде, чем я до него дотронусь». Рейхсминистр приходил в крайне нервное состояние, начинал лить градом пот, так что Бляшке даже предлагал ему снять рубашку, что он и делал.

Осмотр быстро показал, что боль в зубах и челюсти возникла скорее всего из-за застуженных нервов, чем из-за отдельных незалеченных дырок, и профессор Бляшке решил дать своему пациенту болеутоляющее. Одна немецкая фармацевтическая фирма как раз недавно разработала паракодеиновые пилюли, которые содержали слабую морфиновую производную, и несколько пузырьков этой продукции попали к дантисту. Он дал один пузырек Герингу и сказал, чтобы тот принимал по две таблетки каждые два часа до тех пор, пока боль не прекратится.

Через пять дней Геринг позвонил профессору и сказал, что теперь он чувствует себя прекрасно, но хотел бы знать, где можно

достать еще этих пилюль? Бляшке предупредил рейхсминистра, что будет неразумным продолжать принимать паракодеин после того, как необходимость в нем прошла, и не стал распространяться, как к нему попали таблетки.

Но Геринг выяснил это сам. К концу 1937 года он принимал уже по десять таблеток в день. Содержание морфина в них было очень маленьким и его хватало лишь для слабого успокаивающего действия, но человеку, начавшему их принимать, было уже трудно остановиться, особенно если жил буквально на нервах. Скоро Геринг уже сидел на «колесах».

Однако он прекрасно сознавал опасность злоупотребления и был полон решимости никогда больше не становиться жертвой той пагубной привычки, из-за которой он так опустился в Швеции. Для Германа Геринга это было время огромных возможностей для укрепления своего положения в партии и в государственной иерархии вообще, и он ощущал это каждое мгновение дня и ночи. Его самые опасные соперники канули в небытие. Рем был мертв, а его коричневая армия больше не являлась грозной силой. Гиммлер и его эсэсовцы были послушными и верными фюреру. Возглавляя люфтваффе и четырехлетний план, Геринг был вторым после Гитлера самым могущественным человеком в рейхе.

Тем не менее его амбиции еще не были удовлетворены. Существовал еще один пост, который сделал бы его еще более могущественным, может быть, даже хозяином всего рейха — и, безусловно, бесспорным преемником самого фюрера, защищенным от возможных притязаний на это место любых соперников. Как главнокомандующий люфтваффе, он мог запугивать врагов Германии. Но как военный министр, он мог бы контролировать Германию и ее дальнейшую судьбу.

Благодаря постоянным совещаниям с Гитлером в этот период Герингу было хорошо известно, что фюрер не удовлетворен положением дел с вооруженными силами. К 1937 году практически все сферы жизни в Германии были уже «национал-социализированы». Но верховное командование вермахта находилось в крепких руках фельдмаршала Вернера фон Бломберга, который к тому же был и военным министром, и главнокомандующего сухопутными силами генерал-полковника барона фон Фрича. Ни тот ни другой не были нацистами, и оба поддерживали линию сохранения армии вне политики, а большая часть офицерского корпуса держалась подальше от партии.

Такая ситуация была чревата опасными последствиями, и это понимали и Гитлер, и Геринг. Если бы, к примеру, фюрер в 1934-м решил не убирать Рема и его штурмовиков, а поддержать их в

их радикальных устремлениях, он бы не сомневался, что фон Бломберг и германская армия немедленно выступят против него. Одно из самых сильных желаний Рема заключалось в том, чтобы присоединить штурмовиков к армии и после этого взять в свои руки верховное командование новыми вооруженными силами, и офицерский корпус был полон решимости не допустить этого в случае необходимости.

Рема не стало, но могли возникнуть ситуации, когда нацисты решили бы вести одну политику, а армия встала бы за другую. Что тогда? Тогда Гитлер был бы вынужден пойти на попятную — он не имел возможностей настоять на своем. Такое ненадежное для нацистов положение должно было продолжаться до тех пор, пока армия оставалась аполитичной, а ее командующий — не нацистом. Тогда, по логике нацистов, следовало удалить фон Бломберга. Но его нельзя было уволить в отставку — армия и офицерский корпус этого не позволили бы, а сам он добровольно на это не пошел бы. Так как же им было от него избавиться?

Этой проблемой и был теперь поглощен Геринг. Ее решение сулило большие выгоды и для него лично.

Геринг всегда был горячим и романтичным монархистом, и, хотя его пыл в отношении Гогенцоллернов значительно поостыл в 20-е годы, он остался страстным почитателем британской монархии и здравствующей там королевской династии. В 1937 году он испытал сильное желание отправиться в Лондон в качестве официального представителя Германии на коронации Георга VI. Но член парламента от лейбористской партии Эллен Уилкинсон прознала про возникший план пригласить его и обещала ему проблемы, если он осмелится ступить на британскую землю. Иоахим фон Риббентроп, который теперь был германским послом в Лондоне, прислал стенограмму ее речи в парламенте и газетные комментарии Гитлеру, и тот велел Герингу оставаться дома. Этот случай является хорошим примером того, как праведное общественное негодование может порой сорвать установление полезных дипломатических контактов. Геринг был самым рассудительным среди нацистских лидеров, и в ожидании его приезда были сделаны приготовления для организации его беседы с Уинстоном Черчиллем. Благодаря этой и другим встречам он мог бы составить представление и сообщить Гитлеру о взглядах и настроениях британцев, что в дальнейшем уберегло бы германского фюрера от некоторых существенных просчетов в оценке их отношения к Германии и ее устремлениям. Геринг был ввергнут в уныние отменой визита, и вместо него на церемонии коронации присутствовали малоприятный ему Риббентроп и фельдмаршал фон Бломберг.

Геринг был убежден, что Эдвард VIII, теперь герцог Виндзорский, был вынужден отречься в пользу Георга VI из-за того, что тот стоял за англо-германское сближение и не разделял антипатии своего правительства к национал-социализму. В этом свете его недопустимая по мнению кабинета любовная связь и последующий брак с Уоллис Симпсон (ради которой он отказался от трона), представлялись Герингу только предлогом, чтобы избавиться от него.

Как бы то ни было на самом деле, неприемлемый брак (американка миссис Симпсон, прежде Уоллис Уорфилд Спенсер, была дважды разведена и считалась неподходящей на роль королевы) в самом деле дал возможность британскому правительству добиться отречения стесняющего его «политизированного» монарха, и вполне вероятно, что этот факт пришел Герингу на ум, когда в октябре 1937 года к нему явился военный министр фон Бломберг для серьезного разговора. Фельдмаршал, старый вдовец, которому пошел уже шестидесятый год, решил снова жениться. Трудность заключалась в том, объяснил он рейхсминистру, что девушка, которую он выбрал в невесты, была на тридцать лет моложе него, не вполне соответствовала его социальному статусу и была «фройляйн с прошлым». Фон Бломберг хотел знать мнение Геринга относительно того, как будет воспринят обществом, например снобами из офицерского корпуса, его шаг, а также получить в его лице гарантии от партии, что этот брак никак не повлияет на его положение.

В ответ рейхсминистр заверил фельдмаршала, что ему не стоит колебаться с женитьбой, заметив: «разве в национал-социалистическом „третьем рейхе“ все люди (кроме евреев и коммунистов, конечно) не равны?» Он выразил готовность ему содействовать, немедленно вышел в соседнюю комнату и, позвонив фюреру, вернулся с поздравлениями от него и новостью, что они оба будут гостями на бракосочетании военного министра. Выполняя пожелание фон Бломберга, он устроил «добровольное» изгнание одного из прежних любовников его невесты, назначив того против его воли на какую-то должность по экономическому ведомству в Аргентине.

Между тем фон Бломберг ничего не знал о том, что его невеста, родившаяся в рабочем предместье Берлина, была раньше проституткой, зарегистрированной в нескольких немецких городах, и арестовывалась полицией за то, что неоднократно позировала для порнографических открыток. Известно, что об этих фактах Геринга проинформировал начальник полиции Берлина, граф фон Гелльдорф, уже после свадьбы фельдмаршала,

состоявшейся 12 января 1938 года. На этой свадьбе Геринг с Гитлером присутствовали вместе в качестве свидетелей. Знал ли он заранее от своей разведывательной службы о скандальном прошлом невесты, достоверно не известно.

Как бы то ни было, спустя две недели он увиделся с вернувшимся из Мюнхена Гитлером и сообщил ему подробности биографии молодой фрау фон Бломберг. Фюрер был возмущен. Он решил, что брак должен быть немедленно расторгнут. Но Геринг, встретившись с фон Бломбергом, сумел добиться от потрясенного и встревоженного фельдмаршала большего — его отказа от должности военного министра и главнокомандующего, чего он так желал, намекнув, что офицерский корпус германской армии не воспримет главнокомандующего, жена которого была проституткой. Опасаясь скандала, фон Бломберг подал рапорт об отставке, не зная, что сам фюрер еще не принял на этот счет никакого решения.

Встал вопрос, кто займет его место? Генералы немедленно выдвинули на пост генерал-полковника Вернера фон Фрича, главнокомандующего сухопутными силами.

Но фон Фрич почти сразу же тоже оказался замешанным в скандале. Гиммлер представил Герингу и Гитлеру досье, из которого следовало, что этот надменный, сухой, строгих взглядов генерал несколько лет назад был уличен в грязных отношениях с неким отъявленным извращенцем. Им была устроена очная ставка, и этот гомосексуалист указал на Фрича как на своего прежнего партнера.

На самом деле генерал Фрич был абсолютно ни при чем («при чем» был некий ротмистр по фамилии Фриш). Но вокруг его имени поднялся скандал, военные стали настаивать на разбирательстве его дела, и прежде чем предстать перед судом чести, он подал в отставку с поста главнокомандующего. Геринг председательствовал на суде, сам вел допрос гомосексуалиста и быстро доказал, что он лжесвидетельствует. Генерал-полковник фон Фрич был немедленно оправдан, и первым, кто его поздравил, был Герман Геринг.

Но имя Вернера фон Фрича все равно уже было связано со скандалом, и, хотя его признали невиновным, никому бы не хотелось, чтобы он взял обратно свое прошение об отставке.

Так был устранен другой ненацист со второго ключевого поста в вооруженных силах. Какого преданного делу партии человека следовало назначить главнокомандующим вермахтом и, таким образом, сосредоточить в его руках всю мощь германских вооруженных сил?

Геринг расслабился в ожидании долгожданной награды и,

должно быть, уже мысленно видел себя на вершине могущества. Но его ожидало горькое разочарование.

4 февраля 1938 года Гитлер назначил верховным главнокомандующим вооруженными силами Германии себя, а пост военного министра упразднил. Одновременно он уволил из армии шестерых генералов, известных своими антинацистскими взглядами. В утешение Герингу фюрер присвоил ему чин фельдмаршала, но это, конечно, было не равноценно тому, на что он рассчитывал.

Своей речью в рейхстаге 20 февраля 1938 года фюрер прояснил значение осуществленных им изменений.

— Отныне в государстве, — выкрикивал он, — не существует ни одного института, ни одного объединения, которое бы не было национал-социалистическим… За последние пять лет партия создала не только национал-социалистическое государство, она построила совершенную организацию, которая будет всегда утверждать ее независимость. Величайшая гарантия завоеваний национал-социалистической революции заключается в контроле, который мы имеем над всеми учреждениями рейха здесь и за рубежом. Нация защищена до тех пор, пока внешний мир опасается наших отныне национал-социалистических вооруженных сил.

Расстроенный Геринг, как мог, пытался найти в вышеизложенном утешение и примерял свой новый фельдмаршальский мундир.

Меньше чем через месяц немецкие войска, которые нацисты теперь крепко держали в своих руках, прошли маршем по Австрии и оккупировали эту страну в бескровной кампании, проведение которой в значительной степени обеспечил Герман Геринг. Впоследствии он хвастался, что добился капитуляции Австрии серией стратегически и тактически скоординированных телефонных звонков, и в значительной степени это было правдой. То была война межгосударственных телефонных переговоров, и к тому времени, когда вермахт пересек австрийскую границу, вследствие «уговоров» Геринга и предварительного давления Гитлера австрийцы были готовы сдаться без сопротивления.

Когда Геринг удостоверился, что противодействия внутри Австрии аншлюсу с Германией не будет, он повез Эмму через границу в ее первый визит в замок Маутерндорф, где провел свои самые чудесные дни детства и отрочества. Баронесса Лилли встретила их так, как будто они два последних цивилизованных человека в мире варваров, и по всем признакам находилась на грани нервного срыва в связи с немецкой оккупацией.

Оказалось, что сильнее всего в тот момент она тревожилась о

младшем брате Германа, Альберте, который так разительно походил на покойного фон Эпенштейна. Несколько лет назад, разочаровавшись в нацизме, он уехал в Австрию и некоторое время жил на денежную помощь крестного. Теперь он работал на киностудии в Вене, и баронесса Лилли боялась, что он может попасть в беду, потому как часто открыто высказывался против Гитлера. Геринг пообещал, что проследит, чтобы он не попал в лапы гестапо, и она благословила его за доброту.

Когда они стояли с Эммой на зубчатой стене Маутерндорфа, она снова сказала:

— Не забывайте, придет день, и все это станет вашим, — потом вздохнула и проговорила: — Если только меня минует все это. Войны ведь не будет? Не думаю, что я смогу перенести ее.

Геринг заверил ее, что войны в стране не будет.

На улицах Вены стены домов уже были размалеваны свастиками и антиеврейскими подписями и лозунгами, а тротуары покрылись осколками разбитых витрин еврейских магазинов. Ходили слухи, что с приходом нацистов семь тысяч евреев покончили жизнь самоубийством, и гестапо уже начало преследования. В возбуждении антиеврейских настроений сыграл свою роль и Геринг, сразу дав свое согласие «обработать» население на предмет «еврейской угрозы», когда к нему обратилась с этой просьбой делегация австрийских нацистов.

Вообще Геринг питал удивительно двойственные чувства к евреям. Он был человеком, который мог бы сказать: «Среди моих друзей есть евреи», потому что фактически так оно и было. Его крестный отец, риттер фон Эпенштейн, его ближайший помощник, Эрхард Мильх, несколько подруг-актрис Эммы входили в круг близких ему людей. Ему нравились еврейские композиторы; Вместе с тем он также считал, что евреи своими спекуляциями и происками способствовали поражению Германии в первой мировой войне, и был уверен, что они жирели и наживались на страданиях Германии в ужасные послевоенные годы.

Дома, в спальне, он соглашался с Эммой, что евреи — такой же народ, как любой другой («но немного умнее», — добавлял он, ухмыляясь), и что среди них есть и хорошие, и плохие люди, как в любой другой национальности. Что же касается его самого, то он давно для себя установил, что если ему кто-то симпатичен, то лучше всего считать, что он или она — не евреи, невзирая на национальность.

— Я сам определю, кто является евреем, а кто нет! — заявил он как-то своему подчиненному в ответ на его замечание о каких-то посетителях его дома.

Если бы Геринг мог выбирать, то компании какого-нибудь неистового гонителя евреев, типа Юлиуса Штрайхера, он предпочел бы общество любого еврея. Он чувствовал себя не в своей тарелке и искал повод, чтобы уйти, когда слышал, как прирожденные антисемиты типа Геббельса и Гиммлера спокойно обсуждали проблему ликвидации евреев. Злобные, режущие ему слух антиеврейские разглагольствования Гитлера повергали его в уныние на долгие часы после окончания разговора с ним, и он рисковал вызвать гнев фюрера, помогая Эмме время от времени вырывать евреев из когтей гиммлеровского гестапо.

Но он не обладал мужеством для того, чтобы высказать Гитлеру свою позицию по этому вопросу (или по иному вопросу такого же типа) и попытаться отстоять ее. Партийной политикой был антисемитизм, поэтому он ему следовал. А впоследствии Геринг сказал:

— У меня не было никакого желания уничтожать евреев. Я просто хотел, чтобы они покинули Германию. Но что я мог поделать, если этот процесс начался? Ведь эти монстры сцапали даже одну из самых близких подруг Эммы, и мне пришлось приложить очень большие усилия и сильно рисковать, чтобы спасти ее.

Это было правдой, хотя она не делала его менее виновным, чем остальные.

23 марта 1938 года, вскоре после оккупации Австрии, Геринг произнес в Вене речь, в которой сказал:

— Я должен обратиться к венцам с очень серьезными словами. Сегодня их столица не может с полным правом величаться германским городом. Как можно назвать германским город, в котором живут триста тысяч евреев? Вена выполняет важную германскую миссию в области культуры и экономики. Ни там, ни там евреев использовать мы не можем.

Его речь была напечатана на следующий день под броскими заголовками на первых полосах газет, при этом, как было сообщено в депеше из американского посольства в Вене государственному департаменту, одно произнесенное Герингом предложение было предусмотрительно выброшено нацистскими цензорами.

— Еврей должен сразу и ясно понять одно, — объявил он, — ему лучше убраться.

На следующий день в посольство Соединенных Штатов поступили три тысячи прошений о визах. По настоянию Геринга и к сильному раздражению местного гестапо, границы были оставлены открытыми для всех евреев, которые хотели покинуть Австрию, до ноября 1938 года. Они бросали свои пожитки, свои

дома, картины и драгоценности, и скоро большинство нацистских вожаков уже хвастались выгодными сделками, заключенными с уезжающими и распродающими по дешевке свое имущество евреями. Геринг довольствовался только произведениями искусства, которые для него отыскивали его эксперты, проявляя мало интереса к этой разыгравшейся лихорадочной скупке. Он знал, что впереди его ждет замок.

А в ноябре в Париже произошло событие, после которого перед евреями, стремящимися покинуть Австрию, опустился железный занавес.

«Ох уж эти евреи!»

Герман Геринг никогда особо тесно не общался с «партайгеноссе» своего ранга. За исключением самого Гитлера, восхищение которым у него граничило с преклонением, он считал их слишком грубыми либо чересчур тупыми, алчными и неразборчивыми в средствах людьми, не обладающими вкусом к приятным сторонам жизни. Когда была жива Карин, они поддерживали приятельские отношения с Геббельсами, главным образом из-за того, что ему очень нравилась Магда Геббельс, а между Карин и флиртующим Йозефом установилось своего рода шутливое взаимопонимание. Но со смертью Карин их отношения прервались, и они стали встречаться только в связи с партийными делами. Геринг ясно давал понять, что он не одобряет того, что Геббельс постоянным волокитством унижает свою многострадальную жену, а министр пропаганды мстил тем, что распространял каждую услышанную им о Геринге злобную сплетню. Они не стали открытыми врагами, но, безусловно, больше не были друзьями.

К 1938 году у Геринга в добавление к его дворцу в Берлине и феодальному поместью в Шорфхайде имелись резиденция в Берхтесгадене и небольшой охотничий домик в Роминтенской Пустоши, и, где бы он ни находился, ему нравилось постоянно принимать гостей — толпу интересных и веселых людей, которые бы не утомляли его внутрипартийными интригами. К нему часто приезжали Эрнст Удет с той или другой из своих более-менее респектабельных подруг, Пилли Кёрнер с женой, Бруно Лёрцер, Карл Боденшатц, цу Виды, Тиссены, Крупп фон Болен с женой, специалисты по искусству из Мюнхена, Амстердама и Брюсселя и старые театральные друзья Эммы (те, которые не были евреями). Он также продолжал поддерживать отношения с родственниками Карин, и ее младшая сестра Лилли была у него частой гостьей. Ее старшей сестре, Фанни фон Виламовитц-Мёллендорф, хотелось бы приезжать так же часто, но ее мягко отговаривали от этого, потому что и Эмма, и Геринг находили ее слишком старомодно-готической натурой и чересчур восторгающейся национал-социализмом, чтобы им нравиться.

Он не прерывал отношений и с собственными братьями и сестрами и бывал особенно счастлив, когда рядом была его невестка Ильза Геринг, высокая, тонкая, элегантная блондинка, которая мало разговаривала, но от нее этого и не требовалось.

Бывала у него и его самая любимая сестра, Ольга. В конце 1937 года он дал знать своим близким, что Эмма ждет ребенка.

До крайности обрадованный и обеспокоенный, чтобы все прошло благополучно, он отправил Эмму нежиться в Каринхалле. (Ей было сорок четыре года, а рожать ей предстояло впервые. Но ребенок родился безо всяких осложнений 2 июня 1938 года. Это была девочка, и ее назвали Эддой, а Гитлер стал ее крестным отцом. Чтобы ухаживать за ней, Эмма наняла няню. Оказалось, что она не была членом партии, и, когда гестапо доложило об этом Гиммлеру, он позвонил, чтобы выразить свое недовольство. В ответ Эмма сообщила ему, что она сама тоже не является членом партии, после чего рейхсфюрер в ярости бросил трубку. Со временем Геринг убедил ее вступить.) В последующие месяцы роль хозяйки на обедах у Геринга играла Ольга, а Геринг, когда у него не было дел и он хотел отдохнуть и развеяться, приходил к ней домой. Ольга Ригеле была замужем за спокойным и обходительным австрийцем, который состоял в партии и бывал в частых отъездах, так что она оставалась предоставленной сама себе. Ее облик отличала такая же фундаментальность, которая наблюдалась в ее брате Германе. Ольга была полной («Это семейное», — говорила она), веселой и остроумной собеседницей, и, несмотря на объемы, большинство мужчин находили ее очень привлекательной. Рубенс бы в нее просто влюбился.

Она уже вступила в средний возраст — ей исполнилось сорок восемь лет, — но никого это особенно не волновало, и меньше всего саму Ольгу.

Ольга Ригеле стала тем человеком, который повлиял на взаимоотношения Германа Геринга и молодого француза Поля Штелена, как рейхсминистра и очень молодого иностранного дипломата — повернув их в сторону более тесного, почти семейного общения.

В конце весны 1937 года французский посол Франсуа-Понсе информировал помощника своего военно-воздушного атташе, что требуется его присутствие на приеме в посольстве предстоящим вечером. Более важный чиновник неожиданно уехал, и Штелена поспешили привлечь в качестве замены. Несколько часов спустя он уже сидел за столом рядом с фрау Ольгой Ригеле.

И почти сразу, перебросившись несколькими вежливыми фразами с соседями, они сосредоточили свое внимание друг на друге. Скоро стало очевидным, что брат служит для Ольги неизменным объектом поклонения, а он отвечает ей особенно нежной любовью. Большая часть их беседы касалась Геринга. Штелен, не скрывая своего французского патриотизма, который был заложен в него с самого детства, описывал ей свои школьные годы в оккупированной немцами Лотарингии и рассказал, как он там впервые услышал имя Геринга (учеников изрядно пичкали

германской военной пропагандой, а Геринг в то время был в числе военных героев). Потом он описал ей, как прочитал о подвигах ее брата и решил, что когда-нибудь обязательно превзойдет его как пилота.

«Не возникало сомнений, что она была тронута моими словами, хотя я заметил, что это не мешает ей оценивать по достоинству ни качества блюд, ни сорта вин, — отметил позднее проницательный наблюдатель Поль Штелен. — Она казалась взволнованной теплом нашего общения, но вместе с тем была оживленной и веселой».

После того как они встали из-за стола, Ольгу окружили более представительные гости, и он уже видел ее только на расстоянии. Но на следующий день посол вызвал Штелена в свой кабинет и сообщил ему, что он приглашен этим вечером на ужин в дом фрау Ригеле. Молодой француз в тот момент жил предвкушением пикника, на который он собирался отправиться вечером с людьми своего возраста, и объяснил, что уже имеет приглашение.

— Тогда откажитесь от него, — резко указал ему посол. — Будьте у фрау Ригеле в восемь часов.

Проклиная свое положение младшего дипломата и холостяка, постоянно гоняемого с одного приема на другой, чтобы заполнять пустые кресла, он отправился тем вечером вместо пикника к себе на квартиру, чтобы одеться соответственно случаю. Штелен был уверен, что кто-то из приглашенных фрау Ригеле неожиданно покинул ряды гостей, и она вспомнила о нем, когда возникла проблема с заменой. Но когда, чуть погодя, он явился в ее дом и оказался за столом, то увидел, что кроме него присутствовало всего семь человек и место было приготовлено явно специально для него. Он сидел между Ольгой и Ильзой Геринг и едва успевал уделять внимание сразу обеим своим соседкам, «стараясь доставить удовольствие одной и в то же время получая удовольствие от обращения к другой».

Совсем поздно, когда он уже было собрался уходить, открылась дверь и вошел Геринг. Он прошел через комнату и, подойдя к Штелену, взял его руку двумя руками и приветствовал так, словно он был здесь долгожданным гостем. Потом он обнял его за плечи и, отведя в сторону, сказал:

— Знаю, вы уже наговорились с Боденшатцем и Удетом. Я очень рад.

И Геринг завел разговор о французской и германской авиации.

— Преимущество, которое мы теперь имеем перед вами, — говорил он, — заключается в том, что мы были вынуждены начать на пустом месте. Себе в сотрудники я подбирал только

энергичных людей с богатым воображением и передовыми идеями, способных участвовать в новых проектах и осваивать самолеты, которые мы планировали иметь в 1937 году. Я не брал людей, которые все еще жили прошлым, таких, которые, я думаю, все еще есть у вас, во всяком случае, если то, что я читал в газетах, правда.

Штелен, защищая французские военно-воздушные силы, стал возражать, что они находятся в процессе перестройки, что в производство внедряются новые материалы и что французские разработки подгоняются под требования современности и ближайшего будущего.

Геринг улыбнулся и взял его под локоть.

— Между тем, что делаю я, — сказал он, — и тем, что есть у вас, если вы не решитесь поменять руководство — скоро будет очень мало общего. Пойдемте на поле — пойдемте, и вы увидите наши тренировочные полеты, а потом посмотрите наши заводы. Я от вас ничего не утаю, и вы получите более точное представление о том, что такое люфтваффе.

Штелен принял это потрясающее для него приглашение и потом спросил у Геринга, как это люфтваффе сумели нарастить свою численность за такое короткое время.

— Я отстранил тех, кто всегда старается сделать лучше, — ответил тот. — Раз проект составлен и признан разумным и практичным и программа по его осуществлению началась, необходимо ее энергично выполнять и защищать от тех, кто критикует ее недостатки. Когда дело касается силы, количество принимается в расчет больше, чем качество. Необходимо находить компромисс между тем и другим.

В те дни он, конечно, не предполагал, что эти слова ему еще аукнутся.

Поль Штелен, вернувшись той ночью домой, сел писать отчет для своего посла и для Второго бюро в Париж. Он чувствовал, что в его отношениях с семейством Герингов была установлена своего рода веха. С этого дня на него не переставали сыпаться приглашения от Ольги Ригеле, и он стал видеть ее все чаще и чаще, у нее дома, в министерстве авиации, в Доме пилота (клубе авиаторов) и в Каринхалле. Она писала ему длинные письма, посылала подарки, когда отправлялась к себе домой в Баварию или в путешествия, и звонила ему в посольство, чтобы справиться о нем, если он уезжал в Париж.

«У меня даже в мыслях не было, — писал позднее Штелен, — когда я прибыл в Берлин, что я смогу узнать в результате простой и откровенной беседы, полной душевной близости, то, что дипломаты высокого ранга отчаянно пытались выяснить,

анализируя те или иные события, бесконечные интервью или изучая газеты».

Их отношениям суждено было длиться долго и сохраниться даже после того, как начавшаяся вторая мировая война сделала Францию и Германию противницами. Между тем французский капитан Поль Штелен в тот момент совершенно не подозревал, что он стал составной частью одной из самых эффективных хитростей Германа Геринга.

…На мюнхенских переговорах в сентябре 1938 года, в результате которых Невилл Чемберлен и Эдуар Даладье отписали Германии Судетскую область Чехословакии, Геринг особой роли не сыграл. Он просто был под рукой у Гитлера на случай, если бы тому потребовался его совет, и политики и репортеры, собравшиеся на заключение этой грандиозной предательской сделки, постоянно ощущали присутствие его тучной фигуры в небесно-голубом мундире, быстро перемещающейся из комнаты в комнату, где он непринужденно беседовал то с Чемберленом, то с Даладье, беря под руку графа Чиано, итальянского министра иностранных дел, и с его круглого, открытого лица ни на мгновение не сходила широкая дружелюбная улыбка.

Как он сам воспринимал эти политические торги?

— На самом деле все было понятно заранее, — впоследствии говорил он. — Ни Чемберлен, ни Даладье совершенно не были расположены чем-то жертвовать или рисковать ради сохранения целостности Чехословакии. Мне это было ясно, как день. По сути, судьба этой страны была оформлена в течение трех часов. После этого они еще четыре часа обговаривали слово «гарантия». Чемберлен продолжал перестраховываться, Даладье почти вообще не принимал участия в разговоре. Он просто сидел вот так, — Геринг вытянул ноги, осел на стуле и, придав лицу скучающее выражение, опустил голову. — Он лишь кивал время от времени в знак одобрения. Ни малейшего возражения ни против чего. Я был просто удивлен, с какой легкостью Гитлер всего добился. А ведь им было известно, что «Шкода» имеет в Судетах военные заводы и, следовательно, Чехословакия окажется полностью в нашей власти. Когда он предложил, чтобы часть чешского вооружения, которое находилось вне Судетской области, была переправлена туда, когда мы ее займем, я думал, что последует взрыв протестов. Нет — ни писка. Мы получили все, что хотели, просто сделав вот так, — он щелкнул пальцами. — Они не настаивали на консультации с чехами даже для формальности. Под конец французский посланник в Чехословакии сказал: «Ну, теперь я должен огласить вердикт приговоренным».

Вот и все. Вопрос совместных гарантий был улажен

фактически возложением их на Гитлера, который должен был обеспечить безопасность существования оставшейся части Чехословакии. Вскоре они узнали, какова этому была цена!

На самом деле всю работу Геринг сделал заранее, и если кому-то и можно было приписать создание атмосферы неопределенности и страха, в которой британский и французский премьер-министры приехали на переговоры в Мюнхен, так это именно Герингу. При этом не последнюю роль сыграл здесь его молодой друг из французского посольства капитан Поль Штелен.

На протяжении нескольких месяцев, последовавших за первым визитом в дом Ольги, Штелен с нетерпением принимал (с санкции посольства) не только все приглашения Герингов в гости, но и предложения посетить аэродромы, фортификации, предприятия и летные испытания и учения, которые были закрыты для всех других иностранцев в Германии.

Он был взят в тур по грандиозной системе укреплений — линии Зигфрида, которая закрывала западную границу Германии с Францией, Бельгией и Люксембургом, и был поражен размахом работ.

Карл Боденшатц, бывший его гидом, поспешил его заверить, что линия Зигфрида возводилась с самыми мирными намерениями в отношении Франции — она была нужна только для предотвращения конфликтов между двумя странами. Распоряжение о возведении линии отдал Геринг, как ответственный за четырехлетний план.

— Германское правительство хочет гарантировать себе полную свободу действий на востоке, — говорил Боденшатц, — чтобы сначала нейтрализовать чехословацкую угрозу на своем фланге, а затем — советскую, которая угрожает всей Европе… Я повторяю, что сооружение этой линии является свидетельством нашего дружеского расположения к вашей стране… Ваша миссия — африканская. Вы нашли за морями то, что считаете необходимым. Наша миссия, наша германская миссия, — европейская. Устраняя советскую угрозу, мы делаем вклад в вашу собственную безопасность, а также, если смотреть с социальной точки зрения, мы гарантируем тем народам, которые к нам присоединятся, как равноправным с нами, уровень жизни несравненно более высокий, чем тот, к которому они привыкли сейчас.

Штелен не знал, что у линии Зигфрида в 1938 году (и даже еще год спустя) имелись значительные и делавшие ее весьма уязвимой бреши, ибо его не подводили к этим зонам. Он, очевидно, подумал, что укрепления неприступны, и вместе с тем попал под впечатление от комментариев Боденшатца. Молодой

француз направил отчет своему послу, который немедленно передал его в Париж.

Его также возили на авиационные фабрики, и постепенно, стараниями самого Геринга, Боденшатца и Удета, в его голове сложилась картина современных германских военно-воздушных сил огромной мощи, способных доминировать над противниками и на том, и на другом фронте. В таком духе он и составил отчет, который был отправлен в Париж.

Поэтому когда в августе 1938 года командующий французскими военно-воздушными силами генерал Жозеф Вийемен прибыл с официальным визитом в германские военно-воздушные силы, он был уже хорошо подготовлен относительно того, что ему предстоит увидеть, чтобы из-за неожиданности потерять голову от страха. Тем не менее он был устрашен. Сначала его повели на завод Мессершмитта в Аугсбурге, чтобы посмотреть на налаженный выпуск Ме-109 и Ме-110, а после этого французскую делегацию повезли в Тактический экспериментальный центр люфтваффе в Барте, на балтийском побережье. Ради них было поднято в воздух большое количество самолетов всех типов, проведены бомбардировочные налеты и не только новыми средними Хе-111 и тяжелыми Д-17 бомбардировщиками, но и новыми Ю-87, которые пикировали и поражали движущиеся цели с ужасающей способностью.

Когда генерал Вийемен наконец вернулся из Берлина в Париж, «он рассказал генералу де Жеффре, главному военно-воздушному атташе, и мне о своем изумлении и тревоге в связи с тем, что услышал и увидел», — позднее написал Штелен. Правда, когда на прощальном приеме в Каринхалле Геринг спросил его, что будет делать Франция, если Германия нападет на Чехословакию, генерал твердо ответил:

— Франция останется верной своим обязательствам.

Но он знал, и Штелен знал, что генерал напуган и обязательно передаст свое настроение правительству, когда вернется. Так он и сделал.

Поэтому, когда в Мюнхене 29 сентября началось совещание представителей четырех европейских держав, Геринг был совершенно уверен, что по крайней мере французы отчаянно боятся войны и ухватятся за любую возможность, чтобы ее избежать. На самом деле когда в переговорах, начавшихся в полдень и длившихся до двух часов ночи, наступил момент, когда и англичане и французы как будто набрались решимости отклонить германские требования, и *pourparlers*[15] зашли в тупик, французский премьер Эдуар Даладье отозвал в сторону Поля Штелена.

— Вы летчик, — сказал он молодому воздушному атташе, — и вы виделись с командующим, генералом Вийеменом. Он крайне встревожен. Какова ваша точка зрения?

После этого на протяжении четверти часа Штелен рассказывал премьер-министру о люфтваффе, «об их огромной силе, о принципах применения, о тесном взаимодействии с сухопутными войсками, обо всем, что отличало их от наших собственных ВВС». Даладье слушал его с большим вниманием, а потом сказал:

— Вы тоже думаете, как и Вийемен, что после нескольких дней боев мы останемся без самолетов?

Штелен затруднился ответить, и Даладье не стал настаивать. Вместо этого он вернулся в зал совещаний и в конце концов вместе с Чемберленом подписал позорный Мюнхенский договор.

Когда он, вернувшись домой, охарактеризовал это соглашение как принесшее огромное облегчение, один его известный соотечественник, Алексис Леже, служивший в МИДе, заметил:

— *Ah, oui, un soulagement! Comme quand on a merde dans sa culotte*[16].

Герингу бы понравилась такая аналогия.

7 ноября 1938 года польский беженец-еврей по имени Гершель Грюншпан зашел в германское посольство в Париже и застрелил советника посла Эрнста фон Рата. Очевидно, он был психически неуравновешен из-за переживаний и страданий, вынесенных им и его родителями, и мотивы убийства звучали невнятно. К несчастью для евреев, он совершил свой отчаянный акт накануне годовщины мюнхенского Пивного путча, и это убийство явилось своего рода куском сырого мяса, брошенного кровожадным фанатикам из старой нацистской гвардии.

Геринг раньше принимал участие в празднествах дня Пивного путча, но в последние годы старался проводить как можно меньше времени со старыми борцами, и пивной зал, набитый вопящими и рыгающими ветеранами партии, внушал ему отвращение. Так и на этот раз он, как обычно, вскоре тихо удалился вместе с Карлом Боденшатцем и сел в ожидавший их специальный поезд, который должен был доставить их в Берлин. Германия уже погрузилась во тьму, и, проезжая мимо некоторых городов, они замечали в них полыхающие огни, а в Галле увидели даже огромный пожар. Только добравшись до Берлина, они узнали, что Геббельс произнес подстрекательскую речь, поднимая волну ненависти против евреев, которые, как он заявлял, были ответственны за убийство фом Рата. Теперь получившие приказы коричневорубашечники и эсэсовцы вместе с прочими юдофобами

поджигали дома и синагоги, громили магазины и предприятия и хватали евреев, чтобы отправить их в концлагеря.

Во всегерманском еврейском погроме, произошедшем ночью с 9 на 10 ноября и впоследствии названном «хрустальной ночью», было убито тридцать шесть евреев, столько же серьезно ранено, тысячи их были согнаны в концлагеря (откуда многим позднее позволили освободиться под залог). Общий ущерб составил 25 миллионов рейхсмарок, в Берлине почти все принадлежавшие евреям крупные склады и десятки фешенебельных магазинов на Курфюрстендамм были разграблены. Улицы в Германии покрылись тоннами осколков от разбитых витрин.

Геринг пришел в ярость. Он гневно обрушился на Геббельса и других «партайгеноссе» за содеянную глупость. В период дефицита буквально во всем ценная валюта теперь будет тратиться на покупку за рубежом стекла для восстановления витрин, потому что сама Германия справиться с этим не в состоянии. Кто будет оплачивать повреждения? Ну да, страховые компании — немецкие страховые компании.

— Просто удивительно, до чего вы горазды создавать проблемы! — раздраженно говорил он Геббельсу, а Гейдриху крикнул: — Уж лучше б вы убили пару сотен евреев, чем позволили уничтожить все эти ценности.

Когда Геринг вернулся домой в конце этого нервного, бесконечного дня, то увидел встречающую его Эмму и застонал. Она держала в руках листок бумаги, и Геринг догадался, что это очередной список евреев, нуждающихся в помощи. Он позвонил Пилли Кёрнеру и попросил его позвонить в гестапо, чтобы узнать новости о друзьях Эммы.

— Если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, ты превратишь Гиммлера в моего врага, — сказал он Эмме.

На следующий день он получил короткую записку от фюрера, в которой говорилось, что его жена опять вмешивается, заступаясь за евреев. Это следовало прекратить.

— Теперь ты видишь? — закричал Геринг. — Ты настраиваешь против меня даже фюрера. — Ох уж эти евреи! Они сведут меня в могилу.

Но в тот момент он не боялся, что «сентиментальность» — как он это называл — его жены создаст ему проблемы с фюрером. Все шло очень хорошо. И хотя успехи, которые переживала Германия, Гитлер относил прежде всего на счет собственной смелости и политической проницательности, Геринг был убежден, что доля его заслуг в том, как они ловко обошлись с западными демократическими державами, тоже велика.

После того как он сумел убедить французов в сентябре 1938-

го, перед самым Мюнхеном, что у него имеется достаточно сильная авиация, чтобы уничтожить их собственные ВВС и разбомбить их города, у Геринга не осталось никаких сомнений, что запугивание работает, и он продолжил использовать предполагаемую мощь люфтваффе подобно тому, как Соединенные Штаты и Советский Союз стали использовать после второй мировой войны атомную бомбу — как мощное сдерживающее средство. В марте 1939 года он прервал по указанию фюрера свой отпуск, который проводил в Сан-Ремо, и снова громко побряцал своими бомбардировщиками перед другим перепуганным политиком.

На этот раз это был престарелый президент Чехословакии, вернее, того, что от нее осталось, — Эмиль Гаха. Он тоже сломался, не выдержав давления рейхсмаршала, который стал стращать старого слабого человека бомбовым дождем, который были готовы обрушить на Прагу его страшные самолеты — как заявлял Геринг, уже греющие моторы на аэродромах, — и подписал договор, согласно которому его республика лишалась независимости и становилась протекторатом рейха «Богемия и Моравия». На самом же деле погодные условия были слишком плохими для воздушных операций, эскадрильи бомбардировщиков были не вполне готовы к налетам и даже двинувшиеся к Праге германские пехотные и механизированные части из-за ужасной погоды испытывали в дороге немалые трудности. Но никто не пытался их остановить.

Блеф опять сработал. Ну и что, что при этом президент Гаха до смерти напугался его громогласных угроз? Разве он не вызвал личного доктора Гитлера, чтобы привести его в чувство? Что значил обморок старика по сравнению с тем фактом, что войны с Чехословакией, которая также могла означать и конфликт с Советским Союзом и Западом, удалось избежать?

«Это удивительно, — говорит по этому поводу Томас фон Кантцов, который видел Геринга вскоре после этого, — но Герман никак не мог избавиться от чувства, что он ведет себя как неотесанный грубиян. „Согласен, что непорядочно так поступать, — то и дело говорил он Эмме. — Я не жестокий человек. И мне не доставляет никакого удовольствия пугать старых людей. Но почему чехи выбрали себе в руководители такую немощь? И подумай об ужасах, от которых я уберег чешский народ, заставив этого старого дурака поставить свою подпись. Иначе его любимая Прага превратилась бы в руины“».

Эмма заметила: «Но ведь ты говорил мне, что твои бомбардировщики не смогут взлететь. Да в любом случае, я думаю, что ты просто блефовал — ведь ты не имел намерений

бомбить Прагу».

Герман ухмыльнулся: «Да, но ведь старик об этом не знал». После этого он покачал головой, заметив: «И все-таки было непорядочно так поступать».

Словно во искупление греха, он сказал жене, что просмотрит ее список евреев и антинацистов и подумает, что сделать для того, чтобы помочь им покинуть страну. В то же время он позвонил Карлу Боденшатцу и загрузил его делом, от которого тот пришел в изумление. Геринг послал его в Мюнхен разыскать Эльзу Баллин и ее сестру — двух еврейских женщин, которые укрыли его и промыли раны после провала Мюнхенского путча в 1923 году. Он велел Боденшатцу передать им, что для них стало небезопасно оставаться в Германии и они должны немедленно начать готовиться к отъезду. Им следует сходить в генеральное консульство Аргентины в Мюнхене и подать прошения на визы, которые — они могут быть уверены — им предоставят. Вскоре после этого сестры Баллин без помех уехали и им даже было позволено взять с собой деньги.

Тем временем в Берлин приехала баронесса Лилли фон Эпенштейн, у которой нервы были уже на пределе. Он хотела встретиться со своим юрисконсультом в Германии и немедленно составить документ на передачу замка Фельденштейн во владение Герингу и его дочери. Маутерндорф должен был отойти им после ее смерти. Но она смертельно боялась начала войны и стала умолять Геринга помочь ей получить разрешение, чтобы уехать из Европы. Геринг устроил ей разрешение на выезд, и, подав прошение, она получила американскую визу для посещения родственников в Чикаго. Америка ей не понравилась, и баронесса Лилли вернулась в Маутерндорф. Она приехала летом 1939-го, а 1 сентября, услышав по радио, что немецкие войска вторглись в Польшу, умерла от сердечного приступа.

«Все лето 1939 года Герману не давало покоя, — рассказывает Томас фон Кантцов, — что безумцы в партии собирались ввергнуть Германию в войну. Он разражался гневными тирадами в адрес Риббентропа, пышущего злобой в отношении Англии, но из его слов никак нельзя было догадаться, что Гитлер тоже хочет войны. Геринг постоянно повторял:

— В войне нет никакой необходимости, и как глупцы этого не понимают? Если бы фюрер поручил это дело мне, я бы позаботился, чтобы у Германии было свое место под солнцем и мир для целого поколения — но без войны».

Но в то же время, как главнокомандующий люфтваффе и диктатор германской промышленности, он обязан был готовить Германию к войне, и Томас фон Кантцов, отдыхая на озере у

Каринхалле или возвращаясь с прогулки по лесу, постоянно видел подъезжающие и отъезжающие лимузины. У дверей зала совещаний стояли вооруженные охранники, а изнутри доносился гул голосов, через который то и дело прорезался пронзительный, полный раздражения голос Геринга.

В череде тех совещаний одним из наиболее важных было то, которое он провел с руководителями германской промышленности. Геринг заявил, что над Европой висит угроза войны и виноваты в этом евреи. Промышленность Германии должна быть в состоянии принять вызов. Она же производила все еще слишком много потребительских товаров для внутреннего рынка.

— Что значит ваша продукция для отечественного рынка на фоне глобальных интересов нации? — спрашивал он. — К сожалению, так думают еще очень многие.

Вглядываясь в сидевшую перед ним аудиторию, Геринг заметил, что одно лицо отсутствует. Не было Фрица Тиссена, могущественного рурского магната, и он не знал, что с ним. После совещания он спросил у Мильха, который тоже был здесь, что случилось с Тиссеном, но тот тоже был не в курсе.

Тем же вечером Геринг позвонил в Эссен, связался с Тиссеном, и тот, пробормотав извинения, сослался на недомогание, однако Геринг, который знал его уже многие годы, чувствовал, что здесь что-то не так. Поддавшись внезапному порыву, он заявил промышленнику, что через несколько дней приедет в эссенскую «Националь-цайтунг» на встречу акционеров (Геринг являлся одним из главных держателей акций этой газеты, которая была его главным рупором в Германии. Фриц Тиссен финансировал покупку его доли акций — так же как помог Герингу деньгами, когда тот вернулся в Германию из Швеции) и что он воспользуется этой возможностью, чтобы увидеться с ним. Часть этого путешествия Геринг проделал на своей новой моторной яхте «Карин-И», которая была пришвартована в небольшом городке на Рейне с Робертом Кроппом в качестве рулевого и в назначенном месте приняла его на борт. Встретивший его Тиссен выглядел бледным, озабоченным и нервным и на расспросы Геринга отвечал уклончиво. В конце концов он сознался, что ему не нравится то, какой оборот в последнее время принимают события. У него имелись источники информации во французском правительстве, и то, что он узнал из них, сильно его встревожило. Известно ли Герингу, осведомился Тиссен, что германское правительство, с очевидного одобрения Гитлера, нащупывает почву на предмет заключения соглашения с Москвой? Казалось совершенно неправдоподобным, чтобы кому-

то в нацистских верхах в голову могла прийти мысль заключить пакт с красными, но если это было правдой, то подобная дипломатия могла обернуться трагедией для Германии, ибо она открывала дорогу силам большевизма.

Геринг очень хорошо знал, что информация Тиссена верна, ибо он сам подсунул ее французскому правительству. 2 мая 1939 года он поручил Карлу Боденшатцу провести встречу с Полем Штеленом, в ходе которой помощник Геринга заострил внимание француза на последней речи Гитлера, которая была яростно антипольской, но не содержала ни одного упоминания о Советской России.

— Поляки думают, что они могут быть заносчивыми и самонадеянными в отношении Германии, — заметил Боденшатц, — потому что они надеются на поддержку Франции и Британии и рассчитывают, что в случае войны получат материальную помощь от России. Они дурачат сами себя. Точно так же, как фюрер не стал решать проблемы с Австрией и Чехословакией, не заключив предварительно секретного соглашения с Италией, он не будет разрешать напряженные отношения с Польшей, не достигнув предварительного согласия с Советской Россией… На этот раз войны на два фронта не будет.

Геринг постарался уверить своего встревоженного доброго друга Фрица Тиссена в том, что фюрер знает, что делает, и что переговоры с Москвой затеяны только для того, чтобы удержать мир от войны. Геринг остался у Тиссена ужинать и снова обошел его дом, чтобы в который раз полюбоваться статуэтками Майоля и восхититься картинами Каналетто, Рембрандта и Эль Греко. Ему и в голову не могло прийти, что человек с таким состоянием и художественными великолепными ценностями уже близок к тому, чтобы пойти на решительные шаги, радикально изменившие его жизнь.

Крушение последних надежд

Как вы уже поняли, отношения Геринга с его «партайгеноссе» никогда не были особенно близкими, но отныне начали резко ухудшаться. Гиммлер постоянно пребывал в холодной ярости из-за непрекращающегося вмешательства в его антиеврейские мероприятия и просил Гитлера предостеречь Геринга от привычки идти на поводу у «сентиментальных слабостей» жены. Риббентроп подозревал (и вполне справедливо), что Геринг не питает доверия к его дипломатическим методам и полон стремления показать, что способен выполнять возложенные на него миссии лучше него, потомственного дипломата. А тлеющая неприязнь между ним и Геббельсом разгорелась в открытую враждебность.

Виной тому послужило аморальное поведение Йозефа Геббельса. Геббельс был постоянно озабочен личной жизнью и, несмотря на свой небольшой рост и хромоту, пользовался успехом у женщин: его дневники изобилуют описаниями его амурных побед. Став главным распорядителем германского кинематографа — в силу того что он являлся министром пропаганды, — Геббельс не преминул воспользоваться своим положением и принялся шантажировать молодых киноактрис.

Гитлер с терпимостью относился к сексуальным похождениям своих главных помощников (хотя к себе на завтрак, чай, обед и ночные кинопросмотры он позволял им приходить только с женами), но активность Геббельса превысила все границы, а унизительное положение его очаровательной жены Магды настолько громко обсуждалось, что он сделал «маленькому доктору» внушение вести себя более благоразумно. Геббельс обещал исправиться и стал повсюду являться со скорбно-страдальческим лицом и уныло демонстрировать свою благопристойность.

Однако на самом деле у него разыгрался еще более бурный, чем когда-либо, роман с известной чешской актрисой Лидой Бааровой, темноволосой красавицей с парой самых длинных в Германии ног. Геббельс был уверен, что сохраняет эту связь в тайне, и пришел в ярость, когда обнаружил, что Герингу и Эмме все известно.

Как они могли все узнать? Зная о прослушивающей службе Геринга, он стал думать о способе, как ему избежать третьего уха всякий раз, когда он хотел поболтать со своей последней пассией, и придумал: специалисты подключили его к линии личного телефона Эммы Геринг, и он стал пользоваться ею для ведения

долгих страстно-эротических бесед с Лидой Бааровой.

Он начал бушевать, когда узнал, что Эмма Геринг, пришла на чай к Магде Геббельс и все ей рассказала, и разъярился еще больше, когда до него дошло, что Геринг принес записанный разговор Гитлеру, и они, потешаясь, зачитывали друг другу наиболее возбуждающие отрывки.

— Но откуда они могли узнать?! — недоумевал Геббельс во время объяснения с женой. — Ведь я предпринял все меры предосторожности!

— Ты разве не знаешь? — холодно ответила Магда. — Телефон Эммы Геринг тоже прослушивается.

Конфликт вышел серьезным, так что Магда потребовала, чтобы Геббельс оставил ее и детей. Семейный кризис Геббельсов усугубился тем, что в Магду, сочувствуя ей, безумно влюбился статс-секретарь из министерства пропаганды, Карл Ханке, который был намного моложе нее.

Постепенно ему удалось добиться ее взаимности, и дело дошло до того, что Ханке стал просить Гитлера санкционировать развод фрау Геббельс. Однако Гитлер, с тем чтобы не допустить скандала, который бы повредил авторитету партии в целом, своего согласия на развод не дал.

Между тем Геббельс, не желая терять жену, умную, элегантную женщину, насел на нее и принялся грозить и обещать, что у нее заберут детей. В конце концов на третий день он добился своего, вырвав у Магды обещание никогда больше не видеться с Ханке приватно. При этом он не простил Герингу вмешательства в свою личную жизнь, имевшего для него такие тягостные последствия.

Шло лето 1939 года, и война в Европе была уже совсем близко. Отказавшись прийти на помощь Чехословакии в 1938 и 1939 годах, Британия и Франция — словно для того чтобы загладить чувство вины — теперь обещали оказать содействие Польше, если Германия нападет на нее. Геринг отчаянно искал пути, как перехитрить ненавистного ему Риббентропа, который желал войны с Великобританией, и убедить британцев «увидеть разумное основание» для невмешательства.

«Он всегда спрашивал, почему британцы проявляют такое упорство в вопросе о Данциге и Польском коридоре, которые Германия только и хотела получить от Польши, — вспоминает Томас фон Кантцов. — Неужели они не понимают, говорил Герман, что и то, и другое являлось частью Германии и их нельзя отрывать? Что бы сказали сами британцы, если бы кто-нибудь отнял у них Нормандские острова — где даже не говорят по-английски? Они не успокоились бы до тех пор, пока не вернули

их обратно; это же относится и к Гонконгу, и к Гибралтару».

Получилось так, что, благодаря посредничеству Томаса, Герингу удалось, как он думал, обойти Риббентропа и добиться внимания британцев. Примерно за год до этого пасынок Геринга начал работать в Швеции на фабриканта по имени Биргер Далерус. Далерус имел тесные связи с некоторыми видными членами консервативной партии и представителями делового мира Великобритании. При этом он был также немного знаком и с Герингом, и в один из самых напряженных предвоенных месяцев — это был август — ему пришло в голову, что он может сделать полезное дело: стать связующим звеном между двумя сторонами.

Он приехал вместе с Томасом в Каринхалле, чтобы обсудить эту идею, и Геринг немедленно за нее ухватился. В итоге было решено, с разрешения Гитлера, пригласить нескольких влиятельных британцев на встречу с Герингом, на которой могли бы быть открыто обсуждены Общие проблемы. Вначале было предложено, чтобы встреча состоялась в Швеции, в средневековом замке графа фон Розена, и Геринг сразу поддержал такой вариант. Он чувствовал, что мирные переговоры в том месте, где он встретил свою обожаемую Карин, просто не могут не быть плодотворными.

Но потом решили, что будет просто невозможно скрыть внушительных габаритов персону Геринга от шведской прессы и неизбежно произойдет утечка информации о переговорах. Вместо этого местом рандеву был выбран дом жены Далеруса в Шлезвиг-Гольштейне, где тайну сохранить было намного проще. В назначенный день, 7 августа, Далерус вместе с Томасом прибыл из Швеции, британская делегация (состоявшая только из крупных бизнесменов, так как британское правительство в последний момент решило не посылать официальных лиц) из Англии, а Геринг, которому оказалось путешествовать ближе всех, приехал с острова Зильт — у Эммы там имелся дом на побережье, где она любила предаваться своему любимому наслаждению — загорать обнаженной.

Томас, который тоже присутствовал на переговорах и наблюдал за своим отчимом, отдал должное тому, как Геринг вел диалог.

«Он все время сохранял спокойный, немного веселый тон и никогда не раздражался, о чем бы ни говорил, — вспоминал он впоследствии. — Я не думаю, что он очень хорошо себя чувствовал в это время, — сильно потел и выглядел совершенно подавленным, когда мы оставались вдвоем. Но он старался сделать доброе дело для Германии, и думаю, что на британцев он тоже произвел впечатление, особенно тем, что выслушивал все,

что они говорили, не пытаясь прерывать или посадить их в калошу».

Результатом этой встречи стала договоренность о дальнейших переговорах, которые продолжались весь август и сентябрь. Далерус приезжал вместе с Герингом к Гитлеру, а затем отправлялся в Лондон, чтобы встретиться с Чемберленом и лордом Галифаксом, министром иностранных дел. В некоторых из этих поездок его сопровождал Томас фон Кантцов.

«Думаю, что я был своего рода удостоверением подлинности миссии Далеруса, — говорил позднее Томас. — Всякий раз, когда у британцев появлялись сомнения относительно того, что предлагал Далерус, я ловил на себе их взгляды, которые словно говорили: „Да, должно быть, все так и есть, как он говорит; чтобы это подтвердить, он привез с собой пасынка Геринга“. Приезжая в Лондон, я останавливался в гостинице „Стрэнд-пэлейс“ и в свободное время отправлялся гулять по Трафальгар-сквер и кормить голубей. Когда я возвращался и рассказывал Эмме о Лондоне — я имею в виду жизнь и людей, не политику, — я чувствовал, что Герман завидует. Я хорошо знал, как бы ему хотелось поехать в Лондон самому».

На самом деле как раз это Геринг и планировал сделать. Переговоры Далеруса не давали того эффекта, который он ожидал от Чемберлена и британского правительства. Британский кабинет (хотя и не сам Чемберлен) больше не желал верить ни одному из германских представителей, приезжавших с «разумными» предложениями о разрешении сложившейся ситуации. Разочарования, вызванные Мюнхенским пактом и его последствием, оккупацией Чехословакии, убедили британцев, что война неизбежна и что Геринг — просто сладкоречивая сирена, пытающаяся ослабить их решимость.

Но Геринг действовал искренне. Он не желал войны. Он считал, что поляки дерзкие и безрассудные и что полученные ими англо-французские гарантии сделали их самоуверенными и они стремятся к войне с Германией, которую надеются выиграть. И наоборот, он был уверен (и, как оказалось, резонно), что если бы британцы постарались склонить поляков к переговорам, вместо того чтобы аплодировать им, когда они бьют себя в грудь, конфликта удалось бы избежать. Когда стало ясно, что Далерусу не удастся договориться с британцами, он решил попытаться это сделать сам.

Примерно 19 августа 1939 года Геринг увиделся с Гитлером и получил у него разрешение полететь в Лондон при условии согласия на это Чемберлена, чтобы переговорить с премьер-министром и другими членами кабинета. Утром 21 августа он

позвонил Далерусу в Стокгольм и сказал ему:

— Я собираюсь попробовать нечто совершенно другое. Думаю, это единственный способ пробить глухую стену.

Не став ничего объяснять, он закончил разговор, а примерно в это же время британский посол в Берлине, Невил Гендерсон (который всегда считал, что Геринг — единственный «разумный» человек в нацистской партии), благополучно отправил в Лондон шифрованную телеграмму, в которой сообщалось, что Геринг готовится вылететь в Британию 23 августа для переговоров с премьер-министром Невиллом Чемберленом.

Его визит следовало хранить в глубочайшей тайне, поэтому Геринг не мог лететь прямо в Лондон. Вместо этого со стороны королевских военно-воздушных сил поступило предложение, чтобы он приземлился на небольшом аэродроме у Бовингдона, в графстве Херефордшир, откуда его доставили бы прямо в Чекере, официальную загородную резиденцию премьер-министра в графстве Бэкингемшир. Основной штат сотрудников Чемберлена предполагалось на время переговоров отпустить, а функции по обслуживанию встречи поручить службе контрразведки.

«Все телефоны предполагалось отключить, — вспоминает лорд Галифакс. — Возникало ощущение приближающейся драматической интерлюдии, и, сделав все приготовления, мы стали ждать подтверждения встречи из Германии».

Но они его так и не получили. Вместо этого вечером 21 августа 1939 года центральное германское радио остановило трансляцию музыки и объявило:

«Правительство великого германского рейха и правительство Союза Советских Социалистических Республик пришли к соглашению о заключении взаимного пакта о ненападении. Министр иностранных дел рейха фон Риббентроп в среду 23 августа прибыл в Москву для завершения переговоров».

Это был час триумфа Риббентропа, и он не скрывал своего торжества. Он слышал о шведском посреднике Геринга (имеются серьезные основания полагать, что в какой-то момент он планировал устроить крушение самолета, доставлявшего шведа в Англию) и его плане лично отправиться в Англию. Теперь он показал фюреру, что в этом нет необходимости. К чему было беспокоиться об «убеждении» британцев? Теперь они *должны* будут отступить. Но Геринг в это не верил, у него не было сомнений в том, что англичане останутся верными своим гарантиям Польше, если только он не сумеет найти пути их обхода. А это можно было попытаться сделать только в ходе личных переговоров.

Но Гитлера это, похоже, больше не интересовало. Как и

Риббентроп, он склонялся в сторону войны и был уверен, что она скоро закончится.

Вскоре после объявления о заключении советско-германского пакта Гитлер вызвал к себе в рейхсканцелярию Геринга. Явившись туда, он застал фюрера бледным, нервно вышагивающим по просторному кабинету, размахивающим руками.

— Ваш добрый друг Тиссен — вы знаете, что он сделал? — закричал он. — Он убежал от нас. Покинул Германию. И осмелился оставить вот это!

Он швырнул Герингу лист бумаги, и тот прочел его с возрастающим смятением. Это было послание Тиссена Гитлеру, написанное им для публикации в немецкой прессе, в котором объяснялись причины его отъезда из Германии. Оно ясно показывало разочарованность Тиссена в национал-социализме и было полно горьких упреков Гитлеру за его политику террора, за гонения на священников и евреев, за подталкивание страны к войне и за договор с коммунистами, которым они столько лет совместно противостояли, переполнивший его чашу терпения. Он призывал его одуматься и заканчивал словами: «Продолжение вашей политики будет означать конец Германии».

Геринг положил бумагу и сказал:

— Фриц переутомился. Должно быть, у него временное помрачение рассудка. Предоставьте это мне, я его верну.

Он поручил Боденшатцу и Пилли Кернеру выяснить маршрут бегства Тиссена, но местопребывание промышленника удалось установить лишь благодаря его «телефонистам»-подслушивателям. Он находился в Париже, и они дали ему его телефонный номер.

Геринг немедленно позвонил ему, но Тиссен отказался говорить со своим старым товарищем. Вместо этого он прислал 31 августа телеграмму, в которой просил Геринга устроить публикацию его манифеста в германских газетах. Рейхсминистр отправил ему ответ с просьбой немедленно вернуться, обещая, что, если он одумается, Гитлер его простит.

«Предпочитаю дождаться конца национал-социализма здесь», — ответил телеграммой Тиссен. (Конца национал-социализма Фрицу Тиссену пришлось дожидаться в концлагере, куда он попал вместе с женой после оккупации Франции немцами и откуда был освобожден в 1945 году.)

К этому времени германские войска уже пересекли польскую границу, и вторая мировая война началась.

В следующем году Геринг достиг апогея своей карьеры. В последние, предшествовавшие нападению на Польшу дни в его с фюрером отношениях возник холодок, и хотя Гитлер публично (в

своей речи в рейхстаге) назвал его своим преемником в случае собственной смерти, у Геринга возникла мрачная уверенность, что это просто подачка, брошенная ради удовлетворения тщеславия люфтваффе, а новые политические планы будут и дальше строиться у него за спиной.

Но потом он забыл о своих обидах, поскольку успешно началась кампания в Польше, в ходе которой польская армия перестала существовать как организованная сила уже через пару недель, и этому в значительной степени способствовали энергичные действия люфтваффе. Польская авиация была уничтожена фактически за два дня. Чуть более 900 самолетов, из которых не более половины отвечало современным требованиям, оказались захваченными врасплох, и большая их часть была уничтожена еще на земле. После этого пикирующие «штуки» приступили к поддержке армии на поле боя и нанесению ударов по неприятельским опорным пунктам, железнодорожным и шоссейным коммуникациям, повсюду сея ужас своим диким воем и метко падающими бомбами. В результате организованное завершение мобилизации польских вооруженных сил и крупные оперативные переброски войск по железной дороге стали невозможными, управление и связь также были серьезно нарушены, и польское командование с самого начала оказалось почти бессильным что-либо предпринять.

В итоге блестяще проведенная кампания «блицкрига» заняла практически меньше трех недель, и значительная заслуга в этом принадлежала летчикам Геринга. На радостях он даже послал наркому обороны СССР маршалу Ворошилову транспортный самолет в знак признательности за то, что тот разрешил немцам использовать широковещательную радиостанцию Минска в качестве дальнего приводного радиомаяка. Отправляясь в рейды против польских воинских соединений и городов, штурманы бомбардировщиков люфтваффе уточняли свои маршруты, настраиваясь на частоту Минска.

Геринг стал героем дня и явно наслаждался этим. Его походный поезд проследовал по вновь ставшему германским Польскому коридору в Данциг, где его ждали бурные приветствия «освобожденных» жителей. Он отправился в Польшу, чтобы осмотреть Варшаву, которая, несмотря на неоднократные предложения немцев прекратить борьбу, держалась до 28 сентября и была сильно разрушена артиллерийским огнем и бомбардировками, а также Львов и издал первые директивы о вывозе сырья и мобилизации рабочей силы для обеспечения потребностей военных заводов рейха; начались облавы на евреев, их имущество и произведения искусства конфисковывались. Так

начали осуществляться меры, которые за ближайшие несколько лет должны были привести к ограблению целой страны и довести до полуголодного существования миллионы людей. Впоследствии в оправдание этих жестоких действий Геринг говорил, что они должны были носить кратковременный характер и проводиться «до того момента, когда союзники одумались бы и заключили мир» и что «ситуация была — мы или они».

То, что он по-прежнему серьезно продолжал искать мира, — правда. 8 ноября 1939 года, в очередную годовщину мюнхенского Пивного путча, в пивной «Бюргербройкеллер», рядом с тем местом, где лишь несколькими минутами ранее выступал Гитлер, взорвалась заложенная бомба. Министерство нацистской пропаганды обвинило в этом британскую разведку, но одновременно пополз слух, что за покушением мог стоять Геринг. Ведь в этот раз он даже не показался на ежегодном сборище ветеранов НСДАП, сославшись на плохое самочувствие, и это казалось чрезвычайно подозрительным. Но Геринг был конечно же ни при чем. Просто ему совсем не хотелось дуть пиво с «упёртыми» партийцами, к тому же он был очень занят разработкой планов по выведению Британии и Франции из войны. При этом он в самом деле в присутствии Боденшатца сказал Эмме, что если бы Гитлера убило бомбой, то он, как его преемник, немедленно остановил бы боевые действия, вывел войска со всех негерманских территорий и начал бы мирные переговоры с союзниками.

Но, конечно, так явно он не проявлял своих намерений при контактах с британцами. Геринг по-прежнему пользовался услугами Биргера Далеруса как посредника и 10 сентября 1939 года отправил к нему в Стокгольм Томаса фон Кантцова (который жил в Каринхалле) с письмами от двух пленных английских летчиков, которые разбрасывали листовки, взывавшие к нравственности немцев, и были сбиты над Германией. Геринг дал свои личные заверения, что с этими людьми будут обращаться достойным образом, и попросил его передать это и их письма британцам.

Далерус сразу же отправился повидаться с сэром Эдмондом Монсоном, британским посланником в Швеции, и вручил ему письма как доказательство доброй воли Геринга. После этого он, по собственной инициативе, заверил британского посла, что «популярность герра Гитлера падает» и что «Геринг является единственным человеком, который пользуется всеобщим доверием». Он утверждал, что Геринг, «в противоположность остальным членам германского правительства, абсолютно надежный человек и он поручился бы своим добрым именем за

соблюдение взятых на себя правительством Германии условий и сам лично вел бы переговоры о перемирии. И в этом он наверняка получит поддержку немецкого народа, который не хочет войны».

Томас говорит, что Геринг не давал Далерусу, насколько ему известно — а ведь он был курьером, — никаких намеков на то, что он готов действовать за спиной у Гитлера, чтобы достичь мира. Да, он хотел обойти Риббентропа, но его верность фюреру была так же непоколебима, как и прежде.

Что на тот момент ему действительно представлялось необходимым, так это инициирование хоть каких-то переговоров между британцами и немцами, и он был убежден, что является для их ведения наиболее подходящей фигурой. Он снова видел себя крылатым посланником мира и всерьез подумывал над тем, чтобы (если бы британцев удалось на это уговорить) сесть в самолет и отправиться в какую-нибудь нейтральную страну, где он мог бы обсудить с англичанами соглашение о прекращении войны.

26 сентября Далерус прилетел в Берлин и вместе с Герингом отправился к Гитлеру. Фюрер пребывал в агрессивном настроении и, слыша поток победных реляций из Польши, был полон заносчивого самодовольства. Британцы, видимо, не понимали, что заключение мира на условиях *status quo ante*[17], другими словами, уход немцев из побежденной Польши был невозможным. Теперь уже русские на пару сотен километров продвинулись к западу, оккупировав восточную часть Польши и встав вдоль заранее обусловленной демаркационной линии, проходившей через Брест, по Бугу и через Львов. Если бы случилось невероятное и Гитлер согласился вывести свои войска, то Сталин бы свои, естественно, не отвел и, учитывая существующую ситуацию, вряд ли стал бы долго мешкать, прежде чем оккупировать остальную часть Польши.

Поэтому Гитлер просто сказал Далерусу, что англичане могут добиться мира, «если они этого хотят» и «если они поторопятся». Он однозначно не собирался уходить из Польши, но приготовился дать гарантии того, что нейтралитет Голландии и Бельгии будет немцами уважаться, что Западный вал, или линия Зигфрида, будет «неизменным западным рубежом Германии» и что «Германия больше не стремится ни к каким завоеваниям ни на Западе, ни на Балканах». Что же касается Польши, то он собирался включить районы, где проживают этнические немцы, в Германию и Австрию, а остальную часть использовать для переселения и как «богадельню» для евреев.

На следующий день Биргер Далерус отбыл в Голландию, где ему была вручена специальная виза британским послом сэром

Невиллом Бландом и организован срочный перелет в Лондон. По мнению Геринга, он не мог прибыть в более подходящий момент. Британский премьер-министр Чемберлен уже созрел для начала переговоров о мире.

«Он наступит не в результате поражения на поле боя, — писал Чемберлен примерно в это время (в письме своей сестре от 11 ноября 1939 года), — но как следствие осознания немцами того, что они не смогут победить и что им не стоит дальше худеть и беднеть ради войны, когда они могут получить немедленное облегчение, не поступившись, возможно, ничем из того, о чем они так пекутся».

В этот раз Далерус беседовал с сэром Александром Кадоганом, заместителем министра иностранных дел, и он рассказал ему о желании Геринга встретиться в нейтральной стране для мирных переговоров. Геринг предлагал, чтобы это был разговор «солдата с солдатом» с кем-нибудь вроде генерала Айронсайда, тогда начальника имперского генерального штаба. Он также упомянул о «сроках», как их обозначил Гитлер на их встрече 26 сентября. Кадоган был настроен скептически.

— Все это или кое-что из этого, должно быть, чудесно, — сказал он, имея в виду предложения, — но мы не можем верить слову или обещаниям нынешних правителей Германии.

Герингу они могут доверять, стал настаивать Далерус и принялся горячо описывать серьезные и искренние намерения его доброго друга Геринга привести «эту ненужную войну» к мирному завершению.

Замминистра пообещал сообщить об инициативах шведа кабинету. Он так и сделал, и в результате мнения членов кабинета разделились. Чемберлен и его ближайшие соратники предполагали, что Геринг может состоять в каком-нибудь из антигитлеровских заговоров, которые тогда зрели в Германии, и, видимо, были убеждены, что фельдмаршал готов предать фюрера, чем демонстрировали полное непонимание его характера. (Парадокс: он никогда не входил ни в какие антигитлеровские заговоры, но — и в этом заключалась определенная ирония — в случае убийства или ареста Гитлера некоторые из главных заговорщиков, и среди них Канарис (руководитель абвера), Ульрих фон Хассель и братья Кордт (видные германские дипломаты) считали его единственным возможным главой нового режима.)

«Его [Гитлера] окружение тоже должно уйти, — пишет Чемберлен сестре, рассуждая о необходимости устранения фюрера, — за возможным исключением Геринга, который мог бы занять какой-нибудь декоративный пост в переходном

правительстве».

Другая фракция в кабинете (возглавляемая Уинстоном Черчиллем, тогда еще не премьером, а военно-морским министром), которая была сильнее, твердо считала, что Польша должна быть восстановлена *in toto caelo*[18] ее завоевателями и к тому времени, когда это реально можно сделать. На фоне такой позиции мирные инициативы Геринга, а вместе с ними активность Далеруса постепенно теряли смысл. Уильям Девис, специальный американский эмиссар, посетивший Геринга в октябре 1939 года, нашел его уже явно менее агрессивным в попытках примирения, но по-прежнему убежденным в необходимости мира. (Даже шесть месяцев спустя, беседуя с Самнером Уэллзом, заместителем государственного секретаря Соединенных Штатов, Девис говорил: «Ситуация была ясной. Германия хотела только мира… и вину за все военные действия следует возлагать не на Германию, а на ее противников…» и был готов перед богом и людьми утверждать, что Германия не желает этой войны. [Это, безусловно, было так — этой войны, в той форме, которую она приняла, не желал даже Гитлер, и она могла устраивать только одну державу — Советский Союз.])

Геринг был разочарован. Он приложил массу усилий и был готов пойти на определенный риск, чтобы остановить войну с самого начала и быстро завершить ее, когда она уже началась. Но британцы продолжали отклонять все его предложения и выдвигать неприемлемые для нацистов условия на тех переговорах, в которых соглашались участвовать, и его настроение начало меняться. Он стал смотреть на британцев как на высокомерных упрямцев, которым следует преподать хороший урок. Ну ладно, они его получат — люфтваффе покажут им, как глупо отказываться от здравых решений!

Гитлер тоже был удивлен и разозлен твердостью британцев в поставленных ими условиях, но вместе с тем он не хотел выглядеть слишком «добреньким» по отношению к Западу, не зная до конца, как это может подействовать на Советский Союз, в нейтральной позиции которого он так нуждался. Для укрепления этого нового альянса он велел Герингу дать понять союзникам, что будущее Польши является германско-советским делом, а не только германским.

В ноябре 1939 года визиты Далеруса в Лондон прекратились. Германия и союзники постепенно привыкали к скуке и обманчивому спокойствию так называемой «странной войны».

В один из дней, когда Геринг находился в Каринхалле, группа разведки и перехвата сообщила ему сведения, что Гитлер планирует не нападение на Англию, которого он так желал, а

вторжение в Скандинавию. Он рванулся в Берхтесгаден и больше с обидой, чем с гневом, стал выяснять у Гитлера, почему он официально не проинформировал его об этих планах.

Это потому, сказал ему фюрер, что Геринг нездоров (он страдал от опухания рук и суставов) и он хочет, чтобы Генрих полностью оправился, прежде чем начать его тревожить. На самом деле из докладов гестапо Гитлер узнал, что Геринг недавно имел контакт со шведским королем Густавом через своего старого друга графа фон Розена и заверил его, что, какой бы оборот ни приняла война, Швеции она не коснется и что он лично гарантирует ее нейтралитет. Однако планы, которые разрабатывало ОКВ (верховное главнокомандование вооруженных сил), предусматривали не только оккупацию Дании и Норвегии, но также и захват Швеции, запасы железной руды которой теперь стали жизненно необходимы для германской экономики.

Геринг был слишком проницателен, чтобы этого не понимать, и ознакомление с планами, которые теперь были ему вручены, подтвердило его страх, что так любимая им Швеция значится следующей в списке стран, намеченных Гитлером для захвата. Впервые за многие годы он нашел в себе мужество возразить фюреру. Он дал свое слово, сказал он, что нейтралитет Швеции будет уважаться. В свою очередь, Швеция обещала регулярные поставки железной руды. Чего больше было желать Гитлеру? Чтобы немецким войскам было позволено пройти через эту страну в Норвегию? Пусть это будет предоставлено ему, он все устроит. Он также позаботится, чтобы пробритански настроенные лица были удалены из правительства и важных официальных постов в Швеции. Если ОКБ все же будет настаивать на вторжении в Швецию, он станет просить фюрера принять его отставку.

Он знал, что если на шведов нападут, они, как и их скандинавские соседи, начнут защищаться, и мысль, что его бывший свояк, фон Розен, его пасынок, Томас фон Кантцов (который в это время сражался в числе шведских добровольцев против Красной Армии в Финляндии), и остальные его шведские родственники и друзья встанут против него с оружием в руках, была для него совершенно непереносима. Его терзания стали столь очевидными, что Гитлер смягчился и обещал указать генеральному штабу, чтобы там пересмотрели планы и исключили Швецию. Но он решительно отказался писать королю Густаву ноту, подтверждающую данную Герингом гарантию мира со Швецией.

«У вас останется только мое слово, — написал Геринг Томасу, — что этого никогда не случится».

…Подобно многим актрисам, Эмма Геринг была очень

суеверной. И одной из ее самых горьких жалоб, касающихся положения с продуктами в нацистской Германии, была такая: отвратительный кофе, единственный, который теперь был доступен, не оставлял гущи на дне чашки, и из-за этого она не могла узнать своего будущего и будущего своих друзей этим испытанным способом. Она также с большим удовольствием гадала на картах, была энтузиастом астрологии и, встретив как-то одного журналиста, который составил для нее еженедельный гороскоп, заподозрила, что он выдумал эти предсказания из головы, но все же прочла их и наполовину поверила.

Одно время, это было в 1938 году, Эмма ходила к прорицателю, с которым ее познакомил один из ее аристократических друзей. Его звали доктор Август Хеерман, и считалось, что он ясновидящий.

«Он выглядел совершенно обычным человеком, — позднее вспоминал Томас фон Кантцов, — за исключением того, что почти постоянно носил на своей рубашке очень жесткий белый воротник и каждый раз перед тем, как на чем-нибудь сконцентрироваться, он его снимал, тщательно складывал, убирал в свой чемоданчик и начинал ходить взад и вперед с торчащими запонками».

Эмма его просто боготворила. Наибольшим триумфом доктора Хеермана в ее глазах было отыскание золотого ящичка для сигар, который она подарила Герману на день рождения. Он лежал на столе вместе с остальными принесенными ему подарками, а когда они на какой-то момент вышли из комнаты, ящичек исчез. Было очевидно, что его кто-то украл.

«Одеваясь к обеду, я вспомнила о докторе Хеермане, — написала позднее Эмма. — Я немедленно позвонила ему и рассказала, что случилось. Он сказал: „Пожалуйста, потерпите десять минут и подержите трубку в руке“. По прошествии этого времени он очень медленно проговорил: „Ящик взял один из официантов, которых вы наняли на этот вечер. Ваш муж получит его завтра утром — его обнаружит один из ваших слуг“.

За столом этим вечером, продолжает Эмма, она нарочито громко произнесла:

— Герман, я знаю, кто взял твой ящик. Слава богу, это не наш человек.

В этот момент, говорит Эмма, один из нанятых официантов чуть не выронил серебряную супницу, пролив суп на платье ее сестры.

„Ага“, — подумала я, — пишет Эмма. Утром же, когда комнаты стали приводить в порядок, сигарный ящичек был найден между подушкой и спинкой кресла».

Что еще мог этот ясновидец, можете спросить вы? После этого эпизода Эмма стала использовать его как консультанта по вопросам своего поясничного радикулита, питания Германа и предсказаний дальнейшего хода войны.

В январе 1940 года Эмма заставила поверить в магическую силу доктора Хеермана и своего мужа и Гитлера. Майору Гельмуту Райнбергеру из штаба 7-й авиационной дивизии (эта часть объединяла все имевшиеся в германских вооруженных силах парашютные части, в количестве двух полков) было приказано 10 января доставить в штаб-квартиру в Кельне копию сверхсекретного документа. Документ назывался «Меморандум и директива по проведению войны на западе» и содержал полный и конкретный план вторжения в Бельгию и Голландию (нейтральные страны на тот момент) как части полномасштабной кампании против англичан и французов. Предполагалось, что курьер повезет план на поезде, но тот упросил коллегу отвезти его на самолете. Самолет попал в плохую погоду, сбился с курса и совершил вынужденную посадку в Бельгии.

Геринг находился в своем замке Фельденштейн, когда фюрер срочно вызвал его в Берлин и оглоушил этой новостью. Копия главного плана вторжения теперь находилась в Бельгии, а в ней были указаны даты, диспозиция, тактика — все. Сейчас вопрос состоял в том, попала ли она в руки бельгийцев, или курьер успел ее уничтожить?

— Как нам теперь это установить? — не находил себе места Геринг. — От этого зависит, что нам предпринять в следующие несколько недель — начать вторжение или отложить его, и надо ли нам продолжать делать вид, что мы не собираемся нарушать нейтралитет Бельгии и Голландии. Перед нами стоит ужасная дилемма. Фюрер страшно разгневан. Я уже отстранил генерала Фельми, чтобы он успокоился. (Генерал Фельми командовал немецким 2-м воздушным флотом на западе и не нес ответственности за случившееся, но был выбран в качестве козла отпущения. Вместо него был назначен генерал-полковник Альберт Кессельринг.)

У Эммы же не было сомнений относительно того, как разрешить эту ситуацию. Она опять позвонила доктору Хеерману и упросила его подключить его шестое чувство.

«После непродолжительной паузы, — пишет она, — из трубки послышалось: „Человек с документами приземлился в Бельгии“. У меня перехватило дыхание, потому что я не упоминала ему о Бельгии, а доктор Хеерман медленно продолжал: „Сразу же после аварийной посадки офицер попросил у проходившего мимо крестьянина огня — прикурить. Получив спичку, он попытался

сжечь документы, но это ему не удалось. Он попросил еще спичек, но у крестьянина их больше не было. Тут прибыли бельгийские полицейские и отвели офицера и его друга-летчика в полицейский участок, где топилась маленькая железная печка. Офицер быстро вытащил документы и бросил их в огонь, но один из полицейских бросился к печке и выхватил их обратно. Все же бумаги успели обгореть настолько, что читать можно только место в центре страниц площадью с ладонь. Там было два документа и они лежали в черном чемоданчике“».

Эмма дождалась, когда Геринг вернется с совещания у Гитлера, и, едва он, расстроенный и подавленный, заикнулся о последней оскорбительной вспышке гнева фюрера, поведала ему о разговоре со своим добрым знакомым-предсказателем. Даже не пытаясь подшутить над ней, Геринг только махнул рукой и без слов устремился в свой кабинет, но Эмма поспешила за ним, умоляя позвонить Гитлеру.

В конце концов он сдался, и прибывший вскоре на Лейпцигерплатц фюрер невесело осведомился, что затеяла фрау Эмма на этот раз. Она выложила ему всю историю о докторе Хеермане и стала решительно настаивать, что он обладает сверхъестественной силой восприятия. Постепенно Гитлер, который, судя по всему, сам обладал способностью ясновидения и практиковал магию, а за ним и Геринг дали себя убедить.

Дальше, как это описывает Эмма Геринг, произошло следующее. Из рейхсканцелярии был доставлен оригинальный документ и положен на стол. После этого они, один за другим, стали прикладывать руки к центру каждой страницы — пухлую розовую ладошку Эммы, бледные нервные пальцы Гитлера и толстую пятерню Геринга — и читать то, что оказывалось прикрытым.

Эмма едва сдержала в себе торжественный вопль, когда ей удалось доказать, что остается видно не так много — только малопонятные фрагменты фраз и схем. Геринг выглядел все же недоверчивым, Гитлер — обнадеженным.

Затем они взяли пачку бумаги — точно такой же и такого же размера, как у пропавших документов, — и спустились в котельную. Там пачка была брошена в огонь, вынута и то, что от нее осталось, изучено.

— Вы видите! — воскликнула Эмма. — Все верно, доктор Хеерман сказал правду. Они никак не смогли бы узнать, что в документах.

На какое-то время они этим утешились. Казалось, все сложилось хорошо. Бумаги как будто сгорели и не годились для чтения. Благодаря доктору Хеерману они могли успокоиться:

противник не получил планы.

Немного обнадежившись, Гитлер и Геринг опять задумались и нахмурились: на карту было поставлено слишком многое.

— Я думаю, — произнес Геринг, — что нам все же лучше переменить планы.

— А когда курьер вернется, — добавил Гитлер, — расстрелять его.

Эмма ударилась в слезы. Она продолжала до самого конца верить, что ее провидец был прав и все произошло «точно так, как это видел доктор Хеерман». 17 января 1940 года министр иностранных дел Бельгии информировал германского посла, что в результате вынужденной посадки немецкого самолета 10 января к ним попал «документ исключительной важности, содержащий ясные доказательства намерения осуществить агрессию… не просто оперативные планы, а готовый, детально разработанный приказ о наступлении, в котором только отсутствовала дата». Немцы предполагали, что данное заявление может быть просто блефом, а сами бельгийцы не предприняли никаких мер и не разрешили войскам союзников вступить на свою территорию, продолжая блюсти нейтралитет и выжидать. Курьер — майор Райнбергер — перед своей отправкой в Германию совершил самоубийство.

Между тем германское наступление на западе было опять отложено. Но нацисты не теряли времени даром и в апреле и мае осуществили захват Дании и Норвегии. Решающую роль в успехе этой кампании сыграли люфтваффе.

Геринг — коллекционер

Было начало 1941 года, и война уже давно не вызывала никаких тягот у основной массы немецкого народа. На самом деле в это время немцам жилось лучше, чем когда-либо, начиная с 1914 года — конечно, тем, кто поддерживал национал-социалистов. Значительная часть евреев эмигрировала, оставшиеся были совершенно исключены из экономической жизни, подвергались гонениям и депортациям, почти все немногие уцелевшие противники режима были арестованы. Немцы стали сродни древним римлянам, безбедно жившим за счет завоеванных провинций, превратившись, по сути, в рабовладельцев Европы с поляками, французами, бельгийцами и голландцами, свезенными на их предприятия на принудительные работы.

Судя по Берлину, вообще трудно было сказать, что идет война. Рестораны каждый вечер были забиты до отказа, ночные клубы процветали. Наблюдалось своего рода сексуальное раскрепощение молодых немецких женщин, подобное тому, которое началось в 70-х в связи с появлением противозачаточных таблеток. Официальная нацистская пропаганда внушала, что долгом каждой немецкой девушки является рожать крепких в расовом отношении полноценных детей, не особенно важно — в семье или вне ее. Поощрялась беременность от членов СС, как наиболее здоровых и чистых в расовом отношении — рейх нуждался в новых солдатах и колонистах для заселения завоеванных земель. Иметь детей вне брака больше не считалось позорным, и очень популярной была история, как одна мать незаконной тройни на вопрос, имя какого солдата регистрировать как отца, назвала сразу три фамилии.

Большинство солдат, приезжавших домой в отпуск, привозили с собой шелка, духи или продукты из завоеванных стран. Геринг предпочитал художественные ценности.

Что касается коллекционирования произведений искусства, то различие между Гитлером и Герингом состояло в том, что фюрер на самом деле не дорожил оказывающимися в его руках картинами. Он некоторое время любовался ими, а потом отправлял в музей, который планировал создать в Линце, и забывал навсегда. Геринг же был очень привязан к своей коллекции, постоянно заботясь о ее пополнении. Благодаря энтузиазму, который в свое время пробудила в нем Карин, он полюбил искусство и стал неплохо разбираться в нем. Он действительно имел слабость к сочным обнаженным натурам, но

был и неплохим знатоком художников Ренессанса и мастеров голландской школы. Он не только любил подолгу и самозабвенно смотреть на картины, но мог отличить подделку, и провести его было нелегко (хотя, случалось, его все же дурачили, так же как и его специалистов).

У Геринга было теперь четыре постоянных дома (и еще охотничий домик в Роминтене), где он мог размещать свои художественные приобретения: Каринхалле, где уже составлялись приблизительные планы музея Германа Геринга, два замка: Маутерндорф и Фельденштейн и дворец на Лейпцигерплатц. (Он хотел открыть свою коллекцию широкой публике к своему шестидесятилетию, которое приходилось на 1953 год, выбрав эту дату, с тем чтобы не «пересечься» с завершением грандиозного проекта Гитлера — реконструкции Нового Берлина, которое он запланировал на 1950 год, и открытием его музея в Линце, отнесенным на 1951 год, которые могли затмить его, Геринга, проект.)

Он находился в постоянных поисках предметов искусства для всех четырех собраний, и с этой целью содержал почти во всех европейских странах своих агентов. Главным его управляющим по этой части был Вальтер Андреас Гофер, он вел регистрацию предметов коллекции, сумм, выплаченных за каждую картину, украшение, скульптуру и предмет мебели, а также руководил «обменами», к которым Геринг часто прибегал, когда очень хотел заиметь какое-то полотно, но был не готов уплатить по названной цене.

— Гофер был профессиональным дилером, — говорил впоследствии Геринг, — он знал всех перекупщиков предметов искусства во всех странах и поддерживал с ними связи. Во Франции это был некто доктор Банжье, который информировал меня, когда узнавал, что что-то из художественных вещей собираются продать или выставить на аукцион.

Молодой эксперт по искусству по имени Бруно Лозе был причислен к штабу Геринга и получил униформу люфтваффе, чтобы иметь возможность беспрепятственно разъезжать по оккупированным странам. Одним из первых пунктов инструкций, которые ему дал Геринг, было: «Забыть о национальной принадлежности торговцев, с которыми приходится вступать в контакт».

— Рейхсмаршал объяснил, что очень многие из них, особенно в Голландии, имеют тенденцию быть евреями, — вспоминал Лозе, — но это не должно было влиять на мое отношение к ним. Он свел меня с одним перекупщиком из Амстердама по фамилии Кац, который как раз был евреем. Кац сделал нам одолжение,

сообщив о коллекции Гудстикера[19].

По скромным подсчетам, эта коллекция стоила несколько миллионов долларов, но голландские власти согласились отдать ее нам за два миллиона гульденов; что составляло всего около четвертой части этой суммы. Мы были ему очень благодарны и заплатили хорошие комиссионные. Когда были провозглашены антиеврейские законы, мы помогли Кацу достать визу в Швейцарию и забрать с собой деньги.

Позднее Лозе обратился к Герингу за его содействием в помощи другому еврею-перекупщику из Голландии, которому грозило стать жертвой Нюрнбергских законов о гражданстве и расе. В этот момент Геринг находился в натянутых отношениях с Гитлером в связи с бесконечными просьбами Эммы и сказал по телефону Лозе, находившемуся в Амстердаме, что не может вмешаться лично.

— Но вы проявите собственную инициативу, — велел он.

— Я так и сделал, — вспоминал Лозе. — Воспользовался именем Геринга, чтобы устроить этому человеку (его фамилия была Фридляндер) выезд в Швейцарию. У меня сохранилось его письмо с благодарностью.

Геринг утверждал потом, что каждый приобретаемый им предмет искусства он законным образом оплачивал или равноценно обменивал на картину или несколько картин. Один раз он отдал 175 картин в обмен на полотно Рубенса «Аталанта и Мелеагр». При этом по отношению к своим домашним он не был таким щедрым. Роберт Кропп вспоминает такой эпизод. Один дилер из Амстердама подарил Кроппу маленькую, но ценную картину просто потому, что он ею восхитился.

«Кропп был изумлен, но принял картину и потом спросил Геринга, правильно ли он сделал, что взял ее, — пишут Манвелл и Френкель, авторы труда о Геринге. — Геринг только засмеялся. „Конечно, можешь ею владеть“, — ответил он, но когда увидел картину, то захотел забрать ее себе. Взамен он дал Кроппу большой, но ничего не стоящий пейзаж с видом Каринхалле и не скрывал своего удовольствия от приобретения таким образом еще одной маленькой ценности».

Он мог, конечно, позволить себе платить огромные деньги за картины, которые хотел иметь у себя. В это время Геринг оценивал свой доход приблизительно в миллион рейхсмарок в год — он складывался из его жалований как командующего люфтваффе, руководителя германской экономики и министра Пруссии и значительных выплат по вкладам от различных оружейных фирм, акционером которых он являлся, да еще из гонораров от его книг. В добавление к этому Геринг учредил

фонд искусства, который должны были субсидировать его друзья-промышленники, и накапливающиеся в нем суммы шли на приобретение новых шедевров. А на Новый год, когда нацистских министров традиционно заваливали подарками, тем, кто хотел сохранить или получить чиновничье расположение, он всегда напоминал, что он больше всего ценит объекты искусства. В 1941 году рурский промышленник Фридрих Фрик подарил ему картину Рюисдаля, оцениваемую в 100 000 рейхсмарок, в том же году магистрат Берлина приобрел для него полотно Ван Дейка за 250 000 рейхсмарок, а в следующем году — не менее дорогую картину Тинторетто.

Геринг был искушенным покупателем. Он имел наметанный глаз на шедевры, независимо от того, в каком темном углу галереи они спрятаны. Он применял самые разные тактики, которые только мог придумать, для того чтобы заставить торговца сбросить цену, но если тот жестко стоял на своем, он в конце концов платил.

Известно, что Геринг потратил массу, усилий, чтобы сохранить коллекции французских государственных музеев, особенно Лувра. Он помог их директорам обеспечить надежные укрытия для их ценностей — специально сконструированные бомбоубежища.

— В Лувре я обменял две статуи и две картины, — вспоминал он, — на одну деревянную статуэтку и одну картину. Эта статуэтка мне очень нравилась. (Это была резная работа, известная как «Прекрасная германка», и Герингу казалось, что она похожа на Эмму.) Чтобы их получить, мне пришлось вести долгие и нелегкие переговоры с директором, он долго не сдавался, но я ни разу не пытался на него давить.

Вместе с тем Шпеер пишет, что «где-то в 1943 году представитель французской стороны поставил меня в известность, что Геринг упорно обращается к правительству Виши с предложением отдать одну из самых известных картин Лувра в обмен на несколько из его собрания, несравненно менее ценных. Сославшись на заявление Гитлера о том, что государственное собрание Лувра неприкосновенно, я однозначно указал французам не поддаваться давлению, в конце концов, обратиться ко мне. Геринг оставил эту затею».

С большими реквизированными коллекциями, которые принадлежали евреям, он имел дело только через официально назначенную комиссию Розенберга по художественным ценностям.

По железной дороге бесценные произведения искусства из оккупированных стран (один из составов насчитывал двадцать

шесть вагонов) свозились в Германию, чтобы пополнить и собрание Геринга. Можно было не сомневаться в истинности его слов, когда он через некоторое время заявил, что является обладателем самой дорогой коллекции сокровищ искусства в мире. Среди других шедевров в его владение поступили:

Из Польши

Тридцать один рисунок Дюрера, взятый из музея Лемберга. (Потом они были переданы Гитлеру — по его настоянию.)

Из Голландии

Картины Франца Гальса, Ван Дейка, Гойи, Рюисдаля, Яна Стена, несколько полотен Рембрандта, среди них «Мужчина с бородой» и «Человек в тюрбане», «Инфанта» Веласкеса, «Воскрешение Лазаря» Рубенса, тридцать картин художников фламандской школы XV века, восточные ковры, холодное оружие и алебастровые вазы.

Из Италии

«Портрет мужчины» Мемлинга, большой подбор картин, гобеленов и мебели эпохи Возрождения, алтарь из Штерцинга (подарок Муссолини), ряд полотен Тициана, Ван Дейка и Рафаэля, да еще античные предметы из Помпеи и Геркуланума, которые, как оказалось, были вывезены из музея Неаполя солдатами дивизии «Герман Геринг» перед отступлением в конце 1943 года и подлежали возврату.

Из Франции

Картины «Жойез де Волан» Шардена, «Девушка с китайской фигуркой» Фрагонара, «Мистическое замужество святой Катерины» Давида, четыре «обнаженные» старшего и младшего Кранахов, Буше, Рубенс, статуэтка Грегора Эрхардта, известная как «Прекрасная германка», гобелены из Бове и гобелены с изображениями готических охотничьих сцен, мебель Людовиков XVI и XIV, включая письменный стол, некогда принадлежавший кардиналу Мазарини.

Геринг также гордился выставленным у него полотном Вермера «Христос и женщина, уличенная в неверности», которое в числе других попало к нему из галереи Гудстикра из Амстердама. Картина была тщательно исследована и идентифицирована как подлинная его экспертом-администратором Андреасом Гофером и женой Гофера, которая являлась профессиональным реставратором картин. Геринг заплатил за этого Вермера 1 600 000 гульденов и отдал несколько своих картин. На самом деле это была подделка, изготовленная голландцем ван Мегереном, чьи мастерские копии были обнаружены после войны.

Представленные в таком обилии великие шедевры воспринимались недоброжелателями и завистниками Геринга в

партии не как жемчужины в экспозиции его будущего музея, а как броский реквизит, сопутствующий его тщеславию и гордыне.

«Залы и комнаты Каринхалле были покрыты ценными картинами, — пишет Шпеер, — висящими одна над другой в три-четыре ряда… И даже под потолком его пышного алькова можно было увидеть картину обнаженной во весь рост, изображающую Европу».

Шпеер с презрительной насмешкой отмечает, что Геринг и сам «приторговывал картинами». Во время войны он продал некоторые свои голландские картины разным гауляйтерам, как он мне сообщил со своей детской улыбкой, намного дороже, чем заплатил за них сам, — сделав наценку за славу, которую, по его мнению, приобрели эти полотна, взятые «из знаменитой коллекции Геринга».

Это было правдой. Но его администратор Андреас Гофер и ассистент-секретарь фройляйн Гизела Лимбергер с методичной немецкой скрупулезностью заполняли гроссбухи и делали фотографии, регистрируя и фиксируя каждую картину, которую Геринг покупал и продавал, с подробным описанием реставрационных работ. И впоследствии Гофер подтвердил, что все деньги, получаемые от продаж картин, шли в фонд музея Германа Геринга для будущих покупок.

Но музей, конечно, пока все еще существовал только на бумаге и мог быть построен не раньше, чем Германия выиграет войну. А до того времени картины и другие произведения искусства были всецело предоставлены исключительно в личное пользование Германа Геринга и Для услады его гостей. В Каринхалле, перед тем как отправиться любоваться своими приобретениями, он иногда специально одевался — облачался в бархатные бриджи, туфли с золотыми пряжками, отделанную оборками сорочку и цветную бархатную куртку.

«Ich bin nun mal ein Renaissanztyp»[20], — любил он говорить, прохаживаясь вдоль своих завешанных картинами стен.

Но, наверное, лучше всего он теперь себя чувствовал, когда находился в замке Фельденштейн и лежал в постели. Он занял комнату хозяина, в которой останавливался фон Эпенштейн, когда приезжал в замок, и кровать, в которой каждую ночь оставалась мать Геринга. Теперь в ней устроился ее сын, и на стене напротив висели гобелены, а над балдахином кровати — обнаженная Лукаса Кранаха.

Должно быть, он представлял себя феодальным сеньором эпохи Возрождения. Или даже воображал, что он сам — риттер фон Эпенштейн.

«Барбаросса»

Несмотря на свое страстное увлечение коллекционированием, а также озабоченность, связанную с неудачами в ходе битвы за Британию и сложной ситуацией с рабочей силой и сырьем, Геринг находил время для работы над планом, который, по его убеждению, должен привести войну (по крайней мере с Британией) к достойному завершению. Это был его собственный замысел, и с осени 1940 года он упорно пытался убедить Гитлера принять его.

Говоря коротко, это план крупномасштабного наступления на Средиземноморье. В данной грандиозной операции предполагалось задействовать три группы армий. Первая должна была пройти через Испанию, захватить Гибралтар, переправиться через пролив в Марокко и продвинуться по североафриканскому побережью до Туниса. Второй группе предстояло пройти по Италии и, переплыв через Средиземное море, высадиться в Триполитании. А третья группа армий должна была продвинуться через Балканы и Грецию, захватить Дарданеллы и Турцию и выйти через Сирию к Суэцкому каналу.

По завершении этих операций (разумеется, предполагалось, что они будут успешными) планировалось предложить Британии мир. Для британцев уже будет *fait accompli*[21], что Средиземноморье более не находится под их контролем. Но они смогут его опять использовать, *только если согласятся стать союзниками Германии в войне против Советской России.*

Геринг считал, что англичане будут вынуждены принять требования Германии, ибо в противном случае они останутся отрезанными от Индии и своих дальневосточных владений.

Гитлер одобрил эту затею и разрешил Герингу произвести необходимые приготовления и перемещения войск. «Практически все было готово», — сказал он впоследствии и указал, что с этой целью были собраны пятнадцать дивизий, включая две десантные дивизии и три зенитных корпуса. Около шести сотен 88-миллиметровых зенитных орудий, а также большое количество тяжелых 150-миллиметровых пушек и гаубиц и 210-миллиметровых мортир, заряжавшихся новым снарядом Релинга, пробивавшим три метра бетона. Кроме того, для бомбардировки Гибралтара немцы собирались использовать специально сконструированные 600-миллиметровые самоходные осадные мортиры «Карл», доставив их туда по железной дороге.

Согласно плану операции «Феликс» (захват Гибралтара), предполагалось разрушить артиллерийским огнем каждый метр

английской территории. Для этого через Францию или морским путем через Малагу к Гибралтару было запланировано доставить 20–30 эшелонов с боеприпасами.

«Две десантные дивизии, — сказал Геринг, — при этом не понадобились бы, так как один обстрел всеми осадными орудиями, который предполагалось вести непрерывно, вынудил бы гарнизон к сдаче».

Геринг начал разрабатывать средиземноморский план летом 1940 года, когда узнал, что у фюрера серьезные намерения напасть на Советский Союз. Мысль о том, что придется вести войну против красного колосса на востоке, прежде чем будет покончено с Британией на западе, привела его в ужас, потому что это означало вести кампании на двух фронтах — как раз именно то, что истощило силы Германии в первую мировую войну, причем Гитлер сам неоднократно предостерегал от этого своих генералов. Зачем же он подписывал советско-германский пакт в 1939 году, если не для того, чтобы избежать этого кошмара, который не выходил из сознания немецких военачальников с той войны?

Он серьезно встревожился, когда в конце августа 1940 года фюрер созвал свой штаб и дал понять, что думает осуществить нападение на Советскую Россию весной 1941 года. ОКВ в этой связи подготовило план «Отто» по устройству на востоке сети железных и шоссейных дорог и операцию «Фриц», служившие тому (хотя в них не упоминался конкретно Советский Союз и не говорилось о нападении), чтобы переместить большую часть немецких армий на восток.

Но Геринг был по-прежнему убежден, что сначала следовало осуществить его замысел. Поэтому он был сильно разочарован, когда увидел, что фюрер утрачивает интерес к средиземноморскому плану. Гитлер все пытался найти какое-то объяснение тому, почему англичане, несмотря на свое поражение в 1940 году, отказались принять германские мирные инициативы. Это происходило, решил он, из-за непреклонной позиции Черчилля и его ожидания вступления в войну Сталина. И он будет продолжать упорствовать, вне зависимости от того, где немцы нанесут следующий удар, хотя бы и на Средиземноморье. Для отказа от операции «Феликс» была и другая причина: генерал Франко, содействия которого добивался Гитлер, не выказывал к этому особого желания, вместе с тем требуя за помощь в продвижении немцев к Гибралтару и в боевых действиях против британцев Гибралтар и принадлежавшие французам Марокко и Оран, в чем ему было отказано. В конце концов он велел Герингу прекратить все военные приготовления и убрать план под сукно.

Геринг был раздосадован и обеспокоен. Он считал, что отказ от средиземноморского плана — серьезная ошибка Гитлера, что его решение готовиться к нападению на Советскую Россию чудовищно по своей сути. Гнетущий эффект, который оно произвело на рейхсмаршала, имел в будущем глубокие последствия для него и для Германии.

«Как-то в полдень ранней весной 1941 года, — рассказал впоследствии Геринг, — когда я находился в Берхтесгадене, меня вызвал Гитлер. Как я помню, был ясный, солнечный день[22]…

Фюрер объяснил мне в ходе своего двухчасового доклада, почему он решил предупредить нападение России на Германию нападением на саму Россию. Я выслушал его, а затем попросил дать мне некоторое время, для того чтобы я смог высказать ему свое мнение, что и произошло тем же вечером».

В это время Геринг (который тоже считал войну с Советским Союзом неизбежной, но ожидал ее начало не раньше 1943–1944 годов) подкрепил себя пилюлями и решил, что наступил момент, когда он должен решительно возразить фюреру. Вернувшись, он принялся громко и твердо высказывать и отстаивать противную фюреру точку зрения, не обращая внимания на его гневную реакцию. Геринг указал ему: то, что он планирует сделать — открыть второй фронт, не соответствует взглядам самого Гитлера и противоречит тому, что он писал и обещал народу в «Майн кампф».

Однако Гитлер был охвачен постоянно усиливающимися опасениями, перерастающими в невроз, что Сталин готовится напасть на Германию. Он сказал, что русские неожиданно разрешили немецким инженерам и офицерам посетить их военные заводы, производящие авиационные детали, двигатели и танки. Отчет, который они представили ему, Гитлеру, по возвращении, вызвал у него сильное беспокойство. Россия становится очень сильной, и Сталин проявляет в их отношениях все большую независимость. Германия должна торопиться, чтобы не оказалось поздно и Советы не напали первыми.

— Мы разобьем русских до зимы, — сказал он.

В ответ Геринг заметил, что даже если Германия сумеет разгромить русскую армию, война на этом не закончится. Русский народ никогда не пойдет на мир. И установить контроль над этой страной будет невозможно. Он просил Гитлера подумать о судьбе Наполеона.

На это Гитлер резко ответил, что Наполеон не имел сильнейшей танковой армии и самых мощных военно-воздушных сил, какие только известны миру.

— На этот раз, — сказал фюрер язвительно, намекая на

Дюнкерк, — они должны действовать действительно как самые мощные, и ошибок не будет. Тогда мы одержим победу до зимы!

На следующий день Геринг, переполненный тяжелыми предчувствиями, уехал в Каринхалле. Там он провел совещание с Эрхардом Мильхом и сообщил своему заместителю о решении Гитлера. Мильх не проявил ни сомнений, ни беспокойства, которые владели Герингом, решив, в свою очередь, что тот тоже одобряет русскую кампанию и полностью поддерживает фюрера. А вечером Мильх записал в своем дневнике, что эта затея, по его мнению, совершенно безумна и окончится она не зимой, а не раньше чем через четыре года.

Хотя Гитлер отменил средиземноморский план, он все же был вынужден осуществить в апреле 1941 года одну из составлявших его операций. В конце октября 1940 года итальянцы начали агрессию против Греции, но сами стали терпеть поражения, их войска в Албании оказались в тяжелом положении и они нуждались теперь в помощи своего немецкого союзника. Кроме того, Греция находилась под английским влиянием, а в Югославии 27 марта произошел государственный переворот, в ходе которого было свергнуто прогермански настроенное правительство. Ввиду предстоящей агрессии против Советского Союза Гитлеру было необходимо обезопасить южный фланг.

В конце марта в Греции высадился британский экспедиционный корпус в составе австралийской и новозеландской дивизий и английской бронетанковой бригады, которые поддерживались девятью авиационными эскадрильями. Но этих частей было явно недостаточно, чтобы спасти ситуацию. В ночь на 6 апреля 1941 года германские армии вторглись в Югославию и Грецию, 17 апреля югославская королевская армия капитулировала, 20 апреля греческий командующий подписал перемирие с командиром лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» «Зеппом» Дитрихом. Немцам не удалось разгромить отступающий британский экспедиционный корпус, который 25 апреля под интенсивной бомбардировкой люфтваффе приступил к погрузке на суда.

20 мая немцы начали воздушно-десантную операцию «Меркур» по захвату Крита, куда эвакуировалась из Греции значительная часть австралийцев и новозеландцев. На этот греческий остров были выброшены четыре полка 7-й парашютной дивизии, при активной поддержке авиации, которая подвергла бомбежкам позиции британских войск и атаковала патрулирующие критские воды британские корабли. Королевскому флоту удалось разгромить один морской десант немцев и еще один отбить, но он сам жестоко пострадал в

результате ударов пикирующих бомбардировщиков Ю-87, потеряв 3 крейсера и 6 эсминцев; многие корабли получили повреждения.

В ходе ожесточенных боев парашютистам, понесшим тяжелые потери, удалось захватить аэродромы, на которых начали высаживаться части 5-й горно-егерской дивизии. К 31 мая весь Крит был в руках у немцев. Британцам удалось эвакуировать только чуть больше половины своих войск.

Меньше чем за месяц солдаты Гитлера захватили Балканы и омыли свои пыльные сапоги в Средиземном море. Геринг мог приписать часть заслуг в успешном завершении кампании лично себе, и кроме того, при всех больших потерях (в боях на Крите погибло и пропало без вести 4 тысячи десантников, 2,5 тысячи было ранено; на Гитлера эти потери произвели столь тяжелое впечатление, что он запретил в дальнейшем использовать парашютистов в подобных операциях) этот успех наглядно говорил: вот чего можно было добиться, если бы фюрер решил осуществить не часть средиземноморского плана, а весь целиком!

Победа вернула Герингу доброе расположение духа, и когда вскоре после падения Крита он собрал в Париже совещание своих летных командиров, то предстал перед ними вполне бодрым и здоровым. В своей речи он намекал, что захват Крита — это не что иное, как репетиция скорого вторжения в Британию. Битва над Британскими островами была только прелюдией к окончательному покорению их британского противника. Он объяснил, как они этого будут добиваться — ускорив перевооружение люфтваффе и активизировав войну подводных лодок, и наконец, все завершат грандиозным вторжением.

«Должен сказать, — написал позднее Адольф Галланд, — что планы, которые нам расписал Геринг, выглядели убедительно, и мы не усомнились, что наша военная промышленность достигла требуемой производительности. В конце совещания Геринг отозвал меня и Мёльдерса в сторону. Он сиял и, тихонько посмеиваясь и потирая руки, спросил нас, что мы думаем о его речи. „На самом деле в ней нет ни грана правды“, — сообщил он и под строжайшим секретом открыл нам, что проведенное собрание является частью тщательно спланированной акции по дезинформированию, имеющей своей целью скрыть истинные намерения германского верховного главнокомандования: вторжение в Советский Союз. Это была потрясающая новость!»

Геринг и в этот раз не проявил своих истинных чувств по отношению к грядущей агрессии, так как Галланд дальше пишет:

«Я был ошеломлен такой перспективой и не скрыл своих сомнений. Но моего мнения больше никто не разделял. К моему изумлению, не только Геринг, но и Мельдерс был охвачен

энтузиазмом. На востоке, сказал Геринг, люфтваффе стяжают новую славу. Военно-воздушные силы красных гораздо более многочисленны, но машины в своей массе являются устаревшими, а личный состав плохо обучен. Нужно будет только сбить лидера соединения, чтобы остальные самолеты повернули назад. Мы будем поражать их, как глиняные летающие мишени».

Галланд спросил его, что будет с битвой за Британию, о победе над их островным противником.

«Геринг только пренебрежительно махнул рукой. Через два, максимум через три месяца советский колосс будет сокрушен. Тогда мы обратим на запад всю нашу мощь, усиленную неистощимыми стратегическими ресурсами России. Фюрер, сказал он, не может вести войну против Англии в полную силу, пока нашему тылу будет угрожать держава, вне всякого сомнения питающая по отношению к нам враждебные, агрессивные намерения».

После этой встречи у Галланда не возникло ни малейшего подозрения, что Геринг тоже испытывает беспокойство в связи с намечаемой русской кампанией. Что же касается нацистских лидеров, то, на взгляд молодого пилота, только один из них явно разделял его мнение о безрассудстве этого предприятия — это был Рудольф Гесс, заместитель фюрера по партии. 10 мая 1941 года Гесс неожиданно сел в «мессершмитт-110» и улетел в Англию. В выпущенном вслед за этим коммюнике говорилось: «Он питал иллюзию, будто сможет добиться мира между Германией и Англией личным вмешательством».

Галланд решил про себя, что Гесс, узнав о плане вторжения в Россию, решился на отчаянную попытку предотвратить близящуюся войну на два фронта.

«Некто, находясь в скором поезде, мчащемся не туда, в последнюю минуту попытался потянуть стоп-кран», — написал он в связи с этим. (Вскоре после отлета Гесса Геринг приказал Галланду поднять свои истребители и перехватить заместителя фюрера. «Приказ, который я получил, был нелепым, — говорит Галланд. — Найти самолет в такой час, когда уже опустилась темнота, было невозможно. Все же, подчиняясь, я отдал распоряжение на взлет, велев командирам эскадрилий выделить по одному-два самолета. Я не сказал им — для чего, и, должно быть, они решили, что у меня что-то не в порядке с головой». Гесс был сбит над Шотландией и стал военнопленным на особом положении. Его мирные инициативы не дали никаких результатов.)

Через несколько дней после встречи в Париже с командирами своих авиационных частей Геринг вызвал к себе в замок

Фельденштейн генерала Йозефа Каммхубера. Каммхубер в годы первой мировой войны был офицером германской армии, а в начале тридцатых поступил в люфтваффе и теперь командовал эскадрильями ночных истребителей в Голландии. Бомбардировочные рейды королевских ВВС на северо-западные районы Германии участились, и его летчики были постоянно заняты в перехватах увеличивающихся соединений бомбардировщиков и истребителей сопровождения.

Он прибыл в Фельденштейн из своей штаб-квартиры в Зейсте и плотно позавтракал вместе с Герингом и Пилли Кёрнером в просторной столовой замка. Каммхубер тоже присутствовал на совещании в Париже и теперь отметил, что за это короткое время в облике рейхсмаршала произошли изменения к худшему. Его лицо стало очень красным, под глазам появились глубокие мешки, и казалось, что он находится в состоянии крайнего переутомления. Поданную вареную форель он только поковырял вилкой, вино едва пригубил, и Каммхубер увидел, что его пальцы так распухли, что, когда он поднимал свою руку ладонью вверх, перстня с бриллиантом на безымянном пальце почти не было видно.

За едой командующий ночными истребителями попытался завести разговор о налетах королевской авиации, но Геринг перевел беседу на музыку — тему, которую генерал счел вполне подходящей, так как сам был музыкантом. Потом они вышли во двор, и. Геринг, глубоко вздохнув, раскинул руки. В этот момент его лицо исказила гримаса отвращения, и Каммхубер приписал ее тому, что окружающий их воздух был перенасыщен парами из пивоварни, расположенной неподалеку от деревни Пегнитц.

Наконец Кёрнер был отпущен, а генерал с рейхсмаршалом прошли в его кабинет, где на стене висела огромная карта Европы. Несколько секунд Геринг мрачно смотрел на нее, потом сказал:

— Каммхубер, я вызвал вас сюда, чтобы строго конфиденциально сообщить, что мое выступление на встрече в Париже было блефом, чистым блефом. Кампания против Англии для нас более не важна. Вот, — он махнул пухлой рукой в сторону Восточной Европы. — Фюрер решил, что пришло время для нападения на Советскую Россию. Уже производятся соответствующие перемещения сил, и войска приводятся в состояние боевой готовности. В этом предстоит принять участие и вам. Мне хотелось бы, чтобы вы немедленно занялись переброской из Голландии ночных истребителей в количестве, достаточном для удовлетворения наших потребностей в них на русском фронте и для защиты восточных районов Германии от

возможных налетов авиации красных. Сколько эскадрилий вы мне можете дать?

Каммхубер был поражен не столько новостью о нападении на Россию, которую он встретил со спокойствием старого солдата, сколько полной неосведомленностью Геринга о ситуации с ночными истребителями.

— Но, герр рейхсмаршал, — сказал он, — в Голландии не хватает ночных истребителей для выполнения даже той задачи, которая там на них возложена. Атаки королевских ВВС день ото дня становятся интенсивнее, и нам уже просто не хватает самолетов. Нам нужно их больше. И мы, конечно, не сможем выделить для боевых действий на русском фронте ни одной машины.

Геринг раздраженно повернулся к нему и сказал:

— Послушайте, Каммхубер, я не хочу этой войны с Россией. Я настроен против нее. На мой взгляд, это худшее, что мы могли бы теперь предпринять. Это будет экономической ошибкой, политической ошибкой и военной ошибкой. Но этой войны хочет Риббентроп, этой войны хочет Геббельс, и они сделали так, что фюрер тоже ее захотел. Я спорил с ними до посинения, но они не слушают. Теперь я умываю руки во всем этом деле — во всей этой войне! Сделайте, что сможете. Отправьте половину ваших ночных истребителей. Я просто больше не могу беспокоиться о том, что происходит! А то я чокнусь!

С этими словами он развернулся и почти выбежал из комнаты. Каммхубер в изумлении смотрел ему вслед.

22 июня 1941 года немецкие армии пересекли границы Советского Союза, и операция «Барбаросса» началась. Несмотря на все поступившие предупреждения, советские власти и военные были застигнуты врасплох. В результате массированных налетов люфтваффе на 67 аэродромов приграничных округов и авиационные заводы к исходу первого дня было уничтожено, как сообщалось, 1800 самолетов. На следующий день Красная армия потеряла еще 800 машин, 24 июня — 557, 25 июня — 351 и 26 июня — 300, причем большая часть самолетов была разбомблена и расстреляна на земле. Тем временем три с лишним тысячи немецких танков начали свое стремительное продвижение в глубь бескрайних российских просторов по направлениям к Ленинграду и Москве и по Украине на Киев.

Пока все шло хорошо. Гитлер ликовал, убежденный, что интуиция его не подвела и что до наступления зимы большая часть европейской территории Советского Союза будет у него в руках. Он был так уверен в скором окончании этой войны, что издал 14 июля 1941 года директиву, согласно которой

приостанавливалось производство вооружений и боеприпасов для сухопутных сил. Даже Геринг теперь изменил свое отношение к этой кампании и проводил дни в совещаниях с Пилли Кёрнером и своими экономическими консультантами, работая с директивами по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях, которые он разработал по поручению Гитлера и которые имели своей целью эксплуатацию захваченных территорий Советского Союза в интересах военной экономики Германии и снабжения войск, особенно в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Через три недели после начала агрессии его реквизиционные команды, так называемые «хозяйственные группы», уже отправились на бывшую советскую территорию, так как немецкие танки подошли к Киеву, приближались к Ленинграду и были уже под Смоленском, всего в сорока минутах лёта от Москвы.

Люфтваффе выполняли свою работу превосходно — и для нацистского рейха, и для Геринга лично. Разве фюрер не ценил его теперь выше, чем когда-либо? Для тех, кто не был в курсе внутренней жизни партии, так оно и выглядело. 29 июня 1941 года Гитлер приветствовал рейхсмаршала как величайшего героя национал-социалистического государства и официально назначил его своим преемником в случае собственной смерти. Однако на самом деле после понесенной неудачи с Англией их отношения заметно ухудшились, и то, что сам Гитлер был даже больше Геринга виноват в провале той стратегии, только усиливало раздражение фюрера. Успехи операции «Барбаросса» не улучшили их взаимоотношения; этому также не способствовало утверждение в числе наиболее близкого окружения фюрера хитрого и враждебного рейхсмаршалу интригана. После исчезновения заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса на ступеньку выше в нацистской иерархии поднялся начальник его канцелярии Мартин Борман, который также заведовал всеми финансовыми делами фюрера. Когда Гитлер спросил совета Геринга, кого ему выбрать вместо Гесса, тот ответил:

— Кого угодно, только не Бормана.

Борман олицетворял все то, что Геринг больше всего не любил в своих национал-социалистических партайгеноссе. Он был грубым, жестоким и совершенно безнравственным человеком и совершил два поступка, глубоко шокировавших Геринга, когда он о них услышал. Во-первых, Борман привез свою любовницу к себе домой в Оберзальцберг, где она жила с его семьей, а его несчастная жена была вынуждена это терпеть и даже развлекать ее. Во-вторых, он облил бензином бродячую собаку, которая осмелилась кинуться на пуделя его любовницы, потом поджег ее

и начал гоготать, глядя, как несчастное животное с визгом бросилось бежать по улице.

Но Борман имел одно качество, которое Гитлер очень ценил: какое бы указание ему ни дал фюрер, он его всегда обязательно выполнял, чего он не всегда мог поставить в заслугу другим, например тому же Геббельсу. «Если бы Гитлер вдруг приказал всем гауляйтерам обращаться к нему стоя на одной ноге, Борман следил бы, чтобы они так и делали», — однажды сказал кто-то. Для Бормана же Гитлер являлся всемогущим вождем, который не мог ошибаться и которому нельзя было не подчиниться. Сам он был заискивающим и угодливым подхалимом, чьи льстивые речи были приятны для слуха фюрера. Наперекор совету Геринга он все-таки назначил его своим секретарем и заместителем, и с этого момента рейхсмаршал обрел врага, язык которого в те моменты, когда он не лизал сапоги фюрера, постоянно находился вблизи его ушей.

В результате Гитлер стал часто язвительно критиковать Геринга не только в беседах с глазу на глаз, но и в присутствии офицеров генерального штаба и своих советников. Его замечания стали такими колкими, а подхалимы с такой готовностью прыскали со смеха, что Геринг стал все реже и реже появляться на ежедневных совещаниях у фюрера, посылая вместо себя Боденшатца.

— А где у нас сегодня Железный Человек? — спрашивал Гитлер, оглядывая комнату. — Наверное, опять пытается подстрелить беззащитного оленя, вместо того чтобы охотиться за британскими самолетами.

Хотя в одно из нечастых теперь посещений Гитлер встретил его со всей прежней теплотой и дружелюбием, а затем объявил, что хотел бы предложить рейхсмаршалу новый смелый план. Если он его успешно выполнит, это не только принесет ему славу как командующему люфтваффе, но он также решит некоторые свои проблемы как руководитель германской экономики.

Идея, которая на этот раз осенила Гитлера, заключалась в том, чтобы поручить Герингу проведение самой крупной в истории воздушной войны бомбежки. Он думал привезти и собрать вместе все бомбардировщики из Франции, Скандинавии и Средиземноморья, после чего начать воздушные налеты на Ленинград и Москву. Он предполагал полностью уничтожить эти города и всех их жителей и продолжать бомбардировки до тех пор, пока там будет хоть что-то шевелиться. Эти налеты, объяснил Гитлер, будут проводиться не для того, чтобы выиграть войну с Россией. Война уже выиграна (разговор происходил в сентябре 1941 года). Это будет просто чистка, уборка.

Целью этих рейдов, вещал Гитлер, будет подготовка к миру. Когда бои прекратятся, все продовольствие из России будет увезено в Германию и русским нечем будет питаться. Но на это потребуется время. Могут возникнуть волнения, которые потребуют войск, чтобы держать население под контролем. А бомбежка — мощные удары объединенными воздушными флотами люфтваффе — уничтожит огромные массы населения быстро и безо всяких беспорядков.

Под громкие восторги Бормана, выражавшего свое одобрение этим «блестящим озарениям фюрера», генералы молча смотрели на Геринга, ожидая его реакции.

Боденшатц впоследствии вспоминал, что в тот момент он гордился Герингом. Это был один из последних случаев, когда он находил в себе мужество не соглашаться с Гитлером.

«Он начал с того, — свидетельствует Боденшатц, — что очень мягко сказал: находя план фюрера достойным изучения, по первому впечатлению считает эту операцию крайне трудной для выполнения. Когда Гитлер резко спросил — почему, он уже более твердым голосом прямо сказал, что будет верхом глупости уводить самолеты со всех фронтов лишь затем, чтобы провести одну операцию. А как быть с налетами на Англию, на Лондон? Разве Гитлер не требует, чтобы они продолжались с неослабевающей силой? Их опасно прекращать, потому что это даст англичанам передышку. Опять заработают все их заводы, авиационная промышленность начнет функционировать в полную силу, и они, немцы, оглянуться не успеют, как британские военно-воздушные силы станут такими же мощными, как германские».

Гитлер слушал его с каменным лицом, от его первоначально выказанного дружелюбия к рейхсмаршалу не осталось и следа. Неожиданно он взорвался и закричал, что знает, почему Геринг поносит его план. Люфтваффе боятся. Он подозревал это во время битвы над Англией, а теперь знает это точно. Они просто трусы. Они не хотят бомбить Ленинград, потому что боятся его противовоздушной обороны.

«Геринг мог бы сказать ему — и это было известно всем присутствующим в комнате, — что зенитная оборона у Ленинграда совсем не такая сильная, как у Лондона, над которым наши пилоты летают многие месяцы, — говорит Боденшатц. — Но вместо этого он просто сказал: „Это невозможно, мой фюрер. Это осуществить нельзя“. Гитлер пронзил его ледяным взглядом, потом повернулся спиной и оставшуюся часть совещания уже не обращал на него никакого внимания».

С этого момента отношения Гитлера с его рейхсмаршалом стали меняться от плохих к худшим.

Отступление на всех фронтах

После Сталинграда не один Геринг среди высших нацистских бонз оказался политическим «аутсайдером». В декабре 1942 года Мартин Борман, с целью «облегчить фюреру», поглощенному сталинградской эпопеей, «ведение государственных дел», организовал так называемую «коллегию трех» в составе его самого, начальника штаба верховного главнокомандования фельдмаршала Кейтеля и начальника рейхсканцелярии Ганса Ламмерса. Троица, продолжая рабски следовать воле фюрера, как бы взяла Гитлера в кольцо, установив свой контроль над допуском к нему посетителей и всей поступающей информацией.

В связи с этим Шпеер, примкнувший к нему Геббельс и несколько других нацистских лидеров провели в феврале 1943-го в Берлине совещание, на котором Геббельс высказал общее мнение, что фюрер, занявшись руководством военными операциями, фактически отстранился от проведения внутренней политики, которой теперь занимается Борман, создавая у Гитлера иллюзию, что он по-прежнему сам держит бразды правления в своих руках; что Борман, которым движет только честолюбие, препятствует осуществлению мало-мальски разумных в складывающейся ситуации планов и «коллегия трех» не стремится поддерживать назревшие меры по дальнейшей мобилизации ресурсов страны и увеличивать производство вооружений. Поэтому было решено, что необходимо избавить фюрера, который перестал ориентироваться в реальной ситуации, от безграничного влияния Бормана.

Шпеер, чтобы увеличить «вес» их коалиции, предложил взять в союзники Геринга. Он напомнил, что перед войной Геринг был наделен функциями председателя Совета министров по обороне рейха, и, побудив его вновь начать использовать свои полномочия, можно будет создать государственный орган, который имел бы право издавать законы без предварительного согласования их с Гитлером. Этот орган можно было бы использовать для того, чтобы лишить Бормана и Ламмерса присвоенной ими огромной власти.

«Быть может, у современного читателя, — пишет Шпеер, — вызовет удивление, что мы решили пригласить в союзники человека, который уже не первый год пребывает в апатии и ведет роскошный и праздный образ жизни. Но подчеркну, что мы тогда пытались объединить наши усилия и последний раз изменить ненормальную ситуацию». Далее он напоминает, что Геринг не всегда был таким и имел репутацию энергичного и умного, хотя и

склонного к насилию человека, сохранившуюся за ним с тех времен, когда он занимался воплощением в жизнь четырехлетнего плана и созданием военно-воздушных сил. «Можно было ожидать, — продолжает Шпеер, что он опять испытает прилив энергии и, как некогда, ринется напролом на осуществление новой задачи».

Ввиду того что отношения Геббельса с Герингом окончательно испортились — 18 февраля рейхсминистр пропаганды в связи с ухудшающимся положением Германии призвал немцев к «тотальной войне» и, объявив борьбу с роскошью, среди прочих мер велел закрыть все увеселительные заведения и дорогие рестораны, в том числе «Хорьхер», любимый ресторан Геринга, — было решено, что сначала к нему поедет Шпеер. 28 февраля состоялась их встреча в Оберзальцберге.

«Наша беседа, — вспоминал годы спустя Шпеер, — протекала в непринужденной атмосфере, и на меня успокаивающе действовала довольно уютная обстановка этой небольшой виллы, хозяин которой, отбросив всякую официальность, держался вполне по-домашнему. Удивительно, но я все еще помню, как был тогда шокирован, увидев его покрытые красным лаком ногти и напудренное лицо. Он был в своем уже знакомом мне зеленом парчовом халате с приколотой к нему большой рубиновой брошью.

Геринг спокойно слушал мой рассказ о нашей встрече в Берлине и возникшем у нас в связи с этим предложении к нему, то и дело вынимая из кармана неоправленные драгоценные камни и с удовольствием перебирая их ухоженными пальцами. Было заметно, что ему приятно, что мы вспомнили о нем. Он тоже сознавал опасность, которая возникла в связи с возросшим влиянием Бормана, и подтвердил, что полностью на нашей стороне».

Но Геринг был по-прежнему сильно обижен на Геббельса, и Шпеер предложил пригласить министра пропаганды, чтобы втроем все обсудить. 2 марта 1943 года Шпеер вместе с Геббельсом опять появился у Геринга, который вышел им навстречу в «довольно причудливом одеянии, которое, если его не знать, могло показаться немного комичным, — записал Геббельс в своем дневнике. — Но таков уж он был, и надо было мириться с его стилем и манерами поведения. В них даже был какой-то шарм…»

Выяснив отношения, Геббельс с Герингом перешли к цели их встречи, и вскоре Геринг уже азартно потирал руки в предвкушении схватки — он вновь обрел прежнюю бодрость духа. Он заявил своим новым соратникам, что первым делом их обоих

необходимо назначить членами реанимированного Совета министров по обороне рейха. По ходу разговора выяснилось, что Геринг настроен крайне пессимистично в отношении дальнейшего хода войны. Он не сомневался, что Африка скоро окажется под полным контролем англичан и американцев (что и произошло через три месяца), что нет никакой надежды измотать силы Советского Союза, так как его источники военной техники и живой силы, похоже, неиссякаемы, и в связи с этим яростно поносил ненавистного ему Риббентропа.

«Геринг то и дело заявлял, что нынешняя война — исключительно дело рук Риббентропа, — записал Геббельс в своем дневнике, — и что он никогда не предпринимал серьезных попыток к установлению *modus vivendi*[23] с Англией исключительно из-за комплекса собственной неполноценности».

После этого Геббельс предложил обсудить, как им сместить Риббентропа с занимаемого им поста (министр пропаганды сам очень хотел занять его место): министр иностранных дел, сказал он, долгом которого является побуждать Гитлера проводить более разумную внешнюю политику, превратился просто в рупор его идей и даже при нынешнем тяжелом для Германии положении на фронтах не пытается искать из военного конфликта политический выход. Он расходился все больше и наконец перешел на крик:

— И Риббентроп, и Ламмерс втерлись к фюреру в доверие! А он сам не может разглядеть их истинной сущности!

— На моих выступлениях он постоянно вставляет реплики! — не выдержав, вскочил Геринг. — А потом строит козни у меня за спиной! Ну, теперь он за все поплатится. Уж я об этом позабочусь, господа!

Геббельс не пытался скрыть своей радости при виде не на шутку разгневанного Геринга и старался еще больше настроить его против их общих недругов. Вместе с тем он опасался, что прямолинейный рейхсмаршал в запале может наломать дров, поэтому он заметил, что им следует действовать осторожно, хранить их планы в секрете, поддерживать друг друга и тогда они добьются своего и избавят фюрера от дурного влияния.

После этого Шпеер и Геббельс стали ждать удобного случая, чтобы представить идею воссоздания Совета по обороне рейха Гитлеру, но с этим возникла серьезная задержка, потому что после Сталинграда и в связи с усиливающимися налетами на Германию авиации союзников, почти не встречающей сопротивления, при одном упоминании имени Геринга фюрер разражался яростными обвинительными тирадами в его адрес.

Наконец для начала борьбы против Бормана было решено воспользоваться тем обстоятельством, что Заукель, его союзник,

не справлялся с возложенной на него Гитлером задачей поставки в рейх рабочей силы и, как было хорошо известно Шпееру, подтасовывал данные о ее количестве. 12 апреля 1943 года Геринг созвал совещание, на котором он должен был вывести Заукеля на чистую воду и вынудить его согласиться с необходимостью создать альтернативный аппарат мобилизации трудовых резервов как предпосылку для восстановления Совета по обороне рейха.

Интрига потерпела крах с самого начала. Геббельс, сославшись на почечные колики, просто на совещание не приехал, зато появился сам Борман в компании с Гиммлером, а Геринг в последний момент отступил и неожиданно устроил разнос присутствовавшему здесь же своему заместителю-интригану Мильху — а через него, фактически, Шпееру — за то, что тот, дескать, вставляет палки в колеса честному трудяге Заукелю.

Внезапное отступление Геринга было понятным. Заукель был также союзником Гиммлера, а открыто конфликтовать с СС Геринг не решался. Интригуя заодно с Геббельсом и Шпеером, он вместе с тем пытался наладить отношения с Гиммлером. Он презирал Ламмерса и Кейтеля — «всего лишь секретарей фюрера», но был очень осторожен с Гиммлером и Борманом. Мильх потом в разговоре со Шпеером пытался объяснить такую резкую перемену отношения Геринга тем, что, мол, гестапо располагает неопровержимыми доказательствами его пристрастия к морфию, и Геринг опасался угрозы разоблачения. Это объяснение представляется маловероятным. И Гитлер, и Гиммлер, и Геббельс, жестко критикуя его отношение к государственным делам, вместе с тем считали, что его авторитет следует поддерживать. И хотя весной 1943 года в нацистских верхах поговаривали о кризисном положении Геринга в партийной иерархии, гестапо не стало бы вовлекать его в скандал с наркотиками, коль скоро Гитлер имел основание считать, что Геринг являлся «незаменимым в качестве верховного руководителя рейха». Более вероятным объяснением представляется недоверие Геринга к его новым союзникам-заговорщикам, которые совсем недавно прилагали все силы, чтобы уменьшить его власть. Мильх, предлагавший Гитлеру освободить Геринга от командования люфтваффе, достаточно открыто говорил об этом и ему самому. Геббельс надеялся использовать остатки политического престижа Геринга, чтобы повысить собственный. Он был слишком искушенным политиком, чтобы не понимать этого.

После развала их коалиции, свидетельствует Шпеер, Геббельс

переметнулся к Борману, а Геринг вскоре «окончательно впал в уже привычное для него состояние, схожее с летаргическим сном, и пробудился от него только в Нюрнберге».

На самом деле «сон» Геринга был отнюдь не безмятежным.

«Геринг прекрасно понимает, что всех нас ждет, если мы проявим малейшую слабость в этой войне, — написал Геббельс в дневнике после их встречи. — На этот счет у него нет никаких иллюзий. В еврейском вопросе мы предприняли такие меры, что теперь уже нет возврата. Это к лучшему. Опыт показывает, что движения и люди, которые сжигают за собой мосты, борются с большей решимостью, чем те, кто имеет пути к отступлению».

Однако Эмма не собиралась «сжигать за собой мосты». Она по-прежнему помогала своим еврейским друзьям, и до тех пор, пока положение Геринга в рейхе было прочным, все было более или менее в порядке. Но теперь Борман и Гиммлер знали о падении его авторитета в глазах фюрера и понимали, что он уязвим. Стоило Гитлеру услышать, что жена Геринга опять что-то делает ради ненавистных евреев, как его охватывал гнев, и он начинал кричать о слабости люфтваффе и неспособности их командующего.

«Теперь мы определенно решили очистить Берлин от евреев, — значится в дневнике Геббельса 2 марта 1943 года. — В прошлую субботу они были внезапно согнаны и со всей возможной быстротой отправлены на восток. К несчастью, наши лучшие круги, особенно интеллектуалы, опять оказались не в состоянии понять нашу политику в отношении евреев и в некоторых случаях даже вставали на их защиту. В результате наши планы оказались преждевременно раскрытыми и многим евреям удалось ускользнуть из наших рук. Но мы их все равно поймаем».

Среди тех, кому удалось избежать облавы, была некая Роза Корван, и она принадлежала к числу подруг Эммы Геринг. Она была еврейской актрисой, которая работала с Эммой еще в Штутгарте, потом они вместе выступали в Национальном театре в Веймаре и вместе снимали в этом городе жилье. Их дружба продолжалась и после переезда обеих в Берлин, и после того, как Эмма вышла замуж за Геринга.

«Вероятно из-за ее явного разочарования во мне, — писала Эмма впоследствии, — я постаралась не терять ее из виду и, именно потому что она была еврейкой, быть как можно ближе к ней. После этого наша дружба стала еще крепче. Каждый год в день ее рождения я приглашала ее в наш дворец на Лейпцигерплатц. С согласия Германа я преподносила ей подарки, а позднее, когда она стала испытывать материальные

затруднения, давала ей деньги. Когда родилась Эдда, Розетта принесла мне первые пеленки, на которых она вышила маленькую розу. Герман пошутил на этот счет, вспомнив поговорку: „Первые пеленки должны быть от еврея“.

Когда жизнь евреев в Берлине начала становиться все более и более опасной, Эмма пыталась всеми известными ей способами уговорить подругу уехать из Германии. Но та не уезжала. Она не открыла Эмме, что влюблена в еврея и не может расстаться с ним. Тем временем Эмма устроила Розе Корван еженедельное пособие в пятнадцать марок, которые она отправляла почтовым переводом, и корешок квитанции с фамилией „Геринг“ на нем служил ей своеобразной гарантией от недоброго любопытства, а может, и от чего-то худшего.

Но как-то — это было перед самым началом облавы на евреев в Берлине — Роза пришла к Эмме и сообщила ей новость: она вышла замуж за своего друга-еврея и теперь просит ее защиты для них обоих. Эмма позвонила Герингу (который в это время находился в Роминтенской Пустоши), чтобы попросить о помощи его, но была неприятно удивлена и сильно задета, когда он на полуслове повесил трубку. Вскоре после этого он приехал в Берлин и извинился перед ней за прерванный разговор, объяснив, что Роберт Кропп, его слуга, сообщил ему несколько дней назад неприятные новости. Его телефон теперь прослушивало не только гестапо, но и Борман. Более того, Кропп сообщил ему, что шпионом Бормана был его личный телохранитель.

Услышав о новой спасательной „акции“ Эммы, Геринг застонал. Но потом согласился, чтобы Роза продолжала получать еженедельное пособие на свою новую фамилию. Он также предупредил ее об антиеврейской кампании, которая должна вот-вот начаться, и посоветовал предупредить друзей и спрятаться, пока она не закончится.

Благодаря этому предупреждению Роза и ее муж получили отсрочку на несколько месяцев. Но потом муж Розы оказался вовлеченным на улице в ссору с эсэсовцем и был доставлен в гестапо. Там выяснилось, что он еврей, к тому же виновен в ужасном преступлении — он не носит желтой звезды Давида. Роза Корван позвонила Эмме, которая в это время находилась в Каринхалле, и, обливаясь слезами, еще раз попросила ее о спасении. Неутомимая экс-актриса немедленно набрала номер Генриха Гиммлера.

„Как и следовало ожидать, начальник СС ни в малейшей степени не обрадовался моему звонку, — позднее вспоминала она. — „Вы должны понять, фрау Геринг, — сказал он, — что у миллионов немецких женщин свои мужья на фронте и они не

знают, что с ними. Как вы можете ожидать, что я стану беспокоиться о судьбе какого-то отдельно взятого еврея?“ Я просила и умоляла его сделать для меня личное одолжение.

Он перезвонил мне через час и сообщил, что этот еврей — опасный и психически ненормальный человек, за которым необходим надзор.

„Мы отправим его в Терезиенштадт, который является одним из наших лучших трудовых лагерей, — сказал он. — Ему там будет очень хорошо“.

Услышав это известие, Роза Корван воскликнула: „Если его отправляют в лагерь, я хочу поехать вместе с ним. Можете вы мне хотя бы это устроить?““

Тем же вечером, когда Геринг вернулся в Каринхалле, Эмма рассказала ему всю историю. Геринг подошел к телефону и стал говорить с Гиммлером.

„После увиливаний и уклончивых ответов Гиммлер согласился отправить в этот лагерь и женщину, — пишет Эмма. — Все будет в порядке, заверил он нас. Он лично проследит, чтобы пара получила комнату и даже чтобы ее там для них прибрали. После его обещания мы оба успокоились“.

Она приготовила для Розы пальто и платье и купила полный комплект нижнего белья. Ее другая подруга-актриса, Дженни, поехала вместе с еврейской парой на вокзал проводить их. Но скоро в крайней тревоге она позвонила Эмме. Поезд, который их повез, поехал не в направлении Терезиенштадта, а совсем в другую сторону.

„Я сообщила об этом Герману, который позвонил Гиммлеру, — пишет Эмма. — Он не смог с ним связаться, но тем же вечером получил уведомление, что Гиммлер позвонил в Терезиенштадт и что Розетта и ее муж туда благополучно прибыли“.

Возможно, это было и правдой. Но правдой также было и то, что Терезиенштадт, поначалу пользовавшийся репутацией гуманного лагеря, к этому времени уже являлся транзитным пунктом на пути в лагеря смерти. Известно было об этом Герингу или нет, Эмма так и не узнала. Если известно, то это являлось еще одним доказательством того, что его влияние в иерархии „третьего рейха“ серьезно ослабло.

В ночь с 24 на 25 июля 1943 года семьсот восемьдесят тяжелых бомбардировщиков союзников пересекли Северное море, прошли над Любеком и с северо-востока обрушились на Гамбург. Этот город был самым важным портом Германии с миллионным населением. Его доки, центральная гавань и центральная часть были разбомблены с высокой и сокрушительной точностью.

Англо-американские самолеты шли тесным строем, и в этот раз противодействие им зениток и ночных истребителей оказалось несравненно более слабым.

Дело в том, что в этом рейде англичане впервые применили простое, но эффективное средство „ослепления“ радиолокационной системы противника: полоски станиоля. Сбрасываемые кипами с воздуха, они симулировали на экранах немецких радаров изображения бомбардировщиков, вызывая большую путаницу и делая невозможным точное наведение ночных истребителей и зенитного огня. В ту ночь было сброшено полторы тысячи тонн бомб, причем сразу же оказалась полностью разрушенной водопроводная станция, и пожарные не смогли быстро потушить охвативший целые кварталы огонь. После этого союзники совершили еще пять массированных налетов, сбросив на город в общей сложности более восьми с половиной тысяч тонн бомб, так что к 3 августа весь Гамбург превратился в пылающий ад.

„Казалось, сам Ужас проявлял себя в вое и реве огня, — писал начальник полиции Гамбурга, — в дьявольском грохоте взрывающихся бомб и предсмертных криках людей. Словами невозможно передать весь кошмар, в котором пребывали жители в течение десяти дней и десяти ночей. Следы, которые после этого остались в облике города и на лицах людей, никогда не изгладятся“.

Ни Гитлер, ни Геринг не посетили Гамбург. (Гитлер ни разу не покинул ставку, чтобы увидеть, что делают бомбежки союзников с городами и населением Германии. Геринг же навестил несколько сильно разбомбленных городов.) Но Карл Боденшатц ездил туда посмотреть разрушения и вернулся с потрясающим отчетом.

„В своем кабинете, в ставке фюрера, Геринг несколько раз настоятельно повторил, что следует предпринять что-то радикальное, чтобы такая катастрофа больше никогда не произошла, — написал позднее Адольф Галланд. — Проблемы, возникшие в связи с налетами на Гамбург, были обсуждены в присутствии начальника генерального штаба [военно-воздушных сил генерала Гюнтера] Кортена, преемника Ешоннека [19 августа 1943 года Ешоннек застрелился, по-видимому, придя в полное отчаяние в связи с проблемами люфтваффе], генерального руководителя авиастроения Мильха и многих офицеров военно-воздушных сил“.

Результаты совещания подвел Геринг, ознаменовав принципиальный поворот в германском стратегическом мышлении. Люфтваффе, после своего периода наступления, в

котором они достигли выдающихся успехов, сказал он, *должны теперь перейти к обороне на Западе.* Авианалеты союзников на рейх возможно будет остановить концентрацией всех сил на этой одной цели.

Отныне самой важной задачей военно-воздушных сил, продолжал рейхсмаршал, будет только защита жизни и собственности немцев, которые живут под постоянной угрозой бомбежки, а также сохранение потенциала военной промышленности. Под защитой увеличивающихся истребительных частей, сосредоточенных на воздушной обороне, люфтваффе скоро восстановят свою силу, и тогда Германия будет в состоянии наносить ответные удары.

„Никогда — ни до, ни после — я не наблюдал такой решимости и согласия среди людей, которые отвечали за руководство военно-воздушными силами, — пишет Таиланд. — Потрясенные гамбургской трагедией, все отбросили личные и ведомственные амбиции, не стало конфликтов между генеральным штабом и военными промышленниками, соперничества между бомбардировочной и истребительной авиацией. Осталось только одно общее желание сделать в этот критический час все возможное для защиты рейха, чтобы предотвратить вторую национальную катастрофу такого масштаба“.

Каждый, казалось, находился под впечатлением от вновь проснувшейся энергии Германа Геринга. „Он явно был захвачен общим настроем, — продолжает Галланд. — На какое-то время он нас оставил и пошел в кабинет фюрера, чтобы получить „добро“ на меры, которые мы наметили. Мы остались снаружи в напряженном ожидании. В этот час решалась судьба люфтваффе. Сам главнокомандующий решил, что существующий курс руководства боевыми действиями на западе не верен, и решил сделать полный разворот“.

Все командиры военно-воздушных сил понимали, что теперь все зависит от последнего слова, которое скажет Гитлер. Сам Галланд не сомневался, что он утвердит и поддержит выводы и решения их совещания всем весом своей власти.

Наконец дверь кабинета фюрера открылась и Геринг, сопровождаемый адъютантом Гитлера, вышел. Но ни на кого не глядя и не говоря ни слова, он сразу прошествовал в соседнее помещение. Дожидавшиеся его генералы в изумлении смотрели друг на друга. Что случилось?

Через некоторое время Геринг вызвал к себе Галланда и генерала Дитриха Пельца, командующего бомбардировочной авиацией.

„Перед нами предстала ошеломляющая картина, — пишет Галланд, — совершенно сломленный Геринг. Он сидел за столом, уронив голову на руки, и стонал, сквозь стоны нечленораздельно прорывались какие-то слова. Некоторое время мы в смущении молча стояли, пока он наконец не взял себя в руки и не произнес, что мы стали свидетелями его глубочайшего отчаянья. Фюрер утратил в него веру. Все предложения, от которых он ожидал кардинального изменения ситуации с войной в воздухе, были отвергнуты: фюрер объявил, что люфтваффе слишком часто его разочаровывали, и о переходе от наступления к обороне в воздухе на западе не может быть и речи“.

Вот так. Геринг смотрел на них глазами, полными слез. Потом он сказал, что Гитлер дает люфтваффе последний шанс восстановить свой престиж — возобновить воздушные налеты на Англию, но на этот раз в более крупных масштабах.

„Теперь как и прежде, — написал Галланд, — девиз был — атаковать. Террору можно было противопоставить только контртеррор“.

Окончательно собой овладев, Геринг поднялся и расправил плечи. Он вытер слезы с глаз и, пристально и с некоторым вызовом глядя на своих воздушных генералов, сказал:

— Фюрер помог мне понять нашу ошибку. Фюрер всегда прав. Мы должны нанести нашему врагу на западе такие удары, чтобы он больше никогда не осмелился на такие рейды, как гамбургский. Генерал Пельц, я приказываю вам подготовить и возглавить воздушное наступление на Англию.

После этого рейхсмаршал поспешил в Роминтенскую Пустошь; чувствуя себя словно побитые собаки, разъехались и генералы. Фюрер сказал — и они должны подчиняться его приказам, даже если понимают, что это скажется весьма пагубным образом на ходе войны. (Как и следовало ожидать, вследствие нехватки самолетов результаты операции „Штейнбок“ — авианалеты на Англию — оказались незначительными.)

— Но почему, — спросила Эмма Геринг мужа в один из таких кризисных моментов, — ты это терпишь? Почему не уйдешь в отставку?

У Альберта Шпеера имелось для этого свое объяснение. „Пришло время, когда я должен был сказать фюреру, что не могу исполнять приказы, которые он начал отдавать, — рассказывал он впоследствии. — Я попросил у него отставку. Но он ее не принял и вместо этого предложил мне уйти в отпуск. Он просто не мог потерять лицо вследствие моей отставки. В еще большей степени это относилось и к Герингу. Геринг был еще очень популярен. Отставка Геринга означала бы пощечину Гитлеру, и он никогда

бы не согласился на нее. Вместе с тем он не мог принять совет Геринга. Подобная ситуация всегда бывает трудной. Никто точно не представляет, как тут лучше поступить“.

Однако глубинная причина этого, видимо, на самом деле заключалась в верности, которая являлась основополагающим фактором политических взаимоотношений этих двух личностей. Она же служила источником власти самого Геринга. Именно этот фактор служил защитой Герингу от настойчивых требований его недоброжелательных критиков сместить его и заменить кем-то из числа более компетентных людей, ибо верность порождает верность. Гитлер не мог забыть заслуг Геринга в годы „борьбы“ и его последующих титанических усилий после 1933 года, направленных на осуществление амбиций Гитлера. Геринг, в свою очередь, хорошо понимал, что его политическое влияние и авторитет коренятся в особых отношениях с Гитлером. Эти отношения приняли форму не только политической, но и личной зависимости, и он находил в Гитлере и деловую и психологическую поддержку. „У меня нет совести, — говаривал Геринг, — моя совесть — Адольф Гитлер“. Начиная с 1943 года, когда их отношения значительно осложнились, Геринг стал с большим трудом переносить встречи с Гитлером. Офицеры его штаба не раз видели, как он выходил от фюрера в слезах, являя собой полный контраст с тем властным и грозным образом, в коем он представал перед своими подчиненными. В тех случаях, когда он считал, что Гитлер принял не самое правильное решение из возможных, он просто принимал его слово как закон. Гитлер был пророком, Геринг — приверженцем. Единственно, в чем он не подчинился, по словам Дильса, касалось запрета ему Гитлером верить в бога.

Со своей стороны, Гитлер видел в Геринге представителя нового поколения руководителей Германии. Он отзывался о Геринге как о „втором Вагнере“, как образце человека Ренессанса, с подобной же тягой к культуре, войне и политике. К манере Геринга пышно и ярко одеваться и соответствующим образом себя вести, шокировавшей чванливых и унылых чиновников и военных, Гитлер относился снисходительно именно потому, что он отличался от стандартных представителей высшего и среднего классов. Геринг с его поведением открывал пропасть и одновременно являлся своего рода перекидным мостом между нацистской элитой и теми, кого она хотела привести себе на замену; этаким живым напоминанием, что буржуазный образ жизни душит развитие Германии, тогда как нацистское движение освобождает германскую культуру, воссоединяет Германию с ее историей.

Гитлера восхищали в Геринге качества, которых он сам до некоторой степени был лишен, но которые, он считал, должны были отличать новое поколение немцев. „Рейхсмаршал прошел со мной сквозь годы кризисов, — заявил он своему окружению в 1944 году. — Во время кризиса он холоден как лед. В такие моменты не может быть лучшего советника, чем рейхсмаршал… Он жесток и холоден как лед… Лучшего и быть не может, лучшего просто невозможно отыскать“. Твердость Геринга, его героизм, его ураганная энергия и временами жестокость сделали его политической фигурой, которой Гитлер восхищался до самой войны. Ни за что ни про что он не назначил бы его своим преемником в 1939-м. Возможно, по этой же причине он закрывал глаза на его коррумпированность.

Возвращаясь к Альберту Шпееру, следует сказать, что он — это были уже последние недели войны — просто перестал подчиняться приказам Гитлера и вел собственную политику. Но Геринг так не мог поступить, не подчиниться фюреру было просто не в его природе. Он увиливал, медлил, чтобы избежать конфронтации, но отданная фюрером команда была по-прежнему для Геринга гласом божьим. Он дал свое слово служить ему, и у него даже при наступившем впоследствии окончательном разочаровании Гитлером не возникало мыслей нарушить его.

Но горячего желания служить ему сердцем и душой у Германа Геринга больше не было. Он не делал ничего пагубного для гитлеровского режима, но уже не слишком старался его поддерживать.

В последующие месяцы Герман Геринг не играл заметной роли в судьбе рейха, входящей в стадию сумерек. Подобно внезапно взвившейся ракете, он вдруг прочерчивал небосвод нацистского политического Олимпа, разбрасывая искры и производя громкий шум, чтобы потом опять исчезнуть на несколько недель. В день „Д“, 6 июня 1944 года, когда союзники высадились в Нормандии, Геринг охотился в Шорфхайде и не присутствовал в ставке фюрера во время его вспышки ярости, когда Гитлер, вопреки своим ожиданиям, узнал, что для отражения высадки имеется всего лишь 327 самолетов.

Теперь, встречая Адольфа Галланда или Эрхарда Мильха, он устраивал им яростные разносы. Галланду он постоянно твердил, что нынешние пилоты-истребители — просто сплошь неумехи и трусы, и в конце концов так разозлил молодого генерала, что тот сорвал с шеи Рыцарский крест и бросил его оземь. С Мильхом он теперь конфликтовал по поводу использования нового реактивного самолета „мессершмитт-262“. (Мильх, как и Галланд, хотел, чтобы эта машина выпускалась и использовалась как

истребитель, как она и была первоначально задумана, для отражения воздушных атак союзников, Гитлер же и поддержавший его Геринг требовали модифицировать ее под бомбардировщик.) После одной особенно яростной стычки они почти перестали разговаривать друг с другом. Но при общении с другими офицерами Геринг не делал секрета из того, что он думал о своем заместителе.

— Кто такой Мильх? — сказал он как-то своему новому начальнику штаба генералу Вернеру Крейпе. — Просто „пук“, вырвавшийся из моей задницы. Сначала он хотел играть роль моего наследного принца, но потом возжелал стать моим узурпатором.

23 мая 1944 года Гитлер, узнав, что Мильх продолжает выпускать реактивные истребители, пришел в ярость и лишил его своего благоволения. Обрадованный Геринг этим сразу воспользовался и отнял у ненавистного заместителя все его полномочия. 27 мая руководство авиационной промышленностью перешло к Шпееру. Ожидалось, что Мильх подаст в отставку сам, но он этого не сделал, и 20 июня, в присутствии Гитлера, от него этого категорично потребовал Геринг. В результате Мильх подал прошение об уходе со всех занимаемых им постов, однако за ним все же была оставлена должность главного инспектора люфтваффе.

Иногда, словно вскидываясь ото сна, Геринг покидал Каринхалле или Бург-Фельденштейн и неожиданно появлялся в Нюрнберге, Дюссельдорфе или Бремене или каком-нибудь другом городе, который перед этим „посетило“ англо-американское бомбардировочное соединение. Галланд, Мильх, Шпеер, Геббельс и Гиммлер, все те, кто теперь испытывал к нему широкий диапазон чувств — от обиды и негодования до презрения, испытывали еще и досаду, отмечая, что среди широкой публики он так же популярен, как и прежде. Люди дружелюбно приветствовали его, хлопали по плечу, когда он проходил среди них, переживших бомбежку, и проявлял сочувствие. Однажды ночью Альберт Шпеер зашел в бомбоубежище во время налета и увидел толпу, сидевшую вокруг Германа Геринга.

„Его лицо светилось отражением их явного восхищения, — позднее рассказывал Шпеер. — Не могло быть сомнений, что для них он по-прежнему был героем. После того как он ушел, я услышал, как люди стали говорить друг другу: „Он славный парень, Толстяк. Он беспокоится о нас, не то что другие“. Очевидно, они имели в виду Адольфа Гитлера, которому теперь было совершенно безразлично, живы они или мертвы“.

„Им бы следовало забросать его помидорами, — возмущался

Адольф Галланд, — а они вместо этого пожимали ему руку!“

Он находился в своем штабе в бронепоезде и готовился к предстоящему совещанию с Муссолини, когда в Растенбурге, в легком деревянном здании, где на этот раз проходило совещание у фюрера, прогремел взрыв. Начальник штаба Резервной армии полковник Клаус фон Штауффенберг поставил портфель с бомбой около Гитлера, надеясь, что его разорвет на куски, чтобы потом осуществить военную смену власти.

Бомба убила генерала Кортена, начальника генерального штаба люфтваффе, смертельно ранила генерала Шмундта, адъютанта Гитлера, у Карла Боденшатца были повреждены барабанные перепонки и обожжены руки. Но Гитлер только оглох на одно ухо и получил ранение в руку. После волны арестов, пыток в гестапо и судов десятки высших офицеров были казнены, национальному герою Эрвину Роммелю была предоставлена возможность застрелиться.

Среди тех, кого арестовало гестапо, оказался племянник Геринга Эрнст, сын его прекрасной невестки Ильзы. В последний раз Геринг решил использовать свое влияние на Гитлера и спасти молодого человека. Он отправился прямо в ставку фюрера и, игнорируя Бормана, попытавшегося преградить ему путь, вломился к нему в бункер. Обратно он вышел улыбаясь и сказал Борману:

— Мой племянник должен быть немедленно освобожден. Просто смешно думать, что мой родственник может замешаться в эту толпу».

Через несколько дней он снова был в Каринхалле в окружении обожающих его женщин: Эммы, сестры Ольги, свояченицы Эльзы Зоннеман и невестки Ильзы Геринг и наслаждался их восторгами.

Они были все еще там, когда наступило 12 января 1945 года, пятьдесят второй день рождения Германа Геринга. И в то время как у них в ушах уже стоял грохот рушащейся германской империи, а неистовый фанатик в берлинском бункере готовился разменять последнее полугодие своего правления, домашние Геринга решили бросить вызов приближающейся катастрофе знатным пиром. На столе была икра из России, дичь и оленина из лесов Шорфхайде, сёмга из Данцига и последний гусиный паштет из Франции. К этому подавались водка, кларет, бургундское и столько шампанского и коньяка, сколько они были в силах выпить.

На праздновании был один незваный гость — неожиданно появился фельдмаршал Эрхард Мильх, чтобы высказать в этот день своему шефу добрые пожелания. Геринг, увидев его, был

неприятно удивлен и пригласил к столу крайне неохотно. Словно извиняясь за роскошное пиршество, он сказал:

— Семейство Герингов всегда славилось добрым столом. И сейчас уже не время себе отказывать. В самом ближайшем будущем нас всех ожидает *Genickschuss*[24].

В конце застолья Геринг налил себе «Наполеона» (Мильху пришлось довольствоваться обычным коньяком) и, поднявшись, воскликнул:

— Хайль Гитлер! И, боже, помоги Германии!

В конце этого же дня, нежно сказав «до свидания» Эмме и остальным женщинам, он вместе с Мильхом вернулся в Берлин.

30 января 1945 года в лесу Шорфхайде был замечен советский разведывательный бронеавтомобиль. Каринхалле доживало свои последние недели.

Под грохот рушащегося рейха

Эмма и другие женщины Геринга были вывезены из Каринхалле 31 января 1945 года. Они отправились на юг в Берхтесгаден вместе с четырьмя грузовиками — первым из нескольких конвоев с произведениями искусства, которые Геринг начал вывозить из своей лесной резиденции.

К этому времени советские войска уже переправились через реку Нетце и вступили на территорию Пруссии. Но до Каринхалле война все еще не дошла. Решив защищать свой охотничий замок до последней возможности, Геринг разместил вокруг него целую парашютную дивизию и продолжал возвращаться в умиротворяющий покой своего любимого Шорфхайде всякий раз, когда оставаться в Берлине ему становилось невмоготу.

Здесь в середине февраля его навестил Шпеер. Как всегда, когда он находился в Каринхалле, рейхсмаршал был в своем традиционном охотничьем одеянии, со старинным кинжалом за поясом. Он выглядел уставшим и нездоровым, но пригласил Шпеера войти. Гость хорошо понимал его состояние.

«Гитлер уже давно сделал из него козла отпущения за все неудачи люфтваффе, — впоследствии писал Шпеер, — и на оперативных совещаниях постоянно оскорблял и унижал его. В отсутствие посторонних Герингу доставалось еще больше. Порой Гитлер так кричал на него, что было слышно в приемной, чему я не раз оказывался свидетелем».

В тот вечер Геринг и Шпеер, по-видимому, первый и единственный раз чувствовали взаимопонимание. Роберт Кропп накрыл им стол возле камина, поставив приборы и бокалы из фамильного сервиза Ротшильдов, и Геринг попросил его больше их не беспокоить. Шпеер откровенно и подробно рассказал о причинах своего глубокого разочарования в Адольфе Гитлере.

«Столь же искренне, — написал впоследствии Шпеер, — Геринг ответил, что он меня хорошо понимает и сам испытывает подобные же чувства. Однако, сказал он, мне в этом смысле легче, так как я примкнул к Гитлеру значительно позже и смог внутренне отделиться от него быстрее. Его, Геринга, связывают с Гитлером гораздо более прочные узы — это долгие годы совместной борьбы, триумфа и поражений, — и ему очень нелегко их разорвать — невозможно».

Тем же вечером Шпеер вернулся в Берлин. Несколько дней спустя кто-то сообщил Гитлеру, что Геринг использует парашютистов для защиты Каринхалле, и по его приказу

парашютная дивизия была переброшена на позиции южнее Берлина. Теперь можно было точно сказать, что лесному дому Герингов осталось существовать считанные дни.

Где-то в эти же дни у Геринга состоялась еще одна, необычная, встреча, проходившая уже под аккомпанемент советской артиллерии, бившей с западного берега Одера, отчего слегка дрожала мебель и сотрясались стекла. Дело было в том, что в конце января Гитлер наконец дал разрешение на формирование самостоятельной Русской освободительной армии под командованием генерала Власова, которая отныне не являлась частью вермахта, а подчинялась правительству Комитета освобождения народов России. Помимо двух дивизий в эту армию предполагалось включить авиационное соединение, правда пока не имевшее самолетов, под командованием Владимира Мальцева. Однако при всей независимости РОА от немцев Власов не мог присваивать своим офицерам звания выше полковника, и для назначения русского генерала требовалась санкция рейхсмаршала. В связи с этим Мальцев приехал в Каринхалле в сопровождении бывшего военно-воздушного атташе Германии в Москве генерала Ашеннбреннера, осуществлявшего общее руководство русским авиационным соединением, и официального посредника между немцами и командованием РОА оберфюрера СС доктора Крёгера. В состоявшемся разговоре Геринг признался, что он более или менее понимает англичан, французов и американцев, но ни он, ни его коллеги не в силах постичь истинный характер России и русских.

После отвода парашютистов Геринг оставался в своем лесном замке ровно столько, сколько потребовалось, чтобы проследить за упаковкой своих старинных фужеров, ковров, гобеленов и картин и их погрузкой на грузовики конвоя, который должен был доставить все это в Баварию. Потом он застрелил своих четырех любимых зубров, выстроил для прощания своих лесников и, пожав каждому из них руку, сел в автомобиль. За рулем сидел Роберт Кропп, вместе с ним в машине ехали два его адъютанта — полковник фон Браухич и капитан Клаас. Они направились в Берлин, и Браухич впоследствии рассказал, что Геринг ни разу не оглянулся.

Спустя несколько часов после их отъезда саперы из парашютной дивизии, которые уже заминировали дом и мавзолей, опустили штоки на электродетонаторах, и Каринхалле вместе со всем, что он символизировал, содрогнулся от взрыва и рассыпался. После того как парашютисты уехали, уже никто не смог бы даже предположить, что здесь возвышалась одна из самых помпезных феодальных резиденций, которые когда-либо

видела Германия.

Каринхалле больше не существовало. Когда там появились советские танки на своем пути к Берлину, бойцы ненадолго задержались, чтобы побродить по развалинам в поисках чего-нибудь полезного. Что им удалось найти, неизвестно. Но череп, засыпанный каменными обломками, кто-то обнаружил много месяцев спустя.

Это был череп Карин Геринг, в память которой возводился этот монументальный дом.

В день своего рождения, 20 апреля 1945 года, Гитлер в последний раз вышел из своего бункера. Сутулый, с трясущимися руками и шаркающей походкой, он производил впечатление старика. Гитлер вышел в сад рейхсканцелярии, где ему представили делегацию наиболее отличившихся в боях членов гитлерюгенда. Потрепав мальчиков по щекам, он попытался глухим голосом произнести выспреннюю речь, но скоро на полуслове замолк. Чувствуя себя в неловком положении, участники церемонии перешли к докладам о положении на фронтах. «Никто толком не знал, о чем говорить», — вспоминает Шпеер (в это время советские армии готовились завершить окружение Берлина). Потом Гитлер начал выслушивать поздравления.

Вскоре в бункере фюрера началось очередное оперативное совещание. Как заметили все, кроме Гитлера, появившийся на нем Геринг был одет не в свой традиционный серебристо-серый рейхсмаршальский мундир, а в более скромную форму оливкового цвета с обычными матерчатыми погонами — вместо огромных с золотым плетением — с приколотыми к ним рейхсмаршальскими орлами, чем напомнил присутствующим немецким военным американского генерала.

Началось обсуждение ожидаемого наступления советских войск на центральные кварталы Берлина. Со дня на день могли начаться уличные бои, и генералы принялись убеждать Гитлера, который решил остаться в столице, что ставку верховного главнокомандования, пока еще не поздно, нужно перенести в Оберзальцберг, в «Альпийский редут».

Геринг обратил его внимание на то обстоятельство, что единственный путь из Северной Германии в Южную, проходящий через Баварский лес, они пока удерживают, но он в любой момент может быть перерезан противником, и тогда в Берхтесгаден им уже не попасть.

Слушая подобные призывы, Гитлер разнервничался и с горечью произнес:

— Как я могу призывать солдат стоять до конца в решающей

битве за Берлин и тут же покинуть город и перебраться в безопасное место! — он вперил взгляд в побледневшего и обливающегося потом Геринга, который смотрел на него выпучив глаза, и закончил свою отповедь дрогнувшим от волнения голосом: — Я полностью полагаюсь на волю судьбы и остаюсь в столице. Если судьбе будет угодно, она даст мне в последний момент возможность вылететь в Оберзальцберг!

Как только совещание закончилось, Геринг, который, по словам Шпеера, «был совершенно растерян», подошел к Гитлеру и, пробормотав, что в связи с неотложными делами требуется его присутствие в Южной Германии, попросил разрешения этой же ночью покинуть Берлин. Посмотрев на него отсутствующим взглядом, Гитлер сказал несколько ничего не значащих слов и пожал рейхсмаршалу руку. Шпеер пишет, что он тогда подумал, что присутствует при историческом моменте: «Один из руководителей рейха „откалывался“ от фюрера, пусть и не в открытую».

22 апреля, когда советские армии обошли Берлин и с юга, и с севера и приблизились к его восточным пригородам, рухнули все иллюзии Гитлера. Ожидаемая им с севера контратака группы войск его любимца обергруппенфюрера СС Феликса Штайнера, которая, как он надеялся, спасет Берлин, так и не состоялась. Узнав об этом, фюрер испытал очередную неистовую вспышку ярости, осыпав проклятиями и обвинив в предательстве армию, эсэсовцев и немцев вообще. Потом успокоился и, заявив, что надежды больше нет и «третий рейх» пал, сказал, что останется в бункере и будет ждать конца, а потом застрелится. А Геринг, добавил он, если хочет, пусть ведет переговоры с союзниками.

Присутствовавший при этом генерал-полковник Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства, одновременно начальник главного штаба вооруженных сил и военный советник Гитлера, вызвал генерала Карла Коллера, начальника генерального штаба люфтваффе и рассказал ему о решении Гитлера умереть в бункере в Берлине.

Колдер сумел передать эти новости по телефону, сквозь треск и шум, из германской столицы Герингу в Оберзальцберг, но немедленно получил указание от Берндта фон Браухича, адъютанта Геринга, все доложить лично. Он вылетел в Баварию вместе со штабом верховного командования люфтваффе и прибыл к Герингу в его рейхсмаршальский дом в Берхтесгадене 23 апреля. Он хотел переговорить с Герингом с глазу на глаз, но тот ему сказал, что присутствовавший здесь Филипп Булер, начальник партийной канцелярии, надежный человек, и ему можно доверять. На этот раз Колдер рассказал о своем разговоре

с Йодлем и намерении Гитлера кончить жизнь самоубийством во всех подробностях, и у него сложилось впечатление, что Геринг озадачен этими новостями.

«И он и Булер отозвались о Гитлере очень недоброжелательно, — впоследствии написал он, — и трактовали такое его поведение как злую шутку. Геринг почувствовал себя в трудном положении. Он захотел получить доклад о военном положении, который я представил ему при помощи карт. После этого он спросил меня, не назначил ли он своим преемником Мартина Бормана. Я ответил ему, что, когда покидал Берлин, Гитлер был еще жив и мог принять какие-то решения. Еще оставались один-два пути спасения из города… Может быть, Гитлер изменил свои планы».

Пока они обдумывали его слова, Колдер добавил:

— Как бы то ни было, теперь ваше время действовать, герр рейхсмаршал.

Действовать, но как? Было очевидно, что Геринг не то чтобы размышлял, что именно предпринять, он просто боялся проявлять активность. Он опасался Бормана.

— Борман — мой смертельный враг, — сказал он. — Он только и ждет, чтобы я подставился. Если я начну действовать, он назовет меня предателем. Если не начну — обвинит меня в бездействии в самый тяжелый час!

Геринг велел принести стальной ящичек, в котором он держал ценнейший для него указ от 29 июня 1941 года, которым фюрер назначал его своим преемником. Вынув его, он прочитал вслух соответствующие ситуации слова-:

«В случае ограничения моей свободы действий или какой-либо иной моей недееспособности, рейхсмаршал Геринг становится моим заместителем или преемником со всеми полномочиями: государственными, партийными и военными».

Указание представлялось достаточно ясным. Но Геринг был все еще неуверен. Среди нацистских функционеров, заполонивших теперь оберзальцбергский «редут», был и Ганс-Генрих Ламмерс, начальник канцелярии Гитлера по политическим делам, и он был вызван для изучения документа. После его прочтения Ламмерс заключил:

— Декрет от 29 июня 1941 года вступил в силу и обязателен для исполнения. Никаких новых постановлений не требуется. Фюрер не издавал на этот счет никаких других указов. Если бы издал, мне было бы известно. Без моего участия он бы не смог изменить этот декрет законным образом.

Тем не менее Геринг по-прежнему испытывал нерешительность, его продолжали терзать сомнения. Он

беспокоился не только о том, чтобы не сделать неверный шаг, который вызовет злобную и опасную реакцию Бормана, он хотел получить санкцию Гитлера на свои дальнейшие действия, так чтобы по-прежнему остаться под его началом. Наконец он решил отправить в Берлин телеграмму. Вдвоем с Ламмерсом они продиктовали ее Коллеру, постаравшись дать понять, что Геринг все равно хочет, чтобы Гитлер выбрался из Берлина и продолжил направлять борьбу с юга. Но если этого не произойдет…

Послание гласило:

«Мой фюрер! Ввиду вашего решения оставаться на вашем посту в берлинской твердыне согласны ли вы, чтобы я немедленно принял общее руководство рейхом при полной свободе действий в стране и за ее пределами в качестве вашего заместителя в соответствии с вашим указом от 29 июня 1941 года? Если до 22 часов сегодня ответа не последует, я буду считать, что вы утратили свободу действий и что возникли условия для вступления в силу вашего указа, чтобы начать действовать в высших интересах нашего народа и фатерланда. Вы знаете, какие чувства я испытываю к вам в этот тяжкий час в моей жизни, я просто не способен найти слова, чтобы их выразить. Пусть бог хранит вас и позволит, несмотря ни на что, прибыть сюда так скоро, как это будет возможно.

Преданный вам Герман Геринг».

Альберт Шпеер находился в бункере в Берлине, когда там была получена телеграмма. Ее вручили Борману, который поспешил исказить ее смысл.

«Борман обвинил Геринга в попытке переворота, — пишет Шпеер, — возможно, он просто в последний раз пытался убедить Гитлера перебраться в Берхтесгаден, чтобы на месте, дескать, навести порядок».

Однако погруженный в апатию Гитлер на послание Геринга никак не отреагировал. Но через короткое время поступила новая телеграмма, на этот раз адресованная Риббентропу. Она имела своей целью просто прояснить намерения Геринга и подчеркнуть их законность.

«Рейхсминистру фон Риббентропу. Я попросил фюрера дать мне разъяснения не позднее 22 часов 23 апреля. Если к этому времени выяснится, что фюрер не в состоянии руководить рейхом, вступает в силу его указ от 29 июня 1941 года, согласно которому я становлюсь его преемником на всех занимаемых им постах. Если до полуночи 23 апреля 1945 вы не получите иных указаний непосредственно от фюрера либо от меня, прошу вас немедленно вылететь ко мне.

Рейхсмаршал Геринг».

— Геринг затеял измену! — снова закричал Борман. — Он уже посылает телеграммы членам правительства и извещает их о своем намерении на основании будто бы имеющихся у него полномочий сегодня в полночь занять ваше место, мой фюрер!

На этот раз Борман добился своего. Гитлер немедленно лишил Геринга его права преемственности и обвинил его в предательстве национал-социализма и фюрера — текст соответствующей ответной телеграммы Герингу поторопился подготовить Борман. Послание заканчивалось словами фюрера, что он воздержится от принятия каких-либо дальнейших мер, если Геринг уйдет в отставку со всех постов по состоянию здоровья.

«Борману наконец удалось вывести Гитлера из состояния апатии, — пишет Шпеер, который наблюдал эту ситуацию вблизи. — Последовал приступ дикой ярости, в которой нашли выражение горечь поражения, собственное бессилие, жалость к себе и отчаяние. С налившимся кровью лицом и вытаращенными, готовыми вылезти из орбит глазами Гитлер, не обращая внимания на присутствующих, страшно кричал: „Я давно об этом знал! Я знал, что Геринг совершенно разложился! Он развалил наши военно-воздушные силы! Он открыто брал взятки! Это из-за него в нашем государстве расцвела коррупция! Ко всему прочему, он уже долгие годы не может обойтись без морфия! Я давно, давно все это знаю!“

Гитлер успокоился на удивление быстро и снова впал в состояние прострации.

— А-а, мне все равно, — потухшим голосом произнес он. — Пусть Геринг ведет переговоры о капитуляции. Так как война проиграна, не имеет значения, кто именно этим займется».

Дальше политическая ситуация в Германии развивалась подобно сюжету плохого фильма. В Оберзальцберге Геринг, Колдер и Булер, которые не знали, что происходит в Берлине и что фюрер лишил Геринга его полномочий, уединились в его кабинете, занявшись составлением официального послания, которое они планировали направить генералу Эйзенхауэру, главнокомандующему объединенными силами союзников, Уинстону Черчиллю и президенту Трумэну. Одно послание, в котором рейхсмаршал просил Эйзенхауэра о встрече, чтобы обсудить «почетную капитуляцию» германских войск, они уже набросали. Внизу, у подножия горы, ожидал легкий самолет, готовый отвезти Геринга на место встречи с союзниками. В то же время он написал воззвание к вермахту, напыщенно призывая немцев продолжать борьбу, но это была просто хитрость, как объяснил Геринг с ухмылкой, чтобы провести русских и скрыть от

них тот факт, что он ищет мира.

Генерал Коллер еще никогда не видел своего шефа таким оживленным. «Было ощущение, как будто он вновь родился», — написал он впоследствии. Геринг был полон планов и новых идей. В какой-то момент зашла Эмма, чтобы подать им чай или бутерброды с пивом, и передала ему список грузовиков, груженных его ценностями, которые прибыли из Каринхалле. Оказалось, что четыре грузовика, перевозивших самые любимые произведения искусства Геринга, потерялись в Берлине. (По крайней мере, одна из этих машин попала в руки советских солдат и была отправлена в Советский Союз. Среди других картин в ней находилась «Венера» Буше. Это полотно, попав из Советского Союза в Польшу, затем в Финляндию и Швецию, обнаружилось на аукционе в Лондоне в 1973 году.) Издав стон, рейхсмаршал постарался выбросить из головы это тяжелое для него известие и вернулся к планированию дальнейших действий. Что значили несколько потерянных картин в момент, когда наконец в его руках оказалась судьба всего рейха?

А в Берлине тем временем главный злодей мелодрамы вовсю трудился над тем, чтобы разрушить все его намерения. Более того, Мартин Борман решил под самый конец устранить Геринга раз и навсегда. Когда Гитлер велел ему послать телеграмму Герингу, он позаботился отправить два послания. Первое было от имени фюрера и извещало:

«Указ от 29.06.41 аннулирован моим специальным распоряжением. Свобода моих действий не вызывает сомнений. Запрещаю вам предпринимать в этом направлении любые шаги».

Второе Борман отправил по собственной инициативе двум старшим командирам частей СС, стоявших в районе Оберзальцберга, Франку и фон Бредову с приказом немедленно арестовать Геринга по обвинению в государственной измене. На случай их возможных колебаний Борман добавил: «Вы отвечаете за его исполнение собственными жизнями».

То, что Геринг не имел намерения совершать государственную измену или поступать вопреки желаниям Гитлера, доказывает тот факт, что, как только телеграмма фюрера оказалась у него в руках, он сразу прекратил составление планов дальнейших действий и отправил ответную телеграмму Гитлеру с просьбой освободить его от всех занимаемых постов в связи с «тяжелым сердечным заболеванием», а также телеграммы Риббентропу и Геббельсу с Кейтелем, с которыми тоже успел связаться, такого содержания:

«Фюрер информировал меня, что он по-прежнему дееспособен. Аннулирующая телеграмма сегодня в полдень.

Хайль Гитлер. Герман Геринг».

Но к этому времени эсэсовцы уже окружили его дом и изолировали его и его семью от других обитателей Берхтесгадена и от остального мира. Когда появившиеся вскоре Франк и фон Бредов объявили, что должны поместить его под арест, он просто отказался поверить в серьезность происходящего.

— Завтра все прояснится, — сказал он Эмме вечером. — Это просто недоразумение. Спи спокойно, как сейчас намерен поступить я. Можешь ли ты представить хоть на мгновение, чтобы Адольф Гитлер меня сегодня арестовал — меня, кто шел за ним и был рядом, несмотря ни на что, на протяжении двадцати трех лет? Ну? Это просто немыслимо!

Но наступившая ночь спокойной у них не получилась. Снаружи, заносимые снегом, стояли на страже эсэсовцы. Геринга отделили от Эммы и его дочери Эдды, и у их дверей тоже встали часовые, предупредив, что застрелят их, если они попытаются связаться друг с другом. Утром, когда Эмма с дочерью еще лежали в постели, забывшись прерывистым сном, Геринг вышел в халате на балкон. В этот момент появились британские бомбардировщики. Их экипажи имели самое «лакомое» задание этой войны: прицельную бомбардировку горной цитадели Гитлера. Но в дом Геринга их бомбы тоже попали.

Семью успели отвести в подвал под домом, куда уже спустились Роберт Кропп, Эльза Зоннеман, Криста Гормане, медсестра Геринга, Силли, горничная и гувернантка. Но когда дом начал вздрагивать и крошиться от взрывов, стало ясно, что, если бомба упадет где-нибудь поблизости, им несдобровать. В момент затишья они поспешили вниз по склону в большое убежище среди холмов, куда уже набилось большинство нацистских функционеров из Берхтесгадена вместе со своими родственниками. Герингов держали отдельно, их окружали эсэсовцы, и им было запрещено разговаривать.

Когда они наконец выбрались наружу, «Орлиное гнездо», гордый символ гитлеровского величия, было уничтожено бомбами союзников. Дом Герингов тоже сильно пострадал, плавательный бассейн был разрушен, крыша местами обвалилась, кабинет Геринга превратился в развалины.

Это зрелище, видимо, наконец избавило его от иллюзий. Он повернулся к командиру эсэсовцев Гансу Франку, стоявшему рядом с ним, и сказал:

— Отправьте сообщение фюреру. Передайте ему, что если он верит, что я его предал, я готов к расстрелу.

В этот момент состоялось лучшее представление Эммы Геринг в ее артистической карьере. Она была готова кричать от

страха во время авианалета и испытывала ужас при мысли о том, что может произойти с ее мужем, ее дочерью и с ней самой, но взяла себя в руки и сказала Франку:

— Фюрер в день моей свадьбы обещал мне выполнить мое желание. Я хочу напомнить ему об этом обещании. Если фюрер отдаст приказ о расстреле моего мужа, я хочу, чтобы он распорядился Эдду и меня расстрелять тоже.

Франк хмуро кивнул и обещал, что такое послание будет отправлено. На самом деле он уже находился в полном недоумении от всей этой ситуации. Он только что получил еще одно послание от Бормана, который жаждал расправиться с Герингом, несмотря ни на что.

«Положение Берлина ухудшается, — передал он. — Если Берлин и мы падем, изменники 23 апреля должны быть уничтожены. Выполняйте ваш долг. От этого зависят ваша жизнь и честь».

Но Франк, должно быть, рассуждал, что если Берлин действительно падет и Гитлера с Борманом не станет, то какая польза будет в том, чтобы убить еще и Геринга? Он оставался единственным нацистским лидером, кто мог начать переговоры с союзниками.

Как только эсэсовские начальники поняли, что Гитлер и Борман уже находятся на своем пути в небытие, они поставили свои «вальтеры» на предохранители, и Герингам уже не грозила расправа — по крайней мере от рук своих товарищей-нацистов. И на самом деле, когда Геринг заметил, что в разбомбленном Оберзальцберге теперь находиться не слишком комфортно и им было бы лучше отправиться в замок Маутерндорф, Франк сразу согласился и отдал распоряжение о подготовке колонны автомашин, с тем чтобы перевезти через австрийскую границу Геринга, его жену, дочь и слуг, а также сопровождающих эсэсовцев.

Дороги были покрыты льдом и забиты отступающими войсками, и на поездку им потребовалось тридцать шесть часов. Пока они находились в пути, радио Гамбурга передало такое объявление:

«Рейхсмаршал Герман Геринг страдает от сердечной болезни, которая теперь перешла в острую стадию. В связи с этим он попросил освободить его от командования военно-воздушными силами и всех связанных с ними постов, ибо в этот момент как никогда требуется напряжение всех сил. Фюрер удовлетворил его просьбу. Фюрер назначил генерала Роберта фон Грайма новым командующим люфтваффе, одновременно присвоил ему звание генерал-фельдмаршала».

В действительности, прибыв в Маутерндорф, Геринг быстро восстановил свои нервы и энергию. Не без помощи пилюль, конечно. Он догадывался, что эсэсовские командиры, особенно Франк, не знают, что с ним делать. И хотя они сами пока не решались его освободить, кому-то другому вряд ли стали бы препятствовать. Россвита, племянница Эммы, была отправлена из замка Маутерндорф по подземному ходу в деревню, на окраине которой он выходил на поверхность. Геринг со своими братьями и сестрами часто лазил по этому ходу в детстве.

В деревне Россвита нашла лейтенанта люфтваффе и рассказала ему, что Геринг находится под арестом в замке. Однако тот отказался ей поверить. Тогда несколько часов спустя по подземному ходу выбралась сама Эмма и переговорила с лейтенантом и еще с капитаном люфтваффе. Они обещали явиться в замок и позаботиться о безопасности Геринга и обещали отправить сообщение в ближайшую летную часть и проинформировать ее командира о положении рейхсмаршала.

Но прежде чем Геринг был освобожден, прошла целая неделя и «третий рейх» окончательно рухнул. Гитлер продиктовал своему секретарю Гертруде Юнге политическое завещание, в котором исключал Геринга из партии, формально лишал его права преемственности и назначал вместо него своим преемником гросс-адмирала Карла Деница. После этого застрелился.

У Герингов в Маутерндорфе имелось радио, и, услышав 1 мая известие о смерти фюрера, Геринг с горечью сказал:

— Он умер, Эмма! Теперь я никогда не смогу убедить его, что был верен ему до конца!

У Эммы случился сердечный приступ.

Впрочем, скоро они смирились с утратой. Геринг снова был деятелен и кипел энергией. В это время мимо Маутерндорфа проходила часть генерала люфтваффе Вольфганга Пикерта, командовавшего прежде ПВО в Берлине, который был удивлен, увидев в воротах рейхсмаршала.

— Слушайте мою команду, — сказал Геринг. — Во-первых, мне нужна надежная охрана. Во-вторых, передайте генералу Коллеру, чтобы немедленно начал действовать. К Эйзенхауэру должен быть отправлен генерал, который договорится о нашей встрече для разговора как мужчина с мужчиной, как солдат с солдатом. Полагаю, это будет лучший способ для разрешения ситуации.

Через несколько часов к замку подошел батальон военнослужащих люфтваффе, и когда Геринг спустился по ступеням со стены, они уже выстроились, чтобы приветствовать

его.

«Это был один из самых прекрасных моментов в моей жизни, — говорил он позже, — я стоял перед шеренгой моих солдат и смотрел, как они берут „на караул“ перед своим главнокомандующим».

Герман Геринг был опять свободен. То есть пока свободен.

В мае 1945 года среди нацистских лидеров было все еще немало тех, кто думал, что могут обеспечить почетный мир для Германии, и все, что для этого нужно, — это просто одному из них поговорить с союзниками как солдат с солдатом, как мужчина с мужчиной. Однако адмирал Дёниц, преемник Гитлера, который теперь осуществлял руководство из Фленсбурга в Северной Германии, вскоре обнаружил, что все не так просто. Герман Геринг же не сомневался в своей способности сделать ситуацию «более податливой».

6 мая он отправил Дёницу послание, в котором говорилось:

«Известно ли вам об интригах, угрожавших безопасности государства, которые провернул рейхсляйтер Мартин Борман в целях моего устранения?.. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер может подтвердить степень размаха этих интриг. Я только что узнал, что вы намерены отправить [генерала] Йодля к Эйзенхауэру с целью начала переговоров. Я полагаю важным в интересах нашего народа, чтобы параллельно с официальными переговорами Йодля я официально установил контакт с Эйзенхауэром, как маршал с маршалом. Мой успех на всех важных переговорах за рубежом перед войной, которые фюрер всегда поручал мне, служит достаточной гарантией, чтобы я создал атмосферу личного доверия. Более того, и Великобритания, и Америка доказали через свою прессу и радио, а также через заявления своих государственных деятелей за последние несколько лет, что ко мне там относятся более благосклонно, чем ко всем остальным политическим лидерам Германии. Я считаю, что в этот тяжелейший час все должны действовать сообща и что не следует пренебрегать ничем, что могло бы хоть в какой-то степени гарантировать будущее Германии. Рейхсмаршал Геринг».

Дёниц не стал отвечать на это послание. Он уже начал понимать, что подразумевают союзники, когда настаивают на «безоговорочной капитуляции», и те категории, которыми продолжал мыслить Геринг, имели мало общего с существующей реальностью.

Но Геринга молчание адмирала ничуть не волновало. Он уже занялся подготовкой собственных переговоров. Генерал Колдер реквизировал для него находившийся западнее замок Фишхорн, и теперь Геринг и все, кто был с ним, расположились там в

ожидании прибытия американцев. Тем временем Берндт фон Браухич и еще один посланец, сжимая в руках белые флаги, ехали по Баварии в западном направлении с двумя письмами от Геринга. Встретив первое же американское подразделение, они попросили отвести их в штаб. Одно письмо было адресовано командиру американской передовой части и содержало просьбу защитить Геринга от возможных враждебных акций гестапо и СС. Другое предназначалось генералу Эйзенхауэру и приглашало на «беседу».

Прошло некоторое время, прежде чем парламентеры нашли американцев и передали им пакеты, и, ожидая их возвращения, Геринг начал проявлять нетерпение. Роберту Кроппу он сказал:

— Пакуйте багаж, Кропп, и складывайте его на грузовики.

Утомленный Кропп, который все последние дни только и занимался тем, что запаковывал и распаковывал, тяжело вздохнув, раскрыл чемоданы из свиной кожи и принялся вновь заполнять их мундирами, костюмами и разнообразными предметами туалета хозяина. Силли занялась тем же самым в гардеробной Эммы.

Эмме Геринг заметил:

— Если гора не идет к Магомету, значит, Магомет должен идти к горе.

Посмеявшись над шуткой, они отправились к автомобилям и покатили по горным дорогам, по которым отступали «уносимые ветром» солдаты вермахта и толпы беженцев, несчастных жителей разбитой в войне страны. Каждый раз, когда Геринга узнавали, пехотинцы и гренадеры начинали салютовать ему, расстреливая в воздух последние патроны, либо приветствовали его и махали руками, и они с Эммой улыбались им и махали в ответ. Часто их автоколонна попадала в транспортные пробки, и тогда солдаты выпрыгивали из своих грузовиков и бронетранспортеров, чтобы пожать руку рейхсмаршалу и расспросить его о перспективах мира. Он успокаивал их. Разве он не был Железным Человеком? Он обязательно проследит, чтобы с Германией поступили справедливо. Солдаты отвечали одобрительными возгласами.

— *Heil der Dicke!*[25] — кричали они.

В одной из таких пробок Геринга наконец нашел первый лейтенант армии Соединенных Штатов Джером Шапиро. Сначала он приехал в Фишхорн, но обнаружил, что его «добыча» исчезла, и бросился на розыски этого, пожалуй, самого главного «приза» войны. Теперь он поспешил к рейхсмаршалу и отдал ему честь. Тот отсалютовал в ответ, и Шапиро был удивлен, заметив, что и Геринг, и его жена были явно рады его видеть. Разумеется, в тот момент он не мог понять, что эта встреча означала для них

счастливое окончание дурного сна — или дурного фильма. Они спаслись от рук гнусного Бормана и теперь оказывались под защитой славных американцев.

За следующие несколько часов не произошло ничего, что бы разубедило Германа Геринга в том, что он, как он сам считал, был не простым военнопленным, но полномочным представителем германского рейха, прибывшего к противнику для обсуждения заключения перемирия. Шапиро и подчиненные ему джи-ай были вежливы и почтительны, так же как и бригадный генерал Роберт Стак, первый американский офицер старшего звания, которого они встретили. Он поднялся им навстречу и тепло пожал Герингу руку — какой жест мог быть более дружелюбным?

Эмма пребывала в мире грез. «Нам очень повезло, — написала она впоследствии, — генерал Стак оказался человеком большого такта. Он имел при себе переводчика, и, хотя мой муж знал английский очень хорошо, он переводил ему каждое слово, так как была важна каждая мелочь. Я слышала все. Стак позвонил генералу Эйзенхауэру, чтобы сообщить ему о письме Германа. Американский главнокомандующий сказал, что он готов увидеться с Германом и будет ожидать его у себя на следующий день в сопровождении генерала Стака. Теперь мы все находились под личной защитой Эйзенхауэра и могли вернуться в замок Фишхорн у Брюка, неподалеку от Целль-ам-Зее, чтобы оставаться там до тех пор, пока не узнаем, что Бург-Фельденштейн, замок Германа, по-прежнему стоит, после чего переехать и жить в нем. Эйзенхауэр дал слово, что муж сможет увидеться с ним и свободно уехать обратно».

Крайне сомнительно, чтобы Геринг, даже как следует заправившись пилюлями и пребывая в состоянии эйфории, мог действительно считать, что все так и обстоит, но он не делал ничего, чтобы разочаровать Эмму, и она продолжала в это верить. Вечером Геринг ужинал вместе с генералом Стаком, и за выпивкой и разговорами они просидели до самого рассвета.

«Муж пришел увидеться со мной, — пишет Эмма. — Он сказал, что должен опять уйти, чтобы позавтракать вместе со Стаком, а потом покинет меня на день или два. Он вернется, ведь они же отпустят его. Муж прочитал сомнение и тревогу в моих глазах. Война для Германии окончилась, но что ожидает нас? Что будет с Германом? Он заверил меня: „Генерал Эйзенхауэр дал свое слово через генерала Стака как своего посредника“». (На самом деле Эйзенхауэр этого не делал. Зато он наложил на генерала Стака дисциплинарное взыскание за то, что тот пожал Герингу руку.)

На следующий день Геринга отвезли в штаб-квартиру

Седьмой американской армии в Китцбюхеле, где среди других офицеров его встречал генерал Карл «Туи» Спаатс, командующий американской стратегической авиацией в Европе, а также многочисленные фоторепортеры и военные корреспонденты. В честь Геринга был устроен завтрак. Принесли шампанское, все были настроены дружелюбно и весело. Американцы смеялись, подшучивали над рейхсмаршалом, заставляя смеяться и его. Но вечером, после того как военные цензоры прочитали репортажи корреспондентов о состоявшемся застолье, Эйзенхауэр решил положить этому конец.

От него поступил приказ, и он был строг: отправить Геринга как можно скорее и с этого времени обращаться с ним как с обычным военнопленным.

На следующий день его повезли на самолете в Аугсбург, в центр дознания Седьмой армии. Прибыв туда, он уже не увидел группы встречающих офицеров. Ему сухо велели отдать две награды, которые он носил: «За заслуги» и Большой крест ордена Железного креста, а также его увесистый золотой маршальский жезл, тяжелые золотые погоны и массивный золотой перстень с бриллиантом с безымянного пальца. (Этот жезл теперь находится в Музее армии Соединенных Штатов в Вашингтоне.) Просто в аугсбургском центре дознания работало несколько перемещенных лиц из Венгрии, и американцы сочли разумным лишить Геринга средств для их подкупа.

Впервые, должно быть, Геринг почувствовал себя неуютно и ощутил страх. Квартира, куда его теперь поместили, находилась в доме в рабочем квартале, на окраине города, и состояла только из спальни, гостиной и маленькой кухни. В ней не было ни ванной, ни уборной, последняя находилась на лестничной площадке в конце коридора, а первая — в подвале дома. Полковник Берндт фон Браухич, который все еще находился с ним, начал горячо протестовать и потребовал, чтобы рейхсмаршалу позволили расположиться в его собственном доме, чтобы он содержался в соответствии со своим рангом. Когда в этом требовании было отказано, Геринг заплакал и воскликнул, что германской армии наносится оскорбление. Прибывший позднее Роберт Кропп, доставивший багаж своего хозяина, застал его «в состоянии глубочайшей подавленности».

На следующий день ему отчасти удалось восстановить душевное равновесие, но настроение, в котором он теперь пребывал, можно было охарактеризовать как настороженное смирение. Когда 18 мая к нему явился лейтенант Рольф Вартенберг, один из допрашивавших его офицеров, Геринг первым делом спросил, что стало с его личными вещами, и, когда

услышал в ответ заверение, что они помещены на хранение, скептически покачал головой.

— Если дальше все будет продолжаться в том же духе, — сказал Геринг по-английски, — то я боюсь, что вы снимете с меня и штаны.

Он уныло уставился на недоеденную порцию боевого пайка, лежавшую перед ним на тарелке, и неожиданно ухмыльнулся.

— Хотелось бы мне посмотреть на лицо Хорти, когда вы сервируете для него эту гадость! — хмыкнул он. Адмирал Миклош Хорти, бывший регент Венгрии, также недавно прибыл в Аугсбург в качестве военнопленного. — Я-то ел солдатскую пищу всю свою жизнь, но для него готовил первоклассный повар, исполняя все его прихоти, — неужели он не позеленеет, как только увидит это?

Он значительно повеселел, когда Вартенберг сказал, что его приглашают в офицерский клуб-столовую на коктейль, и крикнул Кроппу, чтобы тот приготовил ему побриться по такому случаю. Сотрудники центра как-то получили упрек от командующего Седьмой армией генерала Патча за слишком мягкое обращение с пленными, но они доказали во время кампании эффективность своих деликатных методов, получив несколько раз сведения, которые позволили сохранить немало солдатских жизней. Теперь армия требовала вытащить из Геринга столько информации, сколько удастся, и как можно быстрее, и руководитель центра дознания майор Поль Кубала оценил, что контрастный режим кнута и пряника в данном случае будет наиболее подходящим.

Проведя ночь в крайне неприветливой обстановке усиленно охраняемой и неотапливаемой квартиры, Геринг мгновенно растаял в приятельской атмосфере офицерского клуба. Он не отказывался от выпивки и с наслаждением уминал сэндвичи и салаты, которыми его потчевали американцы. Когда в разгар веселья кто-то из офицеров сел за пианино, а остальные начали петь хором, он присоединился к ним и от души прихлопывал ладонями, когда они исполняли «Глубоко в сердце Техаса». Потом он сообщил Вартенбергу, что среди его вещей, которые привез Кропп, имеется — подумать только — аккордеон, на котором он любит играть. Если лейтенант сходит за ним к Кроппу, он будет рад исполнить для всей компании несколько песен.

Аккордеон был принесен, и вот толстые пальцы Геринга быстро забегали по клавишам, а он приятным глубоким баритоном стал петь свои любимые «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten», «Stille Nacht» и наигрывать музыку мейстерзингеров. В перерывах он выпивал и запросто болтал с такими «своими» американцами. Когда пришло время — 2 часа ночи —

возвращаться, он был уже хорошо навеселе и шел обратно на квартиру слегка покачиваясь.

Он много им наговорил, и сотрудники центра провели остаток ночи в составлении донесений. Но при этом они совершенно отчетливо поняли, что он не сказал им ничего из того, что не хотел бы, чтобы они слышали. Их отчет в штаб армии, отправленный утром (19 мая 1945 года), начинался такими словами:

«[Геринг] никоим образом не является тем комическим персонажем, каким его так часто изображали в газетных статьях. Он не туп и не глуп в шекспировском смысле слова, но в общем хладнокровен и расчетлив. Он обладает способностью немедленно схватывать главную суть обсуждаемого вопроса. Вне всякого сомнения, он не является человеком, которого можно недооценивать. Хотя он пытается приуменьшить масштабы многих наиболее жестоких преступлений, совершенных Германией, он сказал достаточно, чтобы показать, что он в такой же степени несет ответственность за внутреннюю политику Германии и за саму войну, как и все остальные в Германии. Геринг с большой гордостью заявлял, что это он несет ответственность за планирование парашютной высадки на Крит, что это он разрабатывал план по захвату Гибралтара… что это он несет ответственность за создание люфтваффе. С другой стороны, он отрицал какую-либо причастность к расовым законам и концентрационным лагерям, к СС и злодеяниям, совершенным в Германии и за ее пределами. Геринг постоянно играет, и это актер, который никогда не разочаровывает свою аудиторию…»

В отчете также говорилось:

«Дело, за которое стоял Геринг, потерпело крах, но хитрый Герман даже теперь думает только о том, как бы спасти собственное будущее и поставить себя в наиболее выгодное положение. Он без колебаний обличает некогда любимого фюрера. До сих пор он ни разу не сослал с я, в целях оправдания, ни на кого из своих прежних соратников — ни на живого, ни на мертвого. Но за его живой и часто остроумной беседой угадывается постоянное стремление выставить себя в благоприятном свете».

Теперь Геринг стал охотно разговаривать с офицерами из центра дознания, и перед американцами начала в общих чертах вырисовываться ошеломляющая и (как было установлено позднее) достоверная картина нацистского режима. В течение трех последующих дней он пролил свет на многие тайны, которыми для союзников была окутана личность Адольфа Гитлера и весь «третий рейх» и которыми не один год были

озадачены разведывательные службы союзников.

Одним из вопросов, по которому его очень тщательно допрашивали в интересах нескольких наций, была судьба его собрания произведений искусства. Он объяснил, что не все картины, гобелены и мебель удалось эвакуировать вовремя, и теперь часть их, должно быть, находится в руках у русских. Остальные он последний раз видел в железнодорожных вагонах, стоявших в недостроенном тоннеле рядом со станцией Берхтесгаден, и настоятельно рекомендовал американцам немедленно заняться их спасением, так как последнее, что он о них слышал, — это то, что их начали растаскивать эсэсовцы.

Он настаивал, что все принадлежавшие ему полотна и гобелены были законным образом куплены, но согласился, что те из них, которые поступили из музея «Jeux de Раите», были незаконно изъяты у еврейских владельцев. В этой связи он взял на себя обязательство оказать помощь в их розыске и возвращении и составил и подписал следующий документ:

«Сим я удостоверяю, что готов вернуть художественные ценности (выставлявшиеся в „Jeux de Раите“), которые я приобрел и купил на аукционах реквизированной собственности.

Что я буду делать все, что в моих силах, для обнаружения этих предметов и что я буду давать всю относящуюся к этому делу информацию.

Что большая часть этих предметов и всей принадлежавшей мне коллекции произведений искусства была погружена в несколько товарных вагонов в Берхтесгадене. Складирование этих предметов в бомбоубежище было невозможно ввиду моего ареста Гитлером через день после моего прибытия туда.

Что я информировал ответственного французского офицера связи о нескольких других местах, где могут находиться некоторые другие менее ценные предметы искусства.

Что я убежден, что совещание с моим бывшим консультантом Гофером в присутствии офицеров союзников приведет к убыстрению розысков и широкому прояснению всех вопросов.

Рейхсмаршал Герман Геринг».

Почти все картины, которые он назвал, были после этого найдены (за исключением тех, что остались в Берлине и попали к русским). Чтобы отметить их возвращение, Геринга опять пригласили на коктейль в офицерский клуб-столовую. На этот раз все пили шампанское, которое солдаты Седьмой армии, отправленные на поиски картин, также обнаружили в вагонах Геринга. (Как сообщалось, эсэсовцы были так поглощены «оценкой» клада вин и коньяков, что им было не до художественных сокровищ.) Но ему об этом не сказали.

Ему также не сообщили, что одно подразделение отправилось к Целль-ам-Зее и посетило Эмму, которая продолжала жить в замке Фишхорн в ожидании его возвращения. Американцы потребовали вернуть картину, которая, по его словам, у нее имелась. Это была «Мадонна» Ханса Мемлинга, и Геринг передал ее Эмме свернутой в рулон, перед тем как расстаться последний раз.

Эмма отдала ее и разрыдалась. В действительности он вполне законно купил это полотно в Италии у семьи Корзини за несколько миллионов лир.

На следующий день, 21 мая 1945 года, Геринга разбудили и сказали, что пора отправляться. Его также известили, что теперь его может сопровождать только один адъютант. Он решил отпустить обоих и оставил при себе только Роберта Кроппа. Полковник фон Браухич и майор Клаас прочувствованно распрощались с ним, и он поехал вместе со слугой на аэродром.

Никто из американцев не пожал ему руки и не помахал вслед, но на самом деле большинству офицеров центра дознания было жаль с ним расставаться. Свой аккордеон он оставил в качестве прощального подарка Рольфу Вартенбергу.

Дорога в Нюрнберг

Следующие четыре месяца Герман Геринг провел в Люксембурге в скудно обставленном номере-люкс Палас-отеля в Мондорфе. В американской армии этот отель стал известен как «Ash Can» — «мусорный ящик», и он служил главным центром допросов арестованных руководителей национал-социалистического рейха. Гитлер и Геббельс, конечно, были уже мертвы, Борман нырнул в ад покрытого баррикадами пылающего Берлина и исчез, Генрих Гиммлер кончил жизнь самоубийством, оказавшись в плену. Но Иоахим фон Риббентроп, адмирал Карл Дёниц, Альберт Шпеер и остальные представители нацистской правящей элиты уцелели, и скоро их тоже привезли в Палас-отель для проведения предварительного следствия.

Последние сохранившиеся у Геринга иллюзии, что его будут рассматривать как временного пленника, рассеялись, когда однажды утром в его номер зашел человек в форме американского офицера и сказал на прекрасном немецком:

— Доброе утро, герр Геринг. Пожалуй, я бы удивился, если бы вы вспомнили меня. Со времени нашей последней встречи прошло много лет.

Это был доктор Роберт Кемпнер, некогда самый молодой юридический советник по делам полиции в министерстве внутренних дел Пруссии, которого Геринг уволил в 1933 году. Теперь он служил следователем и юридическим консультантом у союзников. Кемпнер был подчеркнуто вежлив со своим старым врагом и не позволял, чтобы малейший оттенок предубеждения или пристрастности проявился в его отношении или задаваемых им вопросах, но осознание того, что теперь его будут допрашивать эксперты уровня Кемпнера и с таким же, как у него, прошлым, подействовало на Геринга подобно ледяному душу. Наконец он стал отдавать себе отчет в своем истинном положении. Теперь его положение, репутация, обаяние и сама личность не играли ровно никакой роли. Отныне его судьба всецело находилась в руках его врагов.

Комендантом мондорфского центра дознания (впоследствии он стал комендантом и в Нюрнберге) был полковник американской армии Бертон Эндрюс. Эндрюс являл собой тип стопроцентного американца, которые в 1945 году встречались значительно чаще, чем сегодня, напоминая шерифа из какого-нибудь вестерна, и он не скрывал своего презрения не только к «шайке фрицев», которые теперь находились на его попечении, но и к некоторым экспертам, чьей работой было допрашивать их

либо изучать.

К Герингу он испытывал особую антипатию и приходил в негодование из-за его одеяния, надменности и постоянного стремления демонстрировать себя. Он начал презирать его еще сильнее, когда узнал, что тот употребляет наркотики.

— Когда Геринг прибыл ко мне в Маутерндорф, — вспоминал позднее полковник, — я увидел глупо ухмыляющегося увальня с двумя чемоданчиками, полными паракодеиновых таблеток. Я сначала подумал, что это торговец наркотиками. Но мы забрали у него весь запас и сделали из него человека.

В действительности это не полковник Эндрюс помог Герингу избавиться от его привычки, пока он находился в Мондорфе. Напротив, в какой-то момент он чуть не поломал весь процесс своим особенно неуклюжим распоряжением. Человеком, который отучил его от пилюль, был американский военный психиатр Дуглас Келли. После всего, что он слышал о «наркотическом пристрастии» Геринга, он был удивлен, обнаружив слабость наркотика, которым Герман себя поддерживал.

«На самом деле эти крошечные таблетки содержали очень малое количество паракодеина, — писал он позднее, — и сотня их — средняя ежедневная доза Геринга — являлась эквивалентом примерно двух десятых граммов морфия. Это отнюдь не является чрезмерно большой дозой. Этого недостаточно, чтобы постоянно воздействовать на умственные процессы».

Келли решил, что Геринг пользуется своими пилюлями вроде того, как люди курят сигареты — это было его привычкой в такой же степени, как и зависимостью, потребностью принимать их через определенные интервалы, чтобы чем-то занять руки и рот. Он не получал от них особой стимуляции, но продолжал употреблять, потому что, когда он прекращал это делать, у него начинались боли в ногах.

«Я использовал простой метод прямого отучения, ежедневно уменьшая его дозу, пока таблетки не перестали давать совсем. В течение этого времени Геринг не имел особых жалоб, кроме возникающих временами болей, которые легко снимались слабыми успокаивающими средствами».

Единственное иное «лечение», которое применял Келли, было психологическим.

«Геринг очень гордился своими физическими данными и своей способностью переносить боль, — написал Келли. — Поэтому ему нужно было только намекнуть, что слабые люди типа Риббентропа (которого он терпеть не мог) в случае отучения их от наркотиков обязательно стали бы требовать доз, а он, Геринг, будучи человеком сильным, не станет просить ничего.

Геринг согласился, что это действительно так, и начал искренне сотрудничать в своем лечении».

Когда он находился в критической стадии излечения, у него произошла стычка с полковником Эндрюсом. Учитывая, что половине населения Европы угрожала голодная смерть, полковник не видел причины, почему его пленников надо было кормить сверх нормы. Он также не настаивал и на особо высоком качестве готовки. Наконец Геринг не выдержал и закричал:

— Да я своих собак кормил лучше!

По словам полковника Эндрюса, немецкий военнопленный, который работал там в качестве официанта, немедленно ответил:

— Если это действительно так, то своих собак вы кормили лучше, чем немецких солдат.

Несколько дней спустя, 2 июня 1945 года, Роберт Кропп пришел к Герингу и просто сказал:

— Они отсылают меня.

Американская военная администрация центра решила, что отношения между рейхсмаршалом и его слугой имеют слишком личную основу и что узы взаимной привязанности должны быть разрушены. Кроппа постановили отправить в другой лагерь, а в качестве слуги к Герингу приставили какого-то из немецких пленных.

Это решение было принято в критический для Геринга момент борьбы с паракодеиновой зависимостью, и когда он прощался со своим слугой, у него в глазах стояли слезы. Прощальным подарком Кроппа Герингу была подушка, так как он знал, что тот плохо спит без нее; но два дня спустя, перед тем как уехать, он узнал, что ее у него забрали.

«Когда нас уводили, — вспоминал он позднее, — я увидел рейхсмаршала, стоявшего у окна и смотревшего нам вслед сквозь проволочную сетку».

Дело происходило 4 июня 1945 года, и с тех пор Кропп больше ни разу не увидел своего хозяина.

…Дуглас Келли не только отучил Геринга от наркотиков, он также убедил его сбросить вес. Когда его арестовали, он тянул на 127 килограммов и грустно согласился, что это, пожалуй, слегка многовато для человека с его ростом. Но сам он не предпринимал в этом направлении никаких усилий, пока его и других пленников не известили, что они предстанут в будущем ноябре перед Международным трибуналом в Нюрнберге по обвинению в военных преступлениях. Геринг понял, что это означает. Тем же вечером он написал письмо Эмме, в котором говорил:

«Моя дорогая жена, — я так искренне благодарен тебе за все то счастье, которое ты мне постоянно дарила, за твою любовь и за

все; не допусти, чтобы Эдда когда-нибудь рассталась с тобой. Я мог бы бесконечно рассказывать тебе, что ты и Эдда значите для меня и как я в мыслях постоянно возвращаюсь к тебе. Я сжимаю тебя в горячих объятиях и целую твое дорогое милое лицо со страстной любовью. Навсегда твой, Герман».

После этого он сказал доктору, что садится на диету. Он поставил только одно условие: пусть будут привлечены немецкие военнопленные, которые подгонят ему военную форму, когда его вес уменьшится.

«Эта уступка была гарантирована, — пишет Келли, — не столько из-за того, что мы были заинтересованы в имидже Геринга, сколько в связи с тем, что без перешивания на нем перестали бы держаться брюки».

К тому времени, когда Геринг был доставлен на Нюрнбергский суд в сентябре 1945 года, он избавился от тридцати семи килограммов и весил только девяносто. Ежедневные шестичасовые допросы, безвкусная армейская еда и избавление от наркотиков — все это способствовало тому, что он стал здоровее, чем когда-либо — с самых дней первой мировой войны. Его психологическое состояние тоже улучшилось. Казалось, он перестал тревожиться о том, что с ним должно было произойти, и единственным предметом его беспокойства теперь стало только будущее Эммы и ребенка. Геринг был убежден, что ему придется умереть, и уже свыкся с этим. Он написал Эмме:

«Видеть написанные тобой дорогие строки, знать, что твои милые руки касались этой бумаги, — все это и само содержание очень глубоко трогает меня и делает меня в высшей степени счастливым. Иногда мне кажется, что мое сердце разорвется от любви к тебе и тоски по тебе. Это была бы чудесная смерть».

Келли же он сказал:

— Да, я знаю, что меня казнят. Вы знаете, что меня казнят. Я готов.

При этом Геринг не мог согласиться с тем, что он являлся военным преступником. Он отказывался признавать, что союзники имеют какое-либо право судить его.

— Я не признаю законной юрисдикции этого суда, но раз уж они имеют силу, чтобы навязывать свою волю, готов рассказать правду и встретить все, что мне будет уготовано… Герман Геринг — солдат. Я вел войну — это правда. До тех пор, пока каждая нация имеет собственные эгоистичные интересы, следует быть практичным. Я практичный человек. Вместе с тем я убежден, что существует высшая сила, которая распоряжается людьми, несмотря на все их усилия управлять своей судьбой.

Да, повторил Геринг, он знает, что будет казнен, но он уже

готов к этому.

— Однако я намерен войти в историю Германии как великий человек, — добавил он. — Если я не смогу убедить суд, то по крайней мере докажу немецкому народу, что все, что я делал, было ради великого германского рейха. Лет через пятьдесят — шестьдесят памятники Герману Герингу будут стоять по всей Германии.

Он помолчал, потом добавил:

— Может быть, маленькие бюсты, но тогда в каждом доме.

…За месяц до начала процесса обвиняемые были размещены по камерам тюремного крыла здания Нюрнбергского дворца юстиции. Им была разрешена только получасовая прогулка каждый день и дважды в неделю душ. Любое общение между ними было строжайше запрещено.

Геринг находился в камере № 5. Как и все остальные, она была размером два метра на четыре и чуть больше двух метров в высоту. В каждой камере имелись умывальная раковина, унитаз со смывом, стандартная тюремная койка с волосяным матрацем, стул, циновка и стол. Чтобы уменьшить возможность самоубийства, камеры были немного переделаны: со стен были сняты все выступающие железяки, удалена вся электропроводка, а стекло в единственном окне заменено на прозрачный пластик. Все было устроено так, чтобы заключенный, исключая те моменты, когда он отправлял свои потребности (тогда были видны только ноги и, может быть, голова), был постоянно и полностью виден охраннику у двери, которому вменялось держать его под постоянным и неослабным наблюдением. По ночам камера освещалась отраженным светом через окошко в двери камеры, и заключенному запрещалось спать с руками под одеялом, даже если ему было холодно.

Время от времени неожиданно проводились выборочные проверки и обыски в дополнение к регулярным. Дверь распахивалась, в камеру врывались рослые солдаты 1-й американской дивизии и грубо приказывали пленнику все с себя снять и стоять полностью раздетым, пока его камеру, одежду, личные вещи и тело тщательно осматривали. В такие моменты в камеру Геринга имел обыкновение заходить полковник Эндрюс и следить, чтобы голому рейхсмаршалу было оказано особо пристальное внимание.

Помимо этих нежеланных визитеров и дежурных офицеров в камеру к Герингу приходили только медики. Это был пожилой немецкий врач доктор Людвиг Пфлюкер, захваченный союзниками во Франции, который следил за обычными медицинскими нуждами заключенных; он давал им снотворные

таблетки и оставлял каждый вечер голубую капсулу амитала натрия и красную — секонала Герингу, чтобы он мог заснуть. Это были также врач-психиатр (Дуглас Келли) и тюремный психолог (доктор Г. М. Гилберт). Наверное, покажется не слишком удивительным, что Геринг и остальные томящиеся и скучающие заключенные согласились на предложение доктора Гилберта пройти проверку своего интеллекта.

Гилберт использовал немецкую версию американского теста умственных способностей для взрослых Векслера — Белльвю, который включал:

А. *Устные тесты памяти и использование понятий*

1. Объем памяти при ряде последовательностей увеличивающейся длины

2. Простая арифметика с повышением трудности

3. Вопросы на здравый смысл

4. Формирование понятий по словесному сходству,

Б. *Тесты на действия на наблюдательность и чувственно-моторную координацию*

5. Тест на замену кодов (замена цифр символами)

6. Составление объектов (вроде сборной картинки-головоломки, «паззла»)

7. Воплощение замыслов в цветных кубиках

8. Распознавание недостающих частей картинок

Результаты тестов были следующими:

ИМЯ

IQ (коэфф. интеллекта)

1. Яльмар Шахт 143
2. Артур Зейсс-Инкварт 141
3. Герман Геринг 138
4. Карл Дёниц 138
5. Франц фон Папен 134
6. Эрих Редер 134
7. Доктор Ганс Франк 130
8. Ганс Фриче 130
9. Бальдур фон Ширах 130
10. Иоахим фон Риббентроп 129
11. Вильгельм Кейтель 129
12. Альберт Шпеер 128
13. Альфред Йодль 127
14. Альфред Розенберг 127
15. Константин фон Нейрат 125
16. Вальтер Функ 124
17. Вильгельм Фрик 124
18. Рудольф Гесс 120

19. Фриц Заукель 118
20. Эрнст Кальтенбруннер 113
21. Юлиус Штрайхер 106

Геринг был доволен результатами. Тесты показали, что, за исключением Штрайхера, все нацистские лидеры имели интеллект выше среднего. Но это было не все. Из-за возраста фон Папену, Редеру, Шахту и Штрайхеру были начислены дополнительные «очки», без которых их показатели были бы на 15–20 единиц меньше, и тогда получалось, что Геринг, Зейсс-Инкварт и Дёниц значительно отрывались по своему интеллекту от всех остальных.

Но он не долго испытывал удовольствие от этого лестного для себя результата, так как пришло известие, что Эмма арестована. Она перебралась в замок Фельденштейн, где стала жить в домике привратника, и единственными весточками о муже были его письма, которые ей привозил доктор Келли. 15 октября 1945 года за ней приехали американцы, которые велели ей собрать небольшой чемодан и вместе с племянницей, сестрой и медсестрой Кристой Гормане отвезли ее в тюрьму города Штраубинга. Эдда была оставлена в деревне на попечении властей (позднее ей было позволено присоединиться к матери в ее камере).

За несколько дней до этого Геринг получил копию обвинительного акта против себя, который содержал 24 тысячи слов подробного перечисления вменяемых ему преступлений и имел такое резюме в качестве преамбулы:

«Обвиняемый *Геринг* в период 1932–1945 годов являлся: членом нацистской партии, верховным лидером СА, генералом СС (это он зачеркнул), членом и председателем рейхстага, министром внутренних дел Пруссии, начальником прусской полиции и прусской тайной государственной полиции, руководителем прусского государственного совета, доверенным по четырехлетнему плану, рейхсминистром авиации, главнокомандующим военно-воздушными силами, председателем Совета министров по обороне рейха, членом совета внутреннего кабинета, главой индустриального концерна Германа Геринга и преемником, назначенным Гитлером. Обвиняемый *Геринг* использовал вышеупомянутые посты, свое личное влияние и свою близкую связь с фюрером таким образом, что: способствовал военным и экономическим приготовлениям к войне, изложенным в пункте Первом этого Обвинительного заключения; принимал участие в планировании и развязывании нацистскими участниками преступного сговора агрессивных войн в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий, что изложено

в пунктах Первом и Втором этого Обвинительного заключения; также санкционировал совершение, отдавал распоряжения на осуществление и был соучастником военных преступлений, изложенных в пункте Третьем этого Обвинительного заключения, и преступлений против человечности, изложенных в пункте Четвертом этого Обвинительного заключения, включая разнообразные преступления против личности и собственности».

Геринг прочитал обвинительный акт одним махом. Это было почти то, что он ожидал. Когда к нему зашел доктор Гилберт, который начал обходить камеры с экземпляром обвинительного заключения в руках, чтобы выяснить мнение заключенных, он начертал поверху:

«Победитель всегда будет судьей, а побежденный обвиняемым».

Арест Эммы привел его в ярость, и он несколько раз повторил доктору Келли:

— Это было единственное, о чем я просил, когда сдавался, — чтобы мою семью защитили и должным образом позаботились о ней.

Келли обещал поддерживать с Эммой связь и посоветовал ему отвлечься от тягостных мыслей о ее положении, взявшись за работу над своей защитой. Вести свое дело Геринг выбрал доктора Отто Штамера, степенного, чопорного семидесятилетнего юриста из Киля. Различие между адвокатом и его клиентом было разительным, но каким-то образом они сумели понять друг друга. Вместе со Штамером и его помощником доктором Вернером Броссом Геринг начал выстраивать свою защиту против перечисленных в акте обвинений. У него осталось очень мало документов, чтобы восстановить события, и не имелось никаких дневников, но была потрясающая память, и он сумел почти полностью вспомнить этапы своей жизни с момента своего приобщения к национал-социализму.

Он поставил Штамера в известность — чем поначалу привел в изумление уравновешенного господина, но потом вызвал у него одобрение, — что не намерен оправдывать себя в суде тем, что слепо следовал за Адольфом Гитлером, и, как его ближайший помощник, несет вину за все приказы, которые отдавались от его имени. Видимо, он чувствовал, что в каком-то смысле представляет на скамье подсудимых Гитлера, и поэтому было тем более важно произвести на мир должное впечатление.

— Для Гитлера не было трусостью совершить самоубийство, — сказал он как-то Келли. — Ведь он же являлся главой германского государства. Я просто не могу представить Гитлера сидящим в такой вот камере в ожидании суда за военные

преступления. Хотя он под конец возненавидел меня, фюрер все равно остается для меня символом Германии. Даже японцы настояли на том, чтобы их микадо не отдавали под суд. И мне лучше испытать любые последствия, чем видеть Гитлера живым здесь, перед иностранным судом. Это совершенно немыслимо.

24 октября один из обвиняемых нацистов, руководитель Германского трудового фронта Роберт Лей, был найден задушенным в своей камере. Он сделал петлю из кусков полотенца и привязал ее к канализационной трубе. В своей предсмертной записке Лей, который незадолго до этого в разговоре с Гилбертом подавленно признавался, что ему ничего не известно о преступлениях, перечисляемых в предъявленном ему обвинении, написал, что он больше не в силах выносить чувство стыда.

Администрация тюрьмы скрывала его самоубийство от остальных заключенных, и только 29 октября полковник Эндрюс распространил записку, в которой просто говорилось, что он умер. Но Геринг догадался, что это было самоубийство, благодаря тому что усилился надзор за камерой снаружи и участились обыски. Когда доктор Гилберт сообщил ему о смерти Лея, Геринг сказал:

— Пожалуй, хорошо, что он умер, потому что у меня имелись серьезные опасения относительно его поведения на суде. Он всегда был очень легкомысленным — постоянно произносил такие нелепые и напыщенные речи.

Теперь он начал беспокоиться о душевном состоянии других нацистских лидеров.

— Надеюсь, что Риббентроп не сломается, — сказал он. — За солдат я тоже не боюсь — они умеют себя вести. Но Гесс — он безумен. Он уже давно был сумасшедшим.

Гилберт упомянул о покушении на жизнь Гитлера в 1944 году и заметил, что у него сложилось впечатление, что немцы желали, чтобы оно оказалось успешным, потому что полностью разочаровались в нацистском руководстве.

Геринг фыркнул.

— Не обращайте внимания на то, что немцы говорят *теперь*! — с явной досадой сказал он. — Это единственное, что меня сейчас совершенно не волнует. Я знаю, что они говорили *тогда! Я* помню, как народ приветствовал и восхвалял нас, когда все шло чудесно. Я знаю народ слишком хорошо.

Он провел еще один день, продолжая вместе с доктором Штамером работать над ответами по обвинению, и вечером у него было явно хорошее настроение. Разговор зашел о международном характере приближающегося суда и национальностях судей. В

какой-то момент у него в глазах мелькнул озорной огонек, и он сказал Келли:

— Если у вас есть один немец — это прекрасный человек, если у вас есть два немца — они организуют какой-нибудь союз, а уж если появляется третий — они начинают войну. Если имеется один англичанин — это, как правило, чудак, двое англичан немедленно создают клуб, а трое образуют империю. Один итальянец — это всегда тенор, два итальянца образуют дуэт, а три означают отступление. Что же касается японцев, то один японец — это тайна, два японца — тоже тайна, ну а три японца, — он сделал паузу перед ударной фразой, — три японца — это тоже тайна! — и мощно затрясся от смеха над своей шуткой.

К этому времени Келли уже был пленен личностью рейхсмаршала и искренне восхищался его острым умом и отношением к ожидающему его неумолимому суду. Наконец он не смог больше сдерживаться и спросил Геринга, почему он всегда использовал свои способности для поддержки Гитлера, даже когда чувствовал, что он действует неправильно, почему никогда не противился даже самым диким его замыслам. Почему он и все остальные приверженцы Гитлера были такими малодушными «йес-мэнами»[26]?

Геринг согласился, что он таким и был, но потом, скривившись, добавил:

— Пожалуйста, покажите мне сегодня хоть одного «ноумэна» в Германии, который бы не лежал в двух метрах под землей.

Позднее он сказал Гилберту:

— Что же касается процесса, то это специально организованное политическое представление, и я уже готов к тому, чем оно закончится. У меня нет сомнений, что пресса будет играть большую роль при вынесении решения, чем судьи. И я уверен, что, по крайней мере, русские и французские судьи уже получили для себя инструкции. Я могу ответить за все, что сделал, и не могу отвечать за то, чего я не совершал. Но судьями являются победители. Я знаю, что мне уготовано. Я уже написал сегодня свое прощальное письмо жене.

Вот в таком настроении он занял свое место на скамье в зале Нюрнбергского суда 20 ноября 1945 года, чтобы предстать там в роли главного военного преступника…

Прощальный жест

…Полковник Бертон Эндрюс, который уже целый год, с октября 1945-го, выполнял функции коменданта Нюрнбергского дворца правосудия, был настроен ни в коем случае не допустить, чтобы кто-нибудь из приговоренных военных преступников, которых он опекал, ушел от виселицы. Он принял различные меры предосторожности и теперь был убежден, что полностью исключил для них всякую возможность «улизнуть».

— Мы изъяли у заключенных все средства, — рассказывал он впоследствии, — убрали от них вообще все предметы, которыми, как считали, они могли лишить себя жизни или использовать для нападения. Из окон были вынуты стекла. Им было запрещено носить ремни и шнурки. На ночь у них забирали очки, чернильные ручки, часы со стеклами — вообще все, чем они могли причинить себе вред. Они находились под постоянным надзором, и все время, пока пребывали в камерах, за ними непрерывно наблюдали. Когда они уходили в зал суда, их камеры тщательно обыскивались. Еду им приносили люди, которые сами были заключенными в этой тюрьме и не имели контактов с внешним миром, за исключением почты, которая просматривалась. На суд они отправлялись в сопровождении охранников. Им не разрешалось разговаривать друг с другом, и они могли общаться только с моим тюремным персоналом, доктором, дантистом и капелланом. Их одежда выдавалась им на суд после того, как они проходили проверку. Их камеры периодически осматривались, кроме этого, время от времени производились неожиданные обыски, когда проверялись и камеры и заключенные сразу. Их тщательно осматривали, когда они мылись, что происходило дважды в неделю. Несколько раз обнаруживались предметы, которые считались запрещенными, — куски стекла, гвозди, проволока, веревка. Я всегда считал, что этих обысков достаточно и никто не сможет утаить ничего, что дало бы ему возможность покончить с жизнью.

Однако Герман Геринг решил, что он все равно убьет себя прежде, чем за ним придут, чтобы отвести на виселицу. Это будет его последний вызывающий жест и заключительное доказательство того, что он особая персона среди нацистов и с ним нельзя поступать, как с остальными.

7 октября 1946 года Эмма была уведомлена доктором Отто Штамером, связавшимся с ней по телефону, что ей разрешено последний раз увидеться с мужем в нюрнбергской тюрьме.

9 марта 1946 года Геринг узнал, что ее выпустили из тюрьмы

Штраубинга, и эта весть явилась для него огромной психологической поддержкой. В предыдущий день началось слушание свидетелей его защиты, но он решительно отказался позволить Эмме приехать в Нюрнберг, чтобы свидетельствовать в его пользу. Он также попросил доктора Штамера сообщить и Томасу фон Кантцову, что он не разрешает ему прибыть для этой цели. (13 марта 1946 года Томас написал длинное письмо, в котором сообщал подробности предпринимавшихся Герингом усилий в целях спасения евреев и других жертв гестапо и предлагал свои услуги в качестве свидетеля.)

Свидетелями же его защиты на Нюрнбергском трибунале были его старые друзья и соратники, Карл Боденшатц, Пауль Кёрнер, Берндт фон Браухич и даже Эрхард Мильх (который после своего ареста союзниками подвергся в тюрьме избиениям и из недруга Геринга превратился в его яростного защитника, видимо, назло тюремщикам). Они выступали в течение нескольких дней с показаниями, что он действовал в интересах мира, достойно обходился со своими врагами и пытался помочь тем, кто оказывался арестованным или попадал в концентрационный лагерь. (Только один его близкий друг на протяжении почти всей жизни отсутствовал — к крайнему изумлению Геринга, Бруно Лёрцер отказался свидетельствовать в его пользу. Лёрцер командовал 2-м авиационным корпусом в первый период второй мировой войны, потом стал начальником управления личного состава люфтваффе, в феврале 1943 года был произведен в генерал — полковники, а в декабре 1944-го ушел в отставку.)

15 сентября 1946 года, когда обвиняемые томились в ожидании приговоров, было объявлено, что жены теперь могут их посещать ежедневно. С немалыми трудностями Эмма добралась из Сакдиллинга, под Нойхаузом, где теперь жила, до Нюрнберга, преодолев более сорока километров. Ей трудно приходилось последние несколько месяцев, вдобавок она страдала от жестоких болей в пояснице. Вместе с дочерью Эддой Эмма жила в деревянной хижине в лесу, без водопровода и с минимумом средств.

В гардеробе женщины, которая некогда была первой леди «третьего рейха», теперь имелось только одно платье, одна шляпка и пара старых туфель. Но Геринг, вновь увидев ее близкое лицо после семнадцати месяцев разлуки, на одежду не обратил никакого внимания. Они не могли прикоснуться друг к другу, так как были разделены проволочной сеткой, и Эмму смущало присутствие огромного роста военнослужащего американской военной полиции, стоявшего рядом с мужем. Но в последующие

дни она привыкла и ей стало легче разговаривать.

Вынесение приговоров ожидалось 23 сентября, но потом было объявлено, что этот процесс откладывается на неделю. Эмма, которая остановилась в двух комнатах, выделенных ей доктором Штамером, договорилась, чтобы к ней из Сакдиллинга привезли Эдду. Когда она вошла в комнату для свиданий, держа за руку Эдду, Геринг впервые не выдержал и заплакал. Однако он почти сразу улыбнулся сквозь слезы, потому что первыми словами Эдды были:

— Папочка, когда ты вернешься домой, не снимай, пожалуйста, и в ванной свои медали — как про тебя люди говорят. Я еще никогда не видела их все покрытыми мыльной пеной. Они блямкают?

На следующий день Эмма пришла к Герингу вместе с его сестрой Паулой и под конец спросила мужа, не мог ли бы он написать рекомендательное письмо для своего слуги, Роберта Кроппа. Для того чтобы получить теперь работу, он должен был доказать, что никогда не был членом нацистской партии. Геринг выписал ему требуемый документ и, невесело усмехнувшись, заметил, что кое-кто и в его положении все еще может влиять на судьбы людей во внешнем мире.

Эмма всегда избегала заводить разговор о грядущем приговоре, но в этот день он сам упомянул, что скоро судьба их всех решится.

— Но ты не беспокойся, — сказал он. — Что бы ни случилось, меня не повесят.

Они увиделись еще 29 сентября, накануне вынесения приговора, и Геринг, полагая, что видит ее последний раз, пошел на следующий день в зал суда в сильнейшем волнении.

Однако последнее свидание им еще предстояло, и теперь Эмма, собираясь на него, потратила немало времени на поиски транспорта, пока наконец один владелец магазина в Ауэрбахе не подвез ее до Нюрнберга. Она отправилась прямо в тюрьму и явилась к лейтенанту Шварцу, дежурному офицеру, но прошло несколько часов, прежде чем ее проводили в комнату для свиданий. Как обычно, Геринга тщательно охраняли, и их отделяла друг от друга перегородка из проволоки и стекла.

Геринг сразу же спросил ее, сообщили ли Эдде о его приговоре. Она кивнула. Она всегда обещала говорить ребенку правду.

— Милая маленькая Эдда, — сказал Геринг. — Будем надеяться, что жизнь будет к ней не очень жестока. Смерть была бы для меня облегчением, если бы я только мог защитить вас. Может быть, ты хочешь, чтобы я подал прошение о помиловании?

Эмма покачала головой.

— Нет, Герман, — ответила она. — Ты можешь умереть спокойно после того, как сделал все что мог в Нюрнберге… Я буду думать, что ты погиб за Германию.

— Спасибо тебе за твои слова, — ответил, по ее словам, муж. — Ты даже не представляешь, сколько они для меня значат. Не бойся, что они повесят меня. Они припасут для меня пулю. Должен сказать тебе, что эти иностранцы могут меня убить, но они не имеют права меня судить.

— Ты действительно думаешь, что они тебя расстреляют? — спросила Эмма.

— Можешь быть уверена в одном, — сказал в ответ, по ее словам, Геринг, — они меня не повесят… Нет, меня они не повесят.

С этого момента, как рассказала Эмма впоследствии, она знала, что намерен сделать Геринг.

Все нацистские лидеры в последние дни войны имели при себе стандартные ампулы с цианистым калием, которые Гитлер раздал даже своим секретаршам, и именно с помощью этого средства отправил себя на тот свет Гиммлер после своего ареста британцами незадолго до капитуляции. Геринг тоже имел при себе яд. Как только он прибыл в центр дознания в Мондорфе, его тщательно обыскали и обнаружили латунную гильзу с ампулой цианида; когда ее забрали у него, он проявил явные признаки сильного беспокойства.

В Нюрнберге, после того как он отвык от паракодеиновых таблеток, единственным лекарством, которым ему разрешили пользоваться, были снотворные пилюли, прописанные доктором Людвигом Пфлюкером. В обязанности доктора Пфлюкера входило излечивание повседневных недугов обвиняемых нацистских руководителей; он также помогал доктору Келли во время его курса отучения Геринга от наркотика.

Он предписал ему принимать голубые и красные снотворные пилюли, что Геринг и продолжал делать до самого конца. Немецкий врач был обязан придерживаться комендантского часа, поэтому посещал своих нацистских пациентов каждый вечер до половины одиннадцатого, но оставлял пилюли дежурному офицеру, американскому лейтенанту Чарлзу Роска, который затем передавал их Герингу в одиннадцать часов. Позднее доктор объяснял, что Геринг хотел бы получать свои пилюли на полчаса раньше, но часовые в коридоре, сменяясь ежевечерне в десять тридцать, поднимали такой шум, что нарушался даже сон, вызванный снотворным.

Как-то, когда еще продолжался суд, Пфлюкер сказал Герингу:

— Не пытайтесь спрятать ничего из того, что я вам даю, хорошо? А то у меня будут большие неприятности.

Геринг улыбнулся и сказал:

— Доктор, из-за меня у вас не будет никаких проблем.

Но, вообще говоря, никто особенно не беспокоился относительно этих пилюль, так как даже очень большое их количество, проглоченное за один раз, вызвало бы только очень крепкий сон и промыванием желудка врачи легко избавили бы человека от последствий их действия.

Поэтому полковник Эндрюс, хотя и чувствовал, что сможет вздохнуть свободно только после окончания экзекуции, считал, что приняты все необходимые меры, чтобы не дать заключенным ускользнуть от палача. В гимнастическом зале дворца правосудия были возведены три виселицы и мастер-сержант Джон Вудс из Техаса, главный палач, готовился приступить к исполнению своих обязанностей.

Казнь была назначена на два часа ночи 16 октября, но эту дату предполагалось держать в тайне и от приговоренных, и от прессы. Однако вечером 15 октября по Нюрнбергу разнесся слух, что готовится приведение в исполнение смертных приговоров, и у тюрьмы начали постепенно собираться группы корреспондентов и кинооператоров (для немецких жителей существовал комендантский час).

Внутри самой тюрьмы раздающийся из гимнастического зала стук, яркий свет (обычно вечером освещение в блоке с камерами приглушалось) и шум подъезжающих автомобилей снаружи подсказали ее обитателям, что наступает ночь казни. В камере № 9 Фриц Заукель, бывший генеральный уполномоченный по трудовым резервам, бился в истерике со стонами, рыданиями, криками о пощаде, которые напрягли нервы остальных до предела.

Геринг пребывал в унынии, из всех эмоций преобладало чувство горечи. Вечером он попрощался с тюремным психологом, доктором Гилбертом, который нашел его «нервным и подавленным и, пожалуй, еще сильнее переживающим горькое расстройство, чем обычно». Причиной этому был упорный отказ контрольного совета заменить ему, так же как и другим обреченным, казнь через повешение.

Чувство горечи не проходило. Тюремный капеллан, капитан Генри Тереке, посетил Геринга вечером 15 октября между семью тридцатью и семью сорока пятью.

«Он выглядел хуже, чем обычно, — позднее записал капитан, — что мне не показалось удивительным, учитывая грядущее. Мы поговорили об остальных, и он спросил о Заукеле.

Он посетовал, что не может увидеться с бедным Заукелем, и уверил меня, что смог бы поддержать его в эти дни. Потом опять стал критиковать метод казни и назвал его наиболее позорным для себя, учитывая свое прежнее положение во главе германского народа. Потом наступило молчание. Я нарушил его, снова предложив ему всецело предать свои сердце и душу Спасителю. Он опять заявил, что он христианин, но не может принять учение Христа. В свой визит к нему за день до этого я отказал ему в причастии, ибо он отрицал божественность Христа, который основал это таинство. Более того, он отвергал все принципы христианской церкви, однако продолжал утверждать, что он христианин, потому что его никто не отлучал от церкви. Он пришел в еще большее уныние, оттого что я стал настаивать, что он не сможет встретиться с Эддой, его дочерью, на небесах, ибо отвергает божественный путь спасения. Геринг являлся самым что ни на есть рационалистом, материалистом и модернистом. Я надеялся, что он сможет отдохнуть в этот вечер, — он сказал, что почувствовал себя легче».

После ухода капеллана в камеру № 5 зашел лейтенант американской охраны Джон Уэст для ежевечерней проверки и обыска.

«Все его личные вещи были осмотрены, постельные принадлежности сняты с койки и перетряхнуты, — докладывал Уэст, — матрац перевернут. Ничего запрещенного найдено не было».

Уэст сообщил, что Геринг теперь выглядел «веселым и очень много говорил», но в остальном все было как обычно.

Минуты шли. Слышался шум все новых подъезжающих автомобилей. В офицерской столовой мастер-сержант Вудс сел за ужин. То же самое сделали вызванный из Парижа американский брат милосердия из гражданских и армейский капитан, которым предстояло позаботиться о телах осужденных после их казни. Полковник Эндрюс, который должен был присутствовать в качестве официального свидетеля от США, уже находился в тюрьме, но остальные — представители союзных наций, корреспонденты и два специально приглашенных немецких официальных лица — еще не прибыли. До начала экзекуции было еще четыре с половиной часа.

В девять тридцать появился доктор Пфлюкер и в сопровождении лейтенанта Артура Маклиндена вошел в камеру Геринга. Как и подавляющее большинство американцев — охранников тюрьмы, лейтенант Маклинден не говорил по-немецки, поэтому не мог понять, что Пфлюкер говорил Герингу. Он проследил, как доктор передал Герингу пилюлю, которую он

принял в их присутствии. Потом он пощупал его пульс и поговорил минуты три на немецком. После этого они пожали друг другу руки и расстались.

Пфлюкер и Маклинден были последними посетителями Геринга, и когда дверь камеры № 5 захлопнулась за ними, рядовой 1-го класса Гордон Бингам из роты С 26-го пехотного полка продолжил свое дежурство у дверного оконца. Геринг был уже в своей ночной рубашке и во время визита доктора и лейтенанта оставался в постели.

«Затем я запер камеру и заглянул внутрь, — докладывал позднее рядовой Бингам, — Геринг смотрел на меня, приподнявшись на койке и подавшись к окошку, затем он лег на спину, положив руки по бокам поверх одеяла. С момента, когда Геринг сел в постели с приходом доктора, и до того времени, когда он вытянул руки по бокам, я не мог видеть его левую руку. Он лежал так минут пятнадцать, затем скрестил руки на груди, немного повернув голову влево. Тут я случайно сбил в сторону лампу и был зынужден поправить ее. Когда я заглянул внутрь, он смотрел на меня и показывал на меня пальцами правой руки. Затем он опять положил руку вдоль бока поверх одеяла. Так он лежал минуть пятнадцать — двадцать, потом сложил руки на груди, подержал их так несколько минут, после этого накрыл сложенными руками глаза. Полежав так несколько минут, он опять положил руки на грудь, через короткое время расцепил их и опустил по бокам, потом поднял и сунул правую руку подмышку, поднеся локоть к глазам, затем сложил руки по бокам. Он полежал так минут десять, потом посмотрел на меня и отвернулся. После этого пришла моя смена, возник небольшой шум, и Геринг опять на меня посмотрел. Потом меня сменили и я ушел».

Рядовой 1-го класса Гарольд Джонсон из роты С 26-го пехотного полка заступил на дежурство вместо Бингама точно в 22.30. Он об этом, конечно, не подозревал, но ему оставалось охранять заключенного только шестнадцать минут.

«Я заступил на дежурство как караульный второй смены у камеры Геринга в 22.30, — докладывал потом Джонсон. — В это время он лежал на своей койке на спине с вытянутыми вдоль туловища руками поверх одеяла. Он оставался в таком положении без движений минут пять. Потом он поднял руку со сжатым кулаком, как будто закрывая глаза от света, затем опять положил ее сбоку поверх одеяла. Так он лежал совершенно неподвижно примерно до 22.40, когда сложил руки на груди, переплетя пальцы, и повернул голову к стене».

Видимо, именно в этот момент Герман Геринг и оставил

палача «с носом».

«Он лежал так минуты две-три, — продолжает рядовой Джонсон, — а потом опять вытянул руки по бокам. Было ровно 22.44, так как я посмотрел в этот момент на часы. Примерно через две-три минуты он как будто оцепенел и с его губ сорвался сдавленный вздох».

Джонсон крикнул разводящего сержанта, и тот, стуча ботинками, сбежал по лестнице с верхнего этажа, где находился второй ярус камер.

«Я сказал ему, что с Герингом что-то не так, — сообщал Джонсон, — и он полетел в кабинет администрации. Через несколько секунд он вернулся в сопровождении лейтенанта Кромера (ответственного офицера) и капеллана Тереке. Лейтенант Кромер заглянул в камеру, затем я отпер дверь и он вместе с капелланом зашел внутрь. Я вошел следом за ними и осветил камеру».

Правая рука Германа Геринга свешивалась с кровати, и капеллан Тереке, взяв ее, прощупал пульс.

— Боже правый! — прошептал он. — Этот человек мертв.

…С того самого момента, как Герман Геринг убил себя в ночь казни, люди продолжают гадать, как же ему это удалось. Кто передал ему яд?

На самом же деле ответ весьма прост. Он принес его в нюрнбергскую тюрьму сам. Как потом заявил Альберт Шпеер, надзор за заключенными в нюрнбергской тюрьме нацистами вовсе не был таким строгим, как это думалось полковнику Эндрюсу.

— У меня был тюбик зубной пасты с ядом внутри все время, пока я находился в Нюрнберге, — сказал он, — а потом я взял его с собой в тюрьму Шпандау (где ему предстояло отбыть по приговору двадцать лет). Никому и в голову не пришло заглянуть в него.

Герман Геринг был так уверен, что его яд не найдут, что за четыре дня до своей предполагаемой смерти написал письмо полковнику Эндрюсу с разъяснениями. Это было одно из трех писем, вложенных в единый конверт, который нашли у него под одеялом.

Первое письмо содержало длинное обращение к германскому народу с оправданием его действий и отрицанием обвинений союзников. Второе было коротким и являлось нежным прощанием с Эммой и Эддой Геринг.

Обращение союзники забрали себе и с тех пор так и не представили его для публикации. Прощальное письмо передали Эмме. Третье было таким:

«*Нюрнберг, 11 октября 1946 г.*

Коменданту

Я всегда имел при себе капсулу с ядом с того самого момента, когда меня взяли под арест. Когда меня привезли в Мондорф, я имел *три* капсулы. *Первую я* оставил в одежде, так чтобы ее нашли при обыске. *Вторую* клал под вешалкой, когда раздевался, и забирал, одеваясь. Я делал это и в Мондорфе, и здесь, в камере, так удачно, что, несмотря на *частые* и *тщательные обыски,* ее не нашли. Во время заседаний суда я прятал ее в своих сапогах. *Третья* капсула *все еще* находится в моем чемоданчике, спрятанная в круглой баночке с кремом для кожи. Я мог дважды взять ее с собой в Мондорфе, если бы возникла необходимость. Нельзя винить за это тех, кто меня обыскивал, так как найти капсулу было практически *невозможно.* Так уж получилось.

Герман Геринг.

P. S. Доктор Гилберт сообщил мне, что контрольная коллегия отказала в замене способа казни на расстрел».

В 2 часа ночи 16 октября 1946 года Иоахим фон Риббентроп, заняв место Геринга в качестве главного нацистского лидера, первым отправился на виселицу в гимнастическом зале нюрнбергской тюрьмы. За ним последовал Вильгельм Кейтель, потом Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрайхер, Заукель, Йодль и Зейсс-Инкварт. В 3.15 все было кончено.

Их тела сложили в завешенном брезентом помещении, где представители всех союзных держав осмотрели их и расписались на свидетельствах о смерти. Были сделаны фотоснимки каждого тела, одетого и обнаженного. Потом каждый труп завернули в матрац вместе с последней одеждой, которая на нем была, и веревкой, на которой он был повешен, и положили в гроб. Все гробы были опечатаны.

Пока управлялись с остальными телами, было принесено на носилках и тело Геринга, накрытое армейским одеялом. На нем была бледно-голубая пижама и черные штаны.

В 4 часа утра фобы погрузили в 2,5-тонные грузовики, ожидавшие в тюремном дворе, накрыли непромокаемым брезентом и повезли в сопровождении военного эскорта. В передней машине ехал американский капитан, следом за ними — французский и американский генералы. Потом следовали грузовики и охраняющий их джип со специально отобранными солдатами и пулеметом. Конвой прокатил по Нюрнбергу и, выехав из города, взял направление на юг. Репортеры было решили его преследовать, однако им отсоветовали это делать при помощи пулемета.

Автоколонна, отправившись в темноте раннего, дождливого и туманного утра, была в пути несколько часов, сопровождающая охрана менялась четыре раза, но никто не спрашивал, что было в грузовиках. С рассветом они подъехали к Мюнхену и сразу направились на окраину города к крематорию, владельца которого предупредили о прибытии трупов «четырнадцати американских солдат». Трупов на самом деле было только одиннадцать, но так сказали затем, чтобы усыпить возможные подозрения персонала крематория.

Крематорий окружили, и с солдатами и танкистами оцепления была налажена радиосвязь на случай какой-нибудь тревоги. Всякому, кто заходил в крематорий, не разрешалось выйти обратно до конца дня.

Гробы были распечатаны, тела проверены американскими, британскими, французскими и советскими офицерами, присутствовавшими при казни, для уверенности, что их не подменили по дороге. После этого немедленно началась кремация, которая продолжалась весь день.

Когда и с этим делом покончили, к крематорию подъехал автомобиль, в него положили контейнер с пеплом, и он отправился куда-то в сельскую местность. По-прежнему шел дождь.

Час спустя пепел хозяев «третьего рейха», среди них Германа Геринга, был высыпан на повороте какой-то сельской дороги в мутный поток дождевой воды, бежавшей по придорожной канаве.

Эпилог

Незадолго перед тем как убить себя, Герман Вильгельм Геринг предсказывал, что через полвека его будут помнить как великого человека за тот след, который он оставил в истории, потому что к этому времени немецкий народ осознает, что все, что он совершил за свою жизнь, он делал ради великого германского рейха.

Этот срок недавно прошел, а Германия, да и весь мир сильно изменились за это время. Однако до сих пор немцы так и не собрались возвести ему памятники или называть в его честь улицы и площади; более того, их до сих пор не оставляет комплекс вины за злодеяния нацизма. Вместе с тем в послевоенной Германии наблюдалось одно любопытное явление. Со временем, когда немцы узнали правду о «третьем рейхе» и о людях его возглавлявших, отзываясь о Геринге, они явно отделяли его от Гитлера, Гиммлера, Геббельса и остальных «монстров» в ужасной галерее этого режима. Молодое поколение говорило о нем с неким чувством стыда, что, мол, человек с его происхождением и способностями оказался замешанным в такой банде, а также с сожалением, что он не сумел повлиять на ход событий в лучшую сторону. Военное же поколение по-прежнему вспоминало его с симпатией, уважением и восхищением.

В этом плане характерен один случай. Где-то в 60-е годы состоялись съемки фильма о воздушной войне в 1940 году под названием «Битва за Британию», и режиссер дал указание немецкому актеру, который исполнял роль Геринга, немного сыграть на публику и сделать образ рейхсмаршала смешным. На это актер ответил, что лучше вообще уйдет из фильма, чем пойдет на это. Когда об этом разговоре узнали другие немецкие актеры, они тоже пригрозили покинуть съемки, если из Германа Геринга сделают комического персонажа.

Эти люди не были ни старыми нацистами, ни неонацистами. Это были немцы всех возрастов, и одни играли летчиков люфтваффе, другие — офицеров штаба, третьи — авиамехаников. В жизни они были разными по своему мировоззрению и политическим взглядам, однако все были едины во мнении, что среди нацистских лидеров Геринг отнюдь не был таким, над кем можно потешаться, напротив, к нему следует относиться серьезно и с сочувствием — в том числе из-за разительного очарования его личности и финала, к которому привели его идеалы и амбиции.

Как его будет судить история?

Можно надеяться, что теперь, когда все факты о нем стали

доступны, никто больше не будет думать о Геринге как о клоуне, разряженном хлыще, наркомане, военном преступнике или просто как о еще одном нацисте. Нет, все это в нем было, но вместе с тем его личность гораздо шире.

Герман Геринг обладал человеческими качествами, которые могли сделать его выдающимся и просвещенным лидером в бурлящей Германии межвоенных лет. Заложенные в нем черты окрепли за время пребывания на Западном фронте в годы первой мировой войны, когда и друзья и противники признавали его храбрость, благородство и способности лидера. Он, обладал неистощимой энергией, напором и организаторским талантом. Кроме всего прочего, в нем жила огромная любовь к своей стране и решимость увидеть ее вновь возрожденной после тяжелого поражения. Не может быть сомнений, что присоединиться к Гитлеру в начале 20-х его подвигнул пламенный идеализм.

Как же после этого он позволил вовлечь себя в коварные заговоры, расовые преследования и дикий террор, вошедшие в программу национал-социалистов в 30-е годы? Он не имел личных причин для вражды к евреям и знал, что у спекулянтов, наживавшихся на послевоенной нищете Германии, нет национальности, однако без возражений присоединился к неистовому антисемитизму Гитлера. От природы он был добрым и великодушным человеком и отдал бы свою жизнь, чтобы защитить ребенка или животное, но при этом мирился с ужасными жестокостями, проявляемыми по отношению к миллионам людей, и знал, как справиться с угрызениями совести.

История, вне всякого сомнения, признает, что Герман Геринг был человеком выдающихся дарований и добился значительных успехов. Он создал германские люфтваффе и сделал из них грозную силу, которая, не исключено, могла выиграть для Германии вторую мировую войну в 1940-м, если бы ее использовали так, как он планировал. Он упорно и отчаянно пытался предотвратить войну на Западе в 1939 году и не допустить войны с Советским Союзом в 1941-м. Он был в высшей степени мужественным человеком и встретил войну, боль и в конце — смерть с максимумом выдержки.

Но главной его победой было то, что он сумел лишить судей удовольствия лицезреть свое тело болтающимся на виселице.

Но за всем его бесстрашием и вызывающим поведением скрывалась одна слабость, один недостаток, который не позволяет считать Германа Геринга действительно великим. Это не его тщеславие, от которого, в конечном счете, страдали многие великие люди. Это не его безграничное и не ведающее жалости честолюбие, так как именно оно привело многих великих лидеров

на самый верх. Это не вычурность его одеяний, вызывавшая такое озлобление у его современников, — в наши дни больше презрения вызывает серость. Это даже не его нероновская способность играть при виде горящего Рима на кифаре, правильнее в данном случае сказать, поигрывать драгоценностями и болтать о картинах, в то время как Германия погружается в пучину поражения, потому как чем он мог помочь, когда этот процесс уже начался?

Главная беда, от которой страдал Геринг и за что его неизменно клеймят в исторических книгах, была его трусость. Вот в чем главное его преступление. За время его тесного сотрудничества с Гитлером были моменты, когда он мог изменить курс, которым под руководством национал-социалистической партии следовала к катастрофе германская нация, — речь даже идет не об устранении фюрера. Безусловно, обладая влиянием на Гитлера, второй человек в рейхе путем категоричных возражений и дискуссий с ним мог бы его переубеждать в определенных вопросах. Он же, нередко не соглашаясь в душе, не смел высказывать ему в лицо свое несогласие, прямо объявлять о своем мнении, не совпадающим с мнением фюрера, из страха потерять его расположение, продолжая раболепно следовать его приказам. Великим это, безусловно, не свойственно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Бюлов Бернгард фон. Воспоминания. М., 1935. Козлов А. Парашютные войска Германии 1939–1945. М., 1996.

Типпельскирх К. История второй мировой войны. Спб., 1994.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996.

Koller K., Der letzte Monat. Mannheim, 1949.

M a n V e 11 R., F r a e n k e 1 H.. Herman Goering. 1968. Mosley Leonard. The Reich Marshall. 1974.

O V e r y R. J.. Goering, the «Iron Man». 1984.

От издателей

Обращали ли вы, дорогие читатели, внимание на то, что в словосочетании «Суд истории» почти всегда есть грозное, устрашающее звучание? В нашем сознании сложилось твердое представление: этот суд никогда не оправдывает, а только карает, он непогрешим и несклонен к милости. Он впечатывает имена своих подсудимых черной краской на все времена.

И в то же время открываются потайные архивы, находятся новые свидетели и неизвестные прежде документы, меняется менталитет социальных групп и целых народов. Оценки переосмысливаются, а личности порой приобретают совершенно иной, чем прежде, знак. На нашей памяти каудильо Франко из «кровавого мясника» стал чуть ли не отцом испанской нации. Мы стали свидетелями превращения генерала Пиночета, жестоко свергнувшего в Чили законное правительство Сальвадоре Альенде, в творца экономического чуда. Да и не только за морями-океанами происходят подобные метаморфозы. Немало копий, к примеру, сломано в попытках дать единственную и окончательную оценку выдающемуся военачальнику Георгию Жукову…

Наверное, этому не надо удивляться. Вердикт Суда истории относится к тому времени и тем обстоятельствам, когда этот суд вершится. А это значит, что иные времена и нравы вполне легитимно вносят свои поправки в судебные определения. И только, пожалуй, в одном случае решение Суда истории непререкаемо: когда речь идет о таком мрачном, кровавом и бесчеловечном явлении, как фашизм, национал-социалистический ад, превращающий в пепел не только плоть, но и бессмертную человеческую душу.

Можно расставлять разные акценты в личности героя этой книги. Можно подчеркивать его достоинства и взывать к милости. Однако мы не можем забыть, что и лучшее, и худшее в Германе Геринге одинаково верно служило жестокости и мракобесию и что кровь миллионов жертв фашистского рейха навсегда останется на его расшитом золотом маршальском мундире. В противном случае мы, в конце концов, обезоружим себя, и страшная страница истории может повториться.

Гротов Г.
Герман Геринг — маршал рейха. — М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. — 448 с.: ил. — («Тирания»).

ISBN 5—7390—0583—3 («Олимп»)
ISBN 5—313—00015—2 («Русич»)

Герой книги — нацист №2 рейха Герман Геринг, личность сложная, загадочная, во многом еще не познанная.

«Геринга погубили тщеславие и трусость,» — утверждают большинство биографов рейхсмаршала. Так ли это на самом деле? Перед вами жизнь «железного Германа», «Толстяка», героя Германии и ... узника собственных пороков.

ISBN 5-313-00015-2
9 785313 000152

notes

Примечания

1

Захватывающим *(нем.)*.

2

Прозвище французского солдата.

3

Разумное основание *(фр.)*.

4

Я тебя люблю *(нем.)*.

5

Предмет ненависти, отвращения *(фр.)*.

6

Хайль Толстый! Хайль Толстый! *(нем.)*

7

На месте преступления *(фр.)*.

8

Мистер Бланаингс строит дом своей мечты *(англ.)*.

9

Выстрел милосердия *(фр.)*.

10

Звание полного генерала он получил в качестве личного «подарка» Гинденбурга после того, как стал министр-президентом Пруссии.

11

Невесту *(англ.)*.

12

Зд.: жених (англ.).

13

Игрушечный духовой музыкальный инструмент.

14

Stuka — от *Sturzkampfflugzeug* — «самолет пикирующей атаки» *(нем.)*.

15

Предварительные переговоры *(фр.)*.

16

«Ну да, облегчение! Как после того, как наложил в штаны» *(фр.)*.

17

Положение, существовавшее ранее *(лат.)*.

18

Полностью *(лат.)*.

19

Жак Гудстикер был голландским торговцем живописью, умершим в 1940 году, который оставил после себя собрание картин эпохи Ренессанса и предметов восточного искусства.

20

«Все-таки я человек ренессансного типа» (нем.).

21

Свершившийся факт *(фр.)*.

22

Память все же подвела Геринга, потому что документы показывают, что на самом деле о планах он разговаривал с Гитлером 9 августа 1940 года.

23

Временное соглашение или урегулирование *(лат.)*.

24

Выстрел в затылок *(нем.)*.

25

Да здравствует Толстяк! *(нем.)*

26

Те, кто всегда говорит «да» *(англ.)*.